

Мальтус и его труды

Джеймс Бонар

MALTHUS AND HIS WORK

BY

JAMES BONAR, M.A.

BALLIOL COLLEGE, OXFORD

London

MACMILLAN AND CO.

1885

The Right of Translation and Reproduction is Reserved

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Мальтусе и его трудах

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мальтус и его труды

Автор: Джеймс Бонар

Дата выхода: 16 мая 2022 [Электронная книга № 68099]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Великобритания: Macmillan and co, 1885

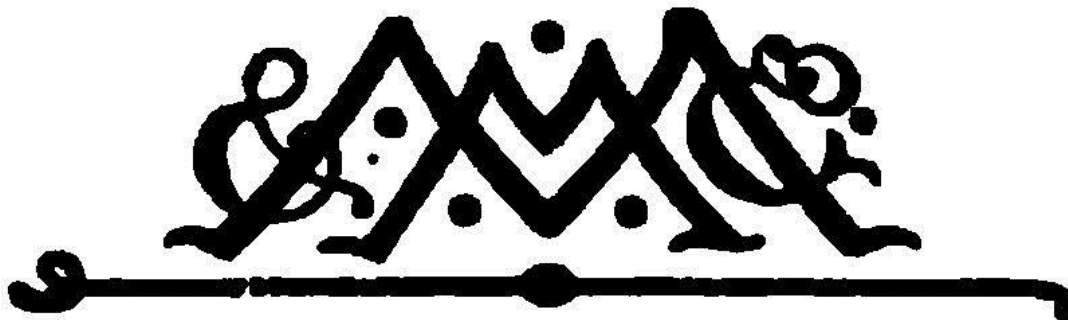
Кредиты: Ричард Тонсинг и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МАЛЬТУС И ЕГО ТРУДЫ" ***

Примечание переписчика:

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

МАЛЬТУС И ЕГО ТРУДЫ

МАЛЬТУС И ЕГО ТРУДЫ

ДЖЕЙМС БОНАР, магистр медицины

БАЛЛИОЛ-КОЛЛЕДЖ, ОКСФОРД

Лондон

МАКМИЛЛАН И КОМПАНИЯ

1885

Право на перевод и воспроизведение сохранено

ЛОНДОН:

Ричард Клей и сыновья,

БРЕД-СТРИТ-ХИЛЛ, КАЛИФОРНИЯ

Профессору Эдварду Кэрду ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА, КОТОРАЯ МНОГИМ ЕМУ ОБЯЗАНА.

Введение.

Из трех английских писателей, чьи работы стали частью всей политической экономии, Мальтус является вторым по времени и чести. Его заслуги перед общей теорией, по крайней мере, равны заслугам Рикардо; и его полная иллюстрация одной конкретной детали будет поставлена в один ряд с лучшей работой Адама Смита.

На следующих страницах подробно будет описана основная тема и общая теория эпизода. Политическая экономия и второстепенные труды Мальтуса (которых немало) будут замечены только в связи с Эссе о народонаселении.

Соответственно, Первая из этих Пяти книг будет посвящена происхождению, истории и содержанию Эссе, погружая читателя *in medias res* и удерживая его там до тех пор, пока факты не вынудят его во Второй книге вернуться вместе с автором к экономической теории. В третьем мы более ясно продемонстрируем мышление Мальтуса, добавив к его экономической теории его этику и политическую философию; а в четвертом, где дело теперь изложено полностью, мы раскритикуем критиков Эссе и попытаемся определить, какая часть его доктрины остается по-прежнему ценной. Пятая книга с ее биографией может помочь читателю связать живую личность этого человека с его произведениями.

Лондон, июнь 1885 года.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Введение	vii
Книга I. ЭССЕ.	
Глава I. ПЕРВЫЕ МЫСЛИ, 1798 г.	1
„ II. ВТОРЫЕ МЫСЛИ, 1803 г.,	45
„ III. ТЕЗИСЫ	60
„ IV. ДИКАРЬ, ВАРВАР И ВОСТОЧНЫЙ,,	85
„ Против СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ"	119
" VI. ФРАНЦИЯ	153
" VII. АНГЛИЯ, ШОТЛАНДИЯ И ИРЛАНДИЯ"	170
Книга II. ЭКОНОМИКА.	
Глава I. ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ	207
„ II. РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК	254
„ III. ВСЕОБЩЕЕ ПЕРЕНАСЫЩЕНИЕ	282
„ IV. НИЩИЙ	303
Книга III. МОРАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	319
„ IV. КРИТИКИ	355
„ V. БИОГРАФИЯ	399

Индекс-428.

МАЛЬТУС И ЕГО РАБОТЫ

КНИГА I. ЭССЕ.

ГЛАВА I.

ПЕРВЫЕ МЫСЛИ, 1798 ГОД.

Обычная карикатура—Эссе "Исследование бедности народов"—"Политическая справедливость и исследователь" Годвина—Два постулата и выводы из них—Набросок Кондорсе о прогрессе человеческого разума—Органическое совершенствование человека и его препятствия—Исторический контекст эссе—Кризис—"Бедный билль" Питта—Мальтус и его учителя—Объясненный успех—Теология и метафизика—Недостатки эссе—Непосредственная цель достигнута.

Он был "человеком эпохи, над которым больше всего издевались". Сам Бонапарт не был большим врагом своего вида. Передо мной был человек, который защищал оспу, рабство и детоубийство; который осуждал бесплатные столовые, ранние браки и приходские пособия; который "имел наглость жениться после проповеди против пороков семьи"; который считал, что миром управляют так плохо, что самые благие поступки приносят наибольший вред; который, короче говоря, вычеркнул из жизни всю романтику и произнес скучную проповедь на затаканном тексте— "Суета сует, все суета". Таков был характер Мальтуса, описанный его оппонентами.

Если разгневанный человек, вероятно, неправ, то жестокий человек, безусловно, неправ; и когда не один или два, а одна или две тысячи вовлечены в жестокое обращение, уверенность приравнивается к демонстрации. Мы можем оценить разумность логики жертвы по силе личных нападков, нанесенных ей. Для большинства мирских целей быть проигнорированным и быть опровергнутым - это одно и то же.

Мальтус с самого начала не был проигнорирован. В течение тридцати лет сыпались опровержения. Вопрос, как он его сформулировал, был тщательно проработан. Эссе о населении выдержало при жизни автора шесть изданий (1798, 1803, 1806, 1807, 1817, и 1826); даже между первым изданием в 1798 году и вторым в 1803 году было более десятка "Ответов"; и обсуждение продолжалось в частной переписке, а также в публичных журналах и парламентских выступлениях. Дело было всесторонне аргументировано; и никто, кто справедливо оценивает масштабы дискуссии и способности спорящих, не может не поверить, что в протоколах этого спора у нас есть достаточно материалов для формирования нашего собственного суждения по всему спорному вопросу.

Такой привилегией пользуются редко. У мира нет времени консультироваться с авторитетами, хотя ему нравится, когда они находятся в пределах досягаемости для консультаций. Когда автор становится авторитетом, его слишком часто перестают читать, и его доктрины, подобно разменной монете, изнашиваются до тех пор, пока не теряют четкого изображения и надписи эмитента. Таким образом, имя автора может наводить на мысль не о его собственной книге, а о текущей версии его доктрин. Мальтус становится мальтузианством, Дарвин — дарвинизмом; и если бы имя Адама Смита было более гибким, оно тоже стало бы эпитетом.^[1] Как бы то ни было, Адам Смит оставил книгу, которую "все хвалят, но никто не читает", Мальтус - книгу, которую никто не читает и все ругают. Ругань, к счастью, не совсем единодушна; но несомненно, что Мальтусу долгое время приходилось хуже, чем Кассандре, поскольку его предупреждениям не верили, не будучи услышанными или понятыми. Мисс Мартино в детстве слышала, как его

осуждали “очень красноречиво и убедительно люди, которые никогда не видели ничего, кроме внешнего”^[2] его книги. Это было в 1816 году; и когда позже она сама навела о нем справки, то не смогла найти никого, кто читал его книгу, но десятки людей могли “привести убедительные аргументы об этом и по поводу” или написать сентиментальные памфлеты на предполагаемые мальтузианские темы. Эта беспечность была свойственна не только широкой публике; она заразила ученых. Ничто так ясно не показывает, как политическая экономия или, по крайней мере, один из ее вопросов, вышел на улицы и стал обычным развлечением. Даже Нассау Уильям старший, возможно, самый выдающийся профессор политической экономии своего времени, с раскаянием признался, что в знании мальтузианской доктрины он больше доверял своим ушам, чем глазам, и написал ученую критику не мнения м-ра Мальтуса, а того, что “множество последователей и те немногие, кто пытался противостоять” м-ру Мальтусу, приняли за его мнение.^[3]

“Мнение”, которое так представляют себе старшие и большинство, по-прежнему является нынешним мальтузианством. Предполагается, что мальтузианец запрещает все браки. Мистер Мальтус должен был верить, что “желание брака, которое ведет к увеличению численности населения, является более сильным принципом, чем желание улучшить наше положение, которое ведет к увеличению средств к существованию”.^[4] Это означало, как сказал Саути, что “Бог создает мужчин и женщин быстрее, чем Он может их прокормить”. Старая пословица тогда была неверной: Провидение не посылает мясо туда, куда Оно посылает рты; напротив, Оно посылает рты туда, куда Оно посылает мясо, так что бедняки никогда не покинут страну, ибо, какой бы обильной ни была пища, брак вскоре сделает людей бедными. столь же обильные. Это вопрос простого деления. Состояние, которое является богатством для одного, не даст комфорта десяти или скрасит жизнь двадцати. Мораль такова: для всех, кто собирается жениться, “Не надо”, а для всех государственных деятелей - “Не поощряйте их”.

В этой карикатуре было достаточно правды, чтобы не допустить мгновенного обнаружения, и ее жизнеспособность обусловлена большей легкостью понимания и, следовательно, большим удовольствием от слушания пустого отрицания или пустого утверждения по сравнению с необходимыми квалификациями научного утверждения. Однако следует сказать правду, что Мальтус и остальной ученый мир в коем случае не были в полном разладе. Он всегда относился к враждебно настроенным экономистам как к возможному союзнику. Он продолжал дело их общего Основателя. В Эссе о народонаселении он исследовал природу и причины бедности, подобно тому, как Адам Смит исследовал природу и причины богатства. Но сам Мальтус не предполагал, что одно должно быть простым дополнением к другому. Он не подходил к предмету с чисто научной стороны. Он не посвятил долгие годы путешествий и размышлений подготовке экономического трактата. Адам Смит написал свои Моральные принципы за семнадцать лет до своего более крупного труда. Когда он писал последнее, за ним стояла академическая и литературная репутация; и он оправдал справедливые ожидания публики, представив им в двух томах “Богатства народов” объемом кварто свои окончательно сформированные и полностью переваренные выводы и рассуждения (1776). Мальтус, напротив, завоевал свою репутацию смелым и внезапным ударом, за которым последовало много последующих действий. Его эссе было анонимным памфлетом, посвященным политической полемике, и должно было пролить свет политической экономии на политическую философию того времени. Что бы ни содержалось в эссе помимо политики, и как бы далеко автор в конечном итоге ни путешествовал в более поздних изданиях, нет никаких сомнений в первоначальном происхождении самого эссе. Дело было не в том, как нам иногда говорят, что,

будучи добросердечным священнослужителем, он взялся за работу, чтобы выяснить, правильно ли, в конце концов, увеличивать численность населения, не заботясь его качества. В 1798 году Мальтус, без сомнения, был посвящен в священный сан и занимал должность викария в Олбери; но, похоже, он никогда не был более чем викарием. Виги предлагали ему средства к существованию в последние годы его жизни, но он передал их своему сыну;^[5] и мы сильно ошиблись бы, если бы предположили, что его книга не более, чем "Развлечения сельского священника". "Парсон" в его случае был титулом без *роли*, а бессмертное прозвище Коббетта очень несчастливое.^[6] В нем было едва ли больше от священника, чем в Кондильяке аббата. В 1798 году законопроект Питта о предоставлении льгот многодетным семьям и, таким образом, стимулировании численности населения, без сомнения, находился на рассмотрении страны; но этим эссе мы обязаны не Уильяму Питту, а Уильяму Годвину. Измененный аспект книги в ее более поздних изданиях не должен закрывать нам глаза на действительную причину ее первого появления.

Томас Роберт Мальтус окончил Кембридж как девятый философ в 1788 году, на двадцать втором году своего совершеннолетия. В 1797 году, после получения стипендии в колледже Иисуса, ему довелось провести некоторое время в доме своего отца в Олбери в графстве Суррей. Отец и сын обсуждали насущные вопросы: младший нападал на якобинство, старший защищал его. Даниэль Мальтус был другом и душеприказчиком Руссо и горячо верил в человеческий прогресс. Роберт написал трактат вигов, который он назвал "Кризис", в год нового займа Питта и итальянской кампании Наполеона (1796); но он не опубликовал его, и его взгляды еще не определились. Мы можем быть уверены, что двое мужчин не щадили друг друга в споре. По словам Мальтуса-старшего, Роберт тогда, если не в другое время, "бросал маленькие камешки" в свой огород. Старик должен обладать терпением Иова, если он может спокойно смотреть на молодого человека, нарушающего его идеалы. Но в данном случае он, по крайней мере, признавал силу пращника и не держал на него зла, хотя и не дожил до того, чтобы быть завоеванным уступками во втором эссе (1803). О том, что Роберт, со своей стороны, не испытывал недостатка в уважении, свидетельствует возмущенное письмо, написанное в феврале 1800 года, после смерти его отца, в ответ на предполагаемую пренебрежительность газетной статьи.^[7]

Дебаты у камина в том году (1797) получили новое содержание. Уильям Годвин, бывший священник, журналист, политик и романист, чье политическое правосудие было открыто "порождением революции",^[8] написал новую книгу "Инкуайрер", в которой многие из его старых позиций предстали в новом свете. Отец считал делом чести защищать Инкуайрера; сын играл роль адвоката дьявола, отчасти из убежденности, отчасти ради аргументации; и, как часто бывает в подобных случаях, Роберт обнаружил, что его доводы сильнее, чем он думал. Испытывая сильное давление со стороны умелого оппонента, он был вынужден под влиянием момента использовать аргументы, которые раньше не приходили ему в голову и о которых Кризис ничего не знает. В более спокойные моменты он следил за ними до их выводов. "Дискуссия", - сообщает он нам,^[9] "положила начало общему вопросу о будущем улучшении общества, и автор сначала сел с намерением просто изложить свои мысли своему другу на бумаге в более ясной манере, чем, как он думал, он мог бы сделать в беседе". Но тема открылась для него, и он решил опубликовать. Это простая история публикации Эссе о населении, сведенная к самым простым терминам. В то самое время, когда лучшие люди в обоих мирах говорили только о прогрессе, Мальтус увидел впереди скалы. Французские и английские реформаторы с нетерпением ждали золотого века совершенного равенства и счастья; Мальтус

видел на этом пути непреодолимую трудность и отказался приставлять подзорную трубу к своему слепому глазу.

Кассандра существовала еще до Мальтуса, и даже в том же столетии. Доктор Джон Брукнер из Норвича писал в том же духе в своей Теории систем животных в 1767 году;^[10] а несколькими годами ранее (в 1761 году) доктор Роберт Уоллес, писавший о различных перспективах человечества, природы и Провидения, говорил об общности благ как лекарстве от болезней человечества, а затем обнаружил, что очень скрепя сердце, возникает одно фатальное возражение — чрезмерное население, которое за этим последует. Мужчины всегда склонны жениться и размножаться до тех пор, пока еды не станет едва хватать, чтобы прокормить их всех. Это возражение со времен Уоллеса стало обычным возражением, на которое должен был ответить каждый создатель утопий. Мальтусу оставалось показать, насколько близка эта трудность к абсолютной безнадежности, и переложить бремя доказательства на другую сторону. Как "Богатство наций" изменило существующую презумпцию в пользу вмешательства на презумпцию в пользу свободы в вопросах торговли, так и "Эссе о населении" изменило презумпцию в пользу сторонников прогресса на презумпцию против них. Возможно, это не описывает конечный результат эссе, но это правдивое описание его непосредственного эффекта. Люди слышали об этом возражении и раньше; только сейчас они начали считать его убедительным.

Как Годвин пытался справиться с этим, когда оно все еще находилось в руках более слабых людей и, следовательно, не имело решающего значения? Он не мог игнорировать это. В своей работе "Политическая справедливость" (1793) он обрисовал в общих чертах "простую форму общества без правительства" по принципу Тома Пейна, который также был общепринятым якобинским девизом: "Общество создается нашими желаниями, правительство - нашим злом".^[11] Он говорит, придерживаясь господствующей философии, что человек рождается пустым, и его внешние обстоятельства делают его добрым или злым. Благодаря человеческим институтам, особенно юристам, монархам и государственным деятелям, внешние обстоятельства, по его словам, настолько плохи, насколько это вообще возможно. Неравенство существует повсюду. Великая бедность соседствует с великим богатством, великая тирания - с великим рабством. Точно так же лучший из его романов, "Калеб Уильямс" (1794), рассказывает нам, как "вещи как они есть" позволяют богатому грешнику преследовать бедного праведника. Но он не пессимист. Политическая справедливость не заканчивается констатацией зла. Далее показано, что в конце концов истина победит; люди прислушаются к разуму, они откажутся от своих нынешних законов и сформируют общество без закона, правительства или какой-либо силы; в подобных вещах не будет необходимости, когда каждый человек прислушается к разуму и будет довольствоваться простой жизнью и возвышенными мыслями. В Израиле не будет царя; каждый человек будет делать то, что правильно в его собственных глазах. В нашем нынешнем обществе, говорит Годвин, виновато распределение, а не производство. Богатства более чем достаточно для всех, но оно не распределяется между всеми. У одного человека слишком много, у другого мало или вообще ничего. В новом обществе разум все это изменит. Разум подсказывает нам, что если мы поровну разделим не только блага этой жизни, но и труд по их изготовлению, то мы обеспечим производство, вполне достаточное для нужд простых людей, ценой, возможно, получасового труда в день каждого из них.^[12] Следовательно, у каждого из них будет досуг, который является истинным богатством, и он будет использовать это время для собственного морального и интеллектуального совершенствования. Таким образом, благодаря

всемогуществу истины и силе убеждения, а не какому-либо насилию или силе меча, совершенство и счастье со временем будут установлены на земле.

Годвин не внес существенных изменений в эти взгляды ни в более поздних изданиях "Политической справедливости" (1796 и 1798), ни в "Инкуайрере" (1797). "Среди неверующих верен только он", когда разгул Террора сделал даже сэра Джеймса Макинтоша (не говоря уже о епископах Уотсоне, Саути и Вордсворте) вялым реформатором. Ничто в жизни Годвина не вызывает большего восхищения, чем совершенная уверенность, с которой он крепко держится за свою старую веру в демократические принципы и способность человека к совершенствованию. Если это упрямство, то оно очень похоже на преданность; и, возможно, единственный автор, проявляющий такое же постоянство, - Кондорсе, жирондист, приговоренный к смерти и пишущий в своем укрытии, почти на глазах у Конвента, свою страстную книгу о прогрессе Рода Человеческого. Ничто, кроме невероятной искренности и абсолютной глубины убеждения, не могло позволить этим людям продолжать защищать обесчещенное дело. У них не было величайшего испытания мученика - сомнений в его правоте. Огромное впечатление, произведенное их работами, былопризнаком того, что, поскольку они сильно чувствовали, они мощно писали. Мальтус, который опроверг их оба, извинился за серьезную критику явной экстравагантности Кондорсе, сказав, что у Кондорсе много последователей, которые сочтут его неопровержимым, если на него не ответят особо.^[13] Мистер Самнер, писавший о Годвине в 1816 году, говорит, что, хотя его книга ("Политическая справедливость") устаревала, она по-прежнему оставалась "самым талантливым и наиболее известным изложением" доктрин равенства, которые когда-либо появлялись в Англии.^[14] Его справедливо называли "первым учебником философских радикалов". Фактический эффект от него нельзя измерить количеством проданных копий при его первом появлении. Годвин сделал его недоступным для обычных демократов, установив цену в три гинеи. В 1793 году многие из тех, кто был бы его самыми внимательными читателями, не смогли бы заплатить за него и трех шиллингов. Но это событие доказало его мудрость для своего поколения. Тайный совет решил, что они могут спокойно терпеть столь дорогую книгу; и небольшая аудитория, даже среди богатых, была лучше для Годвина, чем судебное преследование, которое могло означать изгнание и отсутствие аудитории вообще.^[15] У немногих писателей наших дней есть столь веское оправдание для того, чтобы сделать себя недоступными для бедных. Однако Годвин, как и Рескин, добрался до бедных, несмотря на то, что старался избегать их. Он просочился в массы, и его труды стали политической и литературной силой в Англии, задолго до того, как у него появился поэтический зять, который принес ему отраженную славу. Если о биологическом виде следует судить по его лучшей особи, то Годвин лучше Пейна представляет класс политических писателей, к которому они оба принадлежат; и многие пали вместе с Годвином, когда он пал перед Мальтусом.

"Инкуайрер" был менее популярен, чем "Политическое правосудие". Часть очарования последнего, несомненно, заключалась в тщательно продуманной полноте и систематическом порядке всей дискуссии. Фундамент был заложен в психологии Локка, а затем здание возводилось, камень за камнем, пока не было закончено все целиком. Но в "Инкуайрере" неприязнь Годвина к закону распространилась даже на форму сочинения. По его словам, он был неправ, пытаясь написать систематический трактат об обществе, и теперь он ограничится отдельными эссе, полностью экспериментальными и не обязательно гармонирующими друг с другом. "Он (автор) продвинул этот принцип так далеко, что не был серьезно обеспокоен несоответствием, которое может быть обнаружено между рассуждениями одного эссе и

рассуждениями другого”.^[16] Контраст между этими двумя стилями подобен контрасту между цельной ораторией и разнородным концертом или между законченным стихотворением и томом отрывков.

Мысли были те же, хотя и утратили свое привлекательное выражение. Эссе о скупости и расточительности^[17] сообщает нам, среди прочего, что “состояние культивируемого равенства - это то состояние, которое в рассуждениях и теории кажется наиболее соответствующим природе человека и наиболее способствующим широкому распространению счастья”. Это было эссе, которое привело Мальтуса и его отца к их плодотворному спору. Эссе о богатстве и бедности и эссе о нищих,^[18] содержат другие приложения той же идеи со множеством морализаторских отступлений. Годвин не утратил своего милого утопического видения; он не уступил возражениям, поставившим в тупик доктора Роберта Уоллеса; он думает, что устранил все возражения.

Он отвечает им^[19], прежде всего, говоря: “В природе человеческого общества есть принцип, благодаря которому кажется, что все стремится к своему уровню”, если не вмешиваться; и население страны, предоставленное само себе, кажется, увеличивается не только за счет продовольствия. Но, во-вторых, если предположить, что вещи не находят своего уровня таким образом, земля широка и злой день далек. Могут потребоваться мириады столетий, чтобы возделывать невозделанные акры и заселить пустую землю людьми, и многое может произойти до того времени. Фактически, он рассматривает этот вопрос так, как многие из нас рассматривают вопрос о наших поставках угля. Прежде чем она будет исчерпана, мы можем перестать в ней нуждаться.^[20] Сама земля, возможно, рухнула вместе со всеми ее обитателями. Не будем отказываться от настоящего благословения из-за страха перед отдаленной опасностью в будущем. Кроме того, не так уж трудно представить защиту. Франклин говорит, что “однажды разум станет всемогущим над материей”.^[21] почему не из-за материи наших собственных тел ? Разве телесное здоровье не зависит в значительной степени от ума?

“Веселое сердце живет весь день;

Твои жалкие шины через милую, О!”

Возможно, придет время, когда мы будем настолько полны жизни, что не будем спать, и настолько полны жизни, что не умрем. *Потребность* в браке будет заменена земным бессмертием, а *желание* этого - развитием интеллекта. На обновленной земле будущего не будет ни женитьбы, ни выдвижения замуж, но мы будем подобны ангелам. “Весь мир будет состоять из мужчин, а не из детей. Поколение не сменит поколение, и истине не придется в определенной степени возобновлять свою карьеру каждые тридцать лет. Можно ожидать, что другие улучшения будут идти в ногу со здоровьем и долголетием. Не будет ни войны, ни преступлений, ни отправления правосудия, как это называется, ни правительства. Кроме этого, не будет ни болезней, ни тоски, ни меланхолии, ни обиды. Каждый человек будет с невыразимым рвением стремиться к всеобщему благу”.^[22]

Эта сладкая мелодия очаровывала публику в течение четырех или пяти лет, когда Мальтус осмелился прервать ее своим скромным анонимным эссе о принципе народонаселения, поскольку он влияет на будущее улучшение общества. Автор утверждает, что он такой же искренний филантроп, как мистер Годвин, но он не может позволить своему желанию стать отцом мысли и верить в будущее совершенство вопреки очевидности. Чтобы доказать

истинность теории, говорит он, недостаточно показать, что вы не можете доказать ее противоречие или что вы можете доказать ее полезность. Было бы очень полезно иметь глаза по обе стороны головы, но это не доказывает, что они у нас будут. Если бы вы сказали мне, что человек становится крылатым существом, подобным страусу, я бы не сомневался, что крылья были бы ему очень полезны, но я вряд ли поверил бы вашему пророчеству без каких-либо доказательств, помимо простых восхвалений полета. Я должен попросить вас показать ощутимые признаки того, что в его теле и привычках происходили такие изменения, что его шея удлинялась, губы твердели, а волосы становились пушистыми. Точно так же, когда вы говорите мне, что человек становится чисто интеллектуальным существом, довольным простой жизнью и возвышенным мышлением, я вижу, что в этих изменениях могут быть преимущества, но я прошу найти признаки того, что они происходят. Я не вижу ничего подобного; но, напротив, я вижу веские причины верить в его невозможность. Предоставьте мне два постулата, и я опровергну ваше тысячелетие. Первое заключается в том, что пища необходима; второе - в том, что инстинкт к браку постоянен. Никто не отрицает первого, а отрицание Годвином второго является чисто догматическим. Он не предоставил нам никаких доказательств. Люди, без сомнения, достигли прогресса в других отношениях; они перешли от варварства к цивилизации. Но в отношении второго постулата они сейчас такие же, какими были 4000 лет назад. Отдельные исключения по-прежнему остаются отдельными исключениями. Следовательно, я обязан верить в истинность моих постулатов и делаю из них вывод о невозможности вашего тысячелетия.

Вы говорите об обществе, продолжает он, где всем членам одинаково комфортно и они чувствуют себя свободно. Предположим, что она установится, она не сможет длиться долго; она распалась бы на куски из-за одного только принципа народонаселения. Семь лет изобилия были бы сразу же поглощены семью годами нужды. Доказательство этого короткое и решительное: —Численность населения, когда ее не контролировать, увеличивается в геометрической пропорции; прожиточный минимум - только в арифметической. “Небольшое знакомство с числами покажет необъятность первой степени по сравнению со второй”.^[23] “Раса растений и животных сокращается под действием этого великого ограничительного закона, и раса людей никакими усилиями разума не может избежать его. Среди растений и животных его последствиями являются растрата семян, болезни и преждевременная смерть, среди людей - несчастье и порок”, первое необходимо, второе вероятно. Сейчас, в старых странах Европы, численность населения никогда не бывает неконтролируемой. Она сдерживается нехваткой места и еды. Порок и нищета, а также страх перед ними всегда “уравнивают” численность людей с их продовольствием. В Новом Мире, “в поле зрения соседей”, меньше препятствий для ранних браков; больше места и больше еды; тяжелая работа - единственное условие счастливой жизни. Но даже там численность населения не является полностью неконтролируемой; тяжелая работа, по крайней мере, будет мешать воспитанию детей; и люди, какими бы удобными они ни были, находятся не на самом высоком уровне комфорта или чистоты и простоты жизни; тогда как, по предположению Годвина, воображаемое общество - это все это. Следовательно, если население старой Европы удваивает свою численность раз в столетие, а население новой Америки (по крайней мере, в Соединенных Штатах) - раз в двадцать пять лет, мы можем быть уверены, что в тысячелетнем обществе Годвина

“Там, где все приличны и хорошо себя ведут,

И все свободны от печали и боли”,

рост был бы намного быстрее. “Досуг”, о котором он говорит, скоро исчез бы, и старая борьба за хлеб, старое неравенство рангов и собственности снова стали бы повседневными. У нас должно снова быть общество нашего типа, с его хозяевами и слугами, землевладельцами и арендаторами, богатыми и бедными.^[24]

Следовательно (утверждает автор эссе), если общество Годвина однажды было создано, оно не могло существовать вечно. Но мы допускаем слишком многое, предполагая, что оно когда-либо может быть создано. Мы не можем верить в это и верить во второй постулат одновременно; а второй постулат настолько достоверен, что мы можем предсказывать с его помощью. Таким образом, те же причины, которые могли бы разрушить новообразованное общество Годвина, помешают ему вообще когда-либо сформироваться. “Страсть между полами, по-видимому, во все века была настолько одинаковой, что на алгебраическом языке ее всегда можно рассматривать как заданную величину”.^[25] Несмотря на хныканье стариков и *русистов*, “удовольствия чистой любви принесут размышления о самом совершенном разуме и самой возвышенной добродетели”.^[26] Годвин рассматривает вопрос в сухом, интеллектуальном свете и просит нас абстрагироваться от всех деталей, прежде чем мы составим оценку страсти, о которой идет речь. Тогда один мужчина или одна женщина будут ничем не хуже другого. Но с таким же успехом он мог бы сказать нам, чтобы мы оборвали все листья, прежде чем оценивать наши симпатии к деревьям. Мы восхищаемся не голым шестом, а целым деревом, деревом со всеми “сопутствующими обстоятельствами” ветвей и листвы. С таким же успехом можно лишить магнит его главной силы притяжения, а затем попросить признать его таким же слабым, как и другие минералы.^[27] Факт в том, что обширный дискурс человека, который отличает его от животных, заставляет его скрывать брачный инстинкт под массой “сопутствующих обстоятельств”, прежде чем он позволит ему увлечь себя. Он не будет подчиняться инстинкту просто *более жестоко* или по-звериному, потому что чувствует его. Но он не уничтожен, а только замаскирован. Эта любовь не является чисто интеллектуальной. Разум с его расчетом последствий может спасти человека от злоупотребления страстью, но не может уничтожить саму страсть;^[28] и (он мог бы добавить) его “взгляд до и после” включает в себя воображение, а также мысль. Примите эту страсть такой, какая она есть, - это может быть обожание набора аксессуаров; она никогда не исчезнет из мира.

Какой вывод следует из этой жизнерадостной предпосылки? Не совсем жизнерадостный: куда бы Провидение ни послало мясо, Оно пошлет и рты. Везде, где у людей есть комната и пища, они будут жениться и умножать свою численность, пока не превысят пределы того и другого и не начнут ожесточенную борьбу за существование, в которой смерть является наказанием за поражение. Годвин и вся французская школа печально ошибаются, приписывая все неравенство человеческим институтам; виновата человеческая природа, и без какой-либо искусственной помощи эта единственная страсть человеческой природы станет постоянной причиной неравенства, самым серьезным препятствием на пути его устранения.^[29] У доктора Роберта Уоллеса было больше мудрости, чем он предполагал.

Изучите значение этого аргумента и его заключение. Он включает в себя ответ на первую защиту Годвина против Уоллеса. Здесь есть нечто очень похожее на закон природы, истину в прошлом, настоящем и будущем, или, другими словами, истину, которая, будучи научной, вообще не должна формулироваться в терминах времени: “Там, где увеличиваются блага, увеличиваются те, кто их съедает”. “Борьба за существование” (Мальтус использует именно это выражение) является настоящим фактом, поскольку она была фактом прошлого и будет фактом

будущего. Риторические ссылки на широту мира и возможности веков не приносят никакой пользы.^[30] В наши дни и на нашей земле мы видим, как люди размножаются до предела, а “великий ограничительный закон” не позволяет им, как и всем другим животным, размножаться сверх этого предела.^[31] В наши дни и в нашей стране мужчины вступают в брак, когда не могут прокормить семью; дети, которых они не могут прокормить, умирают от голода или болезней, если не мешает благотворительность общества; — или же страх нищеты заставляет мужчин избегать брака, для которого у них нет средств, а их безбрачие, чистое или нечистое, удерживает численность людей на одном уровне с количеством продуктов питания.^[32] Сам Годвин написал так многословно: “В человеческом обществе существует принцип, согласно которому население постоянно удерживается на уровне средств к существованию”.^[33] Почему он не сделал еще один шаг и не выяснил, что это за принцип?^[34]

Дело в том, что Годвин был одновременно интеллектуально оптимистичен и эмоционально холоден. Его идеалом был бы человек “с большим умом и без привязанностей”; и когда он писал “Политическую справедливость”, он не осознавал своего собственного недостатка. Позже он не только осознал это, но и стремился избавиться от этого. В своих мемуарах о своей жене Мэри Уолстонкрафт (1798) и в “Истории Святого Леона” (1799), человека, который нашел философский камень и стал, к своему собственному сожалению, бессмертным на земле, он признается, что до сих пор слишком мало думал о чувствах как элементе человеческих действий. Если в Мэри было слишком много от Вертера, то в ее муже было слишком мало. Подобно Кондорсе (и подобно Баклю), он считал цивилизацию чисто интеллектуальным движением. Он догматизировал всемогущество истины и разума и сделал вывод о росте совершенного общества. Он догматизировал развитие интеллекта и сделал вывод о земном бессмертии. Более того, в “Мемуарах” и в “Сент-Леоне”, если он и добавил немного к своим доктринам, то почти ни от чего не оторвался, даже в отношении бессмертия.

Святой Леон несчастен только потому, что его дар присущ только ему самому; бессмертие, общее для всех, было бы приемлемо для всех. Мафусаил не был бы меланхоликом среди допотопных жителей. Вероятно, такова была позиция Годвина. Простая вера в возможность земного бессмертия не была чем-то необычным; Годвин осторожно причисляет Бэкона к числу ее сторонников.^[35] Мальтус, вероятно, был прав, объясняя это бессознательным влиянием христианства,^[36] хотя прогресс новой науки химии во времена Годвина, возможно, имел к этому большее отношение, а религия Годвина никогда не была чем-то большим, чем голый теизм.^[37] Он принадлежал Холкрофту, одному из самых близких друзей Годвина,^[38] и это была важная часть наброска Кондорсе о прогрессе человеческого Духа.

В “Дни террора” (1794) Кондорсе из своего убежища на улице Сервандони писал об “органическом совершенствовании человека”. Он надеялся, что медицина и искусства и науки в целом изгонят болезни и продлят человеческую жизнь “на неопределенный срок”.^[39] Годвин полагался на внутреннее развитие ума, а не на внешние приспособления.^[40] Но разными путями они прибывают на один и тот же конечный пункт и получают там от своего великого критика почти одинаковый прием. Мальтус указывает Годвину, что нет никаких признаков того, что тело становится подчиненным разуму. Даже философы, сказал он (и писал он с чувством, поскольку на момент написания у него был недуг), не могут терпеливо переносить зубную боль,^[41] и даже веселое сердце не позволит слабому человеку пройти так же быстро и так же далеко, как сильному человеку. В человеческом теле нет никаких изменений, и отношение ума к нему практически не меняется. Обращаясь к Кондорсе, он просто указывает, что, хотя искусство

сделало продление жизни “неопределенным”, это не означает “бесконечным”. Садоводы могут выращивать гвоздики “неопределенно” большой величины; ни один человек никогда не сможет сказать, что он видел самую большую гвоздику, которую когда-либо выращивали; но вот что он может сказать, так это то, что гвоздика никогда не будет такой большой, как капуста. Предел есть, хотя он и не определен, и есть предел также удлинению человеческой жизни, хотя никто не может установить его до года. Следовательно, Кондорсе доказал земное бессмертие только неправильным употреблением слова “бессмертный”. Он не показал никаких органических изменений в человеке, которые доказывали бы возможность совершенства в этом мире. Кондорсе также не опроверг возражение, беспокоившее доктора Уоллеса. Это правда, что, как и Годвин, он сталкивается с трудностями и признает их важность.^[42] Рост населения всегда будет, по его словам, вызывать неравенство; всегда будет богатый праздный класс и бедный промышленный класс; и для облегчения тягот последнего должен существовать Государственный страховой фонд, который обеспечит поддержку всем беднейшим гражданам. Но нельзя не думать, что если все будут уверены в поддержке, то все женятся, а если все выйдут замуж, не увеличатся ли трудности?^[43] Да, Кондорсе соглашается с этим; цифры скоро будут слишком велики, и поэтому на протяжении веков будут наблюдаться “колебания” между благами прогресса и злом перенаселенности, то одно преобладает, то другое. В отчаянии он хватается за старую логическую идею “день далек”, но чувствует, что она его подводит, и вынужден предложить собственное новое и поразительное решение, которое Мальтус открыто осуждает.^[44] Здесь не место обсуждать вопросы, связанные в наше время с неомальтузианством.^[45] Но не подлежит никакому сомнению, что неомальтузианцы - дети не Роберта Мальтуса, а Роберта Оуэна. Мальтус был Мальтусом не потому, что сказал: “Людей слишком много; сократите их численность”, — так же как Дарвин был Дарвином не потому, что сказал: “Виды не создаются, а растут”. Если дарвинистов следует судить по Дарвину, то мальтузианцев следует судить по Мальтусу; и оригинальность ни Мальтуса, ни Дарвина нельзя объяснить одной фразой. Мы не можем понять значение слов автора, а тем более его работы, пока не узнаем контекст, в котором они помещены. Стоит нам узнать контекст, и мы поймем текст. Дьявол, цитирующий Священное Писание для своей цели, преуспевает только потому, что он никогда не цитирует полностью.

Отсюда следует, что для понимания полного значения эссе мы должны выйти за рамки его эффективной причины и взглянуть на его материальную причину или на все обстоятельства, при которых оно было написано. Если текст проповеди был написан Годвином и Кондорсе, то обращен он был к бедным Англии и филантропам, которые пытались помочь им.

Ранняя жизнь Мальтуса, по большей части совпадающая со второй половиной восемнадцатого века, совпадает с величайшей промышленной революцией в Англии. Мальтус родился в 1766 году, через три года после заключения Парижского мира. На какое-то время иностранным войнам был положен конец, и торговля начала набирать обороты. Открытия угля и железа в Северной Англии, шедшие рука об руку с изобретениями хлопкопрядения и ткачества, начали превращать беднейшие графства в богатейшие, нарушая политическое равновесие. Новая наука химия начала доказывать свою полезность. Веджвуд совершенствовал свою фаянсовую посуду, Бриндли прокладывал каналы, Телфорд прокладывал дороги, Уатт строил паровые машины. Англия во времена Римской Империи была житницей; в более поздние века она была пастбищем; теперь она становилась страной машин и мануфактур, а также центром внешней торговли. Другими словами, она начала промышленные изменения, которые до тех пор были величайшими в ее истории и изобиловали самыми волшебными усовершенствованиями. Но на

ранних стадиях перемен их негативные последствия ощущались почти так же сильно, как и положительные. Страдания перемещенных рабочих и анархия новой фабричной системы, вытесняющие домашний труд и заставляющие слово “производитель” забыть свою этимологию,^[46] были реальным злом, пусть и преходящим. В сочетании с общедемократическим влиянием экспансивной обрабатывающей промышленности они легко могли вызвать социальные потрясения в те дни, не имевшие экстраординарных достоинств; и своим спасением страна была в некоторой степени обязана евангелическому движению под руководством Уайтфилда и Уэсли, которое было фатальным одновременно для религиозного оцепенения и политического возбуждения.^[47] Неприятности, связанные с назойливыми тарифами и тщетными попытками исключить импортные продукты питания, должны были исчезнуть раньше, чем прошло сто лет; но во времена отрочества Мальтуса голос Адама Смита, обращенный против них в "Богатстве народов" (1776), был воплем в пустыне. Существовало общее согласие в том, что независимо от того, были ли высокие цены, установившиеся после Парижского мира, вызваны ростом населения, или снижением стоимости серебра, или волнениями в Польше, средство не должно заключаться в свободной торговле зерном. Бедняки не должны были получать дешевую кукурузу, они должны были получать большие пособия. Законодательство пошло вспять в этом вопросе. В 1723 году новый закон ввел разумный тест на нужду в рабочем доме, который, возможно, предотвратил бы умышленную бедность за счет уменьшения помощи на улице; но этот пункт был отменен Законом Гилберта в 1782 году; бедняки должны были “работать” в своих собственных домах; и новая строгость уступила место старой расхлябанности с обычными результатами. К концу столетия список неприятностей, связанных с войной в Европе, пополнился, а волна политических реформ пошла на убыль на сорок лет (1792-1832). Поскольку французская реформа зашла слишком далеко, английской реформе не было позволено сделать свои первые шаги.

Историкам известно, что Французская революция была бы совсем другой, если бы Вольтер и Руссо не подготовили для нее почву. Голод и новые идеи - два сторонника перемен, которые всегда лучше всего проявляются в компании друг друга; голод побуждает людей действовать, а новые идеи дают им материал для воплощения в жизнь. Во Франции, когда в 1789 году разразился кризис, за новыми идеями далеко ходить не пришлось. Авторы утопий, от Платона до Мора и от Руссо до Рескина, всегда придерживались одного простого плана: они вычеркивали характерные чудовищности своего времени и вставляли противоположное, например, когда люди представляют себе рай, они думают о своей дорогой родной стране с ее недостатками. Неравенство у себя дома сделало французов готовыми до безумия увлечься идеей равенства, когда Руссо представил ее им, и естественное состояние Франции было обратным. С философской точки зрения теоретики Революции восходили к Локку, и их идеи вскоре пересекли Ла-Манш, чтобы посетить место своего рождения.

Даже если бы у англичан не было в Америке видимой Утопии или, по крайней мере, Аркадии, в Англии было достаточно голодных людей, чтобы рекомендовать новые идеи всем слоям общества. Именно по этой причине в 1793 году книга Годвина имела такой успех. Это было не только хорошее английское изложение французской доктрины равенства и, следовательно, книга для "таймс", но в ней была своя сила, и она не была простым переводом. Руссо и Рейналь считали необходимым пожертвовать всеобщим совершенствованием ради всеобщего равенства; они видели (или думали, что видят), что эти два понятия не могут сочетаться, и они считали равенство настолько желанным, что были готовы приобрести его ценой варварства. Возможно, они были более логичны, чем Годвин; равенство может означать варварство. Но

идеал Годвина был, по крайней мере, выше их идеалов; он считал цивилизацию и равенство вполне совместимыми, поскольку считал, что когда все люди станут по-настоящему цивилизованными, они сами восстановят равенство. Поскольку он предоставлял все разуму и ничего не принуждал, его книга теоретически была вполне безобидной; но ее направленность казалась опасной, поскольку в ней в свободной форме критиковалась британская конституция, к чему британская нация не привыкла. Более того, в Англии люди всегда путали идеи с личностями. Они не были влюблены в свободу, когда она приняла форму американской “войны за независимость” против Англии, и, даже если бы равенство понравилось им в 1789 году, они не получили бы ничего от него после Террора. Они променяли Фокса на Берка и начали войну из-за чувства. В то время, когда Мальтус писал, большая часть англичан утратила энтузиазм по отношению к новым идеям. Требовалась определенная сила духа, чтобы называть себя реформатором или даже вигом, когда Наполеон захватил Италию и противостоял нам в Египте. Питт считал мятежниками всех, кто не верил в мудрость войны.

Но даже Питт, хотя теперь и игнорировал необходимость реформ, не мог не заметить существования бедственного положения. В 1795 году наблюдался серьезный дефицит; военные цены превратились в цены голода. Это был год, когда “низшие сословия” были подавлены специальными актами принуждения;^[48] это был год, когда королевская карета была остановлена толпой, кричавшей “Хлеба, хлеба!” мистер Уайтбрид и остальные считали, что парламент должен “что-то предпринять”; и Питт предложил (1796) преодолеть трудности, внося поправки в законы о бедных. Его законопроект предлагал “восстановить первоначальную чистоту законов о бедных” путем изменения закона о поселениях в сторону большей свободы и оказания помощи трудящемуся другими способами. Одним из этих других способов была попытка безобидного рода основать промышленные школы, другим - приобщить каждого рабочего к дружественному обществу. Но другой, менее невинный, предложил стимулировать рост населения, увеличив помощь бедным там, где семья была больше. “Давайте сделаем облегчение” в таких случаях “вопросом права и чести, а не поводом для поношения и презрения. Это сделает большую семью благословением, а не проклятием; и это проведет надлежащую грань между теми, кто должен обеспечивать себя своим трудом, и теми, кто, обогатив свою страну большим количеством детей, может рассчитывать на ее помощь в своей поддержке”.^[49]

Мальтус в 1796 году не сомневался в непогрешимости Питта в подобном вопросе; Кризис не вызывает и намек на возражения. Но в 1798 году, в своем новом свете, он больше не мог придерживаться взгляда вербовщика на численность населения. Если у него были веские аргументы против Годвина и Кондорсе, которые просто не смогли показать, как можно удержать население от слишком быстрого роста, то у него были еще более веские аргументы против Питта, который предложил ускорить его рост. Кроме того, их планы были всего лишь на бумаге; у них не было шансов реализовать их, в то время как большинство Питта поддержало бы любые меры, на которые он положил свое сердце. Таким образом, опасность, исходящая от этой третьей четверти, была самой непосредственной. Но Мальтусу для этого не нужен был новый аргумент; ему нужно было просто обойти свой старый аргумент и направить его дуло на своего нового врага. По его словам, нет необходимости поощрять браки; правительству нет необходимости ускорять рост населения. Куда бы Провидение ни послало мясо, Оно вскоре пошлет рты, чтобы его есть; и, если своими искусственными поощрениями вы увеличите количество ртов, не увеличив количества мяса, вы лишь на шаг приблизите людей к голодной смерти, вы только умножите нацию, не увеличив радости. Если количество стойких - это сила, то количество голодающих - это слабость.^[50]

Эти общие места были тогда парадоксом. Даже в конце восемнадцатого века в английской палате общин не было партии, придерживающейся просвещенных взглядов на положение британского рабочего. У Уайтбрида всегда были под рукой какие-нибудь меры для того, чтобы помочь рабочему избежать повышения ставок или каким-либо другим вмешательством государства; именно выступая против одного из законопроектов Уайтбрида, премьер-министр пообещал ввести свою собственную запоминающуюся меру. Фокс был волен следовать ни тому, ни другому, не заявляя, что понимает новые экономические доктрины. Питт, который восхищался Адамом Смитом, — Фокс, Кондорсе и Годвин, которые ничем не были обязаны Смиту,^[51] — все были одинаково слепы в этом вопросе. Все изучение Питтом четвертой книги "Богатства народов", пятой главы, не показало ему ошибочности щедрого вознаграждения за детей. И все же Мальтус почерпнул свой свет не из темных источников, а от "Юма, Уоллеса, Адама Смита и доктора Прайса",^[52] все они были хорошо известными и широко читаемыми авторами того времени. "Многочисленность древних народов" было счастливым охотничьим угодьем для ученых-антикваров, пишущих эссе на протяжении более чем полувека. Монтескье, Уоллес и Прайс^[53] заявляли о преимуществе древних. Дэвид Юм, со своей обычной проницательностью, принимает решение за современников, хотя со своей обычной иронией он заявляет, что придерживается скептического вывода, и делает несколько уступок Уоллесу.^[54] Можно было ожидать, что само по себе это противоречие приблизит людей к истине по вопросу народонаселения, чем это произошло на самом деле. Мальтусу было предоставлено преобразовать вероятность Юма в достоверность с более высокой точки зрения; но анализ аргументов различных авторов, предшествовавших ему, должно быть, упростил его задачу.^[55] Других вспомогательных средств и ожиданий не требовалось. Еще в 1786 году Джозеф Таунсенд, уилтширский священник, написал диссертацию о законах о бедных, в которой приводится замечательное изложение тех мудрых взглядов на благотворительность и помощь бедным, которые только в наши последние дни становятся актуальными среди нас. Мальтус излагает свое мнение о работе Таунсенда наилучшим из всех возможных способов. В своем тщательном исследовании (во втором издании Эссе) населения европейских стран он опускает Испанию на том основании, что путешествия мистера Таунсенда по Испании уже сделали свое дело за него.^[56]

Таким образом, Эссе о населении было оригинальным не в том смысле, что оно было создано из ничего, а в том же смысле, что и "Богатство наций". В обоих случаях автор позаимствовал большинство своих фраз и даже многие мысли у своих предшественников; но он обращался с ними так, как не могли поступить его предшественники; он видел в них связь, перспективу и широкое применение. Мы не должны предполагать предвосхищения там, где имеет место простая идентичность языка или частичная идентичность мысли; слова более раннего автора нередко цитируются более поздними авторами вне их логического контекста и, следовательно, не как часть аргументации, в которой автор видит последовательные предпосылки. Это верно в отношении Адама Смита, когда его сравнивают с сэром Дадли Норманом, Абрахамом Такером или другими пророками свободной торговли^[57] каталогизировано Маккалохом или Бланки. Они говорили о свободной торговле почти так же, как Монс. Журден говорил прозой, сам того не подозревая. Точно то же самое можно сказать о самом Адаме Смите по отношению к Мальтусу. В своих собственных обобщениях он является полным хозяином. Аргументировав их, он может рассуждать исходя из них. Но, когда он говорит: "Каждый вид животных естественным образом размножается пропорционально средствам их существования", "Спрос на людей обязательно регулирует производство людей",^[58] он не предвосхитил Мальтуса. Его фразы касаются

принципа, самого важного значения которого он не видит; и, не аргументировав его, он едва ли делает какие-либо попытки аргументировать, исходя из него. Мальтус, с другой стороны, быстро усвоил общий принцип и способен решить ряд зависимых вопросов с помощью простых следствий. Другие, возможно, дали правильные ответы на особые вопросы о Законе о бедных и густонаселенности древних народов. Мальтус первым показал одну всеобъемлющую причину, по которой все эти ответы должны быть правильными.

В этом был секрет его успеха. Как "Политическое правосудие" Годвина было успешным благодаря систематичности, так и "Эссе о народонаселении" было успешным потому, что, казалось, навело порядок в хаосе. Сама печаль его заключения имела очарование для некоторых умов; но основная масса его читателей любила его не за то, что он отнял у них надежды, они любили его за то, что он дал им новый свет. Мор и голод начинают терять свои смутные ужасы, когда мы знаем, откуда они приходят и что они делают для мира. Даже если желание вступить в брак само по себе является злом, полезно знать правду об этом. Невежество может быть блаженным только там, где оно тотально; а умышленное невежество, будучи по необходимости частичным, - это постоянное беспокойство, даже не рай для дураков.^[59]

Правда в данном случае заключалась не только в печали. В последней части эссе 1798 года Мальтус излагает аргумент, который он впоследствии воспроизвел в более поздних изданиях с более приземленным применением. Он использует стиль Пейли и его апологетов и пытается обнаружить конечную причину принципа народонаселения с метафизической точки зрения, которой придерживался мистер Самнер почти двадцать лет спустя, когда дискуссия приняла новый оборот.^[60] Вопрос в том, как примирить страдания, вызванные принципом народонаселения, с благостью Бога. Мальтус отвечает, что трудность заключается только в одной части общей проблемы зла, разница между этой частью и остальными заключается в том, что в этом случае мы проникаем глубже в причины; и поэтому нам легче оправдать пути Бога перед человеком. "Зло существует не для того, чтобы сеять отчаяние, а для того, чтобы действовать".^[61] Мы должны рассуждать не от Бога к природе, а от природы к Богу; чтобы узнать, как работает Бог, давайте понаблюдаем, как работает природа. Затем мы обнаружим, что природа посылает всех чувствующих существ через длительный и болезненный процесс, посредством которого они приобретают новые качества и силы, предположительно подходящие для лучшего места, чем у них есть в этом мире. Следовательно, этот мир и эта жизнь, по всей вероятности, являются "могущественным процессом Бога", на самом деле не для простого "испытания" человека (поскольку это означало бы, что его Создатель относился к нему с подозрением или не знал о том, что в нем было), но для "сотворения и формирования" человеческого разума из оцепенения и разложения мертвой материи,^[62] "сублимировать человеческий разум". прах земной в душу, чтобы вызвать эфирную искру из комка глины". Разнообразные влияния жизни - это формирующая рука Творца, и они бесконечно разнообразны, ибо (вопреки Соломону) нет ничего старого под солнцем.^[63] Трудности порождают таланты.^[64] "Первыми пробуждателями разума являются потребности тела"; именно они пробуждают интеллект младенца и обостряют сообразительность дикаря. Не досуг, а необходимость - мать изобретений:

ἀπενία, Διόφαντε, μόνα τὰς τέχνας ἐγείρες.

Локк был прав: желание избежать боли даже сильнее, чем желание обрести удовольствие. Таким образом, зло ведет к добру; ибо боль, которая является разновидностью зла, создает усилие, а усилие создает разум. Это общее правило. Конкретным примером этого является то, что недостаток пищи, который является одним из самых серьезных зол, ведет к добру. Позабывшись о том, чтобы земля производила пищу только в небольших количествах и в награду за труд, Бог дал постоянный стимул человеческому прогрессу. Это ключ к разгадке проблемы народонаселения. По своей природе человек поедает лотос, пока голод не превратит его в Улисса. Зачем ему трудиться, крыше и венцу всего сущего? Главным образом потому, что, если он не будет трудиться, то не сможет и жить; страна лотос скоро будет перенаселена, и ему снова придется столкнуть свою лодку. “Первые пробуждающие разум - это потребности тела”, хотя, однажды пробудившись, разум вскоре обнаруживает потребности за пределами тела, и развитие интеллекта и цивилизации продолжается бесконечно.^[65] Люди “имеют тенденцию увеличиваться” быстрее, чем их пища, не для того, чтобы люди могли страдать, но для того, чтобы они могли быть пробуждены, чтобы спасти себя от страданий. Частичное зло всех таких общих законов поглощается общим благом; а общее благо обеспечивается двумя способами: человечество развивается; ресурсы мира развиваются. Во-первых, развит интеллект отдельных людей, ибо постоянство природы является основой рассуждения, и человеческий разум никогда не был бы исчерпан, если бы люди не были абсолютно неспособны полагаться на чудеса и не были обязаны, а также способны производить вычисления на основе постоянного закона. Этому постоянству природы мы обязаны бессмертным разумом Ньютона. Во-вторых, мир должен быть населен. Если бы дикари могли получать всю свою пищу из одного центрального участка плодородной почвы, земля в целом оставалась бы дикой; но, как бы то ни было, ни одно поселение не может поддерживать бесконечный рост численности; численность должна распространяться по земле, пока они не найдут место и пищу. Если бы не существовало закона увеличения численности, несколько таких карьер, как у Александра или Тамерлана, могли бы уничтожить население всего мира; но закон существует, и пробелы, проделанные любым завоевателем или любой эпидемией, вскоре заполняются до отказа, в то время как разливающийся поток идет дальше, чтобы вернуть новые страны.^[66]

Это космология Мальтуса. “Жизнь, вообще говоря, благословение, независимое от будущего состояния”.^[67] “Впечатления и волнения этого мира являются инструментами, с помощью которых Высшее Существо формирует материю в разум”. Необходимость постоянного напряжения сил, чтобы избегать зла и стремиться к добру, является главной причиной этих впечатлений и, следовательно, является достаточной причиной существования естественного и морального зла, включая трудности, возникающие из-за принципа народонаселения. Все это существующие трудности, но их нельзя устранить. Они не достигают своей цели, если человеческим усилиям не удастся уменьшить их. Абсолютного удаления Мальтус не обещает; но, веря в науку и разум так же сильно, как Кондорсе или Годвин, отказывается рассматривать земное бессмертие как разумную надежду и вместо этого указывает нам на будущую жизнь и на другой мир для достижения совершенства и счастья.^[68]

Возможно, великий экономист вышел за рамки своей компетенции, взявшись за проблему зла. В полемике, последовавшей за эссе, было мало ссылок на эту его часть, а после появления второго издания, где эта часть вообще опущена, люди забыли о существовании первого издания. Судя по тому, как Самнер говорит о разнице между своей точкой зрения и точкой зрения Мальтуса, можно справедливо заподозрить, что он ничего не знал о первом издании; и все же второй из двух его ученых томов является просто расширением его идей.^[69] Сама

метафизика могла быть глубокой или поверхностной; было бы невозможно сказать, пока мы не услышим смысл, в котором использовались метафизические фразы, а у нас вряд ли есть какие-либо средства для этого. Они указывают, по крайней мере, на “монистическую” точку зрения, согласно которой между разумом и материей нет пропасти. Мы могли бы считать их идеалистическими в немецком смысле этого слова, но мы не можем забывать, насколько тесно этические взгляды Мальтуса связаны с взглядами английских моралистов его века. Нельзя сказать, что ему отведено место в истории философии; и в основном представляет любопытный личный интерес обнаружить, что, хотя номинально он является утилитаристом, он отделяет себя от Пейли, отказываясь признавать моральную ценность действий, совершаемых либо из страха наказания, либо в надежде на награду.^[70] Нет никаких указаний на то, что он был метафизическим гением. Его исследования в области тяжелой немецкой литературы, возможно, не простирались намного дальше, чем к эксцентричному оптимисту Иоганну Петеру Зюссмильху,^[71] из Геттлицхе Орднунг которого он свободно черпал свою статистику.

Мальтус в свое время намеревался более подробно изложить свои метафизические взгляды.^[72] Другими словами, он намеревался написать книгу в стиле эссе Прайса, наполовину экономическую, наполовину литературную. Нам не нужно глубоко сожалеть о “конкретном деле”, каким бы оно ни было, которое пресекло это намерение в зародыше, помимо задержки публикации эссе в том виде, в каком мы его имеем сейчас.^[73] Метафизические и теологические отрывки в их нынешнем виде выглядят как эпизод, хотя мысль о них достаточно логично связана с содержанием книги. Взгляды автора на потусторонний мир, наказание нечестивых и использование чудес, как и философия, имеют в основном личный интерес. Адам Смит в более позднем издании “Своих моральных чувств” опустил по крайней мере одно очень яркое выражение теологического мнения (об Искуплении), которое появилось в первом издании,^[74] и, возможно, его ученик поступил правильно, последовав его примеру. В то же время умолчание не является отречением, и мы проливаем свет на мышление и характер автора, раскрывая любые взгляды, в которые он когда-то заявлял, что верит. Писатель, достигший абсолютной истины на очень ранней стадии изучения, оказал покровительство Адаму Смиту^[75] отредактировав его главный труд, и оказал честь другим экономистам, сведя в таблицу их выводы в историческом введении. Он оказывает эту услугу Мальтусу. Рассуждения Мальтуса, которые он находит ценными, не свободны от ошибок; он “почти полностью упустил из виду” благотворное влияние принципа народонаселения как стимула к изобретениям и прогрессу.^[76] Это обвинение опровергается эссе даже в его более поздней форме; но, помещенное рядом с космологией первого издания, оно кажется просто гротескным. Мальтуса обвиняют в игнорировании тех самых явлений, которые Мальтус прославляет как “конечную причину” принципа народонаселения. Он думал, что объяснил не только одну из главных причин бедности, но и одно из главных следствий; если Адам Смит показал силу труда как причину богатства, Мальтус думал, что он показал силу бедности как причину труда. Без сомнения, ошибка была распространенной; и (не говоря уже об энциклопедиях и биографических словарях) существует мало экономических учебников, которые отдадут должное Мальтусу в этом вопросе.^[77] Но тот, кто говорит авторитетно, не должен довольствоваться заимствованным знанием. Тот же авторитетный источник сообщает нам, что “работа мистера Мальтуса ценна скорее тем, что она привлекла внимание общественности к предмету, чем тем, что она дает сколько-нибудь полное представление о той области науки, о которой она говорит”.^[78] Мальтус, со своей стороны, не претендует на непогрешимость; как и большинство первопроходцев, он мало в чем уверен, кроме своих ведущих принципов, и он никогда не стыдится менять свои

взгляды.^[79] Но, если его Эссе о народонаселении, которое постепенно исправлялось и расширялось, чтобы идти в ногу с тридцатилетней критикой, не дошло до сути вопроса, то, конечно, от обсуждения нет никакой пользы.

Дело в том, что, хотя анонимное небольшое издание 8vo 1798 года было всего лишь наброском завершённой работы более поздних лет, его главным недостатком была не незавершённость, а неправильность акцента. Когда человек пишет противоречивый памфлет, он не пытается выставить на передний план все истины в равной степени; он выдвигает на передний план забытые истины и позволяет знакомому отстать, не как отрицаемому или игнорируемому, а просто как не подчёркиваемому. В таких случаях всегда возможно, что забытые истины, хотя и недостойны прежнего пренебрежения, не заслуживали нового превосходства, и нельзя допустить, чтобы они сохранились. Наука, ищущая ответы на свои собственные вопросы, а не на вопросы восемнадцатого века, не терпит ложного подчёркивания мимолетных противоречий. Это ставит реальное начало на первое место, середину - на следующее, а конец - на последнее, а не конец в середине или последнее на первом месте. Соответственно, в нём рассматривается первое эссе Мальтуса о народонаселении и требуется, чтобы автор внес в него поправки. Он должен быть менее критичным и более творческим, если хочет дать удовлетворительный ответ на общую проблему, которую он решил взять в свои руки. Время и субъект, оба, требуют изменения отношения - время, потому что политические теории теперь стали менее важными, чем социальные трудности, и субъект, потому что до сих пор он, ясно объясняя трудности, делал немногим больше, чем намекал на способы их преодоления. Действительно, ни один критик или иконоборец никогда не сможет полностью победить оппонента, кроме как своей собственной правдой, которая выходит за рамки лжи оппонента; и именно этому он обязан энтузиазму своих последователей. Но он не всегда излагает истину так полно, как заблуждение; и поэтому, помимо точки отрицания, его друзья часто следуют за ним скорее верой, чем зрением. Таким образом, это было то, что Мальтусу ещё предстояло сделать; указать, какие методы воспитания современного общества заслуживают доверия, а какие вводят в заблуждение, и каковы правильные, а также неправильные способы оказания помощи бедным.

Успех эссе до сих пор был весьма заметным. Это вызвало отклики дюжины людей, и невольный свидетель говорит нам, что это обратило "друзей прогресса" сотнями.^[80] Мы находим, что Годвин писал автору в августе 1798 года,^[81] и мы можем заключить, что завеса анонимности была не очень плотной, хотя Мальтус снова использовал ее в 1800 году в трактате о высоких Цены. Во время дебатов в Палате общин 11 февраля 1800 года Питт воспользовался случаем, чтобы сказать, что, хотя он по-прежнему считает свой новый законопроект о бедных хорошим законопроектом, он отказался от него из уважения к возражениям "тех, чье мнение он обязан уважать".^[82] Он имел в виду Бентама и Мальтуса. Мы не можем сказать, кому из них принадлежала большая доля заслуг, но мы знаем, что Мальтус считал Питта и Пейли своими самыми блестящими новообращенными.^[83] Заявление Питта о том, что он все еще считает свой законопроект хорошим могло означать только то, что он все еще хотел в это верить. Должно быть, государственному деятелю, оказавшему влияние на политэкономиста, было особенно обидно обнаружить, что не только серьезная критика Мальтуса, но и шуточные "Наблюдения" Бентама,^[84] которые пункт за пунктом отсеивали плевелы от законопроекта, настроили его любимую науку против него самого.

ГЛАВА II.

РАЗДУМЬЯ, 1803 ГОД.

Преувеличения Первого эссе — Два его постулата не согласуются - Отличительная черта Второго эссе — Его умеренный оптимизм — Грубая классификация сдержек — Моральные ограничения и смешанные мотивы — Свобода в понимании Годвина и Мальтуса — Эти два человека противопоставлены.

В то время как Мальтус обращал в свою веру таких новообращенных, как Питт, Пейли и Парр, и когда даже Годвин признал, что “автор эссе” внес “ценное дополнение в политическую экономию”,^[85] эссе не было вне критики. Были некоторые известные факты, которым писатель уделял слишком мало внимания, и они произвели на него впечатление со всех сторон. Выражаясь языком философии, он был недостаточно конкретен; он зашел слишком далеко, чтобы признать ошибку Годвина и рассматривать одну черту человеческой природы отдельно, вместо того чтобы видеть ее на своем месте вместе с остальными. Положение и перспективы цивилизованного общества в наши дни зависят от сочетания политических, интеллектуальных, физических и моральных причин, рост или уменьшение численности населения которых может быть лишь следствием. Если мы наполовину человек, наполовину лев и наполовину свинья, то несправедливо предполагать преобладание свиньи в той же степени, что и преобладание человека. В стаде животных, в отличие от общества людей, единицы - это просто наиболее приспособленные, выжившие в борьбе за существование. Принцип народонаселения находится там на переднем плане; ему нет иного пути, кроме голода, болезней и смерти. Таким образом, мы можем понять, как изучение “Эссе о народонаселении” привело Чарльза Дарвина к объяснению происхождения видов с помощью обобщения, которое Мальтус знал и назвал, хотя и не выходил за рамки человека.^[86] “Всеобщая борьба” среди животных “за пространство и пищу” означает среди цивилизованных людей нечто очень похожее на свободную торговлю, старую ортодоксальную экономическую панацею от экономических зол; и эссеист согласен с Адамом Смитом в общем сопротивлении законодательному вмешательству. Какими бы плохими ни были последствия неустраняемых причин бедности, вмешательство делает их еще хуже. Но, по крайней мере, когда мы обращаемся к человеку, борьба не так жестока. “Чума берет верх” - не единственное и не верховное правило. Если страх голодной смерти, самый земной и наименее интеллектуальный из всех мотивов, необходим для того, чтобы заставить нас работать поначалу, то впоследствии в нем не должно быть необходимости. Низменные соображения по своему определению являются самыми нижними слоями нашей кучи; мы поднимаемся с их помощью, но мы топчем их ногами, и чем выше кучи, тем меньше их важность. В цивилизованных странах, пропорционально их цивилизации, борьба на низших стадиях упраздняется; самые слабые часто спасаются, а самые низкие повышаются, несмотря на непригодность.^[87] Рассматривайте человека не как животное, а как гражданина; рассматривайте принцип народонаселения как сдерживаемый не только пороком, нищетой и страхом перед ними, но и всеми смешанными мотивами человеческого общества, и мы признаем, что Мальтус, с наилучшими намерениями, рассматривал этот вопрос слишком абстрактно. Годвин переоценил силу разума, Мальтус - силу страсти. “Вероятно, - писал он позже, - что, обнаружив, что лук слишком сильно согнут в одну сторону, я был вынужден слишком сильно согнуть его в другую, чтобы выпрямить”.^[88] Следующим шагом, естественно, было отрицать возможность постоянного улучшения в этом мире и рассматривать каждое частичное улучшение как сизифов труд.^[89]

Вряд ли могло быть иначе, если бы мы начали, подобно Мальтусу, с определения желания есть и желания вступить в брак как двух взаимосвязанных принципов.^[90] На самом деле они не скоординированы. Верно не только для большинства людей, но и для всех людей без исключения, что они не могут жить без пищи. Даже если человек выдержит воздержание от твердой пищи в течение сорока дней, он не может отказать себе в воде, и во время своего поста он мертв для мира во всех полезных целях. Второй постулат первого эссе, напротив, верен только для большинства мужчин, да и то при определенных условиях. Это неверно ни для кого до достижения зрелости, и это неверно в равной степени для всех мужчин. Некоторые выходят за рамки этого закона по случайности рождения, и еще большее число, будь то священники или миряне, выходят за его рамки по моральным соображениям.^[91] Кольридж излагает дело достаточно уместно: “В целом дело заключается в следующем: являются ли они обе схожими страстями физической необходимости, и одна в равной степени с другой независима от разума и воли? Позор нашей расе за то, что жив человек, который осмеливается даже задавать этот вопрос”.^[92]

Мальтус понял, что поторопился, и не переиздавал эссе, пока не проработал над ним пять лет и не добавил к нему результатов зарубежных поездок и более широкого чтения. В 1799 году он отправился за границу с несколькими друзьями по колледжу, Оттером, антикваром и натуралистом Кларком и учеником Кларка Криппсом,^[93] и посетил Германию, Швецию, Норвегию, Финляндию и часть России, которые в то время были единственными странами, открытыми для английских путешественников. После своего возвращения он опубликовал свой трактат о высоких ценах на провизию (1800),^[94] и в заключение он пообещал новое издание Эссе о населении. Некоторые люди, по его словам, сочли эссе “благовидным аргументом, неприменимым к нынешнему состоянию общества”, потому что оно противоречит предвзятым мнениям; но два года размышлений укрепили его убежденность в том, что он обнаружил “истинную причину продолжающейся депрессии и бедности низших классов”; и он не откажется от своего эссе: “Я отложил его повторное издание в надежде, что смогу сделать его более достойным общественного внимания, применив принцип непосредственно и исключительно к существующему состоянию общества и попытавшись проиллюстрировать силу и универсальность его применения”. операции с использованием лучших аутентифицированных учетных записей, которые у нас есть, о состоянии других стран ". Но он не был удовлетворен рассказами других людей. Когда Амьенский мир освободил тысячи искателей удовольствий на Континенте, Мальтус отправился во Францию и Швейцарию не ради простого удовольствия; к счастью, он снова был дома и пропускал свои корректурные листы через печать до неприятного вмешательства Наполеона в дела английских путешественников.

Это было счастливое совпадение, что в мрачные дни боев 1798 года Мальтус писал только о пороке и нищете, в то время как в краткие проблески мира в 1802 и 1803 годах, когда топот вооруженных людей на мгновение утих, он опомнился и написал о менее ужасных ограничениях для населения, ограничениях, которые, возможно, подобно Амьенскому перемирию, вселяли слабую надежду на будущее. Ради блага всего мира давайте надеяться, что эта параллель не заходит дальше. Удивительно не то, что он забыл о существовании такой вещи, как цивилизация, а то, что среди войн и слухов о войнах он вообще вспомнил об этом.

В предисловии к новому изданию (июнь 1803 г.) он говорит, что он “настолько принципиально отличался” от старого издания, “что предполагал действие другого сдерживающего фактора на население, который не связан ни с пороком, ни с нищетой”, и он “попытался смягчить

некоторые из самых суровых выводов первого эссе”. На самом деле произошло нечто большее, чем это. Первое эссе содержало большую часть несовершенства журнальной статьи "Внезапный"; и если бы автор жил на полвека позже, он, вероятно, вместо того, чтобы написать небольшую книгу, поместил бы длинную статью в ежемесячный или ежеквартальный журнал, дав обзор политических сочинений Годвина с случайными замечаниями о бедном билле мистера Питта. Очевидно, именно в таком свете он сам рассматривал свою первую работу, иначе он не обращался бы с ней так свободно при переиздании. В новом издании были новые факты, новая аранжировка и новый акцент. Он не написал книгу раз и навсегда, оставив мир бороться за нее после своей смерти. Он привлек к сотрудничеству общественность и превращал каждое обсуждение в средство улучшения своей книги. Это придает Эссе о населении уникальный характер среди экономических работ. Это заставляет автора интерпретировать свои мысли с самых разных точек зрения, оставляя нас, к сожалению, часто в сомнении, является ли изменение языка изменением мысли или нет. Мальтус усугубляет проблему, опуская и вставляя вместо того, чтобы переписывать полностью. Его главы перестают быть старыми, не становясь новыми.

Сам облик книги свидетельствовал о перемене. В 1798 году это было Эссе о принципе народонаселения, как он влияет на будущее улучшение общества; в 1803 году - Эссе о принципе народонаселения, или взгляде на его прошлое и настоящее влияние на человеческое счастье. Мечты о будущем теперь отошли на задний план, а факты настоящего вышли на передний план. В 1798 году Мальтус уличил Годвина во лжи: —

“Раскрашивая его, расширяя, высокопарно, упиваясь картиной,

На самом деле он все еще размягчается, очищается, спадает,

Он мог бы стать великим, возвышенным и идеальным,

Он, в сущности, ограничивал, уменьшал, затмевал”.

Он должен делать больше сейчас, иначе его политическая экономия - мрачная наука. Он должен показать, как мы можем цепляться за факты, не теряя при этом нашего идеала. Недостаточно отправить нас в другой мир. Насколько далеко мы можем иметь надежду в этом мире? Пусть ответит Мальтус.

Второе эссе - это его ответ; и если вторая мысль - лучшая, то мы можем порадоваться второму эссе, поскольку оно рассеивает тень от первого. Это говорит нам о том, что в целом мощь цивилизации больше, чем мощь населения; следовательно, давление людей на продукты питания в современном мире меньше, чем это было в древние времена или в средние века; сейчас меньше беспорядка, больше знаний и больше умеренности.^[95] Чисто физические проверки отходят на второй план. Существуют два вида проверок населения. Проверка является (а) положительной, когда она сокращает существующую популяцию, (b) профилактической, когда она препятствует росту новой популяции. У животных сдерживающим фактором является только страдание, у дикарей - порок, равно как и страдание, а в цивилизованном обществе - моральные ограничения, равно как, до сих пор, и порок, и страдание. Даже в цивилизованном обществе есть слои, которых моральные ограничения едва достигают, потому что есть слои, которые не являются цивилизованными. В целом, однако, верно, что у животных нет никаких признаков какой-либо другой проверки, кроме положительной, в то время как у людей положительная постепенно уступает место

профилактической. Среди людей несчастье может действовать как положительно, так и превентивно. В форме войны или болезней оно может уносить жизни десятками тысяч и сокращать существующее население. Из-за страха перед собственным появлением он может помешать многим бракам и помешать росту нового населения. Порок также может действовать обоими способами: позитивно, как при детоубийстве, и превентивно, как в схеме Кондорсе. Но в цивилизованном обществе силы как порядка, так и прогресса направлены против двух их общих врагов; и, если мы не признаем третьего сдерживающего фактора, несомненно, аргумент, который использовался против общества Годвина, справедлив и против всего общества; само его очищение разрушит его, запрещая пороку и нищете сдерживать рост населения и, таким образом, позволяя людям увеличиваться до предела. Существует, однако, третье препятствие, известное Мальтусу под названием моральных ограничений.

Моральное ограничение - это особая форма профилактической проверки. Это не следует путать с нечистым безбрачием, которое подпадает под категорию порока; и все же прилагательное “моральный” не подразумевает, что мотивы являются наивысшими из возможных.^[96] Прилагательное применяется не столько к мотиву действия, сколько к самому действию, из каких бы мотивов оно ни исходило; и в устах утилитариста этот язык не является нефилософским. Моральная сдержанность на страницах Мальтуса означает просто воздержание; это воздержание от брака, за которым не следует никаких нарушений.^[97] Он говорит о “моральном стимуле” щедрости на зерно, имея в виду ожидания, которые она породила в умах людей, в отличие от изменений, которые она вызвала в ценах на зерно;^[98] и слово “моральный” часто, как и “моральный дух”, используется в военных вопросах для обозначения умственного настроя, в отличие от материальных ресурсов. Неопределенность этого слова, возможно, не случайна, ибо нет ничего более неопределенного, чем смешанные мотивы, которые оно обозначает; но воздержание, которое является недвусмысленным, казалось бы, более подходящим словом.

С провозглашением третьей проверки теория Мальтуса окончательно вступила в новую фазу; и, набрасывая контуры его работы, нам больше не нужно будет рассматривать ее как парадоксальную и чрезмерно натянутую, а как трезвый аргумент, основанный на общепринятых фактах. Авторский анализ человеческой природы приведен в соответствие со здравым смыслом. Он признается, что до сих пор он был слишком абстрактным и разделял неразделимое.

Разум человека нельзя разделить на величины; и, даже если возможно различить смешанные мотивы, которые руководят человеческими действиями, факт остается фактом: они действуют только тогда, когда вместе. Вполне вероятно, что мотивы ни одного хорошего человека никогда не были абсолютно благородными, а мотивы ни одного плохого человека никогда не были абсолютно звериными. Даже хороший человек сильнее, когда он может заставить сами обстоятельства бороться с его способностью творить зло. Смешанные с самого начала человеческие мотивы в этом мире останутся смешанными до конца, будь то у святого, мудреца или дикаря. Но цивилизация, предполагающая прогрессивное изменение доминирующих в обществе идей, изменит характер смеси и соотношение элементов. Законы Мальтуса будут соблюдаться, хотя имя Мальтуса не будет упомянуто, а о проверках, физических или моральных, никогда не будет вспоминаться. Общество, движущееся все вместе, если оно вообще движется, не может излечить свое зло одним-единственным героическим средством; но так же мало оно может довольствоваться самоотверженными предписаниями, запретами или опровержениями.

Нужна позитивная истина и идеал, то есть религия, чтобы дать новую жизнь членам тела, вселяя новую надежду в сердце. “Страх Господень - это начало мудрости, но конец мудрости - это любовь к Господу и восхищение нравственным добром”.^[99] Из этого следует, что экономист, если он не знает ничего, кроме своей экономики, не знает даже этого.

Ни одного экономиста так не упрекают в недостатке идеализма, как Мальтуса и его собратьев. Как французские революционеры, как говорили, верили, что смерть их старых правителей сама по себе принесет счастье и хорошее правительство, так и эти авторы, как говорили, учили, что простое устранение препятствий приведет к наилучшему производству и распределению благ этой жизни. Тогда идеальным государством с точки зрения богатства была бы анархия плюс полицейский констебль. Годвин обошелся бы без констебля. “Дайте государству достаточно свободы, - говорит он, - и порок не сможет существовать в нем”.^[100] Но ни он, ни экономисты не желали просто негативных изменений или устранения препятствий. Их политическая реформация, как и протестантская, должна была быть успешной только в том случае, если она выходила за рамки разрушения имиджа. Мальтус, как будет видно,^[101] далек от того, чтобы быть безоговорочным сторонником *невмешательства*; и во всех случаях, когда он этого желал, он хотел сделать государство маленьким только для того, чтобы общественное мнение стало великим. Здесь Годвин был недалек от него. Если он ошибался, приписывая слишком много зла институтам и слишком мало - человеческой природе, он внес свое собственное исправление. Политическая справедливость отвергала всякое сочувствие насилию; она учила, что политическая реформа бесполезна, если не проводится мирным путем с помощью разума; и Мальтус^[102] предлагает то же лекарство от социального зла — аргументы и наставления. Разница между ними в том, что Мальтус больше принимает во внимание неразумность, а также разумность людей. В основном они согласны. Полное просвещение людей, которое включает в себя их моральное очищение, а также их интеллектуальное обучение, заключается в завершении работы по всеобщему исправлению, в которой люди должны быть соработниками Бога — так гласит учение Мальтуса и всех величайших экономистов последних ста лет. Много или мало зол конкуренции, серьезных или пустяковых, во многом зависит от характера конкурентов; и чем более свободной мы делаем конкуренцию, тем тщательнее мы должны воспитывать конкурентов. Адам Смит был хорошо осведомлен об этом; он рекомендовал школьные советы за сто лет до принятия Законов 1870 и 1872 годов;^[103] и Мальтус не отставал от него.^[104] Они осознают, что чем полнее мы исключаем вмешательство правительства, тем активнее мы должны использовать все другие моральные и социальные средства. Был ли Мальтус готов полностью исключить вмешательство правительства даже при этом условии, мы увидим со временем.

Характеры этих двух людей, Мальтуса и Годвина, представляют собой разительный контраст. Мальтус был студентом, вел тихую оседлую жизнь, делился своим небольшим богатством с друзьями в ненавязчивом гостеприимстве и постоянно пользовался своим пером на благо, как он верил, английской бедноты, чтобы в эти несчастные времена у них было семейное счастье, подобное его собственному. Никогда не было более странного заблуждения, чем распространенная вера в жестокосердие Мальтуса. Помимо единодушного мнения личных друзей, он оставил достаточно свидетельств в своих собственных книгах, чтобы оправдать его. В то время как Адам Смит и другие обязаны своими ошибками интеллектуальной подверженности ошибкам, Мальтус многим из своих обязан своему нежному сердцу. Мотив, побудивший его изучать политическую экономию, был, без сомнения, неоднозначным; отчасти это был интерес интеллигентного человека к абстрактным вопросам; но главным образом это было желание

способствовать величайшему счастью как можно большего числа людей. В его глазах возвышение человеческой жизни было гораздо важнее, чем решение научной проблемы. Даже когда в 1820 году он написал книгу о “Принципах политической экономии”, он позаботился добавить на титульном листе: *“рассмотрены с целью их практического применения”*, отказываясь абстрактно рассматривать то, что всегда существует в конкретном. Его острое сочувствие страданиям перемещенных рабочих привело его к проигрышной битве с Сэем и Рикардо за что-то вроде эмбарго на изобретения и в знак протеста против воображаемого перепроизводства.^[105] Его личная жизнь продемонстрировала силу мягкости; мисс Мартино могла слышать его мягкие, звучные гласные без наушника, и его несколько фраз были так же желанны за ее обеденным столом, как бесконечная болтовня более умных языков. Он почувствовал боль от тысячи клевет “только поначалу” и никогда не позволял им тревожить его сны после первых двух недель, говоря с более чем стоическим спокойствием, что они пролетают мимо него, как праздный ветер, которого он не уважает.^[106] Он пережил обличение и увидел плоды своих трудов в более мудром законодательстве и улучшении общественного мнения.

С Годвином все было иначе. Там были внутренняя борьба и внешние страхи. С непоколебимой преданностью идеям он сочетал непостоянную привязанность к людям. Он слишком мало обращал внимания на эмоции в своих книгах и слишком много - в своей собственной жизни, поддаваясь прихоти момента, дважды в неделю ссорясь со своими лучшими друзьями и быстро снова завязывая разорванные узы. Он очень любил свою жену, но вряд ли позволял ей жить с ним в одном доме, чтобы они не надоели друг другу.^[107] Он был заклятым врагом суеверий и сам был заядлым мечтателем.

И все же, когда мы сравниваем бессистемную литературную жизнь первого, бесславно закончившего свои дни^[108] в правительственной синекуре, неудачной и почти забытой, с академической легкостью другого, сосредоточенного в сфере общих обязанностей и уходящего из мира с ясным сознанием успеха, мы чувствуем симпатию к Годвину лучшего рода, чем простой симпатия к неудачнику. Это сочувствие недостаточно печально для жалости. Не так уж печально видеть Годвина в его преклонном возрасте одиноким человеком, его друзья уходят один за другим во тьму и оставляют его одиноким в мире, который его не знает. Мир, который начал осознавать идеи Мальтуса, начал осознавать и идеи Годвина. Это был мир, гораздо более гармоничный с политической справедливостью, чем тот, в который Годвин отправил свою книгу сорок лет назад. Хорошо, что Мальтус дожил до принятия нового Закона о бедных, но еще лучше, что оба дожили до реформы 32-го года.

Они скончались с разницей в два года друг от друга: Мальтус зимой 1834 года, Годвин весной 1836 года, в год создания первой народной лиги против хлебных законов. После своей смерти они все еще были разделены, но, “*si quis piorum manibus locus*”, они больше не разделены и больше не думают друг о друге плохо.

ГЛАВА III. ТЕЗИСЫ.

Позиция, изложенная в Эссе—Тенденция увеличения жизни за пределами еды—Проблема не такая для человечества, как для низших форм Жизни—Дилемма человека—Тенденция к

непредсказуемому увеличению количества пищи в том же смысле, что и Жизни—Геометрические и арифметические соотношения—Позиция, изложенная в Британской энциклопедии—Подтверждение Милном геометрического соотношения—Арифметическое соотношение доказано иначе—Частная собственность как условие крупного производства—Ошибочность путаницы возможного с реальным производством—Законы человека, а также Природы, ответственные за необходимость проверок—Позиция, изложенная в “Кратком обзоре”—Проверки о населении, классифицированном (а) объективно и (b) субъективно — По отношению к предыдущему Циклу классификации в движении населения.

Второе эссе применяет теорию первого к новым фактам и с новой целью. Автор, добившись своего в суде против Годвина, перестает быть критиком и становится социальным реформатором. Отчаявшись справиться со всеми формами зла, он ограничивает свое изучение одной из них, в частности, тенденцией живых существ размножаться за пределами своих средств к существованию. Это явление важно как с точки зрения его причины, так и с точки зрения его последствий. Его причиной являются не действия правительств, а конституция человека; и его последствия происходят не сегодня и не вчера, а постоянно;^[109] это часто препятствует нравственному совершенству и общему счастью нации, а также равному распределению ее богатства.

Это общая позиция, которую предстоит подробно изложить в нескольких главах эссе. Сама по себе она не совсем проста. “Постоянная тенденция всей одушевленной жизни [*так в оригинале*]^[110] увеличиваться сверх приготовленной для этого пищи” в одном смысле присуща человечеству с растениями и животными, но в другом смысле не присуща ни одним двум из трех. Безусловно, для всех них верно, что семена их жизни, откуда бы они ни появились, теперь бесконечно многочисленны на нашей планете, в то время как средства их выращивания строго ограничены. В случае с растениями и животными сильный инстинкт размножения “не прерывается никакими рассуждениями или сомнениями относительно обеспечения потомства”,^[111] и они выпускают в мир новые жизни только для того, чтобы их сразу же лишили голодной смерти. За исключением определенных растений, которые подражают вышестоящим, таким как розера, и некоторых людей, которые подражают своим низшим, таким как каннибалы, линии различия между тремя классами живых существ довольно отчетливы. Первый класс в борьбе за комнату и пищу может только опередить друг друга и оставить друг друга умирать; второй сознательно охотится на первый и друг на друга; в то время как третий охотится на обоих остальных. Но у человека эта “тенденция к увеличению за счет пищи” отличается от того же инстинкта в двух других случаях не только тем фактом, что у человека больше ресурсов и он дольше достигает своего предела. Инстинкт в нем не менее силен, но он не следует ему беспрерывно. “Разум прерывает его карьеру” и спрашивает его, не производит ли он на свет существ, для которых он не может обеспечить средств к существованию.^[112] Если он отбрасывает разум в сторону, то разделяет судьбу растений и животных; он склонен увеличивать свою численность за пределами доступной им комнаты и пищи, и в результате его численность сокращается до этих пределов из-за страданий и голода. В этом нет ничего более или менее противоречащего понятию благожелательного Провидения, чем в общей власти, данной человеку действовать рационально или иррационально в соответствии с его собственным выбором в любом другом случае. С другой стороны, если он прислушается к голосу разума, он, без сомнения, сможет победить эту тенденцию, но слишком часто он делает это в ущерб моральной чистоте. Дилемма делает стремление к браку почти “источником зла”. Если человек повинует своим инстинктам, он впадает в нищету, а если он сопротивляется им,

- в порок. Хотя дилемма не идеальна, ее правдоподобие требует, чтобы мы проверили ее в деталях, и этому испытанию Мальтус, можно сказать, посвятил всю свою жизнь. Другие его экономические работы подчинены этому эссе и, можно сказать, вырастают из него. Хотя мы не можем опустить их, если хотим полностью понять и проиллюстрировать центральную работу, все же последнее должно быть на первом месте; и его зрелая форма требует большего, чем краткое изложение, которое было дано в двух предыдущих главах.

Основная часть книги состоит из исторических подробностей и конкретных примеров, демонстрирующих проверки населения в нецивилизованных и нецивилизованных местах, в настоящее и в прошлые времена. Автор намеревается донести свои выводы до читателей "более длинным путем" индукции. Поскольку, однако, это был не тот путь, которым он сам пришел к ним или даже сначала сформулировал их, он попросит нас прежде всего взглянуть на условия дилеммы в свете двух его первоначальных постулатов^[113]—(а) еда необходима, (b) желание вступить в брак является постоянным. Как можно быстрее увеличить численность в соответствии со вторым правилом и количество пищи в соответствии с первым? В наиболее важных из известных примеров фактическая скорость увеличения численности населения, по-видимому, прямо пропорциональна легкости добывания пищи; и мы можем сделать вывод, что идеально быстрый рост имел бы место там, где были устранены все препятствия (материальные или моральные) для добывания пищи и воспитания семьи, так что природе никогда не нужно было протестовать перед инстинктом. "Ни в одном государстве, которое мы до сих пор знали, населению не было предоставлено возможности проявлять себя с полной свободой".^[114] Мы можем догадаться, что это было бы, исходя из животного и растительного мира, где разум, по сути, ни при каких обстоятельствах не вмешивается в инстинкт, насколько мы можем судить. Бенджамин Франклин в отрывке, процитированном Мальтусом в этой связи,^[115] предполагает, что если бы земля была очищена от других растений, она могла бы пополниться через несколько лет одним фенхелем. Даже при нынешнем положении вещей фенхель заполнил бы всю землю, если бы другие растения только позволили ему; и то же самое верно для каждого из остальных. Козы и борзые Таунсенда на Хуан-Фернандесе - лучший пример, потому что не гипотетический.^[116] Хуан Фернандо, первый первооткрыватель, заселил остров козами от одной пары.^[117] Испанцы решили очистить его от козлов, чтобы сделать его бесполезным для англичан в качестве провизии. Они высадили на берег пару борзых, чье потомство вскоре привело к исчезновению коз. Но без нескольких коз, которых можно было бы съесть, все собаки, должно быть, погибли; и те немногие были спасены для них недоступными убежищами в скалах, с которых они спустились, рискуя своей жизнью. Таким образом, выживали только самые сильные и проворные собаки и самые выносливые и проворные козы; и соблюдался баланс между кормом для коз и поголовьем собак. В этой связи Таунсенд замечает, что человеческая популяция сокращается из-за нехватки пищи точно таким же образом.

Ничто не может помешать увеличению численности людей, если мы предположим, что у разума нет необходимости (как у низших созданий у него нет возможности) вмешиваться. Однако, чтобы понять ситуацию, лучше всего не предполагать истинности этого параллелизма, а взять фактически зарегистрированные случаи увеличения численности людей при ближайших известных подходах к абсолютному изобилию в сочетании с моральной добротой, то есть, сказать, с состоянием общества, в котором порок сведен к минимуму. "Было обнаружено, что в северных штатах Америки, где средства к существованию были более обильными, нравы людей - более чистыми, а ограничения на ранние браки - меньшими, чем в любом из современных государств Европы, население удваивалось в течение нескольких

последовательных периодов каждые двадцать пять лет”.^[118] Из этого близкого приближения к неконтролируемому росту мы делаем вывод, что неконтролируемый рост будет означать удвоение менее чем за двадцать пять лет (скажем, двадцать или, возможно, пятнадцать), и что все население, пропорционально тому, насколько оно неконтролируемо, стремится к такому темпу роста.

Если трудно обнаружить неконтролируемый прирост населения, то еще труднее обнаружить неконтролируемый прирост продовольствия; ибо имеется в виду не то, что народ должен находить пропитание в одной плодородной стране с такой же легкостью, как и в другой, а то, что для нового народа новые запасы всегда должны быть найдены с такой же легкостью, как и старые. Теперь нет необходимости предполагать, что самая плодородная земля всегда используется первой;^[119] очень часто она может использоваться позже остальных из-за политической нестабильности, несовершенного сельского хозяйства, незавершенных исследований или нехватки капитала; но, когда она однажды заселена, возникает вопрос, будет ли она поставлять новую пищу новичкам вообще без каких-либо ограничений? Это была бы идеально плодородная земля, соответствующая идеально растущему населению. И от какого-то такого неисчерпаемого увеличения запасов пищи будет зависеть неконтролируемый рост населения, если только люди не станут способны жить совсем без еды.

Мальтус впоследствии указал в ходе полемики,^[120] что, строго говоря, здесь не может быть и речи о сравнении двух тенденций, поскольку мы не можем говорить о тенденции к увеличению продовольствия в том же смысле, что и о тенденции к увеличению населения. Население увеличивается само по себе; количество пищи увеличивается не за счет самой еды, а за счет внешнего по отношению к ней фактора, человеческих существ, которые в ней нуждаются; и, в то время как первое увеличение происходит за счет инстинкта, последнее (в некотором смысле) приобретается. Прием пищи является инстинктивным, но не получение пищи. Следовательно, мы должны сравнить прирост, обусловленный инстинктивным желанием, с приростом, обусловленным трудом, и “небольшое сравнение покажет безмерность власти первого над вторым”. Мальтус допускает, что трудно определить это соотношение с точностью;^[121] но, с естественной симпатией кембриджца к математическим сравнениям,^[122] он говорит, что единое относится к другому как арифметическое отношение к геометрическому, то есть в любой данный момент времени (скажем, столетие) одно увеличится путем умножения, другое — только путем сложения. Если мы представим и население, и продукты питания в начале этого столетия в виде десяти единиц, то население удвоится за двадцать пять лет; десять превратятся в двадцать за первые двадцать пять лет, сорок - за второй, восемьдесят - за третий, сто шестьдесят - за последний, в то время как продуктов питания станет двадцать только в первый, тридцать - во второй, сорок - в третий, пятьдесят - в четвертый. Если это правда, то это свидетельствует о тенденции населения превышать средства к существованию. Но, конечно, необходимо показать на опыте, что, хотя сила желания остается такой же на более поздних стадиях роста населения, как и на более ранних, трудоемкость труда на более поздних стадиях увеличения количества продовольствия выше, чем на более ранних. Это простая истина, говорит Мальтус, что природа скупа в своих подарках человеку и ни в коем случае не идет в ногу с его желаниями. Если люди хотят удовлетворять свою потребность в пище с прежней скоростью, они должны напрягать свой ум или тело гораздо больше, чем вначале.^[123] Напрашивается очевидное возражение. Поскольку пища человека состоит, в конце концов, из низших форм жизни, животных и растительных, и поскольку они, по общему признанию, имеют тенденцию увеличиваться, неконтролируемо сами по себе, в геометрическом соотношении,

можно было бы подумать, что увеличение численности человечества и увеличение его продовольствия могли бы происходить одновременно, с одинаковой легкостью. Но ответ заключается в том, что это неконтролируемое геометрическое увеличение первого могло продолжаться только до тех пор, пока для этого оставалось место. Это могло быть верно, например, только в отношении пшеницы на кукурузном поле в то время, когда ее семя было посеяно, и все поле было перед ней. Равенство этих двух соотношений было бы справедливо только для первого урожая.^[124] Сначала семян могло быть в пять или шесть раз больше; но в последующие годы, хотя геометрический прирост от семян, как правило, оставался прежним, геометрического увеличения общего урожая без посторонней помощи природы быть не могло. Земля не имеет тенденции увеличивать свою поверхность. Животные и овощи имеют тенденцию увеличиваться в геометрической прогрессии в качестве живых существ, но не в качестве пищи для человека. Такое же количество продукта, без сомнения, можно было бы получить на свежем поле из семян, полученных с первого, и с той же геометрической скоростью; но это предполагает наличие свежего поля, и тогда мы не были бы на должной стадии, чтобы сравнивать два соотношения. Контраст начинает проявляться, как только на данном участке земли вырастает свой урожай, а его животные и человеческая популяция используют всю имеющуюся на нем пищу. Тогда возникает вопрос, каким образом вообще можно сделать возможным какое-либо увеличение упомянутой популяции, если они ограничены своими собственными запасами; ответ таков: только за счет большей изобретательности и большего труда в добычании пищи; и, как бы это ни было возможно, это вряд ли может быть так просто, как увеличение числа живых существ за счет их собственных действий.

Степень неравенства между ними, конечно, будет зависеть от степени скорости, с которой, как предполагается, неконтролируемое население удвоится. Сэр Уильям Петти,^[125] располагая немногими заслуживающими доверия статистическими данными, предполагал десять лет; Эйлер с несколько лучшими данными - двенадцать и четыре пятых; но Мальтус предпочитает руководствоваться достоверными цифрами американских колоний, которые он всегда рассматривал как решающее доказательство того, что период составлял не более двадцати пяти. Он признает риск своего собственного математического сравнения, когда допускает, что легче определить темпы естественного прироста населения, чем темпы прироста продовольствия, которые в гораздо меньшей степени естественны (или спонтанны); и он доказывает на основании того, что было сделано в Англии в его время, что прирост не будет выражаться даже в арифметическом соотношении, хотя улучшение сельского хозяйства (благодаря Артуру Янгу и Совету по сельскому хозяйству, а также длительному господству высоких цен) очень ощутимо увеличивало средний объем производства. Если наполеоновские времена были временем принудительного заселения Англии, то это были также времена принудительного сельскохозяйственного производства. Тем не менее, мы сами, спустя долгое время после этого стимула и после значительного развития сельского хозяйства, неизвестного нашим отцам, достигли лишь среднего уровня производства в двадцать восемь бушелей с акра пахотной земли по сравнению с двадцатью тремя в 1770 году,^[126] в то время как население увеличилось примерно с шести миллионов до тридцати пяти. Можно сказать, что это относится только к пшенице. Но до недавнего времени выращивание пшеницы было главной целью всего нашего научного сельского хозяйства; и это результат столетних усовершенствований. Это далеко не арифметический прирост; и даже если бы продукт увеличился в семь раз вместе с населением, это не опровергло бы утверждение Мальтуса, поскольку он говорит не о каком-

либо увеличении продовольствия, а о таком увеличении, произведенном теми же методами и тем же видом труда, которые увеличивали старые запасы.^[127] Как только будет признано, что выращивание новых продуктов питания требует большего труда и новых изобретений, в то время как для появления на свет новых людей требуется не больше, чем во все прошлые времена, несоответствие между ними уже признано. Тот факт, что оба процесса зависят от действий человека и оба практически безграничны, не мешает им быть существенно непохожими.^[128] Возражающие часто предполагают, что тенденции населения превышать средства к существованию противоречит существование безлюдных или малонаселенных стран, точно так же, как если бы тенденции тел притягиваться друг к другу противоречила несжимаемость материи. Важно отметить, что одна сила больше другой. Одна относится к другой так же, как заяц к черепахе в басне. Чтобы заставить медлительную черепаху выиграть гонку, мы должны усыпить зайца.^[129]

Кэри (Социальные науки, том i. глава iii. § 5) представляет точку зрения Мальтуса следующими положениями:-1. “Материя стремится принять более высокие формы”, переходя от неорганической к растительной и животной жизни, а от них к человеку. 2. Материя стремится принять растительную и животную формы только в арифметическом соотношении. 3. Это имеет тенденцию принимать свою высшую форму, человек, в геометрическом соотношении, так что высшее опережает низшее. Короче говоря, он считает, что Мальтус считает, что геометрическое увеличение верно только для человека, и только арифметическое верно для животных и растений. Но Мальтус действительно приписывал тенденцию к геометрическому увеличению всему живому вообще, а арифметическому - всей пище как таковой.

В Приложении Маквея Нейпира к Британской энциклопедии (1824) Мальтус оставил свое зрелое изложение своих основных принципов, и, рискуя повториться, этот отчет может быть добавлен здесь. Главное отличие от эссе заключается в расположении ведущих идей; и мы можем узнать, по крайней мере, что он считал их относительной важностью к концу своей жизни.

Он начинает с наблюдения (1), что *все живые существа*, какого бы вида они ни были, при надлежащем питании имеют тенденцию увеличиваться в геометрической пропорции, будь то (как пшеница), умножаясь в шесть раз за один год, или (как овцы), удваивая свою численность за два года, стремясь заполнить землю, одно за четырнадцать, другое за семьдесят шесть лет. Но (2) на самом деле они так не увеличиваются, и причина либо в недостатке воли у человека, либо в недостатке силы обеспечить их надлежащей почвой или пастбищем. Фактический темп прироста чрезвычайно медленный, в то время как сила прироста огромна. (3) Физически человек такой же, как все остальные; и если мы спросим, что является фактором его геометрического увеличения, мы можем сказать это только, как в случае с пшеницей и овцами, на собственном опыте. (4) В случае с другими живыми существами, там, где больше всего места и пищи, наблюдается наибольший прирост. Эти условия лучше всего выполняются для человека в Соединенных Штатах, где распределение богатства лучше, чем в других столь же плодородных местах, и большее число людей пользуется преимуществами. Перепись населения США показывает за три десятилетия между 1790 и 1820 годами темпы прироста, которые удвоили бы численность за $22\frac{1}{3}$, $22\frac{1}{2}$ и $23\frac{7}{12}$ года соответственно, после того как мы ежегодно вычитаем из числа иммигрантов в среднем десять тысяч человек.

Поразительное косвенное подтверждение этого взгляда на рост американской прирости было предоставлено Мальтусу^[130] Джошуа Милном, автором "Трактата о аннуитетах". Его расчеты были основаны на новой шведской таблице смертности. Эта таблица была составлена на основе реестров первых пяти лет столетия, годов необычайно здорового состояния; и поэтому можно предположить, что она отражает нормальное состояние новой и здоровой страны, такой как Соединенные Штаты, лучше, чем старая таблица, составленная за годы до санитарной реформы и вакцинации. Милн использовал шведскую таблицу в качестве ориентира, а миллион человек - в качестве единицы измерения; он вычислил, в каких пропорциях составляющие миллион особи должны принадлежать к детству, юности, зрелой жизни и старости, чтобы, согласно принципам шведской таблицы, миллион мог удвоиться за счет естественного прироста за двадцать пять лет; и он пришел к распределению, настолько похожему на то, которое дает американская перепись, что он был вынужден заключить, что темпы прироста населения в Америке, по крайней мере, очень похожи на тот, при котором население удваивается за двадцать пять лет. Но шведский закон смертности не может быть в точности справедлив для Соединенных Штатов, которые в целом более здоровы, чем Швеция, даже в лучшие годы Швеции.^[131] Соединенные Штаты сами по себе не самая здоровая, богатая и счастливая страна, какую только можно себе представить; и поэтому их рост происходит не самыми быстрыми темпами. Если наблюдаемый факт увеличения является лучшим доказательством способности к увеличению, то наблюдаемое наличие проверок приводит к *тем более* рассуждению, посредством которого мы делаем вывод о способности к большему увеличению, чем любое фактически наблюдаемое. Подводя итог всей этой первой части аргументации, — "принимая во внимание фактические темпы прироста, которые, как явствует из лучших документов, имели место на очень большой территории Соединенных Штатов Америки с весьма различными условиями в отношении здоровья и скорости прогресса, — принимая во внимание далее темпы прироста, имевшие место в Новой Испании, а также во многих странах Европы, где средства к существованию семьи и другие благоприятные для увеличения обстоятельства не идут ни в какое сравнение с таковыми в Соединенных Штатах, — и обращая особое внимание на фактический прирост населения, имевший место в этом регионе". страна за последние двадцать лет^[132] при наличии огромных препятствий, которые должны привлекать внимание самого невнимательного наблюдателя, должно казаться, что предположение о таких темпах прироста, которые удвоили бы население за двадцать пять лет, как представляющее естественный прирост населения, когда ему не препятствуют трудности с добыванием средств к существованию или другие особые причины преждевременной смертности, должно быть определено в пределах истины. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что население, когда его неконтролируют, увеличивается в геометрической пропорции такого характера, что удваивается каждые двадцать пять лет".^[133]

Проблема сформулирована только наполовину; еще предстоит показать, какова скорость увеличения количества пищи. Случай не допускает подобного рода доказательств. Мы можем предположить, что неконтролируемый рост числа мужчин происходит без каких-либо изменений в человеческой природе; нам остается только предположить, что в будущем будет такое же поощрение брака и тот же образ жизни, а также тот же закон смертности. Но с увеличением количества пищи причины не остаются прежними. Если бы можно было раздобыть хорошую землю в изобилии, прирост продовольствия с нее был бы в геометрическом отношении намного больше, чем у людей; прирост пшеницы, например, был бы шестикратным, как мы видели. Но хороших земель сравнительно мало; по природе вещей, они скоро будут

заняты; и тогда увеличение количества продовольствия будет трудоемким процессом, скорость которого скорее будет напоминать уменьшение, чем увеличение геометрического соотношения. “Ежегодный прирост продовольствия, по крайней мере, имел бы постоянную тенденцию к уменьшению”; и величина прироста в каждые последующие десятилетия, вероятно, была бы все меньше и меньше. На практике неравенство в распределении может сдерживать увеличение количества пищи точно с такой же эффективностью, как и фактическое достижение физических пределов получения пищи. “Можно с полным основанием сказать, что человек, запертый в комнате, ограничен ее стенами, хотя он, возможно, никогда к ним не прикаснется”.^[134] Но главное в том, что, неравенство это или нет неравенств, существует тенденция к снижению продуктивности. Ни при каких условиях количество, полученное в этом году, не будет удвоено или утроено в течение неопределенного периода с той же легкостью, с какой оно было получено в этом году. В стране с относительно высоким уровнем населения, такой как Англия или Германия, максимальным мог бы быть прирост каждые двадцать пять лет, равный нынешнему объему производства. Но продолжение этого означало бы, что в ближайшие двести лет каждая ферма должна производить в восемь раз больше, чем сейчас, или через пятьсот лет в двадцать раз больше; и даже это невероятно, хотя это была бы всего лишь арифметическая прогрессия. Без сомнения, почти все части земли сейчас заселены слабее, чем это могли бы позволить их возможности; но трудность заключается в том, чтобы использовать эти возможности. О том, что эта точка зрения Мальтуса не обязательно подразумевает какое-либо незнание или пренебрежение ресурсами высокоразвитого земледелия, можно судить по тому факту, что наш высший авторитет в области сельского хозяйства, признающий способность английского земледелия обеспечивать в случае необходимости даже все наши годовые потребности, в то же время признает, что “там, где полная занятость и средства к существованию в изобилии, население увеличивается в геометрической прогрессии и, следовательно, в гораздо более быстрой пропорции, чем возросшая продуктивность почвы, которая после определенного момента становится неподвижной”.^[135] ”Из этого с необходимостью следует, - резюмирует Мальтус, - что средние темпы фактического прироста населения на большей части земного шара, подчиняющиеся тому же закону, что и увеличение запасов продовольствия, должны полностью отличаться по характеру от темпов, с которыми они увеличивались бы, если бы их не контролировать”. Ни на одной отдельной ферме не удалось бы увеличить производство настолько, чтобы идти в ногу с геометрическим увеличением населения; и то, что верно для отдельной фермы, верно в данном случае для всей земли. Машины и изобретения могут принести меньше пользы в сельском хозяйстве, чем в производстве, и они никогда не могут сделать настолько много, чтобы сделать ненужными профилактические проверки.^[136]

Это аргумент Энциклопедии в той мере, в какой он относится к тезисам эссе. Мальтус развивает его замечанием об институте собственности. Альтернативами, по его мнению, всегда были частная собственность в том виде, в каком мы ее имеем сейчас, и общая собственность, в том виде, в каком ее желал Годвин. Он поддерживает первое, потому что, “согласно всему прошлому опыту и лучшим наблюдениям, которые можно сделать о мотивах, действующих на человеческий разум”, эта система дает наибольший урожай с земли, и потому что (что гораздо важнее в социальном плане), заставляя мужчину чувствовать свою ответственность и зависимость от собственных усилий, это способствует благоразумию в браке, а также усердию в работе. Исторически общая собственность не была успешной; и самое широкое распространение народного образования не сделало бы людей более пригодными для нее.

Действительно, в некотором смысле общая собственность могла бы иметь тенденцию продвигать производство дальше, чем частная собственность; культивирование, будучи направлено не на получение прибыли, а просто на пропитание, не остановилось бы, как в настоящее время, на том этапе, когда производство перестало бы быть выгодным вложением средств. Но это означало бы^[137], что вся энергия общества была направлена на простое добывание пищи; ни у всего общества, ни у какой-либо его части не было досуга для интеллектуального труда или удовольствий. Принимая во внимание, что частная собственность не только обеспечивает досуг, но, останавливаясь на точке прибыльности, она сохраняет неиспользованный резерв, к которому общество может прибегнуть в случае необходимости. Поэтому Мальтус был бы сторонником частной собственности, хотя и считает, что частные собственники могут нанести ущерб национальному богатству, сохраняя дичь, и нанести ущерб беднейшим классам, недостаточно тратя на то, что они производят.^[138]

Фактический прирост населения (продолжает он) и необходимость его сдерживания зависят от трудности добывания пищи по любой причине, будь то истощение почвы или плохая структура общества; и эта трудность относится не к отдаленному будущему, а к настоящему.

Главным образом контраст между фактическими и возможными запасами заставляет людей не доверять необходимости ограничений; и мы можем допустить, что при идеальном правительстве, совершенных людях и безупречной социальной системе производство сначала было бы настолько велико, что необходимость в ограничениях численности населения была бы значительно снижена; но, поскольку продуктивность земли не увеличивается с увеличением численности населения, прошло бы очень мало времени, прежде чем давление ограничений подтвердилось бы — на этот раз не по вине человека, а просто из-за природы почвы.^[139] Плохое правительство наших предков оставило много продуктов неиспользованными, и, как следствие, в настоящее время у нас есть большой запас, на который можно опереться. Но “если бы только со времен Вильгельма Завоевателя всеми народами земли хорошо управляли, и если бы распределение собственности и привычки как богатых, так и бедных были наиболее благоприятными для спроса на продукты и рабочую силу, хотя количество продовольствия и населения были бы значительно больше, чем в настоящее время, средств для уменьшения ограничений населению, несомненно, было бы меньше”.

Но, хотя законы природы ответственны за необходимость проверок населения,^[140] “огромная масса ответственности остается позади, на человеке и институтах общества”. Им в первую очередь обязана скудость нынешнего населения земли, поскольку существует лишь несколько ее частей, которые при лучшем правительстве и лучшей морали не поддерживали бы вдвое, в десять или даже в сто раз больше жителей, чем сейчас. Во-вторых, хотя человек не может устранить необходимость проверок или даже заставить их нажимать намного мягче в любом заданном месте,^[141] он несет ответственность за их точный характер и конкретный режим работы. Хорошее правительство и хорошие институты могут направлять их таким образом, чтобы они были наименее вредными для общей добродетели и счастья, порок и несчастье исчезали перед моральными ограничениями, хотя, в конце концов, влияние правительства и институтов является косвенным, и все зависит от поведения отдельных граждан.

Остальная часть статьи содержит мало того, чего нет в "Эссе о народонаселении" (5-е изд., 1817) и "Трактате о политической экономии" (1-е изд., 1820). В нем приведены исторические очерки первого, некоторая небольшая часть экономических дискуссий (например, о

заработной плате) второго и краткий ответ на текущие возражения, а также некоторые таблицы смертности и другие цифры, представляющие больший интерес для профессионального актуария, чем для обычного читателя. Статья представляет собой авторитетное изложение доктрин автора в их окончательной форме. Это была не последняя его работа. Из того факта, что он опубликовал статью в сентябре 1821 г.,^[142] мы, возможно, можем сделать вывод, что он передал ее в руки Маквея Нейпира в 1822 году.^[143] Но это была его последняя попытка изложить тему эссе в независимой форме с чем-либо, приближающимся к полноте деталей, и это показывает, что он не внес никаких изменений в свою позицию. Краткий обзор принципа народонаселения (1830), по общему признанию, был сокращением статьи в Энциклопедии и фактически является этой статьей с опущенными несколькими абзацами и измененными несколькими местоимениями.

Четкое изложение этих двух тенденций было, по его собственным глазам, наименее оригинальной частью его творчества. Другие авторы часто отчетливо понимали, что численность населения всегда должна быть сведена к уровню средств к существованию. “Тем не менее, было проведено мало исследований различных способов, с помощью которых достигается этот уровень, и принцип никогда не рассматривался в достаточной степени с точки зрения его последствий, равно как и те практические выводы, сделанные из него, которые, по-видимому, предполагает строгое изучение его воздействия на общество”.^[144] То, что некоторые люди сочли бы более интересным вопросом, еще предстоит рассмотреть - вопрос, который более близко затрагивает отдельных людей и знакомые обстоятельства, и на него нельзя ответить с помощью общности, исходя из которой мы легко можем мыслить иначе, чем о наших собственных индивидуальных “я”. Поскольку в любое данное время, в любом данном месте, среди любого данного народа существует (1) тенденция населения к превышению средств к существованию, и (2) на самом деле такого избытка нет, каким способом или путями предотвращается реализация этой тенденции? Как было сказано выше,^[145] это осуществляется двумя видами способов — (1) положительным, (2) профилактическим: первый сокращает фактическую популяцию до уровня ее пропитания, второй запрещает необходимость сокращения популяции и, поскольку это добровольно, характерно для человека среди живых существ. Что касается положительного, то все то, что проистекает из законов природы, можно назвать чистым и незатейливым страданием; а все то, что люди навлекают на себя войнами, эксцессами и всевозможными неприятностями, которых можно избежать, имеет смешанный характер, их причинами являются пороки, а их последствиями - несчастье. Из превентивных мер то воздержание от вступления в брак, которое не сопровождается каким-либо аморальным поведением со стороны лица, сдерживающего себя, называется моральным сдерживанием. Любое ограничение, которое является благоразумным и превентивным, но аморальным, подпадает под категорию порока, поскольку так можно назвать любое действие, имеющее “общую тенденцию вызывать несчастье”, какими бы безобидными ни были его непосредственные последствия.^[146] Таким образом, мы обнаруживаем, что все позитивные и профилактические проверки сводятся к пороку, страданию и моральным ограничениям, или греху, боли и самоконтролю, тройственному разделению, которое делает второе эссе “принципиально отличным” от первого.^[147]

Здесь мы имеем двойное, а не тройное разделение проверок населения. Первое проводится с объективной, другое - с субъективной точки зрения. Разделение проверок (1) на позитивные и профилактические имеет отношение просто к внешним фактам; этими двумя способами население ограничивается продуктами питания. Разделение их (2) на порок, страдание и моральные ограничения имеет отношение к человеку и его внутреннему состоянию, состоянию его чувств и его воли. Например, позитивной проверкой, рассматриваемой субъективно или с точки зрения человека, является чувство боли; воля не имеет к нему прямого отношения. Превентивный, с той же точки зрения, носит менее простой характер. Прежде всего, моральное ограничение влечет за собой временные страдания или боль при сдерживании желания; "рассматриваемое как ограничение склонности, в остальном невинной и всегда естественной, должно быть позволено вызывать определенную степень временного несчастья, но, очевидно, незначительное по сравнению со злом, которое является результатом любых других проверок населения",^[148] и "просто^[149] того же характера, что и многие другие жертвы от временного к постоянному удовлетворению, которые моральный деятель должен постоянно приносить". Обратное верно в отношении порочных излишеств и страстей; в своем непосредственном удовлетворении они приятны, но их постоянными последствиями являются страдания. С точки зрения воли дело ясное, ибо состояние воли было бы описано Мальтусом, если бы он когда-либо использовал такие термины, как в одном случае добро, а в другом случае зло, чистое и простое. Конечно, при историческом рассмотрении вопроса мы можем пренебречь субъективной точкой зрения не потому, что она не необходима для надлежащего знания фактов, а потому, что она ведет к психологическому исследованию, результаты которого не зависят от дат.

Мальтус продолжает говорить, что во всех случаях, когда вообще возникает необходимость в проверках, именно общая сумма всех профилактических и положительных проверок формирует проверку населения в любой данной стране в любой данный момент времени,^[150] и его целью будет показать, в каких относительных пропорциях и в какой степени они преобладают в различных известных нам странах. . Далее он предполагает, что профилактические и положительные проверки будут "отличаться обратно пропорционально друг другу". В странах, где смертность высока, влияние профилактической проверки будет небольшим; а там, где профилактическая проверка преобладает в значительной степени, положительная проверка, или, вкратце, смертность, будет небольшой.^[151]

Мальтус думает, что в обществе, каким оно было в первые годы девятнадцатого века, он может проследить даже посредством своих собственных наблюдений "колебание", или то, что сейчас принято называть "циклом", в движении населения. История плохо показывает это просто потому, что "истории человечества, которыми мы располагаем, в целом относятся только к высшим классам",^[152] и это наблюдение применимо именно к трудящимся классам. Их болезненный опыт более жестких проверок не помешал "постоянным усилиям" трудового населения создать семьи большего размера, чем они в состоянии прокормить. Следствием этого является то, что их численность увеличивается; они должны делить между одиннадцатью с половиной миллионами продовольствие, которое раньше делилось между одиннадцатью миллионами; они должны получать более низкую заработную плату и более дорогие продукты. Но это бедственное положение настолько сдержит население, что со временем его численность практически остановится, в то время как в то же время, поскольку спрос на продовольствие был выше, а рабочая сила была дешевле, применение капитала в сельском хозяйстве увеличит доступное продовольствие. Результатом будет такая же терпимая степень

комфорта, как и в начале цикла, и такой же рецидив, как и на втором этапе. Он считает, что эти две стадии следуют друг за другом так же естественно, как солнечный дождь и солнечный дождь в дождливую погоду. Существование такого цикла может остаться скрытым от обычного историка, если он обратит внимание только на денежную заработную плату рабочего, поскольку часто случается, что рабочий получает одни и те же суммы денег в качестве своей заработной платы в течение длительного ряда лет, когда реальная стоимость этих сумм не остается неизменной, — цена хлеба на том, что мы назвали второй стадией цикла, намного дороже, чем это было на первой и чем это будет на третьей.^[153] Хотя Мальтус явно уточняет свои утверждения, показывая, что цивилизация имеет тенденцию противодействовать этим колебаниям, в 1803 году, безусловно, казалось, что он верил в то, что в целом рабочие классы Европы, и особенно Англии, были бессильны спастись от них. Насколько оправдана эта точка зрения, мы увидим в ближайшее время.

ГЛАВА IV. ДИКАРЬ, ВАРВАР С ВОСТОКА.

Сравнение заменено фактом—Дикая жизнь—Население зависит не от возможной, а от реальной пищи—Непрямое действие положительных проверок—Голод не является принципом прогресса—Отахейте суть здравого смысла—Цикл в движении населения—Остров Питкэрн—Варвары и восточные пастухи—кочевники—Аврам и Лот—Кимвры и германцы—Гиббон*против* Монтескье—“В страхе на границах Вселенной”—Неправильное управление косвенная проверка населения—Древняя Европа менее густонаселенна, чем современная—Цивилизация постепенная победа в третьем зачете.

Основное положение эссе было настолько неопровержимым, что, когда критики отчаялись уличить Мальтуса в парадоксе, они обвинили его в трюизме. Дружественному Халламу^[154] математическая основа аргументации казалась столь же достоверной, как таблица умножения, и недружелюбный Хэзлитт “не видел, что можно было обнаружить, прочитав таблицы потомков Ноя и узнав, что земля круглая”.^[155] Если бы эссеист не сделал ничего большего, а просто объединил полуправду в единое целое, он бы “окопался в неприступной крепости” и придал бы своей работе великолепный “вид мастерства”.^[156] Но он убедил бы понимание, не убедив воображение. Сам Адам Смит выполнил бы не более половины своей работы, если бы удовлетворился доказательством разумности свободной торговли, не показывая в деталях ее последствий и их противоположностей. Даже самый компетентный читатель редко располагает в своей памяти всеми относящимися к делу фактами, готовыми командовать; и он всегда будет благодарен за иллюстрации. Эссе о народонаселении во втором варианте, безусловно, превзошло все экономические работы, за исключением одной, своими уместными примерами из жизни и истории.

Воображение в более узком смысле этого слова должно быть вне суда. Мальтус, как и Адам Смит, не только мало оставляет для воображения своего читателя, но и мало использует свое собственное. Его собственное эссе ввело читателей в заблуждение в первом эссе, хотя оно, безусловно, придало этой маленькой книге большую пикантность; и он решает ради истины связать ее цепью, как Кольридж сковал цепью свое понимание. Таинство самоотречения выполнено слишком полно. Стиль его эссе действительно описан им самим^[157] как постепенно

“утративший все претензии на достоинства”. Издание следует за изданием, каждое со своими сносками, дополнениями, перестановками и исправлениями, пока читатель не почувствует, что этот автор “был бы понятнее, если бы не был таким ясным”.

Но титульный лист служит путеводной нитью. Начиная со второго и до последнего издания, “Прошлое” и “Настоящее” пишутся большими буквами, “Будущее” - маленькими. Таким образом, все произведение может быть разделено в соответствии с тремя временами, с акцентом на два первых. Первая книга посвящена прошлому, вторая - настоящему, а третья и четвертая - будущему.

В первом рассказывается о менее цивилизованных частях света, каковы они сейчас, и о нецивилизованном прошлом; во втором - о различных государствах современной Европы; в третьем критикуются популярные схемы будущих улучшений; в то время как в четвертом излагаются собственные взгляды автора на возможный прогресс человечества.

Объяснив свои принципы, Мальтус проводит обзор прогресса человечества, если не от животного к дикарю, то, по крайней мере, от дикаря к гражданину. Он показывает нам, как грубые и простые позитивные проверки усложняются превентивными; и он ведет нас от варварства к цивилизации, пока мы не окажемся в обществе, где граждане думают не столько о контроле, сколько о главной цели, и не столько о самопожертвовании, сколько о самоотдаче какому-то делу или человеку, и даже низшие члены действуют, в худшем случае, из смешанных побуждений, содержащих как добро, так и зло. Это два крайних конца его линии. Было бы бесполезно отрицать, что он дольше всего задерживается на менее приятном и дает Годвину некоторый повод усомниться в его логическом праве вообще верить в более приятное.^[158] В то же время для него было бы (даже логически) невозможно напасть на Годвина за абстрактные взгляды на природу человека, а затем упорствовать в собственной абстракции после всех его собственных европейских путешествий и исторических исследований. Его вина заключалась в неправильных посылках, а не в ложных рассуждениях; и он исправляет эту ошибку.

Давайте рассмотрим его рассказ в его собственном порядке. Начиная с нынешней дикости, которая с некоторыми оговорками является картиной нашего собственного прошлого, он просматривает описания Кука, Ванкувера и других путешественников, чтобы увидеть, какие проверки населения действуют на разных уровнях дикости человечества. В самом низу шкалы находится Огненная земля, по общему согласию являющаяся обителью чистой нищеты и, следовательно, естественно, домом для немногочисленного населения. Далее следуют уроженцы Андаманских островов и Земли Ван Димена. “Все их время тратится на поиски пищи”, которая состоит из сырых продуктов почвы и моря; все время каждого человека посвящено этому единственному труду, и в нем нет ни места, ни стимула для каких-либо других отраслей промышленности. Порок вряд ли нужен; нищета в виде постоянной нехватки продовольствия и голода приковывает людей к еде. Третьими по шкале человеческих существ являются жители Новой Голландии, исконные жители Северо-Западной Австралии, среди которых прослеживается не только борьба с нищетой, но и борьба с пороком. С женщинами во все времена обращаются так жестоко, а дети получают такое суровое воспитание, что нетрудно понять, почему население даже не достигает полного предела скудной пищи. Война и эпидемия делают эту уверенность вдвойне надежной. Поскольку дикари совершенно не знакомы с санитарными науками, грязь на их лицах и в их домах лишает их “преимущества, которое обычно сопутствует малонаселенной стране”, сравнительного освобождения от эпидемий.^[159]

Даже североамериканские индейцы, которые стоят на ступеньку выше жителей Новой Голландии, подвергаются такому же осуждению за перенаселенность и за многое другое помимо этого. Отчет, который дает о них Мальтус, можно сравнить с отчетом Де Токвиля полвека спустя. Романтика прилепилась к ним только потому, что они были самыми близкими и известными дикарями в своем роде, а их необходимый труд был в Европе развлечением богатых людей. Но охота и речная рыбная ловля не могут принести много пищи, если не проводиться на большой территории. Охотник настолько похож на хищного зверя, которого он преследует, что ему приходится преодолевать большие расстояния в поисках пищи и приходится либо убегать от каждого соперника, либо побеждать его. Следовательно, североамериканский индеец должен либо отправиться на Запад в поисках своей старой пищи, либо остаться там, где он есть, чтобы отбиться от европейцев или перенять их пищу и привычки. “У индейцев есть только два способа спастись - война и цивилизация. Они должны либо уничтожить европейцев, либо стать равными им”.^[160] Поскольку цивилизация нации охотников практически невозможна, их вымирание кажется неизбежным. Остается вопрос, каким образом это население сокращается до уровня потребления продовольствия?

В ответе Мальтуса на этот вопрос встречаются три замечания, имеющие большое общее значение. Во-первых, численность народа ограничивает не возможная, а реальная еда.^[161] Во-вторых, нужда уничтожает население реже напрямую в результате голода, чем косвенно через нравы и обычаи.^[162] В-третьих, простое давление надвигающегося голода не ведет к прогрессу.^[163]

Мальтус никогда не устает настаивать на первом из этих замечаний; и правильное понимание этого важно для справедливого суждения о его доктрине. Он никогда не говорит, что это тенденция населения увеличиваться до пределов максимально возможного количества продовольствия, которое может быть произведено в данной стране. Долина Миссисипи, будучи высоко возделанной, возможно, сможет прокормить сотню миллионов человек; но вопрос не в том, что она будет делать, будучи высоко возделанной, а в том, что она может сделать, будучи возделанной такой, какая она есть сейчас, и такой, какими являются люди сейчас. “При общем взгляде на американский континент, описанном историками, население, по-видимому, было распределено по поверхности почти пропорционально количеству пищи, которое жители различных частей при действительном состоянии их промышленности и усовершенствований могли фактически получить; и то, что, за немногими исключениями, оно сильно приближалось к этому пределу, а не было ниже его, видно из частого повторения бедствий из-за нехватки продовольствия во всех частях Америки”.^[164] То, что сказано здесь об индейцах сто лет назад, относится и к колонистам сейчас. “Фактическое состояние промышленности”, конечно, гораздо более улучшено; но население, которое будет рождать земля, все еще пропорционально ему, и это количество не могло быть увеличено до тех пор, пока не было улучшено фактическое состояние промышленности. Одной из причин сокращения численности индейцев было то, что их методы производства не только не улучшились, но ухудшились из-за контактов с европейцами, и поэтому численность населения фактически сократилась, вместо того чтобы быть увеличенной.^[165] Это объясняет, почему их уменьшающаяся численность не приносит им большего комфорта. Слишком велика или слишком мала численность в том или ином конкретном случае, всегда зависит от количества пищи, которое делится между ними; и там, где количество пищи уменьшается быстрее, чем численность населения, численность населения, которая уменьшилась численно, на самом деле увеличивается пропорционально количеству пищи. Утверждение о том, что Англия или

любая другая страна могла бы вынести на миллионы больше, чем сейчас, - это просто ссылка на неизведанные возможности, уводящие нас в бесконечность. На этот вопрос можно ответить так же, как на элеатские загадки о движении; земля, бесконечно улучшаемая, не означает землю, бесконечно улучшаемую, как материя, бесконечно делимая, не означает материю, бесконечно разделенную. Следовательно, позиция Мальтуса такова: при данных навыках народа и при данном уровне его жизни в любое время его численность всегда стремится к максимуму, который может быть обеспечен этим навыком для жизни в соответствии с этим стандартом, то есть тем, что, согласно этому стандарту, является необходимым для человеческой жизни. Либо снижение этого навыка, либо повышение этого стандарта приведет к перенаселению. Вопрос всегда относительный.

Отличие человека от животного в характере проблемы проявляется не только в этой относительности (которая влияет главным образом на профилактические проверки), но и в косвенном способе, которым предпочитают действовать позитивные проверки, если можно так выразиться. Это выглядит так, как если бы они всегда стремились, насколько это возможно, сосредоточиться на предотвращении. Конечным сдерживающим фактором, по словам Мальтуса, является голодание; но, добавляет он, оно редко бывает немедленным. Чем выше мы поднимаемся по шкале, тем больше она скрыта от глаз. Все слои общества, выше низших, истолковывают голод как потерю того, что они считают необходимым не для простого существования, а для сносной жизни; и даже низшие, вместо того чтобы испытывать некоторую боль, опасаются кого-то, кто ее приносит. Они не позволяют голоду убить себя; они создают манеры и обычаи, которые делают за него всю работу, отдавая сам голод. “И теория, и опыт в равной степени учат нас, что менее обильный запас пищи действует при постепенно возрастающем давлении в течение очень долгого времени, прежде чем его поступление прекращается. Действительно, трудно представить себе более сильное потрясение для общества, чем тот факт, что оно сразу же окажется на пределе средств к существованию, со всеми привычками к изобилию и ранним бракам, которые сопровождают значительный рост населения. Но, к счастью для человечества, этого никогда не было и не может быть. Это событие обеспечивается совпадающими интересами и чувствами индивидов задолго до его наступления; и постепенное уменьшение реальной заработной платы трудящихся классов общества медленно и почти незаметно порождает привычки, необходимые для такого порядка вещей, при котором средства на содержание рабочей силы постоянны.... Причины [замедления роста населения] будут ощущаться в целом и [приведут] к изменению привычек задолго до наступления этого периода”.^[166] “Недостаточное снабжение любого народа продовольствием проявляется не только в форме голода, но и в других, более постоянных формах бедствия и в порождении определенных обычаев, которые иногда действуют с большей силой для предотвращения роста населения”, чем в уничтожении восставших.^[167] Историк Робертсон верно говорит, что, возможно, сомнительно, улучшила ли цивилизация участь мужчин, но она определенно улучшила положение женщин. Среди индейцев и почти всех дикарей “рабство - слишком мягкое название, чтобы описать их жалкое состояние”. Тяжелая жизнь мужчин убивает их инстинктивную привязанность к женщинам; поэтому у последних меньше шансов стать матерями, а если и становятся, то их собственные трудности и тяжелая работа являются большим препятствием для ухода за детьми. Неудивительно, что выжившие дети имеют хорошее телосложение; никто, кроме исключительно сильных, не мог выдержать жестокой дисциплины детства.^[168] В Южной Америке трудности воспитания фактически привели к принудительной моногамии, а также к поздним бракам и сопровождающим их нередким

нарушениям до вступления в брак. Такие обычаи уменьшают численность. Но даже взрослым дикарям нелегко жить. Они не из тех людей, которые думают о запасах на черный день; в короткие моменты изобилия они не думают о долгих днях нужды. Невоздержанный образ жизни, а также суровость и несчастные случаи охотничьей жизни сокращают численность в расцвете сил. Они подвержены болезням и не изобретают лекарств. Их молчаливое согласие с грязью приводит к эпидемиям, но они не изобретают санитарных реформ, и их малонаселенная страна теряет свою естественную защищенность от эпидемий. Их войны носят междоусобный характер, поскольку они в значительной степени продиктованы исключительно чувством самосохранения и мыслью о том, что если один воюющий останется в живых, то другой - нет. Сам каннибализм поначалу был вызван крайней нуждой, хотя то, что иногда начиналось с голода, увековечивало ненависть в обычае. Это, а также низкая хитрость и подлая стратегия, обусловленная решимостью выжить любой ценой, являются главными изобретениями борьбы за существование на этих низких уровнях.

Таковы причины, по которым численность североамериканских индейцев сведена к очень низкой цифре; но, какой бы низкой она ни была, эта цифра достаточно высока для пропитания. Если не считать разницы в уровне жизни, соотношение населения и продовольствия во всем обитаемом мире одинаково; и в одном и том же районе или среди родственных рас оно будет почти идентичным. Уменьшение численности одного индейского племени, не являющееся добровольным, не принесет изобилия выжившим; это было следствием нужды, и это просто ослабит коллективную силу племени в борьбе против других.^[169]

Превосходство нужды как окончательной меры сдерживания населения иллюстрируется мгновенным увеличением численности населения, которое вызывается у этих категорий человечества наступлением изобилия. Когда племя попадает на плодородную землю, его численность увеличивается, и его коллективная мощь, зависящая от численности, становится больше. Однако увеличение количества пищи, по-видимому, в данном случае не приводит ни к чему иному, как к увеличению численности. Существует печальное равенство страданий между племенами, а также между членами одного и того же племени. Нет различия по рангу, а только по полу и физической силе в том, что касается стойкости к трудностям.

Именно в этой связи Мальтус проливает некоторый свет на вопрос, как вообще мог иметь место прогресс. Его ответ мало чем отличается от замечания Адама Смита о связи высокой заработной платы с хорошей работой. Он говорит, что сверх определенного предела тяжелая пища и великая нужда лишают людей возможности совершенствоваться; комфорт должен достичь определенной высоты, прежде чем желания цивилизованной жизни вообще смогут воплотиться в жизнь. Если американские племена, говорит он, остались охотниками, то это не просто потому, что их численность не увеличилась в достаточной степени, чтобы создать необходимое им пастушеское или земледельческое состояние. Причины, на конкретизацию которых Мальтус не претендует,^[170] и которые, по его мнению, не связаны с простым увеличением или уменьшением численности, помешали этим племенам вообще когда-либо пытаться разводить скот или кукурузу. “Если бы один только голод мог побудить дикие племена Америки к такому изменению своих привычек, я не думаю, что осталась бы хоть одна нация охотников и рыболовов; но очевидно, что для этой цели необходимо какое-то благоприятное стечение обстоятельств в дополнение к этому стимулу; и, несомненно, вероятно, что эти искусства добывания пищи будут впервые изобретены и усовершенствованы в тех местах, которые лучше всего подходят для них, и где естественное плодородие местности, позволяя

большему числу людей существовать вместе, дало бы наибольший шанс изобретательным людям". силы человеческого разума". "Определенная степень [политической] безопасности, возможно, все еще более необходима, чем богатство почвы, чтобы стимулировать переход от пастушеского состояния к сельскохозяйственному".^[171] Эти отрывки примечательны тем, что они, по-видимому, противоречат общему настрою работ автора. В первом издании эссе нам было подчеркнуто, что трудности порождают таланты,^[172] и даже второе и более поздние издания полны одобрительных комментариев к пословице "Необходимость - мать изобретательности".^[173] Противоречие вскоре разрешается. Мальтус не верит в цивилизующую силу конкуренции, когда она означает борьбу измученных голодом людей за выживание, но очень верит в нее, когда она означает борьбу за больший комфорт среди тех, у кого уже есть предметы первой необходимости.^[174] Значимость его признаний будет отмечена позже. Между тем следует отметить, что только что процитированный отрывок не совсем точен. Чем крупнее общество, тем сильнее может быть разделение труда и вытекающий из этого стимул к изобретательству; но племя может быть большим, и все же в нем мало от общества и еще меньше от разделения труда. Без таких благоприятных обстоятельств, о которых упоминает Мальтус, прогресс невозможен; но даже при них в этом нет необходимости; следовательно, они не являются реальной движущей силой.

Отчет о состоянии населения среди жителей островов Южного моря,^[175] который следует следующим по порядку после главы об американских индейцах, является иллюстрацией этих замечаний. Эти дикари живут в плодородной стране, и все же они не добиваются прогресса. Поскольку это не единственный проиллюстрированный момент, стоит рассмотреть главу подробнее.

Мальтус начинает с замечания о том, что население не должно считаться более подверженным ограничениям на острове, чем на континенте. Аббат Рейналь в своей книге об Индии попытался объяснить ряд современных обычаев, которые задерживают развитие населения^[176], сославшись на их островное происхождение. Он думал, что сначала они были вызваны перенаселением Британии и других островов и были завезены оттуда на континенты, к недоумению более поздних эпох. Но на самом деле население на материковых землях подчиняется тем же законам, что и на островах, хотя ограничения не столь очевидны для обычного наблюдения, и дело не так четко изложено в двух словах. Нация на континенте может быть так же полностью окружена своими врагами или соперниками, дикими или цивилизованными, как и любой островитянин у моря; и эмиграция может быть столь же трудной в одном случае, как и в другом. И континент, и остров заселены в соответствии с их фактическим производством. "Вероятно, пока нет ни одного известного острова, производство которого нельзя было бы еще увеличить. Это все, что можно сказать обо всей земле. И то, и другое заселено вплоть до их фактического производства. И вся земля в этом отношении подобна острову".^[177] Земля действительно более изолирована, чем любой остров в море, поскольку никакая эмиграция с нее невозможна. Следовательно, вопрос, который следует задать как обо всей земле, так и о любой ее части, звучит так: "Каким образом население сокращается до такого количества, какое оно может прокормить?"

Именно этот вопрос встал перед капитаном Куком, когда он посетил острова Тихого и Индийского океанов. Некоторые из его впечатлений там, особенно в Новой Зеландии, показывают, что коренное население подавлялось почти так же, как американское. Их главной особенностью является крайняя жестокость местных распрей. Жители каждой деревни,

которую он посещал, просили его уничтожить жителей следующей, и “если бы я послушал их, я бы истребил всю расу”. Чувство человеческого родства невозможно на столь низком уровне существования; и междоусобные войны новозеландцев были главным сдерживающим фактором для их численности, которая, судя по удручающим последствиям случайной нехватки продовольствия, в лучшем случае всегда была близка к пределу.

Первое впечатление здравого смысла состоит в том, что страдание естественно там, где пищи мало, и неестественно там, где ее много. Но “если мы переведем наш взгляд с малочисленных жителей Новой Зеландии на многолюдные берега Отахеита и островов Общества”, мы не обнаружим подобного явления. “На первый взгляд кажется, что все опасения смерти изгнаны из страны, которая описывается как плодородный сад Гесперид”. Но размышления подсказывают нам, что счастье и изобилие - самые мощные причины роста. Следовательно, мы могли бы ожидать, что в Отахеите будет большая популяция; при первом же появлении она может удвоиться не за двадцать пять, а за пятнадцать лет. Капитан Кук оценил их (во время своего второго путешествия в 1773 году) в 204 000. Как могла страна, протяженностью около ста двадцати миль, обеспечить увеличение этого числа вдвое за двадцать пять лет? Эмиграция невозможна, поскольку другие острова находятся в такой же ситуации. Дальнейшее культивирование недостаточно, поскольку научные изобретения весьма недостаточны. Ответ заключается в том, что прироста не происходит, и все же чуда не происходит. Распущенность среди высших классов и детоубийство среди всех классов свободно практикуются. Свободное разрешение детоубийства, без сомнения, как замечает Юм,^[178] как правило, имеет тенденцию скорее увеличивать, чем уменьшать население, поскольку “устраняя ужасы слишком многочисленной семьи, это вовлекло бы многих людей в брак”, а сила естественной привязанности такова, что сравнительно немногие родители осуществили бы свои первоначальные намерения. Но в Отахеите, в его старом штате, обычай облегчал детоубийство, и это было настоящей проверкой. Война против других островов была третьим испытанием, часто уничтожавшим не только людей, но и продовольствие, таким образом, убивая сразу два поколения. Несмотря на все эти проверки, население было на должном уровне, и нехватка продовольствия была такой же острой, как и на любом бесплодном острове.

По крайней мере, таково было положение вещей, обнаруженное капитаном Куком в его трех плаваниях (последнее в 1778 году) и капитаном Ванкувером (в 1791 году). С другой стороны, автор книги “Миссионерское путешествие в Южную часть Тихого океана в 1796-8 годах” (Лондон, 1799) обнаружил, что люди были очень скудны в еде. Точность обоих рассказов подтверждается описанием привычек людей в эти два периода. Капитан Кук говорит, что они тщательно сберегали каждый кусочек пищи и все же часто страдали от голода. Миссионеры отмечают частоту голода на Дружественных островах и Маркизских островах, но говорят об отахеитянах, что они чрезвычайно расточительны, и все же, кажется, никогда не испытывают нужды. Даже в промежутках между одним плаванием Кука и другим состояние острова менялось. Мальтус видит здесь иллюстрацию двух фактов. Первая заключается в том, что, помимо изменений в уровне жизни, население колеблется между большим избытком и большим недостатком, большими числами с большой смертностью и большим комфортом при быстром умножении численности. Другой, объясняющий первый, заключается в том, что любая причина, влияющая на численность населения либо в сторону увеличения, либо в сторону уменьшения, продолжает действовать в течение некоторого времени после исчезновения обстоятельств, которые впервые вызвали ее. Например, перенаселенность привела бы к войнам,^[179] и вражда этих войн надолго пережила бы их первый случай. Опять же,

перенаселенность привела бы к еще большему детоубийству и пороку, которые стали бы привычными. Новые обстоятельства, без сомнения, через некоторое время привели бы к появлению новых привычек и, говоря словами автора, “восстановили бы популяцию, которая не могла долго удерживаться ниже своего естественного уровня без самого крайнего насилия. Насколько сильно европейский контакт может повлиять на Отахеите в связи с этим крайним насилием и помешать ему восстановить свое прежнее население, может определить только опыт. Но если бы это было так, я не сомневаюсь, что, проследив за причинами этого, мы обнаружили бы, что они усугубляют порок и нищету”.^[180] На самом деле либо контакты с европейцами привели к сокращению, либо более тщательное расследование привело к более низкой оценке населения всей Полинезии. Население островов всего Общества оценивается от 15 000 до 18 000 человек,^[181] что далеко от оценки Кука в 204 000 человек только для отахеите. Однако мы с трудом можем поверить, что порок и нищета отахейцев более чем в десять раз больше, чем они были в 1773 году; и, возможно, мы можем предположить, что Мальтус имел в виду, что, если бы европейские влияния в конце имели тот же характер, что и в начале, и были столь же пагубны для полинезийцев, как и для краснокожих индейцев, язык пессимизма был бы оправдан. Этот отрывок, по крайней мере, показывает, насколько несправедливо предполагать, что Мальтус желал любой ценой сохранить небольшое население; он осторожно говорит, что, хотя порок в Отахеите, сокращая численность, вызвал временное изобилие среди выживших, все же “причина, которая может предотвратить какое-либо конкретное зло, может быть несравненно хуже самого зла”.^[182] Саму жизнь можно купить слишком дорого.

Однако ничего хорошего не добьешься, отрицая, что чрезмерная численность является злом, или оптимистично утверждая, что если люди будут только хорошими, они будут счастливы. Есть по крайней мере один полинезийский остров, история которого дает живописное доказательство обратного. Питкэрн, “одинокий остров мятежников”, был моральной противоположностью Отахеиту. Жители ничем хорошим не были обязаны своим родителям, которые были мятежниками из Х.М.С. “Баунти”, и женщинам из Отахеита, которые пришли с ними в 1790 году, когда они впервые нашли убежище на острове Питкэрн. Всем они были обязаны религиозному учению Джона Адамса, которое сделало их настолько хорошими, что подобных им было мало на земле.^[183] Но в широтах, граничащих с тропиками, с бедной почвой в одну квадратную милю, окруженных широким океаном, у них не было выхода для торговли и современного искусства. Подобно обитателям Утопии Годвина,^[184] вскоре они заселили маленькую страну в полном объеме продуктами питания, которые можно было добыть старыми методами, и, в отличие от утопийцев, у них не было навыков изобретать новые. Если бы они не подвели черту для себя, мизери сделала бы это за них. Их маленькая колония при своем первом основании состояла из пятнадцати мужчин и двенадцати женщин. Четырнадцать мужчин и много женщин умерли в течение десяти лет, прошедших до наступления времени нравственного возрождения. Но у них осталось много детей; и когда в 1814 году патриарха Джона Адамса посетил проходящий мимо корабль, он был окружен счастливым кругом набожных семей. Быстро исчерпав местные ресурсы, эти простые люди переселились в 1831 году на Таити в количестве восьмидесяти семи человек. Некоторые остались там; другие не получили удовольствия в своем новом жилище и вернулись, чтобы страдать вместе с народом Божьим, веря вместе с Мальтусом, что “причина, которая может предотвратить какое-либо конкретное зло, может быть несравненно хуже самого зла”. Однако зло было реальным, и, за неимением безбрачия или новых способов добывания хлеба насущного, их единственным лекарством казалась эмиграция. Итак, в 1855 году, поскольку Таити казалось неподходящим

местом, они отправились дальше на запад, на остров Норфолк. Хотя в Англии и Уэльсе на квадратную милю приходится более четырехсот сорока человек, двести человек этого примитивного вида были определенно слишком много для одной квадратной мили острова Питкэрн; и они покинули его не сразу. Домашняя болезнь привела к возвращению целых двух семей (из семнадцати человек) в 1859 году. Один или два заблудившихся путешественника присоединились к ним пять лет спустя; но, принимая во внимание их, мы обнаруживаем, что прирост населения на острове Питкэрн достигает наивысшей оценки Мальтуса. Когда английский адмирал Д'Хорси посетил это место в 1878 году, четверть сотни человек выросло за девятнадцать лет, умеренной ценой в двенадцать смертей, до девяноста^[185] человек. Первобытные добродетели мало что дадут без современного искусства.

Возвращаясь к Мальтусу, мы обнаруживаем, что он следует собственному порядку, примерно соответствующему ортодоксальному прогрессу от оленя к овце и от овцы к кукурузе. Он переносит нас от полинезийских дикарей к кочевым скотоводческим народам древней Европы.^[186] Огромные миграции и их важные исторические последствия он приписывает “постоянной тенденции человеческой расы к увеличению” не только количества пищи, и думает, что когда история будет переписана, в ней будет больше этого.^[187] “Несчастье истории в том, что, хотя конкретные мотивы нескольких князей и лидеров иногда подробно излагаются с точностью, общие причины, которые подкрепляют их стандарты добровольными последователями, полностью упускаются из виду”.^[188] На первый взгляд феномен цивилизованных земледельческих стран, неспособных отразить нашествие пастухов, кажется невероятным; страна, занимающаяся выпасом скота, вряд ли может прокормить столько жителей, сколько страна, занимающаяся пашней. Пастух, это правда, ближе к квалифицированному рабочему, чем охотник; он не просто берет то, что дает ему природа, там, где природа это помещает; он держит желаемые предметы потребления под своим собственным контролем, и его жизнь сильнее, потому что более социальна. Ранняя африканская колонизация, как указывал Адам Смит, была менее успешной, чем раннеамериканская, потому что туземцы, будучи пастухами и даже фермерами, а не рыбаками, были более богаты ресурсами и сплоченны, чем американские аборигены, так что европейские захватчики не смогли их вытеснить.^[189] Нам следовало ожидать, что скифские, кимврийские и готские захватчики древних времен получили подобный отпор. “Но что делает народы пастухов такими грозными, так это способность, которой они обладают, передвигаться в целом, и необходимость, которую они часто испытывают в применении этой силы в поисках свежих пастбищ для своих стад”.^[190] В их племенном поголовье всегда есть запас пищи на крайний случай. Простое сознание того, что их образ жизни не привязывает их к одному месту, дает им меньше беспокойства по поводу обеспечения семьи. Поэтому, когда они истощают один регион и начинают испытывать острую нужду, они сразу совершают вооруженную эмиграцию в масштабе целых племен для занятия более плодородных регионов и, как правило, завоевания их силой. Закон их жизни - это серия периодических “схваток за существование”^[191] между одной нацией и другой, в которых наиболее приспособленные выживают ценой чудовищной потери человеческих жизней.

Более мягкая начальная стадия этого процесса проиллюстрирована разделением Аврама и Лота в книге Бытия.^[192] Аврам “был очень богат скотом”. “У Лота также были стада крупного рогатого скота и шатры. И земля не могла вместить их, чтобы они могли жить вместе, ибо состояние их было велико, так что они не могли жить вместе. И произошла распря между пастухами скота Аврама и пастухами скота Лота”. Поэтому они согласились разделить: Лот

выбрал плодородную долину Иордана, а Аврам пошел налево, в землю Ханаанскую. Миграции того же рода, более или менее мирные, описываются современными авторами как распространение русского народа время от времени все дальше и дальше на юг и восток.^[193] В наиболее известных истории случаях миграции были далеки от мирных, и проблема заключалась в том, чтобы объяснить их повторяемость. Резня германских варваров Марием, Цезарем, Друзом, Тиберием, Германиком не предотвратила повторного появления подобных орд захватчиков поколение спустя. Клавдий уничтожил четверть миллиона готов; Аврелиану и Пробу предстояло проделать ту же работу снова. При Диоклетиане варвары, решив, что завоевание Рима для них непосильно, вырезали друг друга в пограничных войнах. Казалось, никакие потери не исчерпывали постоянных возможностей населения в этих кварталах. Наконец, в четвертом веке “тучи варваров, казалось, собрались со всех концов северного полушария. Накатывая все сильнее тьмы и ужаса, скопившиеся тела в конце концов заслонили солнце Италии и погрузили западный мир в ночь”.^[194]

Почему ресурсы Севера были такими неисчерпаемыми? Просто потому, что сила увеличения неисчерпаема. Правда, тогда Север не был заселен более плотно, чем сейчас. “Климат древней Германии смягчился, а почва была удобрена трудом десяти столетий, начиная со времен Карла Великого. Та же самая территория, которая в настоящее время обеспечивает в покое и изобилии миллион земледельцев и ремесленников, была неспособна обеспечить сто тысяч ленивых воинов простыми предметами первой необходимости. Немцы оставили свои огромные леса для занятий охотой, использовали под пастбища значительную часть своих земель, уделили небольшому остатку грубую и небрежную обработку, а затем обвинили в скудости и бесплодии страну, которая отказывалась содержать множество своих жителей. Когда возвращение голода сурово напомнило им о важности искусства, национальное бедствие иногда смягчалось эмиграцией трети, возможно, или четвертой части их молодежи”.^[195] Короче говоря, страны были более чем полностью заселены в соответствии с их фактическим производством; и, хотя за счет сельского хозяйства фактический объем производства увеличился бы, все же сельское хозяйство не получило широкого распространения. Страсть немцев к вину привела их не к тому, чтобы сажать виноградники по берегам Рейна и Дуная, а к тому, чтобы украсть урожай в Италии. “Пигрум иммо и инерс видят, как судьбе достается посильный сангвинический партнер.”^[196] Мальтус предполагает, что даже маркерная система землевладения с ее отсутствием городов и периодическими перераспределениями земли, возможно, возникла из политических мотивов, из страха приучить народ к оседлой сельскохозяйственной жизни и желанию сделать эмиграцию менее утомительной для них.^[197] Пока оставались более слабые народы, подлежащие разграблению, северные нации могли беспрепятственно удваивать свою численность каждые двадцать пять лет или чаще и снова нападать на Италию и Юг. Только когда вся территория была оккупирована их собственным народом, который, вероятно, был не менее стойким в защите, чем в завоевании, орды были отброшены назад. Возможно, только после изобретения пороха Европа, наконец, была защищена от них. Спустя долгое время после своих последних вторжений в глубь материка скандинавы нашли путь морем к берегам Англии и Франции.

Изложение Гиббоном этого вопроса, согласно Мальтусу, по существу верно. Единственный недостаток заключается в том, что он считает необходимым, отрицая большую густонаселенность Северной Европы в древние времена, отрицать возможность быстрого увеличения численности населения.^[198] Немецкий народ в целом вел добродетельный и здоровый образ жизни, и, поскольку рост сдерживался главным образом войной и голодом, сам

по себе рост был огромным. Но Гиббон значительно опережает Монтескье, который считает вместе с сэром Уильямом Темплом, Марианной и Макиавелли, что северные страны тогда были, на самом деле, более густонаселенными, чем сейчас, и что, более того, когда римляне отразили их натиск, огромное множество людей было оттеснено далеко на север и оставалось там, выжидая своего часа. То же самое (говорит Монтескье) произошло при Карле Великом и могло бы произойти снова, если бы современный правитель произвел те же опустошения в Европе; “народы, отброшенные на север, прижатые к границам вселенной, будут там твердо стоять до того момента, когда они наводнят и завоюют Европу в третий раз”.^[199] Мы должны предположить, что эти огромные массы людей живут “на границах Вселенной” на льду и воздухе в течение нескольких сотен лет. Если это ответ на напрашивающийся вопрос, почему Север менее населен, чем когда-то, то это связано с чудом. Но на самом деле не требуется ничего более сверхъестественного, чем обычные законы, чтобы объяснить передвижения скотоводческих народов тысячу лет назад. Они те же, что управляют татарами и бедуинами сейчас.^[200]

У современных кочевников,^[201] это правда, сравнительная простота обстоятельств и сравнительная полнота наших знаний о них позволяют нам ясно видеть, что местное распределение людей находится в строгом соответствии с местным распределением пищи, другими словами, с “количеством пищи, которое люди могут получить при фактическом состоянии их промышленности и привычки. То же самое мы видели бы и у остальных жителей мира, если бы сложная торговля цивилизованных наций не сделала ее менее грубой и ощутимой. Способность земли поддерживать жизнь можно сравнить с силой лошади нести ношу. Он силен пропорционально силе своей самой слабой части, как цепь - прочности своего самого слабого звена; и питательные силы земли велики пропорционально их величии в худшие времена года.”^[202] Опять же, из-за несовершенства средств распространения одна часть общества может испытывать нужду, когда другая находится в достатке.^[203] У татар и арабов это ясно видно; и также ясно, как потеря жизней в результате войны действует не только как прямая мера сдерживания населения, но и косвенно, подавляя производительную промышленность. У его плодов не было бы никаких шансов на сохранение. “Даже строительство колодца заранее требует определенных средств или рабочей силы, а война может за один день свести на нет работу многих месяцев и ресурсы целого года”.^[204] Когда воинственные привычки закрепляются, два зла, война и дефицит, воспроизводят и увековечивают друг друга. Поощрение многодетных семей мусульманской религией имеет аналогичный эффект. “Обещание Рая каждому мужчине, у которого было десять детей, лишь немного увеличило бы их число, хотя могло бы значительно увеличить их страдания”.^[205] Это могло увеличить их численность только в том случае, если увеличивало их количество пищи, а это не могло увеличить их количество пищи без превращения их воинственных привычек в привычки трудолюбия. В противном случае это просто создает постоянное беспокойство (из-за нужды и бедности), которое множит случаи войны. К счастью для него самого, араб часто соизмеряет свое религиозное послушание с объемом своих ресурсов,^[206] и в трудные времена, “когда под рукой свинья и нет Корана”, он считает лучшим есть то, что дал ему Бог.

Ничто, кроме увеличения количества продовольствия, не приведет к постоянному увеличению численности населения, а там, где есть еда, увеличение достигнет и ее. В тех частях Африки, которые поставляли западных рабов, не было заметного отставания от “столетнего вывоза негров, в результате которого почернела половина Америки”.^[207] Даже в Египте, где наблюдается разительный контраст между естественной плодovitостью и человеческой

летаргией, причиной является не какой-либо недостаток принципа увеличения. Дело в том, что собственность ненадежна, правительство деспотично, а его притязания неопределенны. Не нехватка населения сдерживала промышленность, а нехватка промышленности сдерживала население; и именно плохое правительство стало причиной нехватки промышленности. “Невежество и деспотизм, по-видимому, не имеют тенденции уничтожать страсть, которая побуждает к росту, но они эффективно уничтожают препятствия, сдерживающие ее со стороны разума и предусмотрительности.... Трудолюбие не может существовать без предусмотрительности и надежности; леность дикаря хорошо известна, и бедный египетский или абиссинский фермер без капитала, который арендует землю, ежегодно сдаваемую тому, кто больше заплатит, и который постоянно подчиняется требованиям своих тиранических хозяев, случайному грабежу врага и нередко нарушению своего жалкого контракта, не может иметь желания быть трудолюбивым, а если бы и имел, не смог бы с успехом применять это трудолюбие. Даже сама бедность, которая, по-видимому, является великим стимулом для развития промышленности, когда она однажды переходит определенные границы, почти перестает действовать. Бездарная нужда сводит на нет все энергичные усилия и ограничивает их тем, чего достаточно для простого существования.^[208] Именно надежда на улучшение нашего положения и страх перед нуждой, а не сама нужда, являются лучшим стимулом для промышленности; и ее наиболее постоянные и наиболее целенаправленные усилия почти неизменно будут предприниматься среди класса людей, стоящего выше класса крайне бедных”.^[209] Этот отрывок повторяет идею, выраженную в каждой книге эссе.^[210] Правительство может замедлить рост населения как прямо, так и косвенно, но может продвинуть его только косвенно, а именно, поощряя промышленность, особенно сельское хозяйство. Например, прилежное сельское хозяйство сделало Китай способным содержать большое население, хотя другие причины более двусмысленного характера заставили его превысить свои огромные возможности, и его чрезмерная численность сокращается из-за голода и детских хубийств.^[211] Римские императоры сочли невозможным законодательно способствовать увеличению старых римских запасов, потому что они сочли невозможным восстановить старые римские промышленные привычки, хотя верующие в превосходящую численность населения древних наций принимали их намерения за свершившиеся факты.

В споре восемнадцатого века о численности населения древних наций (одна конкретная стычка в общей битве книг) мы видели, что Мальтус выступает за современников. Он излагает свое мнение отдельными отрывками; но, собирая воедино различные части, где бы мы ни смогли их найти, мы обнаруживаем, что его доказательство зависит от двух принципов, которые являются следствиями основной доктрины эссе. Первое заключается в том, что без расширения сельского хозяйства или лучшего распределения его плодов не может быть увеличения численности населения;^[212] второе заключается в том, что все, что неблагоприятно для промышленности, в такой же степени неблагоприятно для населения.^[213]

На заре существования Греции и Рима^[214] население, исходя из этих принципов, должно было быть большим, поскольку не только активно преследовалось сельское хозяйство, но и собственность и богатства были разделены между людьми более равномерно, чем в более поздние времена. С другой стороны, численность всегда соответствовала уровню ресурсов; и незначительность политического разделения делала законодателей, таких как Солон, и теоретиков, таких как Платон и Аристотель, осознающими риск перенаселения и полными планов по борьбе с ним. Одно из критических замечаний Аристотеля в адрес платоновской республики заключается в том, что Платон недостаточно справился с этой трудностью или не

осознал, что общность благ или равное распределение собственности невозможны без ограничения числа семей. Если каждый сможет иметь столько детей, сколько ему заблагорассудится, результатом вскоре станет нищета и мятеж. Из профилактических проверок, фактически рекомендованных высшей мудростью греческого мира, самая мягкая - поздние браки; остальные включают облучение и аборты. Колонизация была скорее принята на практике, чем рекомендована в теории. Частые войны и периодические эпидемии были главными положительными сдерживающими факторами.

В Риме даже более очевидно, чем в Греции^[215] причины, породившие имущественное неравенство, привели также к уменьшению численности населения. В наши дни поглощение мелких собственников крупными имело бы этот эффект в меньшей степени, потому что крупным пришлось бы использовать труд мелких. В Риме работу выполняли рабы; и удивительно было не то, что число свободных граждан уменьшилось, а то, что кто-то вообще существовал, кроме собственников.^[216]

Однако законодательство Августа в пользу брака и всеобщий плач позднейших римских авторов по поводу вымирания древнего римского рода являются не более чем предположением о том, что население уменьшалось, а не доказательством его фактической малочисленности, в то время как распространенность войн и детоубийств, которые так часто используются для доказательства того же самого, на самом деле имеет тенденцию к обратному. На данный момент они являются позитивным стимулом к вступлению в брак, поскольку люди без колебаний произведут на свет детей, если они либо вольны избавиться от лишних, либо уверены, что для них приготовлены печальные вакансии.^[217] В первом случае, как мы заметили, родительские чувства часто препятствуют детоубийству и спасают скорее слишком многих, чем слишком мало.^[218] Войны, с другой стороны, могут ухудшить качество населения, удаляя самых стойких и даже самых умных мужчин; но еды столько же, сколько и раньше, больше места, и, следовательно, больше браков, пока не будут заполнены все пробелы, даже до отказа.^[219] Ливию не нужно было задаваться вопросом, что в войнах с Вольсками чем больше было убито, тем больше, казалось, происходило. То же самое верно в отношении чумы и голода; эпидемии, подобные оспе, никогда не приводили к постоянному сокращению численности населения, хотя они увеличивали смертность в зараженных странах.^[220] Возьмем только один пример (из Зюссмильха) — треть населения Пруссии и Литвы была уничтожена чумой в 1710 году, а в 1711 году количество браков было почти вдвое больше среднего.^[221] Эмиграция подобным образом может истощить лучшую кровь нации, но не может сократить ее численность на какой-либо период времени, если только нация не освоит новый стандарт комфорта. Греция и Рим были менее густонаселенными не потому, что они были великими колонизаторами.^[222] Известное существование ряда очень активных проверок населения, вместо доказательства того, что население было абсолютно небольшим, могло бы более естественно, при прочих равных условиях, доказать, что оно было абсолютно большим. Можно было бы возразить, что, если бы население не было большим, все меньшее и менее действенное количество проверок выполняло бы свою работу.^[223]

Но в остальном все было иначе. Мы знаем, что безвозмездная раздача чужеземного зерна разрушила римское земледелие.^[224] Мы знаем, что даже труд рабов, вытеснивших свободных работников Италии, не был в достаточной степени (или достаточно хорошо) направлен на сельское хозяйство. Более того, увеличение числа рабов за счет браков даже не уравновесило

уменьшение числа свободных мужчин; иначе зачем римлянам каждый год ввозить новые партии рабов со всех концов света?^[225]

Короче говоря, римские обычаи стали “неблагоприятными для промышленности, а следовательно, и для населения”. Сама необходимость такого закона, как “Папия Поппея”, указывала бы на моральную порочность, несовместимую с привычками к трудолюбию. Этот веский аргумент ускользнул от внимания даже Юма, который думал, что население будет увеличиваться очень быстро при Траяновском мире и Антонинах, забывая, что люди не могли отучиться от своих привычек за столь короткое время; отучиться труднее, чем учиться, особенно для целого народа; и “если войны не приводят к существенному сокращению населения, когда промышленность процветает, мир не приводит к значительному увеличению населения, когда промышленность в упадке”.^[226] Напротив, можно утверждать, что предотвращение детоубийств в Индии не приведет к перенаселению, когда это является частью общей политики приучения людей к европейским привычкам.

Допустим, что всеобщая порочность несовместима с общей промышленностью, и из этого следует, что те древние нации, в которых преобладала первая, были менее населены, чем современные. По-видимому, именно на этом аргументе Мальтус сосредоточил внимание. Из-за отсутствия переписей,^[227] это строго дедуктивно; там *могло* быть не так много людей, как сейчас, и, следовательно, *их* не было.^[228]

Выраженный более техническим языком, смысл заключается в том, что там, где нет ничего, кроме положительной проверки и низшего вида профилактики, привычки людей обязательно таковы, что препятствуют увеличению количества продовольствия и, следовательно, численности населения. Когда Европа была менее цивилизованной, она была не более, а менее густонаселенной.^[229]

Этот аргумент, по-видимому, ослабляется одним соображением — тем, что бедные в наши дни больше вкладывают в свои представления о предметах первой необходимости; у них более высокий уровень жизни, чем у бедных 2000 лет назад. Следовательно, можно было бы справедливо сказать, что перенаселение (заселение без пищи) начинается у нас гораздо раньше, чем у них, поскольку оно начинается в точке, гораздо более удаленной от голодной смерти, и что, следовательно, у древних данное количество пищи расходилось бы дальше и накормило бы больше. Но, если мы посмотрим только на бедных в каждом конкретном случае, разница между древним уровнем комфорта и современным, к сожалению, намного меньше, чем разница между их скудными промышленными ресурсами и нашими достаточными, поскольку наши производственные мощности росли гораздо быстрее, чем комфорт нашего трудящегося населения. Такое различие в стандартах стало возможным только благодаря моральным ограничениям, которые имеют более тесное сходство с современной цивилизацией, чем с древней или средневековой.^[230] История современной цивилизации - это в значительной степени история постепенной победы третьего сдерживающего фактора над двумя другими; и, поскольку одним из главных союзников третьего были коммерческие амбиции, победа моральных ограничений, вызвав рост промышленности, в конечном итоге привела не к уменьшению, а к увеличению населения.^[231] Отсроченное увеличение стало только более определенным и постоянным.

ГЛАВА V. СЕВЕРНАЯ И СРЕДНЯЯ ЕВРОПА.

Разные последствия коммерческих амбиций в разных странах — Нет единого надежного критерия национального процветания—“Божественный план”Зюссмильха—Мальтус в области статистики—Его Северное турне—В Норвегии истина, донесенная до нас самой природой места и отраслей промышленности—В Швеции менее очевидна—В России совершенно игнорируется—Больницы для подкидышей неоправданны—Тенденция людей размножаться за пределами Еды или просто за счет Еды—Автор сбивает с толку —Факты, интерпретаторы и интерпретируемое—Голландия—Лучший *отец отечества*—Эмиграция в различных аспектах—Свидетельства Автора перед Эмиграционный комитет —Швейцария, Санкт—Серг и Лейзен - *Главный* мост в этой области.

Основное различие между диким и цивилизованным населением состоит в том, что в одном преобладают позитивные ограничения, в другом — превентивные, а между древней и современной цивилизациями - в том, что в одной преобладают порок и нищета, в другой - моральные ограничения.^[232] Тем не менее, каждая цивилизованная нация в наше время не только прошла через эти три этапа в ходе своей прошлой истории, но и содержит их все в себе сейчас в качестве объекта наблюдения. Его ранняя история была стремлением к независимости или простой жизни, его более поздняя история - стремлением к полному развитию; но в нем есть слои, до которых цивилизация не дошла и в которых преобладает борьба за простое существование, наряду со слоями, в которых борьба ведется за идеалы коммерческих амбиций и социального совершенства.

Точка зрения Мальтуса на коммерческие амбиции по существу совпадает с точкой зрения Адама Смита. Как только торговля отделяется от рабства, как только богатство становится собственным приобретением человека, добытым в поте лица своего, тогда стремление к богатству приобретает новый социальный аспект. Это становится тем, что Адам Смит называет “естественным желанием каждого человека улучшить свое собственное положение”; и как таковое оно создает современное коммерческое общество, в противоположность как древнему обществу, построенному на рабстве, так и феодальному, построенному на войне.

Это в отношении *посредницы Республики*, желания возвышения в мире, столь прославленного в “Богатстве наций”^[233] и в Эссе о народонаселении,^[234] на самом деле нет легко поддается определению. Это очень сложный мотив; и одни и те же расовые различия (независимо от их происхождения), которые приводят к различиям в интеллекте и языке, также влияют на уровень комфорта нации, если только можно сказать, что он у нее есть. Под влиянием хорошего климата и частого общения с иностранцами, наряду с преимуществами воспитания и, возможно, расовой принадлежности, нация Южной Европы привносит в свое представление о счастье гораздо больше элементов, чем северная нация, которой приходится лепить свою модель из гораздо более бедных материалов. Норвежский стандарт будет проще парижского. Но за ним стоит нечто большее. Речь идет не просто о сходных и непохожих элементах, или о многих и немногих элементах, но об обращении с ними человеческого субъекта. Английское представление о комфорте отличается от французского своими элементами, которые, вероятно,

больше как по количеству, так и по качеству, и имеют третью особенность, совершенно отличную от двух других, - их влияние на привычки соответствующих людей.

Французские писатели заметили, что английский фермер усердно работает ради такого дохода, который обеспечит ему бесчисленные маленькие предметы роскоши в виде туалета, обеденного стола и гостиной, составляющие английское представление о комфорте, в то время как французский фермер усердно работает, чтобы иметь возможность купить еще одну ферму.^[235] Человек живет в соответствии со своим доходом; и в своих усилиях по его сохранению он предприимчив и настойчив; он всегда стремится подняться до класса выше себя. Другой, напротив, более доволен своим положением в обществе и просто хочет сделать его сильнее, приобретая больше собственности. Его добровольные лишения во время изобилия вознаграждаются его надежным обеспечением во время нужды; у него всегда есть своя земля, которую он может продать.

Обоими движет цивилизаторское “желание улучшить собственное положение”; но в одном случае это приводит к простым сбережениям, старым чулкам, участку земли или *арендной плате*, в другом - к активному использованию, сначала парового плуга, за которым впоследствии могут последовать пианино и повозка с пони. В парадоксе М. Тэна есть доля истины: “Англичанин обеспечивает будущее не своими сбережениями, а своими расходами”.^[236] Если капитализация означает не только экономию, но и использование, то в некотором смысле французский и английский языки разделяют между собой эти две функции.

Это то, что мешает экономисту делать какие-либо точные прогнозы относительно *эффектановой республики-посредницы*. Он может, подобно Адаму Смиту, счесть, что это хорошо помогает в подрыве феодализма,^[237] и он может указать, что в любом случае это стало бы лучшим путеводителем по миру, чем военная слава, которая означает несчастье для одной половины мира и очень смешанное счастье для другой половины. Но он не может предсказать, как это подействует на людей, характеры которых ему неизвестны. Он даже не может сказать, богат человек или нет, пока не узнает, каковы его потребности, ибо богатство существует для удовлетворения потребностей, потребности меняются с прогрессом человечества, понятие богатства расширяется с развитием цивилизации, и роскошь одной эпохи и одного человека является предметом первой необходимости для другого. Невозможно относиться к этому относительному вопросу так, как если бы его условия были абсолютными, и обращаться с людьми так, как мы обращались бы с цифрами на грифельной доске. Дважды два в таком случае не всегда равняется четырем, но иногда пяти, а часто и только трем. Новая перспектива комфорта, открывающаяся перед разными мужчинами, может стимулировать одного, испортить другого и оставить равнодушным третьего.

Поэтому неудивительно, что вопрос “Какими различными способами население поддерживается на уровне продовольствия в государствах современной Европы?” не является простым. По некоторым признакам может показаться, что получить ответ сравнительно легко. Необходимы цифры и во многих случаях перепись населения; существует общее сходство обстоятельств, которое приводит к общему сходству привычек и, следовательно, перемещений населения. Но неизменного порядка смертности и зарождения не существует. Показатели рождаемости и смертности неодинаковы для всех стран; они зависят от поведения людей и могут отличаться не только в разных странах, но и в разных частях одной и той же страны. Точно так же у нас нет единого статистического критерия здорового состояния населения, точно так

же, как можно было бы сказать, что у нас нет единого критерия коммерческого процветания страны, не говоря уже о ее счастье. Два первых стоят до последнего как составные части целого. Здоровое население и процветающая торговля являются составляющими счастья нации, хотя и не составляют его целиком. Чтобы определить, счастлива нация или нет, мы должны принимать во внимание эти две составляющие счастья наряду со многими другими. Эти части, в свою очередь, состоят из многих частей. Мы оцениваем состояние торговли не только по импорту и экспорту, доходам железных дорог, банковских учреждений и расчетных палат, а также по доходам государства, но и по подписке на церкви, благотворительные организации и школы, сберегательные кассы и благотворительные общества, продажи книг, картин и предметов роскоши всех видов, по уровню заработной платы рабочих, по доходам по закону о бедных, по количеству браков, эмигрантов и новобранцев в армию; и мы вряд ли смогли бы использовать большинство этих цифр без результатов переписи населения и отчетов Генерального регистра. Точно так же, чтобы измерить уровень здоровья населения и установить, находится ли оно на безопасном уровне ниже уровня своего питания, стремится ли превзойти его или просто приближается к нему, и выяснить, какими путями и средствами осуществляется этот процесс, нам нужен вместо одного-единственного общего критерия целый ряд частных тестов. Именно в зачаточном состоянии статистической науки люди уступают видимости и “предполагают большее единообразие в вещах, чем оно есть на самом деле”.^[238]

В этом, например, заключался провал Иоганна Петера Зюссмильха, одного из первых исследователей движения населения. Книга, подобная книге Зюссмильха, имела такое же отношение к Эссе о населении, как астрология к астрономии или алхимия к химии; она подготовила почву для более точного изучения. Зюссмильх впервые опубликовал свои исследования в 1761 году, когда Семилетняя война еще продолжалась. Он посвятил ее Фридриху Великому, как подобало патриоту и церковному сановнику, и озаглавил “Божественный план изменений, через которые проходит Человечество в Рождении, Смерти и браке”. Божественный план — это тот, который изложен в наставлении Ною в книге Бытия “О населении земли”;^[239] и книга пытается показать конкретные механизмы, с помощью которых осуществляется этот план. Одно из условий, по его словам, состоит в том, чтобы рождаемость превышала смертность; рождаемость должна превышать смертность. В среднем в настоящее время от каждого брака рождается четверо детей; и “нынешний закон смерти” составляет в среднем, если брать город и деревню вместе взятые, 1 к 36; из 36 ныне живущих мужчин 1 должен умирать каждый год. В сельской местности он составляет от 1 к 40 до 1 к 45; в городе - от 1 к 38 до 1 к 32. Ежегодно наблюдается превышение числа рождений, равное 1 к 10 и 5 к 10. Поначалу рост, должно быть, происходил быстрее, чем сейчас; и средством, которое Бог использовал для достижения Своей цели в каждом конкретном случае, было удлинение и укорачивание человеческой жизни. Во времена Мафусаила, должно быть, существовал совсем другой закон смертности, возможно, одна смерть на сотню; продолжительность жизни была больше; и, вероятно, власть родителей сохранялась дольше. Среднее число детей в семье могло бы составлять около двадцати вместо четырех; и удвоение населения произошло бы через десять или двадцать лет, а не как сейчас, через семьдесят или восемьдесят. Допотопные жители были долгожителями, потому что их долгая жизнь была необходима для пополнения запасов земли; и крайняя продолжительность была сокращена, как только пришло время, когда той же цели можно было достичь другими способами. Когда мы наблюдаем замечательную приспособляемость человека, которая позволяет ему единственному среди существ^[240] жить на любой широте, и когда мы наблюдаем, как он сохранился, в то время как многие животные

вымерли, нам не нужно сомневаться, что пополнение запасов земли действительно было Божественной целью. Примечательно также, что, хотя сыновей рождается больше, чем дочерей, смерть уравнивает их число до наступления зрелой жизни. “Система”, которая преобладает при росте человека, подобна маршу военного полка, в котором для всех людей определены их места, действия и снаряжение. Соотношение сыновей к дочерям и смертей к рождениям Зюсмильх считает относительно фиксированным; открытие неожиданной однородности приводит его в восторг, и он считает человека, который впервые использовал лондонский счет смертности для выявления этой однородности, своего рода статистическим Колумбом. Короче говоря, его книга - экономическая теодицея, длинный фрагмент благочестивых дедуктивных рассуждений; и любопытно обнаружить, что Германия выпустила две такие оптимистичные книги в то время, когда она была еще дальше от нового тысячелетия, чем ее соседи.

Факты Зюсмильха, какими бы плохо проанализированными они ни были, дали Мальтусу гораздо более прочную основу для рассуждений, чем скудные фрагменты свидетельств о населении древних и варварских народов. Наконец-то он оказался в области статистики, а не догадок, и в области личных наблюдений и путешествий людей, которые, по крайней мере, задавали его собственные вопросы. Но судьба счетов смертности и других записей, оказавшихся в руках Прайса и Уоллеса, не говоря уже о Петти и Зюсмильхе, показывает, насколько важной была работа Мальтуса как интерпретатора статистики. Статистика была новинкой в его время. Подобно тому, как Адам Смит писал о богатстве народов, не имея никакой полной статистики богатства и вообще ничего о населении своей собственной страны, Мальтус написал свое первое эссе, когда переписи населения не проводилось; и в течение некоторого времени после этого народы Европы были настолько сравнительно изолированы, что, чтобы быть хоть сколько-нибудь уверенным в своих фактах, автору нужно было проверить и собрать их, путешествуя лично и видя происходящее собственными глазами. Эту важную работу исследователя Мальтус не оставил незаконченной; и его главы о состоянии народонаселения в современных европейских странах в значительной степени представляют собой отчет о его собственных наблюдениях. В 1799 году он отправился в летнюю поездку с тремя друзьями по колледжу: доктором Эдвардом Кларком, мистером Криппсом и мистером Оттером, впоследствии епископом Чичестерским. Через Гамбург они отправились в Швецию, и там группа разделилась на две части: Кларк и его ученик Криппс отправились дальше на север, Оттер и Мальтус проследовали через Норвегию, чтобы посетить Финляндию и Санкт-Петербург.^[241] В те годы это были единственные европейские страны, куда английские путешественники могли легко добраться.^[242] В 1802 году он посетил Францию и Швейцарию,^[243] но, похоже, больше не покидал королевство до 1825 года, когда путешествие было предпринято ради спасения его жены. здоровье, в связи со смертью одного из его детей, и у него не было настроения заниматься исследованиями. Гастроли 1799 и 1802 годов - единственные, которые оставили существенный след в его экономической деятельности.^[244]

Во всех своих путешествиях он обнаруживал, что иностранец так же невежествен в вопросах народонаселения, как и англичанин. Только дважды он слышал, как ему разъясняли правду: в Норвегии во время его первого турне и в Швейцарии во время второго. В последнем случае просвещение было ограничено одним человеком; но в первом мудрой была вся нация. В то время как шведское правительство постоянно требовало большего количества людей и пыталось “поощрить население”, норвежское правительство и народ, казалось, поняли, что первый вопрос должен быть: “Есть ли средства прокормить больше людей?” Если нет, то мы

умножаем нацию, не увеличивая радости. Конечно, есть случаи, когда мы могли бы проредить нацию и еще меньше увеличить радость. Простая малочисленность не является преимуществом для нации, так же как скудость потребностей для отдельного человека; в обоих случаях это может означать низкий уровень цивилизации. Ни в коем случае не так хорошо для страны быть опустошенной эпидемией, как быть открытой для новой торговли. Чем плотнее население, тем лучше; — так говорит сам Мальтус; — но, добавляет он, пусть это будет население сильных, благоустроенных граждан, или пусть мы останемся при малочисленности и медленном росте.

Взгляните теперь на Норвегию.^[245] Если бы мы имели дело с нецивилизованными временами правления позитивных проверок, мы должны были бы ожидать переполнения населения, большого количества бедных, а во времена дефицита - больших страданий. Уже полвека не было войн, холодный климат предотвращал эпидемии, и что еще оставалось, кроме голода, чтобы ограничить население в еде? Порок не брали на службу, и эмиграция тогда в этих краях практиковалась редко. Но Мальтус посетил страну в один из самых тяжелых лет, когда-либо известных в Европе, 1799 год, и обнаружил, что норвежцы “выглядели изобильными и довольными, в то время как их соседи шведы, казалось, умирали с голоду”.^[246] Он обнаружил, что уровень смертности в Норвегии ниже, чем в любой другой стране Европы.^[247] Население, однако, почти не увеличивалось; и доля браков в общей численности населения была меньше, чем в любой другой стране, за исключением Швейцарии.^[248] Положительная проверка была в значительной степени заменена превентивной. Добродетель предвидения, говорит он, в других странах навязывается высшим классам из-за узости их круга и небольшого числа вакансий в бизнесе или профессиях; в Норвегии она одинаково навязывается всем классам из-за очевидной ограниченности ресурсов страны и особенностей национальной промышленности. Здесь почти нет разнообразия профессий или разделения труда. Более скромные классы - это почти все “домохозяева” (*husmånd*), чернорабочие, которые получают от фермера квазифеодальным способом небольшой дом и небольшой участок земли в обмен на случайный труд на его полях. В других странах люди могут легко впасть в заблуждение, приписывая всей стране большую способность поддерживать людей, чем власть, которой обладает сумма ее частей. В больших городах Центральной Европы у человека, возможно, есть некоторое оправдание доверять главе о несчастных случаях; при огромном разнообразии профессий у него может быть некоторое оправдание думать, что для него наверняка найдется вакансия, и он может “когда-нибудь взять Пегги”. Норвегия, однако, является для промышленных стран тем, чем сельские районы в других местах являются для городов в других местах. В сельских районах избыток населения скрыть невозможно, и излишки должны направляться в города. Поэтому те, кто вступает в брак, когда для них нет вакансии, делают это, имея перед глазами четкую альтернативу бедности или миграции. В Норвегии каждый крестьянин, не говоря уже о каждом фермере, совершенно точно знает, есть для него вакансия или нет, и, если ее нет, он не может жениться.^[249]

Таким образом, условия задачи были упрощены, а сама задача получила удовлетворительный ответ. Единственные районы, где Мальтус видел признаки бедности, были на побережье, где люди живут рыбной ловлей; возможности для рыбака не так сильно ограничены в своем количестве, как возможности для фермера.

Время объединило Норвегию и Швецию под властью одного короля (1814), и Швеция сейчас не представляет неблагоприятного контраста с Норвегией. Еще в 1825 году Мальтус писал^[250] что

прогресс сельского хозяйства и промышленности, а также практика вакцинации вызвали устойчивый и здоровый рост населения с 1805 года. Он был бы рад также обнаружить по результатам переписи, что население Норвегии очень сильно увеличилось пропорционально численности бедняков. Улучшение продолжается. Бедняки составляли около одного процента из населения в 1869 году (когда они составляли почти пять процентов в Англии), что, по-видимому, означало сокращение по сравнению с предыдущими годами;^[251] но между 1865 и 1875 годами население увеличилось на четырнадцать процентов, несмотря на значительную эмиграцию.^[252] Мальтус бы с удовлетворением признал, что нация была “либо увеличения количества или способствующие распространению” своих пищевыми продуктами,^[253] то есть, улучшение своего хозяйства или производства. На самом деле было достигнуто и то, и другое. Хотя рост населения был выше в промышленных центрах, прогресс наблюдался и в сельских районах. Многие старые обычаи и законы, которые препятствовали сельскому хозяйству, прекратили свое существование.^[254] Сам Мальтус говорит, что, если бы правительство устранило препятствия сельскому хозяйству и распространило надежные знания о нем, это сделало бы для населения страны больше, чем создание пятисот приютов для подкидышей.^[255] Ему не обязательно было ограничивать свои рекомендации сельским хозяйством; и в другом месте он излагает истину в более широких терминах: “Истинным стимулом к вступлению в брак является высокая цена труда и увеличение числа занятий, которые требуют наличия квалифицированных рабочих рук”.^[256] Устранить препятствия для торговли и распространить достоверные знания о ней — это (по его мнению) способ увеличить количество и облегчить распределение сельскохозяйственной продукции; и, судя по результатам, норвежское правительство последовало ему.

Швеция,^[257] в то время она представляла собой разительный контраст с Норвегией. Мальтус имел здесь преимущество в виде самой ранней и регулярной из европейских переписей, начинавшейся с 1748 года и продолжавшейся с интервалом сначала в три, а затем в пять лет. Он обнаружил, что там была большая смертность, хотя условия жизни внешне были такими же, как в Норвегии. Единственное объяснение, которое он мог видеть, заключалось в том, что размер и форма страны, а также ее способ правления не так сильно убеждали людей в необходимости сдержанности, как в Норвегии, в то время как в то же время препятствия для хорошего ведения сельского хозяйства были даже более серьезными, чем в небольшой стране. Исходя из самой смежности и общего сходства двух стран, они доказали точку зрения Мальтуса методом различия почти так же хорошо, как это мог бы сделать преднамеренный эксперимент. Дело было не в том, что в Норвегии было абсолютно маленькое, а в Швеции - абсолютно большое население; соображения абсолютного величия или малости никогда не входили в этот экономический вопрос, если вообще входили в какой-либо экономический вопрос. Но в Норвегии было умеренно большое население по отношению к ее продовольствию, в то время как в Швеции в том же отношении было избыточное население, население, которое скудно питалось даже в средние годы и было истреблено голодом и болезнями в годы ниже среднего.

Россия,^[258] которая была третьим местом путешествий Мальтуса, имела то общее с Норвегией и Швецией, что перемещение ее населения отличалось от перемещения населения Центральной Европы и что эксцентричность была обусловлена четко определяемой причиной. В Норвегии форма и климат страны, а также малочисленность доступных профессий вынудили правительство и народ скорее сдерживать, чем поощрять рост численности; в Швеции, в менее простых условиях, привычки людей вступили в сговор с ложной политикой правительства, чтобы вызвать чрезмерный рост. В обоих случаях мы имеем дело с чем-то отличным от

типичного современного общества Центральной Европы с его полным разделением труда, системой крупных фабрик и повсеместной заменой ручного труда машинами. Россия в этом отношении была такой же старомодной, как Норвегия и Швеция; и ее физическая необъятность делала ее трудноизучаемой страной в наши дни медленного общения. Неудивительно, что статистические данные, доступные во времена Мальтуса, вызывали серьезные подозрения. Коэффициент смертности составлял 1 к 60, в то время как в самой Норвегии он был не ниже 1 к 48, а в Англии сейчас составляет примерно 1 к 53, однако количество браков и рождений, а также размер семей были не меньше, чем в других странах.^[259] Эти факты сами по себе просто наводили бы на мысль о высоких темпах роста, происходящих в соответствующей стране; и Мальтус допускает, что в России для этого есть большие возможности. Но был еще один факт, который усилил его сомнения относительно статистики жизнедеятельности в этой стране; вопреки опыту всех других стран, было сказано, что в России родилось больше женщин, чем мужчин. В других странах рождается больше мужчин, чем женщин, и с годами эти цифры лишь постепенно выравниваются из-за большего риска, связанного с мужской жизнью. В Швеции, с климатом не более мягким, чем в России, это наблюдалось уже давно.^[260] В ходе расследования выяснилось, что российский метод регистрации допускает лазейки для большего количества пропусков в данных о смертях, чем в данных о рождениях. Государственные учреждения, включая больницы и тюрьмы, были оставлены без внимания; и одних смертей в больницах для подкидышей было вполне достаточно, чтобы очень существенно изменить средний показатель в худшую сторону. Ненависть Мальтуса к больницам для подкидышей сравнима только с его неприязнью к законам о бедных. Идея таких учреждений была, как и идея "Билля о бедных" Питта, чисто филантропической. Они должны были "из года в год обогащать страну все большим числом здоровых, активных и трудолюбивых бюргеров",^[261] которые в противном случае были бы обречены на смерть вскоре после рождения. Раньше говорили о вознаграждении, предоставляемом правительством Индии за убитых змей, что это действительно поддерживало их запасы, поскольку туземцы разводили их, чтобы поймать добычу. Больницы для подкидышей имели противоположный эффект. Их предназначение - размножаться, а они имели тенденцию к разрушению. Они поощряли мать бросать своего ребенка именно в то время, когда ему требовалось пристальное внимание, которое может оказать только мать. "Не подлежит сомнению, что, если бы дети, поступающие в эти больницы, были предоставлены заботам своих родителей, несмотря на все трудности, с которыми они могут столкнуться, гораздо большая часть из них достигла бы зрелого возраста и стала полезными членами государства".^[262] Но, помимо увеличения детской смертности, они наносят ущерб самому "источнику народонаселения"^[263] препятствуя вступлению в брак и поощряя нарушения. В своих беседах с отцом Мальтус, без сомнения, обсуждал правомерность поведения Руссо, отправившего своих детей в Парижский приют для подкидышей. Он, несомненно, выступил бы против Руссо. Тем, кто утверждает, что корзина для подкидышей может предотвратить детоубийство, он отвечает, что случайное убийство из-за "ложного [?] стыда" спасается очень дорогой ценой за счет попрания "лучших и наиболее полезных чувств человеческого сердца", которым существование такого учреждения учит бедных. Освобождать родителей от заботы о своих детях вредно для родителей,^[264] потому что это снимает с них ответственность, необходимую для полноценного гражданства и цивилизирующего воздействия на характер человека; — и это несправедливо по отношению к их согражданам, потому что, подобно Законам о бедных, это освобождает одну часть общества (в данном случае скорее худшую, чем беднейшую) за счет всех остальных. остальным и находит карьеру для нищих подмастерьев в ущерб независимым рабочим и их детям.^[265] В—третьих, как и Законы о бедных,

это обещает невозможное - облегчить все, что придет. Если предполагается неограниченный прием детей, то и ресурсы для их содержания должны быть неограниченными ; в противном случае чрезмерная смертность совершенно неизбежна.^[266] Вторая причина, без сомнения, является общеэкономической; именно первая и третья наиболее характерны для Мальтуса. Он никогда не забывает, что человеческие желания являются элементом любого экономического явления, и поэтому считает, что влияние характера на действия и самих действий на характер имеют большое экономическое значение. Он не допустит, чтобы даже для правительства было правильным давать обещания, которые не могут быть выполнены. Эти два простых принципа задают тон последующим главам, где он интерпретирует для нас сравнительно полную статистику Центральной Европы и нашей собственной Англии.^[267]

Закон народонаселения может быть описан (хотя и не точными словами Мальтуса) как у диких народов тенденция увеличиваться за счет пищи, а у цивилизованных - за счет нее. Итак, профессор Роджерс основывает свою оценку численности английского народа в тринадцатом и четырнадцатом веках на принципе, что “обычно в этой стране проживало столько людей, сколько в среднем было четвертаков пшеницы, чтобы прокормить их”.^[268]

В случае высокоразвитых современных стран такие заявления были бы за гранью истины; и мы должны либо сказать, что они имеют тенденцию увеличиваться не за пределами продуктов питания, а вместе с ними, либо мы должны определять саму пищу очень широко. В первом случае “тенденция” будет означать абстрактную возможность, зависящую от одного физиологического состояния; в других - это конкретная чистая возможность, зависящая от всех различных условий вместе взятых. В общем предисловии к своим главам о Центральной Европе Мальтус вполне признает эти различия и предостерегает нас от точных утверждений. “Редко случается, ” говорит он, “ чтобы прирост продовольствия и населения был равномерным; и когда условия в стране меняются либо по этой причине, либо в результате каких-либо изменений в национальных привычках в отношении благоразумия и чистоты, очевидно, что пропорция, которая верна в один период, не будет такой в другой. Нет ничего сложнее, чем установить правила по этому вопросу, не допускающие исключений”.^[269]

После этого трудно поверить в то, что он говорит нам в другом месте, что “единственным критерием реального и постоянного увеличения населения любой страны является увеличение средств к существованию”.^[270] Это было бы в лучшем случае отрицательным критерием и *непременным условием* — не может быть увеличения численности без увеличения количества продовольствия, — хотя даже тогда это неверно в отношении “вынужденного населения”, живущего на более низкой пище.^[271] Но очевидно, что увеличение количества пищи может происходить без увеличения численности, если только характер людей не таков, что они ничего не делают с пищей, кроме увеличения за счет нее. Следовательно, хотя в определенных широких пределах, установленных для нас неизменными качествами человеческой природы, прогнозы оправданны на основании закона народонаселения^[272] или любых других экономических законов, ни один из них, определяющий конкретный курс действий в результате конкретного события, не заслуживает доверия, пока мы не узнаем характер заинтересованных людей.^[273] Мальтус всегда старается помнить об этом; и когда он говорит нам, что списки рождений, браков и смертей в Центральной Европе дают больше информации о ее внутренней экономике, чем наблюдения мудрейших путешественников,^[274] он одновременно интерпретирует эти фигуры в свете принципа и интерпретирует принцип посредством фигур. Это становится очевидным, когда мы смотрим на четыре основных вывода из рассматриваемой

общей главы. Первое - это утверждение о том, что при нынешнем состоянии нашей индустриальной цивилизации браки очень тесно зависят от смертей, а рождения - от браков.^[275] Монтескье говорит, что везде, где есть место для комфортной жизни двух человек, брак обязательно состоится.^[276] В старых странах опыт обычно противоречит каким-либо определенным ожиданиям относительно средств к существованию семьи; место для нового брака появляется только после расторжения старого. Поэтому, как правило, количество ежегодных браков регулируется количеством ежегодных смертей. “Смерть - самое сильное из всех побуждений к браку”,^[277] в то время как, с другой стороны, браки являются частой причиной смертей. Почти в каждой стране слишком высока частота браков, что приводит как бы к вынужденной смертности. Какое из этих двух взаимных влияний является более сильным, зависит от обстоятельств. В прошлом столетии доля ежегодных браков среди местных жителей в Голландии обычно составляла 1 к 107 или 108. Но в двадцати двух голландских деревнях этот показатель составлял 1 к 64. Зюсмильх объяснил эту аномалию количеством новых профессий в Голландии и новыми вакансиями для рабочих. Мальтус не отрицал бы такой возможности, его поразительный парадокс о смерти был лишь частным случаем общего принципа, согласно которому “высокая цена труда является реальным стимулом к вступлению в брак”.^[278] Но в данном случае объяснение должно было применяться ко всей Голландии, если не к какой-либо ее части. Настоящая причина выяснилась, когда Мальтус заметил, что смертность, которая составляла 1 к 36 в Голландии в целом, в этих деревнях была равна 1 к 22. Дополнительные браки на самом деле не увеличили население. Они были вызваны большим числом смертей, которые открывали возможности для жизни; а большое число смертей было вызвано нездоровым состоянием региона и преобладающими в нем отраслями промышленности, которые были скорее обрабатывающими, чем сельскохозяйственными. Перед каждой большой группой населения стоит выбор между большим количеством жизней, которые заканчиваются быстро, и небольшим количеством жизней, которые длятся долго. Улучшение условий жизни приведет к последнему. Фактически мы обнаруживаем, что там, где имело место санитарное улучшение, а также просто “пополнение” старой страны, уровень брачности снижается за счет уровня смертности, и существует экономия человеческих жизней и страданий.

Соединяя части его изложения вместе, мы получаем нечто вроде дедуктивной схемы роста населения в старых странах в условиях промышленной революции, подобной той, что произошла в восемнадцатом веке. Первым следствием открытия новых минералов и даже (с некоторыми оговорками) изобретения новых машин является обеспечение новой занятости для работающих мужчин и множество новых возможностей для вступления в брак; таким образом, доля браков сразу же увеличивается без какого-либо изменения (по крайней мере, по этой причине) уровня смертности. Но когда первый всплеск прогресса пройдет, и последующие улучшения будут происходить не скачкообразно, а равномерными темпами, тогда доля браков уменьшится, поскольку новые ситуации будут заполнены и больше не останется места для увеличения численности населения. Как только страна станет действительно “старой” в смысле полного населения и не будет обеспечена новыми источниками занятости, тогда браки будут регулироваться главным образом смертями, и (привычки людей останутся прежними) будут примерно в той же пропорции друг к другу в одно время, что и в другое. Однако это не совсем одинаковая пропорция для всех старых стран просто потому, что привычки и уровень жизни разные, не говоря уже о здоровом или нездоровом климате и профессии. По тем же причинам ситуация в городах отличается от ситуации в сельских районах.^[279] “Общий показатель

смертности для всех стран, взятых вместе” был бы бесполезен, если бы его можно было получить; но его невозможно получить.^[280]

Привычки, однако, достаточно укоренились, чтобы мы были уверены, что “любое *прямое* поощрение брака должно сопровождаться повышением смертности”.^[281] Они прищипывают послушную лошадь. Монтескье и Сюссмильх, хотя они оба подчеркивают пагубность перенаселения, все же считают долгом государственного деятеля быть, подобно Августу и Траяну, отцом своего народа, поощряя их браки. Но если много браков означают много смертей, то принцев или государственных деятелей, которые действительно должны преуспеть в этой патриотической политике, с большим основанием можно было бы назвать разрушителями, чем отцами своего народа.^[282]

Если бы Мальтуса спросили, как принцу лучше всего стать настоящим *отцом отечества*, он бы назвал два или три способа. Принц мог бы направить свои мысли на улучшение промышленности, особенно сельского хозяйства.^[283] Он мог бы распространять новости и знания по этим предметам;^[284] или, как мы бы сказали сейчас, он мог бы организовывать сельскохозяйственные выставки и регулярно вести сельскохозяйственную статистику отечественного и зарубежного производства. Таким образом, он увеличил бы численность населения, помогая увеличить запасы продовольствия.

Во-вторых, он мог бы принести пользу торговле повсюду, обеспечив ей безопасность хорошего правительства и беспристрастного правосудия, мирную внешнюю политику и низкие налоги.

В-третьих, он мог бы, наряду со всем этим, поощрять эмиграцию. Мальтус посвящает этой теме специальную главу своего эссе; и, хотя эта глава находится в более поздней части его работы (Вк. III. глава iv.^[285]), это, кажется, лучшее место для обсуждения темы. Эмиграция, говорит он, это, помимо политических различий, то же самое, что миграция; и если для человека экономически выгодно переехать из бедной страны у его порога в богатую в соседнем графстве, то для него не может быть экономически плохо переехать из бедного района его собственной страны в богатый за морем. Простая продолжительность путешествия или разница в широте не влияют на экономический характер пересадки.

Однако экономические мотивы проявились очень поздно во всех великих европейских эмиграциях. Это было не желание найти место для перенаселенных семей дома, а жажда металла золота, или же это была простая любовь к приключениям или стремление к завоеваниям, которые первыми отправили испанцев, португальцев, англичан и голландцев на дальний Восток и дальний Запад.^[286] “Эти страсти позволили первым авантюристам одержать победу” над препятствиями, которые отпугнули бы тихих промышленных эмигрантов “, но во многих случаях заставили человечество содрогнуться и подорвали саму эмиграцию. Каким бы ни был характер испанских жителей Мексики и Перу в настоящий момент, мы не можем читать отчеты о первых завоеваниях этих стран без сильного чувства, что уничтоженная раса превосходила расу их разрушителей как по моральным качествам, так и по численности”. Поселенцы, следовавшие по пятам за этими первопроходцами, хотя и были больше похожи на настоящих эмигрантов, неумело подходили к работе. Они, казалось, ожидали, что “моральные и механические привычки”, которые подходили старой стране, подойдут и новой,^[287] и все пойдет по-прежнему, как дома. Следовательно, поначалу население было бы избыточным^[288] скорее в новой стране, чем в старой, поскольку, каким бы большим ни был возможный объем производства колонии, фактический объем производства будет меньше, чем потребности

вновь прибывших при их первом прибытии. Ко всему этому следует добавить тот факт, что, хотя экономически далекое и близкое место схожи, они очень различаются с точки зрения чувств людей. Патриотизм - это не вина, и разрыв семейных уз - настоящее зло для отдельных людей, какой бы полезной эмиграция ни была для нации. Люди медлительны не только из-за неопределенных перспектив успеха, но и из-за той *инертности* в человеке, которая всегда противодействует *посредственности* коммерческих амбиций. Следовательно, в дополнение к простому беспокойству от бедности и желанию заработать на жизнь, необходим некоторый дух предприимчивости, чтобы сделать людей добровольными и успешными эмигрантами.^[289] Те, кто испытывал наибольшее бедствие, часто оказывались самыми беспомощными в новой стране; они нуждались в лидерах, которых “побуждал дух алчности или предприимчивости, или религиозного или политического недовольства, или которые были обеспечены средствами и поддержкой правительства”; в противном случае, “какую бы степень нищеты они ни испытывали в своей собственной стране из-за нехватки средств к существованию, они были бы абсолютно неспособны завладеть ни одним из тех невозделанных регионов, которых так много на земле”. Таким образом, эмиграция (согласно Мальтусу) вряд ли произойдет, если только политическое недовольство и крайняя нищета не доведут эмигрантов до такого бедственного положения, что им лучше уехать как для их страны, так и для них самих. “Нет более необоснованных страхов, чем опасения по поводу депопуляции в результате эмиграции”.^[290] Эмиграция даже не является лекарством от перенаселения; ее настоятельно рекомендуют только потому, что она мало принята. Пробелы, образовавшиеся в населении старых стран, вскоре заполняются; место, найденное в новых, вскоре оказывается занятым. Если эмиграция будет предложена как средство обеспечения абсолютно неограниченного увеличения численности населения путем превращения старых стран в новые колонии, надежда будет скоро и навсегда утрачена.^[291]

Ближе к концу своей жизни Мальтусу представилась возможность изложить свои взгляды на этот предмет аудитории государственных деятелей. Он предстал в качестве свидетеля перед Специальным комитетом^[292] из Палаты общин “для выяснения целесообразности поощрения эмиграции из Соединенного Королевства”, и его влияние прослеживается в их отчетах. Они сообщили^[293], что в Соединенном Королевстве было “избыточное население” в сельском хозяйстве Ирландии, в обрабатывающей промышленности Шотландии и Англии; что одной из причин этого было неизбежное вытеснение ручного труда машинами;^[294] что между тем в британских колониях в Америке, Африке и Австралии было мало людей и много земли, и что всей империи было бы выгодно, если бы приходы могли обращать своих вероятных или фактических бедняков в эмигрантов, всегда при условии, что можно было бы побудить оставшееся население расти не так быстро, чтобы заполнить весь образовавшийся таким образом пробел.^[295] “Показания” (говорится в третьем отчете Комитета^[296]), которые были единообразно даны практическими свидетелями, были подтверждены самым абсолютным образом показаниями г-на Мальтуса, и ваш Комитет не может не выразить своего удовлетворения по поводу того, что восприятие фактов, таким образом, повсеместно подкрепляется общими рассуждениями и научными принципами “. Они были более склонны, чем сам свидетель, *каприорным* рассуждениям, и во многих из их наводящих вопросов он отказывался им следовать.^[297] Но он согласился с их основными выводами, допустив, что при определенных условиях было бы даже финансовым преимуществом отправлять безработных рабочих в колонии, а не позволять им становиться нищими дома, и добавив, что, если он был против признания каких-либо юридических требований о помощи в обычных случаях

пауперизма, еще больше он был бы против этого, когда перед нищим стояла альтернатива помощь в эмиграции.^[298] Его собственный взгляд на эмиграцию не изменился с тех пор, как он написал это в 1803 году. Для него это было частичным средством правовой защиты; и оно более полезно, когда оно спонтанно принимается народом^[299], чем когда на него давит правительство. Под пыткой этого вопроса он больше не уступал.^[300]

В качестве временной меры, говорится нам в эссе,^[301] "с целью более общего возделывания земли и более широкого распространения цивилизации это представляется полезным и правильным", и правительства должны поощрять это или, по крайней мере, не препятствовать этому. Все зависит от уровня заработной платы. Если бы заработная плата была достаточно высокой, чтобы люди могли жить дома с тем, что они считают разумным комфортом, мы можем быть уверены, что их семейные и патриотические связи были бы достаточно сильны, чтобы удерживать их там. Жалобы на то, что эмиграция повышает заработную плату, в высшей степени необоснованны. В лучшем случае это предотвращает слишком низкое падение заработной платы, и помогает устранить вред, причиняемый колебаниями в торговле.

Позже мы обнаружим, что Мальтус остро осознает несчастья, причиняемые современным индустриальным обществам изменениями спроса на товары, происходящими даже в естественном (или непрерывном) ходе торговли. Движение в пользу эмиграции в 1806 и 1807 годах побудило его включить в четвертое издание своего эссе абзац, в котором объясняется связь эмиграции с этими изменениями. Он принимает утверждение Адама Смита о том, что "спрос на людей, как и на любой другой товар, обязательно регулирует производство людей",^[302] но он добавляет (как позже добавил Кэрнс), что требуется некоторое время, чтобы вывести на рынок больше рабочей силы, когда на нее есть спрос, и немного времени, чтобы проверить предложение, когда оно начнет поступать.^[303] Семья может быть воспитана так, чтобы получать высокую заработную плату, а высокая заработная плата может закончиться до того, как семья достигнет зрелости. Мальтус проводит различие между нормальным или незначительным "колебанием" такого рода и чрезмерной избыточностью, вызванной необычным стимулом производства — стимулом, например, иностранных войн и внешней торговли за годы до Ватерлоо. В обычном случае мы должны смириться с неизбежным; в исключительном случае мы можем найти выход в эмиграции. Без сомнения, даже если эмиграции не будет, в долгосрочной перспективе рынок труда выправится сам; но этот процесс будет очень болезненным для соответствующих работников. Эмиграция - гуманное и политическое средство.

В некоторых случаях, таких как Норвегия и нагорья Швейцарии,^[304] Правительству, по-видимому, нет необходимости учить людей эмигрировать. Обстоятельства должны делать это за них; но люди находятся под влиянием привычки и "случая" в такой же степени, как и любого преднамеренного мотива, коммерческого или иного. На швейцарском нагорье, каким знал их Мальтус, "привычка к эмиграции зависела не только от ситуации, но часто и от случайности". Три или четыре удачных эмиграции "часто вселяли дух предприимчивости в целую деревню, а три или четыре неудачных - противоположный дух".^[305] Это иллюстрируется контрастом двух приходов, как в кантоне Во, так и в Сен-Серге в Юре и Лейсине^[306] в Бернских Альпах, недалеко от Эгля. Движение населения в Лейзене озадачило М. Мюре, швейцарского экономиста, который в 1766 году подготовил доклад о депопуляции Швейцарии для Бернского экономического общества. Он обнаружил, что в этом приходе с населением в четыреста человек ежегодно рождается в среднем только восемь детей, тогда как в других частях кантона

Во на такое же количество людей приходится одиннадцать (в Лионе - шестнадцать) детей. Разница, по его наблюдениям, исчезла к двадцати годам, когда, если можно так выразиться, разница сошла на нет: восемь человек в Лейсине были здоровее, чем одиннадцать (или шестнадцать) в других местах. Мюре делает из этого вывод, что “чтобы поддерживать во всех местах надлежащее равновесие численности населения, Бог мудро распорядился таким образом, чтобы жизненная сила в каждой стране была обратно пропорциональна ее плодородию”.^[307] Однако нет необходимости предполагать чудо. Дело было просто в том, что место и занятия были здоровыми, что у людей не сформировались привычки к эмиграции, что их ресурсы были постоянными, что, следовательно, они поздно вступали в брак, рожали мало детей и жили долго.^[308] Соотношение существующих браков к ежегодным рождениям составляло 12 к 1; отношение рождений к живущему населению составляло 1 к 49; а число лиц старше шестнадцати лет к лицам моложе 3 к 1.^[309] Это показало бы, что простое число рождений не является критерием численности населения, поскольку для поддержания численности населения в четыреста человек в приходе Лейсин требовалось всего около половины обычного числа рождений. В Сент-Серге соотношение существующих браков к ежегодным рождениям составляло 4 к 1 (вместо 12 к 1, как в Лейсине), отношение рождений к живущему населению составляло 1 к 26, а число лиц старше и младше шестнадцати было просто равным. Иными словами, в Сент-Керге рождалось почти вдвое больше детей в год по отношению к населению и более чем в два раза больше браков; но вместо того, чтобы три четверти его живущего населения были старше шестнадцати лет (как в Лейсине), те, кто выше, и те, кто ниже, были равны по численности, и в Сент-Керге было меньше взрослых, чем в Лейсине. С другой стороны, уровень смертности был почти таким же; уровень здоровья был почти таким же высоким. Как же тогда получилось, что население Сент-Сержа составляло всего сто семьдесят один человек по сравнению с четырьмя сотнями пятью в Лейсине? Что стало с родившимися детьми? Видя, что они не умерли и не значились в списках живых, мы делаем вывод, что они покинули свою родную деревню; вот и все. Положение прихода Сен-Серг на большой дороге из Парижа в Женеву наводило на мысль об эмиграции; и, по сути дела, это место стало, как и большинство высокогорных деревушек, рассадником низменностей и промышленных городов. Ежегодный отток взрослых освободил место для избранных, которые могли жениться и заводить большие семьи. Даже Лейсин, хотя и не лежал на большой дороге, вполне мог бы (говорит Мальтус) сменить свой домашний характер на привычку к эмиграции и тогда удвоил бы уровень рождаемости без повышения уровня смертности. Это одна из ошибок старых статистиков - делать вывод о большой численности населения исходя из высокого уровня рождаемости; в старой стране, если уровень рождаемости высок по сравнению с числом ныне живущих жителей, это означает либо много смертей, либо большую эмиграцию.

Жители старой страны, если они не могут или не хотят эмигрировать, должны, согласно Мальтусу, либо стремиться к высокому уровню смертности, либо привыкать к поздним бракам. Цифры М. Мюре показали, что многие кантоны Швейцарии пошли по последнему пути в восемнадцатом веке. Например, в кантоне Во доля браков между живущими жителями (1 к 140) была ниже, чем в самой Норвегии. В пасторальной стране ограниченность человеческих ресурсов настолько очевидна, что люди не могут не осознавать необходимости ограничения их численности. Скотоводческая промышленность, опять же, кормит больше, чем нанимает,^[310] и безработные должны искать работу в другом месте. Это было одной из причин, почему на дипломатической службе было так много швейцарцев. “Когда у отца больше одного сына, те, кто не нужен на ферме, испытывают сильное искушение записаться в солдаты или

эмигрировать каким-либо другим способом, поскольку это единственный шанс дать им возможность жениться”.^[311] Мальтус был немного разочарован состоянием швейцарских крестьян, когда увидел их в 1803 году. Возможно, говорит он, они все еще страдали от войн, в которые “Гельветическая республика” была вовлечена своими французскими союзниками; но более вероятно, что они страдали от неразумных попыток своего правительства в предыдущем столетии “поощрять” то, что они тогда считали сокращающимся населением.^[312] Крестьянин, который привел Мальтуса к истокам Орбе^[313] свободно говорил с Мальтусом о бедности в округе, которую он приписал ранней и неосмотрительной браки, “le vice du pays”; он добился бы принятия закона, запрещающего мужчине жениться до сорока лет, а женщине - до преклонного возраста. Он сказал, что в свое время внедрение полировки камня дало людям высокую заработную плату и заставило их ожидать постоянной занятости; изменения моды^[314] помогли вытеснить индустрию, но привитые ею привычки так быстро укоренились в людях, что сама эмиграция не принесла облегчения их огромному количеству. Но этот мальтузианец-самоучка не усвоил свой урок в совершенстве. Он воображал, что плодородные земли Нидерландов с их изобилием зерна и рабочих мест никогда не испытают на себе такого зла, как перенаселение. Это было верно только в том несчастливом смысле, что они были более нездоровы и более смертны, что давало возможность для ранних браков и многих родов.

Легко видеть, что Мальтус переоценил свой приз. *Азинорумом* данного предмета является доктрина о том, что перенаселение - это вопрос не абсолютных цифр или абсолютного количества пищи и плодородия почвы, а цифр по отношению к пище, в любом месте и в любое время; и молодой крестьянин не переступал через это.

ГЛАВА VI. ФРАНЦИЯ.

Французские цифры были проблемой для Европы в 1802 году, потому что Закон увеличения не был понят—Последствия войны—Оплакивание нерожденных миллионы восемьдесят лет назад—Более уместно сейчас—Хорошее распределение и производство иногда неразделимы—Стационарное государство—Мальтус и Французская революция.

В порядке написания Мальтус следует порядку своих путешествий и берет Францию^[315] после Швейцарии. Франция представляет нам факты почти уникального рода. Но до революции в нем не было заслуживающих доверия приходских книг, которые можно было бы предъявить английскому исследователю; и Мальтус не стал бы задерживаться на нем, если бы в 1802 году общественное мнение не было озадачено загадкой о населении Франции и его увеличении во время войны, ключ к разгадке которой у него был.^[316]

Эссе предназначено не только для изучения истории, и его автор не стремится к полноте исторических подробностей, если у него есть совокупность фактов, достаточных для его цели. Он даже говорит о некоторых своих догадках, основанных на французских цифрах, что он использовал эти цифры только для иллюстрации и не предполагал, что они строго верны. “Будет лишь мало что значить, если какой-либо из фактов или расчетов, которые были допущены в ходе

этой главы, окажутся ложными. Читатель увидит, что рассуждения носят общий характер и могут быть верными, хотя факты, взятые для их иллюстрации, могут оказаться неприменимыми”.^[317] Это не осторожное признание. Тем не менее, глава о Франции - одна из самых красноречивых в эссе. Суть ее можно изложить очень кратко.

“Во многих предыдущих главах было замечено, - говорит он, - что пропорции рождений, смертей и браков чрезвычайно различны в разных странах, и есть веские основания полагать, что они сильно различаются в одной и той же стране в разные периоды и при разных обстоятельствах”.^[318] Истинность этого замечания подтверждается не только контрастом между Францией и Швейцарией того времени, но, как мы увидим, контрастом между Францией 1803 года и Францией наших дней. Неудивительно, что Мальтус (ошибочно) ожидал, что швейцарцам будет легче стать его учениками, чем французам, поскольку в его время и смертность, и количество браков во Франции были выше, чем в Швейцарии.^[319]

Он изо всех сил старается проиллюстрировать контраст между Францией до революции и Францией времен Амьенского мира. Во многих отношениях ему повезло, что он ограничился республиканским периодом. Это было время, когда моральное положение Франции было наивысшим, и она сражалась не ради завоевания, а для защиты. Швейцария стала примером того факта, что эмиграция не приводит к постоянному ограничению численности населения, а, в целом, поощряет ее. Франция в выбранное время стала примером того факта, что даже самые разрушительные войны оказывают аналогичное влияние на рост численности населения. То, что Мальтус доказал более или менее дедуктивно в отношении древних народов, он смог показать более индуктивно с помощью статистики в отношении современных. В начале этого столетия было выражено большое удивление тем, что, несмотря на огромные потери, население Франции не уменьшилось. Мальтус говорит, что оно скорее увеличилось, чем уменьшилось. Согласно оценке Учредительного собрания, которая была подтверждена расчетами Неккера, население в 1792 году, до войны, составляло 26 000 000 человек. Судя по отчетам префектов, в 1801 году их было около 28 000 000 человек.^[320] За десять лет прирост составил 2 000 000, или 200 000 в год. Тем не менее, по средним подсчетам, Франция, помимо обычных смертей, потеряла в результате войны к тому времени около 1 000 000 человек,^[321] или 100 000 человек в год. Как, согласно принципам Мальтуса, можно было согласовать эти два факта?

Чтобы примирить их, он показывает, во-первых, как, согласно цифрам, приведенным самими французами, числа оставшихся в живых неженатых было более чем достаточно, чтобы в случае необходимости сохранить прежнее количество браков и прежние темпы прироста; во-вторых, как исходя из общих принципов, предполагалось быстрое увеличение в такое время; и в-третьих, как социальные и промышленные условия французского народа после революции благоприятствовали увеличению численности населения. Итак, во-первых, он показывает, что все число неженатых людей было достаточно большим, несмотря на войну, чтобы заполнить вакансии и сохранить прежние темпы прироста. Численность лиц, не состоящих в браке, формируется путем “накопления” из года в год числа лиц, достигших брачного возраста, которые не состоят в браке (или, вкратце, лиц, не состоящих в браке, включая вдов и вдовствующих вдовцов). Это накопление прекратится только тогда, когда ежегодный прирост населения к ним будет не более чем равен ежегодной смертности в них. Следовательно, размер этого органа будет варьироваться в зависимости от характера рассматриваемой конкретной нации. В кантоне Во это число равнялось общему числу состоящих в браке; но во Франции и смертность, и уровень брачности были выше, чем в Швейцарии, и поэтому неженатые

составляли меньшую долю от общего числа. Предполагая от французских властей^[322] определенный уровень рождаемости и смертности, и предполагая от тех же властей, что неженатых мужчин в период до революции было полтора миллиона из пяти миллионов, которые могли вступить в брак, казалось бы, что каждый год 600 000 человек достигали брачного возраста, из которых (поскольку около 220 000 - это ежегодное количество браков) достигали брачного возраста. 440 000 вступают в брак. Таким образом, избыток неженатых составляет 160 000 человек, или около 80 000 мужчин. Отсюда следует, что для военных целей (если рассматривать только цифры) резервный фонд мужчин составлял бы почти полтора миллиона, и каждый новый ежегодный излишек в 80 000 молодых людей старше восемнадцати лет мог бы быть принят на военную службу без какого-либо уменьшения числа браков.^[323] На самом деле, предположение о том, что в первую очередь на службу будет взято до 600 000 человек, и 150 000 дополнительных военнослужащих для поддержания снабжения каждый год, несколько убедительно. Но это все равно оставило бы в первую очередь почти 900 000 долларов для резервного фонда, который при ежегодных 80 000 долларов мог бы выдержать истощение в размере 150 000 долларов в течение десяти лет и оставить остаток в размере 200 000 долларов в целом, или 20 000 долларов в год. Другими словами, было бы куда увеличить число браков почти на 20 000. Поэтому не было бы ничего удивительного, если бы население Франции продолжало увеличиваться перед лицом больших потерь на войне, поскольку прирост до войны был намного меньше максимально возможного.

Во-вторых, обстоятельства, в которых находилось гражданское население, делали весьма вероятным его увеличение. Многие из не состоящих в браке мужчин из резервного фонда в течение десяти лет достигнут призывного возраста, но не возраста вступления в брак. 150 000 новобранцев, вероятно, будут отобраны из 300 000 тех, кто каждый год достигал брачного возраста, и браки будут заключаться с пожилыми неженатыми мужчинами из-за нехватки молодых мужей. Можно также вспомнить, что в первые годы войны так много молодых людей женились преждевременно, чтобы избежать службы,^[324] что Директория была вынуждена (в 1798 году) распространить воинскую повинность на женатых мужчин. Но даже когда мужья были отправлены на войну, браки не обязательно были бездетными, и, таким образом, они, по крайней мере, были бы средством увеличения числа людей, которого не существовало до революции. Легкость развода, хотя и вредна как с точки зрения морали, так и с точки зрения политики, по крайней мере, при существующей нехватке мужчин действовала бы в некотором роде как полигамия и увеличивала бы количество детей пропорционально количеству мужей. Говорят также, что после революции во Франции родилось больше внебрачных детей, чем до нее; и, поскольку после нее крестьянам жилось лучше, чем до нее, было больше шансов, что выживет больше детей, чем раньше.

В-третьих, нет сомнений, говорит Мальтус, что раздел земель домена и создание (или, по крайней мере, умножение) крестьянской собственности оказали большое влияние как на богатство, так и на численность населения. Они увеличивают численность населения больше, чем богатство, поскольку увеличивают валовой продукт производства продовольствия за счет чистого профицита. "Если бы вся земля Англии была разделена на фермы по 20 фунтов стерлингов в год, мы, вероятно, были бы более густонаселенными, чем сейчас, но как нация мы были бы чрезвычайно бедны. У нас почти не было бы располагаемого дохода, и мы были бы совершенно неспособны поддерживать то же количество производств или собирать те же налоги, что и в настоящее время".^[325] Но разделение земель было, по крайней мере, в пользу валового продукта, и даже проезжий путешественник был склонен думать, судя по виду полей и

стилю полевых работ, что, как бы сильно ни пострадала обрабатывающая промышленность Франции во время войны, ее сельское хозяйство скорее выиграло, чем потеряло.^[326] Отсутствие такого количества сильных мужчин в армии не только повысило бы заработную плату дома и улучшило положение рабочих, но и, *частично* уменьшая спрос на продовольствие и снимая с тех, кто дома, бремя содержания такого количества мужчин, не повысило бы цены на продукты питания вместе с заработной платой, но позволило бы реальной заработной плате расти. Это сочеталось бы с политическими причинами, заставляющими людей покидать города ради сельской местности, и тем самым снизило бы уровень смертности, который всегда выше в городах, чем в сельской местности. Артур Янг (не друг Эссе о населении) подтверждает, что высокая смертность во Франции до революции (согласно Неккеру, 1 из 30) была вызвана перенаселением, которое имели тенденцию устранять изменения, произошедшие во время революции. Следовательно, существует вероятность, что рождаемость увеличилась, а смертность снизилась в течение десяти лет после революции; и не могло быть никаких трудностей в понимании увеличения численности населения, несмотря на войну. В более поздних изданиях эссе^[327] Мальтус признает, что его французские цифры нуждаются в пересмотре; отчеты префектов за 1801-28 гг. и другие правительственные документы показали меньшую долю рождений, чем он считал вероятным, за период до революции. Но (замечает он) возвращение префектов не охватывает ранние годы Революции, а именно то время, когда поощрение брака было бы наибольшим, а доля рождений - наивысшей. В любом случае, они показывают, что население Франции не уменьшилось, а увеличилось после революции. Если во второй половине этого периода на рост повлияло снижение смертности, а не увеличение рождаемости, они не только не повлияли на его положение, но и дали ему результат, который бы его очень порадовал. Несомненно, в Англии и Швейцарии, и, вероятно, в каждой европейской стране уровень смертности снизился за последние двести лет благодаря улучшению условий жизни; и совсем неудивительно, что население должно поддерживаться на прежнем уровне или даже увеличиваться за счет меньшей доли рождений, смертей и браков, чем раньше.^[328]

Трудящиеся классы Франции в начале революции составляли семьдесят шесть процентов. их хуже кормят, одевают и поддерживают, чем их собратьев в Англии.^[329] Их заработная плата составляла 10д. в день (по сравнению с 1s. 5д.), в то время как цены на зерно были примерно такими же; но их положение и вознаграждение были значительно улучшены революцией и разделом национальных владений. Заработная плата в деньгах (с тех пор, как писал Янг) выросла до 1s. 3д. в день; и, по мнению некоторых авторитетных источников, реальная заработная плата стала даже выше, чем в Англии.^[330] За новым распределением богатства последовало огромное увеличение его производства, разделяемое самими производителями, и делающее Францию чрезвычайно сильной как нацию как в наступлении, так и в обороне.^[331] За таким улучшением положения людей, естественно, последовало бы уменьшение смертности; а уменьшение смертности должно привести либо к увеличению численности населения, либо к сокращению браков и рождаемости. За этим последовало последнее (что, по-видимому, является усилением моральных ограничений). В течение десяти лет после заключения Амьенского мира население, по-видимому, увеличивалось очень медленными темпами. “Возможно, нет более неопровержимого утверждения, чем то, что в двух странах, в которых темпы роста, естественная благоприятность климата и состояние городов и мануфактур, как предполагается, почти одинаковы, та, в которой давление бедности является наибольшим, будет иметь наибольшую долю рождений, смертей и браков”, *инаоборот*.^[332]

Проведенный Мальтусом опрос населения Франции применим только к его собственной жизни, да и то только к более ранней ее части. Чтобы отдать ему полную справедливость, мы должны поместить его картину реальных потерь на войне рядом с описанием компенсаций.

Постоянная тенденция населения к увеличению до предела запасов продовольствия может быть истолкована (в случае войны) как тенденция рождаемости в стране заполнять вакансии, образовавшиеся в результате смерти. Эти нарушения не являются постоянными; они относятся к числу тех, которые можно исправить, в отличие от непоправимых бедствий войны. Но с моральной или политической точки зрения это не дает ни малейшего оправдания страданиям, причиняемым таким образом существующим жителям.

“Можете ли вы, наполняя колыбели, опустошить могилы?”

Происходит обмен зрелых существ в “полном расцвете их наслаждений”^[333] на равное количество беспомощных младенцев. Это не только пустая трата погибших мужчин, но и ухудшение, на данный момент, качества всего народа; в нем будет больше, чем обычно, женщин и детей; и женатыми будут мужчины и женщины, которые в обычное время остались бы холостяками. Когда отток мужчин на военную службу начнет истощать резерв неженатых лиц, а ежегодные потребности превысят число лиц, ежегодно достигающих брачного возраста, тогда, конечно, война фактически уменьшит численность населения.^[334] Пока этот момент не достигнут, война может изменить юниты и ухудшить качество населения, но не уменьшит его общую численность. Сэр Фрэнсис Ивернуа, у которого Мальтус позаимствовал некоторые из своих цифр, зашел слишком далеко в другом направлении, когда сказал нам, что мы должны обращать внимание не столько на смерть в бою или в госпитале, когда подсчитываем разрушительные последствия войны или революции, сколько на более отдаленные результаты; “количество людей, убитых войной, имеет гораздо меньшее значение, чем количество детей, которым она помешала и все еще будет мешать появиться на свет”. Он предполагает, что один миллион человек погиб в самой Революции и полтора миллиона в ее войнах; и он говорит, что, если бы только два миллиона из них были женаты, им нужно было бы иметь по шестеро детей у каждого, чтобы число детей, равное числу их родителей (*т. е.* четыре миллиона), было живо тридцать девять лет спустя. Мы должны, считает он, скорбеть не только о двух с половиной миллионах убитых людей, но и о двенадцати миллионах, которым их смерть помешала родиться. На что Мальтус мудро отвечает, что убитых, будучи взрослыми мужчинами, воспитанными с немалой затратой для себя и своей страны, можно достойно оплакивать, но не двенадцать миллионов нерожденных, появление которых в мире привело бы лишь к появлению на свет соответствующего числа - и “если бы в стране с наилучшим управлением в Европе мы оплакивали потомство, которому не дали появиться на свет, мы всегда носили бы привычку скорби”.^[335]

Если бы сэр Фрэнсис Ивернуа мог предвидеть историю населения Франции на семьдесят лет позже того времени, когда он писал эту книгу, у него было бы больше оснований для выражения своего любопытного сетования.

“Результатом Революции, ” писал Мальтус в 1817 году, - стало то, что каждый человек стал больше полагаться на себя и меньше на других. Следовательно, трудящиеся классы стали более трудолюбивыми, более экономными и более осмотрительными в браке, чем раньше; и совершенно очевидно, что без этих последствий Революция ничего бы для них не сделала”.^[336] Сельские районы, принимавшие наименее активное участие в Революции, проявили

наибольшую решимость в сохранении ее результатов. Перенаселение во Франции известно только в городах. В начале восемнадцатого века — скажем, сто пятьдесят лет назад (1732) — при Людовике XV. население Франции оценивалось в двадцать миллионов человек.^[337] Есть веские основания полагать, что привычки людей тогда полностью отличались от нынешних; говорили даже, что они славилась своими большими семьями.^[338] В 1776 году их число составляло около двадцати четырех миллионов,^[339] при революции 1789 года около двадцати шести миллионов,^[340] в 1831 году тридцать два с половиной, а в 1866 году тридцать восемь. В настоящее время, из-за потери территории и уменьшения численности в определенных частях страны, их немногим более тридцати семи с половиной миллионов - ненамного больше населения Великобритании, страны не столь большой и не столь плодородной. Даже в 1815 году Мальтус говорил о Франции как о стране с более постоянным и менее перенаселенным населением, чем Британия, хотя она была богаче зерном.^[341] Численность населения в 1881 году увеличилась на 766 260 человек по сравнению с 1876 годом и составила всего 37 672 048 человек.^[342] Оно увеличивается не за счет увеличения числа рождений, поскольку на самом деле оно уменьшается, а за счет уменьшения смертности. Население Британии утроилось за нынешнее столетие; население Франции даже не удвоилось за полтора столетия, со всеми оговорками о меняющихся границах. Опасения, которые выразил Мальтус,^[343] что закон о наследовании и обязательном разделе имущества приведет к чрезмерному обнищанию населения страны, не оправдались. Промышленный прогресс страны был очень велик. Пятьдесят лет назад производство пшеницы составляло лишь половину того, что производится сегодня, мяса - меньше половины. Почти по всем культурам и по всем видам продовольствия Франция сейчас богаче, чем тогда, в соотношении более чем 2 к 1. По всем жизненным удобствам (если продовольствие является предметом первой необходимости) возросшее предложение составляет 4 к 1, в то время как внешняя торговля стала 6 к 1. Поскольку собственность во Франции распределена более широко, чем где бы то ни было, увеличение производства с гораздо большей уверенностью означает благо для всего народа. Но существуют определенные классы товаров, главным образом предметов первой необходимости, производство которых (даже в такой стране, как Англия, где огромные богатства сосредоточены в немногих руках) невозможно с прибылью расширить безсоответствующего расширения распределения. Когда продукты питания импортируются в огромных количествах, они по природе вещей не могут полностью достаться богатым; богатые могут легко есть и пить сверх нормальной стоимости, но ненамного (без рта Гаргантюа) сверх нормального количества; и, по крайней мере, в случае с нашей собственной страной, очень мало экспортируется снова. Вообще говоря, верно говорят, что чем больше еды, тем больше людей сыты. Но то, что верно для предметов первой необходимости в Англии, верно и для других товаров во Франции.^[344] “Среднее богатство каждого человека” здесь не является, как часто бывает в других местах, простой арифметической величиной, а очень близко к обычному состоянию подавляющего большинства людей; и авторитетные источники считают, что это среднее богатство^[345] выросло более чем вдвое с начала века. Население, с другой стороны, увеличилось лишь наполовину, а средняя продолжительность жизни увеличилась с двадцати восьми до тридцати семи лет. В статье Шатонефа (1826), цитируемой Маккалохом,^[346] было сказано, что французы улучшают свое положение за счет сокращения числа браков. Статистик Левассер, напротив, опираясь на факты еще за полвека до него, сообщает нам, что женатые люди во Франции составляют *большинство* населения,^[347] средний возраст вступления в брак составляет двадцать шесть лет для женщин и несколько больше тридцати для мужчин. Уровень рождаемости, однако, самый низкий в Европе,^[348] составляющий 1 к 37, в отличие от 1 к 27 в

Англии. Отказываясь наполнять колыбели, они оставляют могилы пустыми. И все же Франция менее здорова, чем Англия. Уровень смертности в 1882 году составлял 22,2 на тысячу человек, в то время как в Англии - 19,6.^[349]

Есть и другие особенности, которые делают этот случай уникальным. Иностранцев во Франции немного; численность французов не увеличивается за счет иммиграции и не уменьшается за счет эмиграции. Со времен изгнания гугенотов и колонизации Канады немногие нации были настолько укоренены в своей собственной стране; даже алжирские и тунисские завоевания не были вызваны народной страстью к колонизации. Крестьянская собственность вызвала у людей отвращение к передвижению.

В настоящее время большинство французов остаются на протяжении жизни в том же департаменте, в котором они родились;^[350] и недавние наблюдатели говорят нам, что^[351] что военная карьера - это становится неприятным для всех классов. Принимая отсутствие иммиграции как уравновешенное отсутствием эмиграции, мы приходим к выводу, что население Франции находится на постоянном уровне в результате своего собственного преднамеренного действия.

Насколько это согласуется со взглядами Мальтуса, невозможно сказать одним словом. По крайней мере, это результат благоразумия, которое он всегда проповедовал. Но его благоразумие заключалось в том, что он откладывал женитьбу, а это не та форма, которая преобладает во Франции. Более того, он думал вместе с Адамом Смитом, что нормальным для человечества является прогрессивное состояние, а не стационарное; если бы весь мир удовлетворился тем, что он получил, то, по его мнению, прогресса не было бы, а ресурсы и способности людей и всего мира не развивались бы. Фактически, он сохранил чаяния Революции, которые, похоже, деревенскому населению Франции грозит потерять; он хотел, чтобы у людей были надежды на будущее, а также комфортная жизнь в настоящем; он видел добродетель в простой малости не больше, чем в простой численности; он желал, чтобы население было как можно большим, состоящим из стойких, хорошо обученных, мудрых и предприимчивых людей; он думал, что без конкуренции, амбиций и соперничества, а также без элемента трудностей люди никогда полностью не проявят свои лучшие силы, хотя он также думал, что со временем может наступит время, когда низшие классы станут такими же, как средние классы, или, по его собственным словам, когда низших станет меньше, а средних - больше, и когда, главным образом благодаря действиям самих рабочих, изобретения станут реальным благом, поскольку будут сопровождаться более легким трудом и сокращением рабочего времени для рабочих.^[352] Что касается той любви к человечеству, которая так сильно присутствовала в словах и мыслях, если не в делах людей Революции, он в полной мере разделял ее. Он желал более долгой жизни для живущих и меньшего количества рождений ради меньшего количества смертей. Его работа была подобна работе маяка - давать свет и спасать жизни.

ГЛАВА VII.

АНГЛИЯ, ШОТЛАНДИЯ И ИРЛАНДИЯ.

Преобладающие проверки—Предлагаемая перепись 1753 года—Оценка Брауна—Сокращение населения Англии в восемнадцатом веке—Противоположные аргументы—Перепись 1801 года—

Интерпретация возвратов—Относительный характер вопроса о численности населения—Шотландия для Англии как страна для города—Промышленные изменения со времен Союза—Ирландия под английским правлением в восемнадцатом веке и после—Медная стена—Добродетель без мудрости—Картофельный стандарт—Комитет по эмиграции—Новый отъезд.

Рассматривая вопрос о населении в своей собственной стране,^[353] Мальтус пытается ответить по крайней мере на три отдельных вопроса: — Какие проверки на самом деле применялись в те дни? Увеличилась ли численность населения в восемнадцатом веке? Какие выводы по обоим пунктам можно сделать из переписи населения Англии?

Сравнительно полный ответ на первый вопрос был дан в эссе 1798 года. Там отмечается, что в Англии средний и высший классы увеличиваются медленными темпами, потому что они всегда стремятся сохранить свое положение и боятся расходов, связанных с браком.^[354] Ни один мужчина, как правило, не хотел бы, чтобы социальное положение его жены не соответствовало ее привычкам и наклонностям. Две или три ступени спуска будут рассматриваться большинством людей как настоящее зло. “Если общество считается желательным, оно, несомненно, должно быть свободным, равным и взаимным обществом, где блага не только предоставляются, но и получаются, а не таким, которое иждивенец находит у своего покровителя или бедняк у богатого”. Таким образом, случается, что многие мужчины с хорошим образованием и ограниченным доходом не проявляют ранней привязанности к раннему браку. Когда их страсть слишком сильна или их рассудок слишком слаб для такого сдерживания, без сомнения, у них есть благословения, которые уравнивают очевидное зло; “но, боюсь, следует признать, что более общие последствия таких браков скорее рассчитаны на то, чтобы оправдать, чем подавить дурные предчувствия благоразумных”.^[355] Чего желает Мальтус, как мы заключаем из общего содержания его книги, так это того, чтобы все классы без исключения демонстрировали нежелание снижать свой уровень жизни; и его ненависть к Законам о бедных объясняется его убежденностью в том, что они препятствуют достижению этой цели. Со временем эта тема будет обсуждена более подробно.^[356] В главах об Англии это немногим больше, чем упоминается, автор посвящает себя главным образом статистическим данным переписи населения и реестрам.

В этой связи ему не удалось избежать вопроса, который давно волновал умы политиков. Уменьшалась или увеличивалась ли численность английского народа послереволюции 1688 года, и особенно в течение восемнадцатого века? Современные экономисты перегружены статистикой; но когда Адам Смит писал “Богатство наций”, он не знал о численности своей собственной нации. Оценивать численность населения без переписи - значит изучать язык без словаря; со времени прихода Армады переписей не проводилось,^[357] и только через сто лет после этого события статистические исследования получили большую популярность. Ежегодный учет населения был предложен Палатой общин в 1753 году как средство определения численности наших бедняков.^[358] Но предложение было отвергнуто как противоречащее Священному Писанию и неанглийскому, выставяющее нашу слабость напоказ иностранцам и тратящее государственные деньги на урегулирование пари ученых. Вероятно, существовали опасения^[359], что сборщик налогов последует по пятам за счетчиком, как он сделал во Франции. Палата лордов отклонила законопроект и оставила Англию в неведении относительно численности своего населения еще на полвека, хотя в 1755 году для правительства было проведено нечто вроде переписи населения Шотландии.^[360] Как без ирландского голода у нас, возможно, не было бы полной отмены законов о кукурузе, так и без

худшего из всех возможных урожаев в 1799 году у нас, возможно, не было бы переписи населения в 1801 году, поскольку парламент, когда они приняли закон о переписи г-на Эббота в 1800 году, рассчитывал на учет людей, чтобы направлять их при открытии и закрытии портов для иностранного зерна. Практический вопрос об увеличении или уменьшении численности англичан был связан, как логически, так и во времени, со спором о сравнительной численности населения древних и современных наций. В том же 1753 году, когда была предпринята попытка решить с помощью переписи вопрос о депопуляции Англии, был также опубликован ответ доктора Роберта Уоллеса на эссе Юма о численности населения древних наций в его Диссертациях о численности человечества в древности и современности. Одним из возражений Генри Фокса против Закона Хардвика о браке (1753 г.) было то, что он ограничит численность населения.^[361] Нам сказали^[362] что академическая дискуссия привлекла внимание на Континенте, и французский ученый Деланд опубликовал оценку численности современных наций в результате чего Англия оказалась намного ниже Франции, имея всего восемь миллионов против двадцати. Это было слишком для английского патриотизма. Даже в наши дни большая война и несколько неудач обычно наполняют Англию на год или два предчувствиями упадка. Написанная в 1757 году (в начале Семилетней войны) оценка нравов и принципов того Времени доктором Джоном Брауном была лишь самой популярной из множества мрачных брошюр, слишком предвзятых, чтобы приносить большую пользу статистике.^[363] Доктор Адам Андерсон^[364] на стороне современников и оптимистов. Вклад доктора Брэкенриджа и Ричарда Форстера в дискуссию сохранился благодаря упоминанию о них в Наблюдениях Прайса (стр. 182-3) и в оценке Джорджа Чалмерса (гл. xi. 193), причем последнее дает в целом, возможно, наиболее ясную историю всего спора о депопуляции. Мы знаем из "Путешественника Голдсмита" (1764) и "Заброшенной деревни" (1770) с их очаровательным нелогичным предисловием, что даже в мирное время эта тема не выходила из головы людей. Аналогичная паника в Швейцарии, которая началась в Англии,^[365] похоже, впоследствии отразилась и на самой Англии. Американская война за независимость возродила угасающий интерес к этой полемике. На этот раз в влиятельные руки попала английская тема, а не антикварная. Доктор Ричард Прайс, радикальный диссидент, друг доктора Франклина и изобретатель амортизационного фонда Питта, в своих наблюдениях за возвратными платежами (1769) выступил в защиту пессимистической точки зрения; Артур Янг, земледелец, путешественник и оратор, возглавил оппозицию ему,^[366] и был поддержан сэром Фредериком Иденом, Уильямом Уэльсом, Джоном Хаулеттом и последним, но не менее важным, Джорджем Чалмерсом.^[367]

Грегори Кинг^[368] и Джастис Хейл^[369] в семнадцатом веке доктор Кэмпбелл^[370] в восемнадцатом веке согласились с тем, что численность норманнской Англии, должно быть, была небольшой, поскольку правительство было плохим; доктор Прайс, напротив, придерживался парадоксального мнения, что, хотя революция 1688 года привела к "более счастливому правительству", численность народа с тех пор постоянно сокращалась.^[371] Он исходил из уменьшения количества жилых домов, облагаемых оконным налогом и домовым сбором, по сравнению с теми, которые облагались деньгами на очаг (или дымоход) до революции.^[372] Оппоненты отрицали точность его данных и считали его оценку в четыре с половиной или пять жителей на дом слишком низкой. Он указывал на пагубное влияние "всепожирающего мегаполиса", чересчур большой головы для тела и больших городов, которые были "могилами человечества".^[373] Здесь тоже и данные, и вывод были сомнительными. Он аргументировал это снижением акцизов на продукцию. Оппоненты отвечали, что, даже если цифры верны, изменившийся общественный вкус привел к сокращению потребления многих облагаемых

налогом товаров, и многие облагаемые налогом товары поставлялись бесплатно контрабандой.^[374] Он подчеркнул трудности, с которыми столкнулось правительство при наборе войск в середине восемнадцатого века по сравнению с концом семнадцатого, хотя он воспринял это как симптом, а не причину, и в то же время довольно последовательно жаловался, что увеличение армии и флота и военных расходов в трех великих войнах были мощной причиной сокращения численности населения. Оппоненты отвечали, что первое на самом деле было симптомом не упадка, а процветания; изобилие других занятий удерживало людей от необходимости записываться в армию; и они слишком часто отвечали, что второе (военные расходы) было полезно для торговли. Они были более уверены, настаивая на том, что в первой половине столетия длительный мир (1727-40) и хорошие урожаи (1731-50) сделали предположение о росте очень сильным.^[375] Прайс много сделал для эмиграции в Америку, а также в Ост- и Вест-Индию. Был дан ответ, что известная возможность эмиграции придала бы мужчинам на родине больше мужества для создания семьи. Даже поглощение и консолидация ферм и огораживание общин, которые он считал направленными против народонаселения, по словам его оппонентов, увеличили бы количество продовольствия и, следовательно, людей, хотя, возможно, и не людей на месте;^[376] и увеличение числа нищих считалось признаком чрезмерного увеличения численности. Он видел причину депопуляции в возросшей роскоши и расточительности жителей Англии. В начале века считалось, что употребление джина пагубно влияет на население.^[377] Когда противники цен не ответили на это софизмом Мандевилля "роскошь выгодна торговле", они ответили, что возросли не национальные пороки, а национальный стандарт комфорта, расширение которого подразумевает увеличение общего благосостояния и, предположительно, численности населения.^[378] Также несомненно (утверждалось), что общее состояние здоровья улучшилось, и медицинская наука одержала несколько триумфов.^[379] Мальтус, однако, предостерегает нас от этого аргумента; сильная нездоровость не является доказательством малочисленности населения или его здоровости.^[380] В течение десяти лет после американской войны за независимость (1783-93) процветание страны, кажется, росло семимильными шагами, только для того, чтобы сделать последующую депрессию более заметной. Доктор Прайс, который не дожил до рецидива, похоже, признал свою ошибку. "Намекая на уменьшение численности населения, в отношении которого, по-видимому, он так сильно заблуждался, он очень откровенно говорит, что, возможно, на него незаметно повлияли, чтобы он придерживался однажды высказанного мнения".^[381] Тем не менее, общественное мнение не было полностью убеждено до 1801 года, когда "ответы на Закон о населении, наконец, к счастью, вывели вопрос о населении этой страны из безвестности, в которую он был так долго вовлечен".^[382]

Нет веских оснований полагать, что в конце прошлого века страх депопуляции уступил место страху перенаселения.^[383] Мальтус и Артур Янг были почти одиноки в своем мнении.^[384] Интерес к сельскому хозяйству вызвал тревогу не из-за того, что там возникло чрезмерное население, а из-за того, что население получало продовольствие из-за границы. Население, как опасались, превысило английские запасы продовольствия; но о перенаселении, в более широком смысле превышении любого существующего продовольствия, широкая общественность и сквайры мало чему научились за эти годы; и у нас нет оснований приписывать Мальтусу какую-либо долю заслуг в принятии закона о подсчете. Он был выдвинут на осенней сессии парламента (ноябрь 1800 г.), специально созванной из-за дефицита. Оно было выдвинуто мистером Эбботом,^[385] который сделал себе имя скорее как финансист, чем как экономист, и впоследствии был особенно примечателен как ярый противник католической эмансипации. Это

предложение поддержал мистер Уилберфорс, и перед сочетанием финансов и филантропии было невозможно устоять. Мальтус, хотя и является истинным интерпретатором переписи, не инициировал ее в первую очередь и не нашел в ней непосредственной пользы для распространения своих доктрин.

Первая перепись населения вряд ли оправдала бы его, сочтя устаревшим старый спор о депопуляции; она определила только абсолютные цифры за первый год девятнадцатого века, а не прогресс или рецидив в восемнадцатом. Помимо указания фактической численности населения в 1801 году, перепись, без сомнения, дала “таблицу численности населения Англии и Уэльса за последнее столетие, рассчитанную по рождаемости”. Но рождаемость, хотя и была предпочтительным критерием, была ненадежным; и что касается населения на момент революции 1688 года, Мальтус больше полагался бы на “старые расчеты по количеству домов”.^[386] Он не видит принципиальных трудностей в том, чтобы согласиться с мистером Рикманом, редактором журнала "Результаты переписи населения и замечания к ним", что быстрый рост численности английского народа с 1780 года был вызван снижением смертности, а не увеличением рождаемости.^[387] Такое явление было не только возможным, но и распространенным, поскольку уровень рождаемости вне зависимости от уровня смертности не мог дать точных данных о цифрах. Например, после голода^[388] или эпидемии, уровень рождаемости может быть вдвое выше обычного, и по стандарту рождаемости количество людей будет максимальным, тогда как сравнение с уровнем смертности или фактический подсчет показали бы, что они минимальны,^[389] принимая во внимание, что низкий уровень рождаемости, если бы жизнь продлевалась за счет отличного здоровья, безусловно, мог бы означать увеличение, возможно, значительное, численности. Но в то конкретное время, о котором идет речь, зарождалась фабричная система, и промышленные города разрастались за счет сельских районов. Условия жизни в городах в лучшем случае уступают сельским; новые возможности для торговли привели бы не только к бракам, но и к смертям и рождениям.^[390] Предположение было не совсем в пользу здоровья; и реестры в то конкретное время не могли сказать всей правды; — отток новобранцев на иностранную службу привел бы к сокращению списков захоронений на родине, в то же время позволив увеличить число рождений и браков.^[391] По этим и другим причинам Мальтус, хотя и согласен с Рикманом в том, что общее состояние здоровья улучшилось, мало доверяет своим расчетам из регистров; и приходит к выводу, что даже перепись населения не дает нам ясного света на перемещение населения в восемнадцатом веке. Мы можем быть уверены, что население увеличилось за последние двадцать лет, и почти уверены, что движение было не вниз, а вверх после Парижского мира; и у нас есть веские основания полагать, что оно было скорее вверх, чем вниз, даже в первые годы столетия, во время хороших урожаев и долгого Уолпольского мира,^[392] и что по всей стране перемещение населения было менее заметным. колебания в Англии больше, чем на Континенте.^[393] Признание автора, что пропорции рождений, смертей и браков в нашей стране в его время сильно отличались от того, какими они были раньше,^[394] похоже, полностью исключает возможность проведения переписи 1801 года в вопросе о депопуляции, тем более что ранее не было данных, с которыми ее можно было бы сравнить. Данные из приходских метрических книг за все столетие, которые были включены в “декларации в соответствии с Законом о населении” в дополнение к перечислению, при проверке оказались неудовлетворительными.^[395]

Мальтус, однако, смог доказать некоторые убедительные выводы, сделанные на основе переписи населения 1801 года. Например, в отношении браков было показано, что их соотношение ко всему числу людей составляло в 1801 году 1 к 123½, что меньше, чем где-либо,

за исключением Норвегии и Швейцарии,^[396] и тем более вероятно, что это правда, потому что Закон о браке Хардвика сделал регистрацию браков более тщательной, чем погребений и крещений. В начале восемнадцатого века пессимист доктор Шорт оценил это соотношение (с большой долей вероятности) как 1 к 115; и, следовательно, представляется, что ни в том, ни в другом конце столетия количество браков не было высоким по отношению к количеству, или население увеличивалось максимальными темпами. Опять же, Мальтус считает, что перепись доказала, что, поскольку население Англии фактически увеличилось, несмотря на снижение числа браков, рост произошёл за счёт смертности, причем меньшее количество браков было частично причиной, частично следствием меньшего количества смертей в последующие годы.^[397] Те, кто поздно женился, могли бы утешать себя мыслью, что они уменьшают не численность, а смертность нации. Без сомнения, было трудно оценить, в какой степени действовали такие причины или в какой степени было улучшено национальное здравоохранение. В любом случае перепись направляет нас лучше, чем реестры,^[398] поскольку она выводит нас за пределы предполагаемых чисел к числам, фактически подсчитанным в данный момент времени. Ни перепись, ни реестры не могут быть правильно интерпретированы без знания социального положения, правительства и истории соответствующего народа. В неразвитых странах, таких как Америка и Россия, или в любых старых странах с высокой смертностью, большая доля рождений может быть хорошим знаком; “но в среднем состоянии хорошо заселенной территории не может быть худшего признака, чем большая доля рождений, и не может быть лучшего признака, чем небольшая доля”. Сэр Фрэнсис д'Ивернуа очень справедливо заметил, что если бы различные государства Европы ежегодно публиковали точный отчет о своем населении, тщательно отмечая во второй колонке точный возраст, в котором умирают дети, то эта вторая колонка показала бы сравнительную доброту правительств и сравнительное счастье их подданных; простое арифметическое утверждение могло бы тогда быть более убедительным, чем самый умный аргумент. Мальтус соглашается, но добавляет, что “нам нужно было бы уделять меньше внимания столбцу, указывающему количество родившихся детей, чем столбцу, указывающему число достигших зрелости, и это число почти неизменно будет наибольшим там, где доля рожденных от всего населения наименьшая”.^[399] Проверено этим стандартом, который гораздо более соответствует центральной доктрине Мальтуса, чем соотношения наша собственная страна уже тогда была лучше всех, за исключением двух, европейских стран. Испытанный им сегодня, у нас все еще есть хорошее место. Хотя ни в одной из крупных европейских стран, за исключением Австро-Венгрии и Германии, не было больше браков, за двадцать лет с 1861 по 1880 год не только в них, но и в Голландии, Испании и Италии было больше рождений, и во всех них, за исключением Дании, Норвегии и Швеции, было больше смертей пропорционально их численности.^[400]

Одним из больших преимуществ переписи является то, что она позволяет регистраторам производить расчеты на основе их собственных данных с определенными точными пределами объявленных чисел позади и перед ними. “Когда в реестрах содержатся все данные о рождениях и смертях, и есть средства [предоставляемые переписью] для выделения из известной совокупности, это, очевидно, то же самое, что и фактическое перечисление”.^[401] Мальтус предположил в 1803 году, что эксперимент 1801 года следует повторять каждые десять лет и что отчеты регистраторов должны составляться ежегодно.^[402] Это было сделано; и, если оба были точными, то регистры промежуточных лет на основе десятилетнего перечисления должны позволить нам вычислить цифры для любого промежуточного года. Соответственно, численность населения Англии в 1881 году, рассчитанная на основе данных о рождениях и

смертях, немногим более чем на одну шестую миллиона отличалась от цифр, фактически подсчитанных в ночь на 4 апреля того же года.^[403] Рост за последнее десятилетие, с 1871 по 1881 год, был выше, чем за любое десятилетие с 1831 по 41 год;^[404] рождений было больше, а смертей меньше, чем обычно. За десять лет к нашим номерам прибавился еще один Лондон.^[405]

Однако это не дает надежной основы для прогнозирования. Предполагать, что темпы прироста населения в какой-либо стране постоянны, едва ли менее ошибочно, чем предполагать неизменный порядок рождаемости и смертности во всем мире в целом. Даже если мы вышли за пределы того времени, когда нам нужно было делать какие-либо поправки на повышение точности и полноты, и если мы можем предположить, что ни в одной данной переписи нетединиц измерения, которые из-за их страха или небрежности чиновника ускользнули от предшественника, все равно мы не можем считать темпы увеличения от одной переписи к другой верным показателем будущего. С некоторыми оговорками слова Мальтуса, сказанные в 1881 году, применимы к нам так же точно, как к нашим отцам в 1811 году: “Это темп роста, который по природе вещей не может быть постоянным. Это было вызвано стимулом в виде значительно возросшего спроса на рабочую силу в сочетании со значительно возросшей производительной силой как в сельском хозяйстве, так и в обрабатывающей промышленности. Это два элемента, которые наиболее эффективно стимулируют быстрый рост численности населения. То, что произошло, является поразительной иллюстрацией принципа народонаселения и доказательством того, что, несмотря на большие города, производственные занятия и постепенно приобретаемые привычки богатого и расточительного народа, если ресурсы страны будут быстро увеличиваться и если эти ресурсы будут распределены так выгодно, чтобы вызывать постоянно растущий спрос на рабочую силу, население не преминет поспевать за ними”.^[406] Он видел, что при таких темпах прироста население удвоится менее чем за пятьдесят пять лет; и это удвоение действительно произошло. Цифры по Англии в 1801 году составляли 8 892 536 человек; а в 1851 году их было 17 927 609. Мальтус не ожидал каких-либо более значительных изменений в производстве и торговле, чем те, которые произошли в его дни; и он явно ожидал, что темпы роста не будут продолжаться и цифры не удвоятся. Единственное, в чем можно было быть уверенным, так это в невозможности надежного прогнозирования на основе любого существующего курса. Писатель начала нынешнего столетия предсказал вымирание турецкого народа через сто лет; сэр Уильям Петти в конце семнадцатого века предсказал, что в 1800 году в Лондоне будет проживать 5 359 000 человек. Но турки еще не вымерли; в Лондоне в 1800 году проживало менее миллиона человек, и потребовалось еще восемьдесят лет, чтобы довести их число до указанного в пророчестве.^[407]

Если в случае с Англией предсказать было сложно, то в не меньшей степени это было и в случае с другими частями Соединенного Королевства. Условия жизни общества и промышленности в этих трех странах были совершенно разными; и чтобы судить о действительном или вероятном росте населения в Шотландии или Ирландии, мы должны сначала, как и в случае с Англией, ясно понять эти условия. В начале этого столетия Шотландия^[408] относилась к Англии так же, как сейчас сельские районы Англии относятся к ее большим городам. Можно сказать, что постоянная миграция из деревни в город была его нормальным состоянием, и самые крупные города находились в Англии. Переход от воинствующего феодального общества к индустриальному нигде не был так заметен, как в Шотландии после Унии, и особенно после восстания 1745 года. Наследственные полномочия судей вождей горцев были отменены; отношения между вождем и членами клана превратились в неромантичные отношения землевладельца и арендатора. Вытеснение домашнего труда фабричной системой и ручного

труда машинами привело к перенаселению крупных городов Шотландии за счет сельских районов; и перенаселению крупных городов и промышленных районов Англии за счет Шотландии. Приток северных британцев в Англию был вызван не Бьютом; и наибольшим он был после, а не до Парижского мира, хотя при том мире и стабильном правительстве сельское хозяйство, мануфактура, банковское дело и внешняя торговля самой Шотландии выросли достаточно (как могло показаться), чтобы обеспечить работой все население у себя дома. Хлопчатобумажное производство, которое в целом является типичной отраслью промышленности наших дней, было сугубо английским.^[409] Домашнее разведение овец и прядение хлопка в Англии в сочетании привели к обезлюдению шотландского нагорья и большей части низменностей. Высокогорье с его ярко выраженными физическими особенностями и строго ограниченными промышленными возможностями в какой-то степени соответствовало положению Норвегии. В собственно высокогорье не было минеральных богатств; там были вересковые пустоши, горы, ручьи, озера, вереск, папоротник-папоротник, торф и болота; участки пригодной для обработки почвы давали скудный урожай овса и, возможно, клевера, ячменя или картофеля.^[410] Это описание применимо к большей половине всей Шотландии; и мы должны иметь это в виду, чтобы понять высказывание Мальтуса в 1803 году: “Шотландия, безусловно, перенаселена, но не так сильно, как это было столетие или полвека назад, когда в ней было меньше жителей”.^[411] Высокогорья на всей своей протяженности ничем не отличаются от низменностей в том, что касается их холмов, пригодных только для разведения овец. Сейчас в Сазерленде на квадратную милю приходится примерно тринадцать жителей, а в Мидлотиане - семьсот сорок шесть; но Сазерленд, а не Мидлотиан, может быть перенаселен. По сравнению с прежней Сазерленд, когда у нее было тридцать или сорок квадратных миль, может быть, она больше, а может, и менее перенаселена, чем когда-то; мы не можем сказать, пока не узнаем, каково было ее богатство и как оно было распределено.

При патриархальном правлении^[412] в прежние времена богатство страны заключалось буквально в ее людях. Если бы вождя спросили об арендной плате за его поместье, он ответил бы, что оно содержит пятьсот человек; арендатор платил ему военной службой. Адам Смит вспоминает, что во время восстания якобитов, которое потрясло его страну в то время, когда он учился в Оксфорде, “мистер Камерон из Лохиэла, джентльмен из Лохабера в [западном нагорье Шотландии], арендная плата которого никогда не превышала 500 фунтов стерлингов в год, в 1745 году привел с собой на восстание восемьсот своих соплеменников.”^[413] Разделение земли означало больше слуг и больше почестей; и поэтому высокогорье было заселено не до конца. В полном объеме предстоящей работы, но на самом деле в полном объеме голой пищи, полученной из почвы.^[414] О создании сильного правительства и отмене их наследственных судебных привилегий,^[415] вожди вскоре захотели превратить ценность в людях в ценность в деньгах, обменяв достоинство на прибыль. Они больше не поощряли своих арендаторов заводить большие семьи; и все же они не предпринимали никаких усилий, чтобы избавиться от привычек заводить их у арендаторов.^[416] Именно это изменение дало сэру Вальтеру Скотту материалы для его самых сильных картин в “Уэверли” и других романах. Но для него трагедией является горе вождей, а не несчастье членов клана. Члены клана, со своей стороны, при феодализме воспитывались как фермеры или торговцы скотом, и ничего больше; тогда в горной Шотландии было так же мало разнообразных занятий, как и сейчас в Ирландии. Несомненно также, что они обладали тем обычным правом длительного владения, которое закон так часто истолковывал как юридический титул в случае с более влиятельными людьми. Верно также, что если коренные горцы не будут возделывать эту бедную почву, то чужаки этого не сделают, и,

если политически желательно, чтобы страна оставалась населенной, единственный способ обеспечить это - предотвратить массовый исход коренных жителей.^[417] Такой попытки предпринято не было; но, напротив, землевладельцы хайленда пошли по пути, который привел к самой высокой арендной плате; они консолидировали свои фермы; они заменили сельское хозяйство пастбищами; они заменили овец оленями. Почти каждый горный округ рано или поздно проходит через все эти три стадии, и с тем же результатом - занято все меньше и меньше мужчин.^[418] У выброшенных людей было два пути: миграция в низменности^[419] или эмиграция в колонии. Рабочий на ферме мигрировал бы, фермер эмигрировал бы. Домовладельцы навлекали на себя и часто заслуживали ненависть за способ своих выселений; но они обращались с выселяемыми лучше, чем средний британский капиталист обращается со своими уволенными руками. Обычно они обеспечивали им проезд и часто добивались для них поселений за границей. Лорд Селкирк, один из немногих писателей на эту тему, сохраняющий судебное спокойствие, посоветовал своим соотечественникам смириться с "сокращением населения" горной шотландии, но направить поток эмиграции в наши собственные колонии. Он сам нарисовал его, насколько мог, в поселении Ред-Ривер и на острове принца Эдуарда.

С середины прошлого века до начала нынешнего эмиграция продолжалась, за исключением тех случаев, когда война делала это невозможным. Опасные качества горцев сделали их очень ценными в трех великих войнах, которые помешали им покинуть страну со своими семьями. Возможно, что именно эти военные соображения поначалу побудили английское правительство потворствовать получению разрешений; и вмешательство на любом более позднем этапе было очень затруднительным. Как бы то ни было, в конце концов, даже сазерлендские выселения^[420], похоже, просто переместили население, а не удалили его. Несмотря на эмиграцию, по последней переписи 1881 года в Сазерленде проживало столько же жителей, сколько и по первой переписи 1801 года, а именно свыше 23 000 человек. Рыболовство, отрасль, новая для большей части высокогорья, сделало это явление возможным. Рыбачьи деревни выросли за счет внутренних ферм. Но это не вся правда. До того времени, когда свободная торговля начала распространяться в Глазго и других крупных городах Шотландии, население горных графств, взятых вместе, фактически увеличивалось по сравнению с тем, что было в 1801 году. Последующее падение связано не с какими-либо значительными сокращениями или эмиграцией, а с другой причиной, которая некоторое время назад действовала, хотя и не бросалась в глаза. Это была миграция в промышленные центры низменностей. Во времена Тюдоров в Англии раздавались жалобы на упадок городов, потому что сильное правительство наконец сделало ненужной защиту городов, окруженных стенами, и промышленность мирно распространилась там, где в ней нуждались. Но два столетия спустя произошел упадок не городов, а сельских районов, потому что промышленность принимала формы, делавшие концентрацию необходимой. Сначала, как в Англии, так и в Шотландии, наблюдалось реальное сокращение сельского населения; на какое-то время произошло реальное сокращение объема работы, которую нужно было выполнять в деревне, и перенос ее в города. Ручной ткач был вытеснен механическим ткацким станком. Маленькие деревушки, где рабочий жил идиллически, наполовину на своей ферме, наполовину в своей мастерской, теперь либо отправляли все свои семьи в города, тем самым прекращая вносить взносы в приходские книги в деревне и увеличивая взносы в город, либо, по-прежнему сохраняя родителей, отправляли туда три четверти детей, тем самым делая сельские книги весьма ненадежным отражением реального положения населения в сельских округах. То, что сельские деревни в каждой части Шотландии, но особенно вблизи крупных городов, являются "рассаdnиками" этого последнего

описания^[421] прекрасно известно; и то же самое верно, в меньшей степени, для Англии. Это одна из причин, почему даже в чисто сельских округах Шотландии с 1801 года численность населения значительно увеличилась, и большинство из них продолжает увеличиваться; готовность шотландцев эмигрировать вызвала эмиграцию больших семей в не меньшей степени, чем многодетные семьи - эмиграцию. Другая причина заключается в том, что даже в сельских районах сейчас предстоит выполнить больше работы, и делается она лучше. Ортодоксальные экономисты могут посчитать это примером самовосстанавливающегося эффекта экономических изменений, которые поначалу причиняют много страданий. Справедливо будет сказать, что это окончательное решение является не более и не менее полным, чем решение аналогичных трудностей, связанных с недавно введенной фабричной системой, и временных неудобств, связанных с внезапной свободой торговли. То, что могли сделать острые коммерческие амбиции, она сделала, и ее успех, по крайней мере, достаточно полон, чтобы оправдать нас сказать о Шотландии сегодня то, что Мальтус сказал о ней восемьдесят лет назад: она была наиболее перенаселенной, когда в ней было меньше всего жителей. Современные усовершенствования, какими бы далекими от совершенства они ни были, по крайней мере, как в Англии, так и в Шотландии полностью положили конец периодическим голодоморам. Даже дефицит 1799 и 1800 годов, хотя и вызвал большие бедствия в обеих странах, не был голодом ни в одной из них; и с момента отмены Хлебных законов в 1846 году даже такое всеобщее бедствие, какое было вызвано в Шотландии картофельной фитофторозом, не может повториться. Само по себе это бедствие было ничем по сравнению с ужасной нехваткой, от которой Шотландия страдала пять или шесть раз в столетие и которую Англия испытывала еще в семнадцатом веке.^[422] Мрачная картина^[423], которую Мальтус рисует о положении шотландского крестьянства, напоминает нам, что прошло немногим более столетия с тех пор, как Шотландия сделала свои первые шаги в цивилизация и обратила свою энергию с войны на торговлю. Ее население в 45-м году составляло около одного с четвертью миллиона, в 1801 году - около полутора; но в 1861 году - более трех, а в 1881 году - три с тремя четвертями. Таким образом, за столетие численность населения увеличилась более чем вдвое. Но даже сейчас на квадратную милю приходится всего сто двадцать один житель по сравнению с четырьмястами сорока пятью в Англии. Богатство страны увеличивалось гораздо быстрее, чем численность населения; оно увеличилось в пять раз с середины нынешнего столетия и в десять раз с его начала.^[424]

История народонаселения Ирландии дала бы Мальтусу еще более яркие иллюстрации его принципов, если бы его жизнь продлилась на несколько лет дольше. Сам он довольствуется (до 6-го издания Эссе^[425]) единственным абзацем: “Сведения о населении Ирландии малоизвестны. Поэтому я лишь отмечу, что широкое использование картофеля привело к очень быстрому увеличению его потребления в течение последнего столетия. Но дешевизна этого питательного корнеплода и небольшой участок земли, который при таком способе возделывания в среднем за несколько лет даст пропитание семье, в сочетании с невежеством и подавленным состоянием^[426] людей, которые побудили их следовать своим склонностям без какой-либо иной перспективы, кроме немедленного получения средств к существованию, до такой степени поощряли браки, что население было вытеснено далеко за пределы промышленности. и нынешние ресурсы страны; и естественным следствием этого является то, что низшие классы людей находятся в наиболее нищем состоянии^[427] и жалком состоянии. Проверки населения, конечно, в основном носят положительный характер и возникают в связи с болезнями, вызванными беспросветной нищетой, сыростью и убогими хижинами, плохой и недостаточной

одеждой,^[428] и периодической нуждой. К этим положительным проверкам в последние годы добавились порок и страдания внутренних беспорядков, гражданской войны и военного положения”.^[429]

В своем обзоре статистического и исторического исследования населения Ирландии Ньюенхэмом в 1808 году,^[430] и в своих показаниях перед Эмиграционным комитетом в 1827 году Мальтус использует еще более сильные формулировки. Мы можем процитировать последний документ как менее известный из двух. В 1817 году он провел каникулы в колледже, посетив Уэстмит и озера Килларни,^[431] и мог говорить, исходя из личных знаний о стране. Его спросили:—

Qu. 3306. “Что касается Ирландии, каково ваше мнение относительно привычек ее жителей, способствующих быстрому увеличению населения?” — “Их привычки очень неблагоприятны с точки зрения их собственного положения, потому что они склонны довольствоваться самым низким уровнем комфорта и вступать в брак с небольшой другой перспективой, кроме возможности добывать картофель для себя и своих детей”.^[432]

3307. “Какие обстоятельства способствуют распространению таких привычек в стране?” — “Деградированное положение народа, угнетение и невежество”.

3311. “Вы упомянули, что угнетение способствует формированию тех привычек, на которые вы намекали; каким образом, по вашему мнению, в Ирландии существует угнетение?” — “Я думаю, что правительство Ирландии в целом было крайне неблагоприятно настроено против привычек такого рода; это имело тенденцию унижать общую массу людей и, следовательно, мешать им смотреть вперед и приобретать привычки к благоразумию”.

3312. “Считаете ли вы, что умы людей могут быть настолько подвержены влиянию обстоятельств, в которых они живут, в отношении гражданского общества, что это может внести большой вклад в противодействие той особой привычке, которая приводит к быстрому увеличению численности населения?” — “Я думаю, что да”.

3313. “Какие обстоятельства, по вашему мнению, способствуют формированию у людей вкуса к комфорту и чистоте?” — “Гражданская и политическая свобода и образование”.^[433]

Затем возникает тема владения одним акром, и Мальтуса спрашивают: —

3317. “Какой эффект произвело бы любое изменение морального или религиозного состояния правительства этой страны на лиц, занимающих такие владения?” — “Сохранение этой системы не дало бы немедленного эффекта; при такой системезаселения всегда должен быть чрезмерный избыток людей, потому что, исходя из природы сносно хорошей земли, она всегда будет производить больше, чем может быть использовано на ней, и следствием этого должно быть то, что большое количество людей останется незанятым”.

3318. “Разве, следовательно, первый шаг к улучшению положения в Ирландии не должен быть обязательно сделан путем изменения нынешнего состояния владения землей?” Это был наводящий вопрос, но Мальтус не поддался на уловку. Он ответил: “Я думаю, что такое

изменение имеет величайшее возможное значение, но что другое (смена правительства) должно сопровождать его; без этого оно не имело бы такой силы”. В своих ответах на последующие вопросы он более подробно изложил свой взгляд на причины различия между английским и ирландским характером.

Ответ. на вопрос. 3411. “На момент завоза картофеля в Ирландию ирландский народ находился в очень низком и деградировавшем состоянии, и увеличение количества продуктов питания использовалось только для увеличения численности населения. Но когда в начале прошлого столетия наша [английская] заработная плата за выращивание пшеницы была высокой, казалось, что она использовалась не только для содержания большего числа семей, но и для улучшения условий жизни людей в их общем образе жизни ”.^[434]

3413. “Вы объясняете разницу в характере людей различием в пище?” — “В значительной степени”.

3414. “Какие обстоятельства определяют разницу в питании в двух странах?” — “Обстоятельства отчасти физические, а отчасти моральные.^[435] В определенной степени от почвы и климата будет зависеть, питаются ли люди кукурузой, пшеницей, овсом, картофелем или мясом.”^[436]

3415. “Разве отбор в какой—то степени не зависит от общего состояния общества?” - “В значительной степени от моральных причин, от того, что они находятся в настолько респектабельном положении, что привыкли смотреть вперед и проявлять определенную степень осмотрительности; и нет сомнения, что в разных странах такого рода осмотрительность проявляется в очень разной степени”.

3416. “Зависит ли это вообще от правительства, при котором они живут?” — “В значительной степени от правительства, от строгого и равного отправления правосудия, от полной сохранности собственности, от гражданской, религиозной и политической свободы; ибо люди больше уважают себя при благоприятных обстоятельствах такого рода и менее склонны вступать в брак без перспективы большего физического обеспечения своих детей”.

3417. “О степени уважения, с которым к ним относятся вышестоящие?” — “Да; одним из величайших недостатков Ирландии является то, что к трудящимся классам там не относятся с должным уважением ихвышестоящие; с ними обращаются так, как если бы они были деградировавшими людьми”.

Вслед за этим ему снова задают наводящий вопрос несколько циничного характера, но он снова осторожен в своем ответе.

3418. “Разве такое обращение не проистекает главным образом из того, что они существуют в такой избыточности, что не вызывают возражений у своего начальства?”— “Отчасти, возможно, так и есть; но, похоже, это имело место до того, как [избыточность] имела место в той же степени”.

Спрашивающий, однако, задает вопрос и спрашивает:

3419. “Число является причиной их лечения, не приведет ли их лечение к увеличению этого числа?” и ответ таков: “Да, они действуют и реагируют друг на друга”.

Соответственно, его мнение в 1827 году, как и в 1803 году, было таково, что эмиграция в сочетании с другими агентствами пойдет на пользу Ирландии, но сама по себе не сделает положение лучше, чем оно было.

Рядом с его весомыми словами в эссе и доказательствах стоит привести слова, написанные Адамом Смитом полвека назад:

“Благодаря союзу с Англией средние и низшие слои населения Шотландии получили полное освобождение от власти аристократии, которая всегда прежде угнетала их. Благодаря союзу с Великобританией большая часть населения Ирландии всех рангов получила бы столь же полное избавление от гораздо более деспотичной аристократии, основанной не на естественных и уважаемых различиях рождения и состояния, как в Шотландии, а на самых отвратительных из всех различий, связанных с религиозными и политическими предрассудками; различиях, которые больше, чем какие-либо другие, разжигают как наглость угнетателей, так и ненависть и негодование угнетенных, и которые обычно делают жителей одной и той же страны более враждебными друг к другу, чем другие. люди из разных стран всегда такие.”^[437]

Имея перед собой такие отрывки, мы не можем считать, что два экономиста отстали от своего возраста в своей ирландской политике. Что касается точных цифр, то у более позднего экономиста дела обстояли немногим лучше, чем у более раннего. Ирландия не была включена в первые две переписи 1801 и 1811 годов. В 1695 году его население оценивалось капитаном Саутом чуть более чем в миллион человек;^[438] в 1731 году, по запросу Ирландской палаты лордов, в два миллиона; в 1792 году доктором Бофортом - чуть более четырех миллионов;^[439] в 1805 году в Ньюенхэме их было пять с половиной миллионов; в 1812 году несовершенная перепись дала их почти шесть миллионов; по переписи 1821 года их было 6 800 000. Было ясно, что население Ирландии уже тогда увеличивалось быстрее, чем в Англии.^[440] Но между этими датами и нашими временами происходит эпизод, достаточно поразительный, чтобы снабдить всю экономическую историю *пурпурным паннусом*.

На протяжении примерно двух поколений Англия совершала в Ирландии свои коронные подвиги коммерческой ревности, ревности по отношению к Ирландии не более глупой или злобной, чем по отношению к американским колониям или, до 1707 года, к Шотландии, но более легкой для победы. Ирландия ни в каком смысле не начинала становиться индустриальной страной до правления Елизаветы и Якова I. А войны последующих царствований препятствовали ее ранним усилиям. У нее были прекрасные поля с кукурузой и лугами и, возможно, лучшие в мире пастбища для овец и крупного рогатого скота. Английским фермерским интересам не понравилась ирландская конкуренция, и был принят закон, запрещающий ввоз ирландских овец, крупного рогатого скота и молочных продуктов в Англию (1665, 1680). По причине более поздних Навигационных актов Ирландия не могла загладить свою вину ни торговлей с Америкой, поскольку вся такая торговля должна была осуществляться через Англию и на английских судах, ни торговлей с Францией по той же причине. Англия в своей ревности окружила бы ее кордоном, таким же плотным, как медная стена в Беркли.^[441] Как только значительно выросло шерстяное производство, Англия остановила его законодательным актом, который (в 1699 году) запрещал экспорт ирландской шерсти не только в Англию, но и в любую другую страну. Английское вмешательство, если бы оно не привело к большему, значительно усилило неопределенность^[442] и колебания ирландской торговли. Рост

таких отраслей промышленности, как шерстяное производство, ускорил рост населения, который не прекратился с остановкой промышленности. Как это часто бывает,^[443] последствия импульса к браку продолжались далеко за пределами промышленного прогресса, который дал импульс. Но это означает голод и страдания, если не смерть. В случае Ирландии разорение всех отраслей промышленности, кроме сельского хозяйства, на более чем трех четвертях территории привело к абсолютной зависимости людей от урожая в их собственной стране; а там, где это их не устраивало, они оказывались лицом к лицу с дефицитом или голодом. Это привело также к заселению сельских районов за счет городов,^[444] вместо (как обычно) городов за счет страны. Если Заброшенная деревня Голдсмита не английская, то она и не ирландская. К 1780 году, когда лорд Норт из страха перед восстанием предоставил Ирландии свободу торговли с Великобританией, зло стало почти неизлечимым. Можно сказать, что значительный рост ирландского населения, как и значительный рост английского, начался с движения за свободную торговлю. В худшие дни юридических преследований это можно было бы сказать об ирландских католиках: чем больше они страдали, тем больше размножались. Лавернь^[445] считает, что их большее увеличение было вызвано, во-первых, физиологическим законом, согласно которому у всех животных средства размножения умножаются пропорционально шансам на уничтожение [?], и, во-вторых, инстинктивно обоснованной тактикой людей, в противном случае беззащитных. Также существует вероятность того, что они так долго сохраняли спокойствие в условиях своих многочисленных промышленных, политических и религиозных дисквалификаций, потому что они были доведены до той глубины нищеты, которая убивает саму силу сопротивления; а бедность в ее крайней точке является позитивным, но не профилактическим средством для населения. Считается, что там, где дела обстоят так плохо, брак не может усугубить их, и брак будет продолжаться за счет высокой смертности, общего пауперизма или непрерывной эмиграции. Чистота брачных отношений в Ирландии, хотя сама по себе была гораздо большим благом, чем ее последствия были злом, действовала так, как это было бы в Утопии Годвина;^[446] помимо мудрости, у самой добродетели были свои пороки. Картофель мало-помалу вошел во всеобщее употребление; а неурожай, которые научили даже шотландскую и английскую бедноту^[447] часто использовать этот заменитель кукурузы, превратили его в Ирландии из заменителя в основное блюдо. Экономисты отнеслись к этому изменению с почти единодушным неодобрением. По мнению Мальтуса, именно дешевизна этого продукта питания делала его опасным для рабочих; его теория заработной платы заставляла его возражать против дешевого зерна на тех же основаниях.^[448] Исходя из принципа, что для выработки энергии нужны трудности, ирландцы становятся ленивыми из-за дешевой еды и не используют ее, кроме как для увеличения потребления. Питаясь самой дешевой пищей, какую только можно было достать, они не могли в условиях дефицита рассчитывать ни на что другое. Каждый мужчина, желающий жениться, мог приобрести хижину и картошку.^[449] При самом низком расчете на акр земли, засеянный картофелем, будет приходиться вдвое больше урожая, чем на акр земли, засеянной пшеницей того же качества.^[450] Есть и другие возражения против картофельной диеты. Это простая (в отличие от комплексной) диета, и она предполагает низкий уровень комфорта. Второе - это не то же самое, что первое, поскольку люди, у которых не было разнообразия в еде, вполне могли бы иметь большое разнообразие в других своих удобствах. На самом деле, однако, ни один из этих трех предполагаемых недостатков картофеля не был проклятием ирландского населения, но был четвертый - его подверженность фитофторозу.^[451]

Цифры переписи говорят сами за себя. В 1821 году ирландский народ насчитывал 6 801 827 человек; в 1831 году - 7 767 401 человек; в 1841 году - 8 199 853 человека; но в 1851 году - 6 514 473 человека. В каждое предыдущее десятилетие прирост приближался к миллиону; в последнее время не только не было прироста, но и уменьшилось более чем на полтора миллиона. Был катастрофический голод, за которым последовала массовая эмиграция. То, что произошло в поместье лорда Лэнсдауна в Керри, является примером того, что происходило в Ирландии в целом.^[452] Это поместье занимало около 100 000 акров, на которых до голода проживало 16 000 душ. Когда начался голод, четвертая часть из них погибла, а еще четвертая эмигрировала. Со временем, благодаря деньгам, присланным родственниками из Америки, и авансам, сделанным лордом Лэнсдауном, эмиграция продолжалась с такой скоростью, что в поместье осталось всего 2000 душ. Массовый голод научил людей эмигрировать и дал им некоторое представление о значении перенаселения. Сельские районы Ирландии, вероятно, сейчас перенаселены; но, похоже, есть основания полагать, что группа арендаторов, которым мало что не хватает в плане гарантий владения землей крестьянам-собственникам, и которые были вынуждены знакомиться с миром за пределами Ирландии, не сохраняют привычек старых арендаторов.^[453] Без изменения привычек крестьянская собственность мало что сделала бы для Франции и мало что сделает для Ирландии.

Это, несомненно, было бы суждением Мальтуса о том, как обстоят дела сейчас в Ирландии, после католической эмансипации, упразднения государства и Закона о земле. В свое время он был достаточно мудр, чтобы понять, что откладывать первое дело нельзя без несправедливости и опасности. Быстрый рост католического населения вскоре, как он предвидел в 1808 году,^[454] поставит вопрос об эмансипации в рамки "практической политики", и если бы эта мера была принята, как он настаивал, в 1808 году, а не двадцать лет спустя, труд по примирению Ирландии, возможно, оказался бы легче, и политические перемены, возможно, помогли бы произвести это изменение в привычках населения. о людях, которых Мальтус считал необходимыми для его постоянного процветания.

КНИГА II. ЭКОНОМИКА.

ГЛАВА I.

ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ.

Необходимость экономического отступления—Гегемония школы Адама Смита—Кардинальные доктрины мальтузианской экономики—Масштабы, метод, детали—Мальтус несправедлив к своей экономике—Человеческий характер его доктрин—Ситуация в сельском хозяйстве в 1794 году—История хлебных законов—Мальтус о ренте в 1803 году и впоследствии—Наблюдения над хлебными законами—Основания для мнения—Природа и динамика ренты—Критические замечания Рикардо—Улучшения в сельском хозяйстве—Мальтузианский идеал коммерческой политики—Медная стена—Пределы коммерческому прогрессу.

Эссе о народонаселении посвящено прошлому, настоящему и будущему. Мы попытались проследить за его описанием прошлого и настоящего, а теперь должны рассмотреть взгляд автора на будущие перспективы и различные схемы (включая его собственные), позволяющие сделать будущее лучше настоящего.

Чтобы отдать должное этой половине эссе, мы должны позволить себе дополнительные вольности в ее оформлении. Для объяснения исторического происхождения эссе мы уже использовали первую^[455] ту критику Годвина и Кондорсе, которая в более позднем эссе занимает центральное место в работе,^[456] вслед за отчетом о численности населения Соединенного Королевства, к которому мы сейчас подошли; и глава об эмиграции была использована раньше времени. Из четырнадцати глав третьей книги эссе осталось нетронутыми одиннадцать; и во всех, кроме одной^[457] знание общей экономической доктрины Мальтуса необходимо для ясного и справедливого понимания его. Тогда не нужно извинений за несколько длинное отступление, в котором кратко анализируются основные экономические труды нашего автора. Это не совсем отступление, поскольку содержание семи^[458] будет включено в нее из десяти глав и будет показана их логическая связь с экономическими теориями автора (насколько это возможно).

Будучи глубоко практичным человеком, Мальтус знал, что филантропия мало что может сделать без здоровой доктрины; и его экономические теории составляют суть его работы. Они были разработаны, в отличие от Эссе о населении, в тихой полемике между друзьями; Рикардо, Джеймс Милль и Жан Батист Сэй, которые были критиками Политической экономии, были новообращенными в Эссе. Однако это были те самые люди, которые ближе всего подошли к отождествлению ортодоксальной экономической теории со строгой абстракцией. Сам Мальтус, трудившийся над созданием заброшенной патологии экономической науки, не был обвинен в этой ошибке. Его первая работа, к счастью, превратила в интеллектуальный принцип его естественную склонность рассматривать спекулятивные вопросы в их связи с практикой и смотреть на “вещи такими, какие они есть”^[459], а не такими, какими они могли бы быть. Первая работа Рикардо, полностью посвященная финансам,^[460] к несчастью, закрепила за ним склонность рассматривать каждый социальный вопрос как арифметическую задачу. В обоих случаях возбуждение полемики усилило бы впечатление.

Оба экономиста начинаются с Адама Смита,^[461] как богословы из Библии. Становилось ясно, что эти Священные Писания имеют сомнительное толкование. Людям предстояло выбирать между кальвинизмом Рикардо и арминианством Мальтуса; и когда два писателя перешли от своих дебатов с публикой к дебатам друг с другом, речь шла не о меньшем выигрыше, чем о гегемонии школы.

Этого добился Рикардо, чьи Принципы политической экономии и налогообложения (1817) были приняты Джеймсом Миллем, Маккалохом, Нассау-старшим, не говоря уже о других, в качестве Институтов их вероучения. Маккалох считал, что ему не стоит тратить время на публикацию того, что Рикардо счел нужным написать в защиту своей позиции против Мальтуса.^[462] Самым сильным союзником Мальтуса был Сисмонди. Только после того, как Рикардо правил тридцать лет, появились серьезные признаки отступничества, когда сын Джеймса Милля порвал с традициями своего отца;^[463] и, хотя в руках Торнтона, Клифф Лесли, Уокера и других реакция была доведена до предела, затмение Рикардо ничего не сделало для спасения Мальтуса из безвестности. Сам успех Эссе о народонаселении, возможно, усугубил забвение других работ в

силу распространенного заблуждения, что человек не может быть одинаково великим в общей теории и в отстаивании одной конкретной реформы.

Политическая экономия Мальтуса имеет свои недостатки; но она содержит в общих чертах основные истины, которые писатели нашего времени, как им кажется, противопоставили Рикардо. Прежде всего, он настаивает на том, что правильное изучение науки - это не Богатство, а Человек, или, что болееопределенно, Богатство по отношению к Человеку. Качества человека и земли, которую он возделывает, согласно Мальтусу, настолько многочисленны и изменчивы по отношению друг к другу, что изучение их взаимоотношений не может быть точной наукой, подобной математике; оно может содержать "великие общие принципы", из которых есть несколько исключений, и "выдающиеся ориентиры", которые будут надежными ориентирами для нас в законодательстве или в жизни; но "даже они при рассмотрении окажутся похожими на самые общие правила морали и политики, основанные на известных страстях и склонностях человеческой природы".^[464] Поведение человека характеризуется такими вариациями и отклонениями, что мы всегда должны быть готовы к исключениям из наших принципов и оговоркам, которые портят очарование единообразия, но соответствуют фактам,^[465] как "анализы маленьких и незаметных персонажей" Джорджа Элиота, которые не вызывают энтузиазма, но сами по себе говорят всю правду. Во-вторых, нам говорят, что природа предмета делает необходимым особенно осторожный метод. Наша первая задача - принимать вещи такими, какие они есть,^[466] пока мы не будем уверены, что наши теории соответствуют действительности, мы не можем действовать в соответствии с ними.^[467] Хорошее экономическое определение должно соответствовать обычному употреблению слов. Мы должны, по возможности, принять значение, которое соответствовало бы обычному употреблению слов "в разговоре образованных людей".^[468] Если это не дает достаточной четкости, мы должны обратиться к авторитету наиболее известных авторов о науке, особенно ее основателя или учредительниц; "в этом случае, будь то новый термин, рожденный вместе с наукой, или старый, используемый в новом смысле, это не будет странным для большинства читателей или может быть неправильно понято".^[469] Если какое-либо слово должно иметь значение, отличное от принятого любым из этих авторитетных источников, новый смысл должен быть не только свободен от недостатков старого, но и должен иметь четкую и узнаваемую положительную полезность. Новые определения должны соответствовать старым; и те же термины должны использоваться в том же смысле, за исключением тех случаев, когда укоренившийся обычай настаивает на исключении. Когда все сделано, в такой социальной науке, как политическая экономия, по-прежнему невозможно найти определение, полностью исключющее придирки.^[470]

"Богатство" должно включать все "материальные объекты, которые необходимы, полезны или приятны человечеству";^[471] "производительный труд" должен быть трудом, который реализует себя либо в таких материальных объектах, либо в повышении их ценности; иначе мы отклоняемся от общего языка, и наши дискуссии уходят в неопределенность. Экономическое рассуждение должно быть выводом из наблюдаемых фактов природы и человеческой натуры, подтвержденным общим опытом. Мальтус утверждает, что повсюду использовал этот осторожный метод, и теория народонаселения была лишь частным случаем, когда обстоятельства позволили ему провести наиболее полную проверку своих предположений. "У меня никогда не было той устойчивой и непоколебимой уверенности в теории народонаселения, которую я неизменно испытывал, если бы мне не казалось, что она самым замечательным образом подтверждается состоянием общества в том виде, в каком оно

фактически существует в каждой стране, с которой мы знакомы”.^[472] С другой стороны, Рикардо, издающий законы для Сатурна, практически не подтверждает их опытом. Это правда, что он допускает оговорки и исключения из своих собственных утверждений; и он бы слегка поморщился, услышав утверждение своего биографа о том, что “г-н Рикардо уделял сравнительно мало внимания практическому применению общих принципов; это не практическая работа”.^[473] Но он не использует допущения; его иллюстрации, как правило, представляют собой не исторические, а воображаемые случаи, и проверка недостаточна. В письме Мальтусу (написано 24 ноября 1820 г.) он говорит: “Я думаю, что наши разногласия в некоторых отношениях могут быть объяснены тем, что вы считаете мою книгу более практичной, чем я предполагал. Моей целью было разъяснить принципы, и для этого я представил убедительные примеры, чтобы показать действие этих принципов ”.^[474] У Мальтуса и Адама Смита воображаемые случаи являются редкими исключениями, реальные примеры из жизни или истории являются правилом. Мальтус заходит в этом направлении так далеко, что (используя его собственную фразеологию) испытывает искушение подчинить науку “полезности”. Даже Адам Смит, хотя и питал безграничную доброжелательность к себе подобным, писал не для того, чтобы творить добро, а для того, чтобы излагать истину. Для Мальтуса открытие истины было менее важным, чем улучшение общества. Когда экономическая истина не могла быть превращена в средство улучшения, он, похоже, потерял к ней интерес. Его прямое предупреждение другим против этой ошибки^[475] можно рассматривать как признание его собственной ответственности за это; и, если он вообще последовал своему собственному предупреждению, его позиция в лучшем случае напоминала позицию современных утилитаристов, которые пытаются достичь счастья, притворяясь, что не думают о нем. Если бы его наука была менее ориентирована на полезность, она могла бы быть более тщательной; и у нас, возможно, не было бы в наше время рикардианского социализма, появляющегося подобно призраку умершей рикардианской ортодоксии, восседающему в короне на ее могиле. У него есть достоинство, заключающееся в том, что он отказывается присоединиться к экономическим фарисеям,^[476] которые не признают эластичности экономических законов, чтобы они не дискредитировали их науку; но он виноват в том, что не выдвигает свою полемику против Рикардо с той же энергией, что и против Годвина. Его войска в этой кампании были хуже обучены и с ними хуже обращались. Справедливо сказано Гарнье (Dict. de l'Écon. Пол., ст. ‘Мальтус’), что, несмотря на свое название, Политическая экономия Мальтуса - это не изложение системы, а просто сборник экономических статей по различным предметам, которые были специально привлечены его вниманием при обсуждении с его друзьями или (мы могли бы добавить) на занятиях в колледже. Это само по себе привело бы к тому, что он выставил бы перед врагом гораздо менее прочный фронт, чем это было сделано в Эссе.

Переходя, в—третьих, к деталям, мы обнаруживаем, что человеческий характер политической экономии Мальтуса проявляется не только в его взгляде на население, где все в конце концов поставлено в зависимость от личной ответственности отдельного человека, а законодательство является хорошим или плохим в зависимости от того, усиливает оно или ослабляет эту ответственность, — но и в его взгляде на Ценность товаров, измеряемую человеческим трудом, — в его взгляде на спрос и предложение как разделяющие непостоянство человеческих желаний, которые присущи им обоим, — в его взгляде на земельную ренту, определяемую результаты человеческого труда и квалификации, а также естественные качества почвы, — по его мнению, заработная плата труда регулируется не неизменным, а прогрессивным

минимумом, - по его мнению, роскошь наравне с бережливостью необходима для производства и предотвращает перепроизводство, — и по его мнению, свободная торговля - это правило, из которого мы должны делать исключения, если не хотим причинять страдания.

Эти доктрины имели особое отношение к текущим событиям. Политические и социальные изменения отражались на политической экономии. В то время как Годвин и Питт спровоцировали публикацию эссе 1798 года, дефицит 1799 и 1800 годов вызвал к жизни брошюру о высоких ценах (1800). Поскольку последнее напрямую связано с Законом о бедных, его лучше всего будет рассмотреть, когда мы снова вернемся к теме Эссе о народонаселении;^[477] и то же самое относится к письму Мальтуса Уайтбриду (1807). Бедствия того времени, когда пшеница дорожала до 6 фунтов стерлингов за квартал вместо обычных 40шекелей или 50шекелей, естественно, сделали помощь бедным вопросом дня. Высокие цены на кукурузу увеличили количество ограждений и счетов за ограждение. Говорят, что в период с 1800 по 1820 год более трех миллионов акров, или примерно двенадцатая часть всей площади Англии и Уэльса, были превращены из отходов в сельскохозяйственные угодья. Средняя цена на пшеницу, которая всегда была основным продуктом питания людей, когда они могли ее достать, за предшествующие годы составляла 55с. 11д., а именно: с 1790 по 1799 год включительно; он составлял 82с. 2г. с 1800 по 1809 год включительно и 88с. 8г. с 1810 по 1819 год включительно, после чего он снизился (в течение следующего десятилетия) до 58с. 5г.^[478] В 1883-4 годах он составлял 35с. 8г. . четверть, что означает четырехфунтовую буханку (среднего качества) по цене 4½д. или 5д.; но на самом низком уровне во время войны (в 1803 году) она составляла 57с. 1д., а буханка стоила 6½д. или 7д.

Однако сельское хозяйство не стояло на месте. Артур Янг, чья эксцентричная энергия шла на пользу всем, кроме него самого, и которому не хватало гениальности, поставил свои девятнадцать томов "Анналов сельского хозяйства" против двадцати одного тома "Статистического отчета Шотландии" сэра Джона Синклера, что правительство Питта не создаст Совет по сельскому хозяйству. Но фермер Джордж все-таки основал его в 1793 году;^[479] Янг заплатил по ставке и стал секретарем; Синклер получил свои девятнадцать томов и стал президентом нового Правления; и вместе они многое сделали для того, чтобы фермеры и землевладельцы узнали о севообороте, неиспользовании залежей, новом удобрении, ремонте дорог, о том, что секретарь напрасно проповедовал в течение тридцати лет.^[480]

Когда в 1799-1800 годах произошел большой дефицит, Правление было на высоте. Она призывала правительство закупать рис из Индии; она искренне проповедовала возделывание пустырей и временное превращение пастбищных угодий в кукурузные поля. Последнее делалось достаточно широко, когда цены на кукурузу были высокими. Второе, за исключением тех случаев, когда это означало огораживание общего достояния, почти не делалось вообще; и создавалось странное впечатление, что усилия Совета были, по сути, политическим движением против церковных титулов и Установленной Церкви. Импорт риса оказал бы огромную немедленную услугу; но к тому времени, когда заказ достиг Индии и корабли с рисом вернулись в Англию,^[481] голод закончился, люди предпочли пшеницу, и 350 000 фунтов стерлингов были выброшены на ветер.^[482] Ничто так не демонстрирует замкнутость английской торговой политики, как средства, обычно предлагавшиеся в те дни для устранения последствий неурожая. Палата общин приняла постановления о самоотречении^[483] и законопроекты о черном хлебе, а также предложила щедрую скидку на картофель.^[484]

Внутри Палаты представителей ходили разговоры о введении минимальной заработной платы, а за ее пределами - о введении максимальной цены на хлеб. Людям было велено есть красную селедку вместо хлеба; были открыты благотворительные суповые лавки; винокуренным заводам и крахмальным мануфактурам пригрозили запретом. Однако освобождение от низких ставок было излюбленным способом разрубить узел. Лучше, чтобы наши люди зависели друг от друга, чем от иностранцев. Этот страх зависимости был тем более простителен тогда, что во время войны с Наполеоном были времена, когда Англия была более одинока против всего мира, чем она, вероятно, когда-либо будет снова. Гораздо более преступной глупостью было притворяться, что^[485] что дефицит был вызван “упреждением и перераспределением”,^[486] и что Англия могла бы достаточно хорошо обеспечить себя даже в 1799 и 1800 годы, если бы не торговцы зерном, большие фермы, ограждения и новомодное земледелие. Новое обучение, однако, шло своим чередом.^[487] Выгоды от этого, возможно, достались фермеру^[488] или землевладельцу, — вопрос сильно обсуждался, — но они не достались рабочим. То же самое верно и в отношении улучшений в скотоводстве, введенных Бейквеллом из Лестера и Чаплином из Линкольна и поощряемых Смитфилдским клубом (1798), который давно пережил Совет по сельскому хозяйству. Жизнь сельских рабочих мало изменилась. Рост промышленных городов не мог не затронуть их самих и их заработную плату. Но обычай все еще имел главную власть над заработной платой и оказывал немалое влияние на ренту. Из отчетов, отправленных из Шотландии, Англии и Уэльса в Совет по сельскому хозяйству в 1794 году, не следует, что заработная плата вообще или рента очень точно соответствовали количеству произведенной продукции.^[489] Арендная плата была далека от арендной платы за стеллажи, а заработная плата не зависела от необходимых расходов рабочего. По правде говоря, каждый провинциальный округ в те дни, когда еще не было железных дорог и пароходов, находился почти в такой же изоляции по отношению к остальным, как вся Англия по отношению к иностранным нациям. Цены на сельскохозяйственную продукцию действительно стремились к равенству в Англии, как теперь и во всем мире. Заработная плата не проявляла такой тенденции. Из всех благ человека труднее всего сдвинуть с места,^[490] потому что сначала вы должны убедить его; а человеческая инертность, делающая людей неподвижными, будет удерживать заработную плату на низком уровне. Так было в 1794 году. Следовательно, усилия землевладельца и арендатора были направлены скорее на сохранение запасов зерна, чем на снижение заработной платы. Они начали опасаться за свою монополию на рынке зерна. Английское правительство сделало все возможное, чтобы сохранить за ними свой рынок сбыта. Закон Карла II, принятый в 1670 году, фактически запрещал ввоз иностранной пшеницы до тех пор, пока цена на отечественную пшеницу не превысит 53*шилл.* 4*д.* за четверть, и делал ее бесплатной только тогда, когда внутренняя цена достигала 80*шилл.* Революция 1688 года положила начало новому этапу торговой политики. Новые правители, чтобы примирить сельскохозяйственные классы и искупить бремя, перешедшее к ним от промышленных классов, назначили вознаграждение в размере 5*шиллингов*. четверть от экспорта пшеницы до тех пор, пока внутренняя цена не превысит 48*долларов*. Таким образом, после экспорта во времена римлян, и чередования экспорта и импорта в зависимости от времени года в последующие времена, после Революции экспорт поощрялся щедростью, в то время как импорту все еще препятствовали пошлины. Намерение состояло в том, чтобы сразу привлечь капиталистов к сельскому хозяйству и вознаградить тех, кто уже занят в нем. Таким образом, не только фермеры были бы привязаны к новой династии, но и Англия сама обеспечивала бы себя продовольствием.^[491]

Но само увеличение объемов обработки почвы сдерживало снижение цен и давало землевладельцам мало выгод. Всякий раз, когда возникал дефицит, действие законов приостанавливалось, а вознаграждение и пошлины отменялись одновременно.^[492] Экспорт, однако, был правилом чуть позже середины века, скажем, в начале правления Георга III, когда ситуация в значительной степени изменилась. Особенно после заключения Парижского мира (ноябрь 1762 г.) торговля расширилась, а вместе с ней и население. Были проложены каналы, улучшены дороги, процветала внутренняя торговля.^[493] Мы больше не могли выращивать достаточно кукурузы для наших собственных нужд.^[494] В 1766 году, в год рождения нашего автора, наблюдался дефицит, кукурузные бунты и приостановление действия законов о кукурузе,^[495] но щедрость сохранялась. по названию до скончания века. В 1795 и 1796 годах цена пшеницы поднялась до 80s. a quarter, in 1797 and 1798 it sank to 54s.; but, at the end of harvest, 1799, it rose to 92s., in 1800 to 128s., and before the harvest of 1801 to 177s., Четверть буханки (менее 6д. в 1885 году) когда-то была в пределах ½д. от 2с.! Затем наступил цикл сравнительного изобилия. Пшеница между 1802 и 1807 годами стоила в среднем 75центов, а новый закон о кукурузе в 1804 году запретил импорт до тех пор, пока цена на внутреннем рынке не вырастет до 63центов. Между 1808 и 1813 годами это было 108с. в среднем; и он достигал 140с. 9д. в суровую зиму (1812-13 гг.) отступления Наполеона из Москвы. Но весной 1815 года пшеница стояла на уровне 60градусов. Если бы оно поднялось до 63с.ш. порты были бы открыты, и не было бы даже военной защиты. Фермеры и землевладельцы были охвачены ужасом, политические экономисты разделились, и законопроект о повышении импортных цен до 80шиллингов был поспешно внесен в Палату представителей. Награда, введенная в 1773 году, была окончательно отменена в 1814 году.^[496] Поскольку скользящая шкала пошлин была введена только в 1827 году, мы должны считать, что Мальтус и Рикардо писали о ренте (в 1815 и 1820 годах) в рамках сурового закона о хлебе 1815 года, а также когда разумность принятия этой меры все еще обсуждалась. Все их дискуссии о ренте, сознательно или бессознательно, связаны с Хлебными законами их собственного времени.

Мальтус по праву считается первым ясным изложителем экономической доктрины ренты в Англии. Доктор Джеймс Андерсон, современник Адама Смита, несомненно, был моложе своего возраста в своих взглядах на предмет;^[497] но, возможно, потому, что он был более известен как агроном, чем как экономист, он, похоже, не обратил в свою веру. “Одновременное повторное открытие” истинной доктрины Уэстом и Мальтусом в 1815 году можно сравнить с одновременным открытием дарвиновской теории Уоллесом и Дарвином в 1859 году. Время для этого созрело. Мальтус не дает определенного обоснования этому предмету в ранних изданиях “Эссе о народонаселении”. Во втором он даже говорит, что “одной из основных составляющих цены на британский хлеб является высокая земельная рента” (стр. 460; ср. стр. 444). Однако, когда ему понадобилось прочитать лекцию о арендной плате своим ученикам в Хейлибери в 1805 году, он увидел несостоятельность такой позиции, и в 1806 году, в третьем издании эссе, отрывок исключен, и нам говорят: “повсеместно арендную плату определяет цена, а не арендная плата” (т. ii. с. 266). Этот отрывок повторяется в четвертом издании (1807).^[498] Но когда в 1817 году пришло время для пятого издания, все главы о хлебных законах и щедротах, которые являются единственными главами эссе, в которых много говорится о ренте, были переработаны, чтобы выразить более четкие взгляды, которые автор уже излагал в других местах. Весной 1814 года, в разгар оживленных дебатов об отмене “баунти” и о новых законах, запрещающих импорт зерна, Мальтус в четвертый или пятый раз в своей жизни выступил в качестве памфлетиста.^[499] Однако на этот раз он выступил вперед, по его словам, не для того, чтобы принять чью-либо

сторону, а для того, чтобы выступить в качестве арбитра. Его “Наблюдения о влиянии хлебных законов и о повышении или падении цен на кукурузу на сельское хозяйство и общее благосостояние страны” (1814),^[500] утверждал, что уравнивал аргументы за и против хлебных законов, и делал это, по его словам, настолько разумно, что его собственные друзья сомневались, к какому мнению он склонялся.^[501] Для более поздних читателей предвзятость не вызывает сомнений. Это проявляется даже в таком отрывке, как следующий, который, между прочим, показывает нам его почти созревший взгляд на ренту: “Было бы большой ошибкой предполагать, что влияние падения цен на хлеб на возделывание может быть полностью компенсировано уменьшением ренты. Богатая земля, приносящая большую чистую ренту, может сохраняться в своем фактическом состоянии, несмотря на падение цен на ее продукцию, поскольку уменьшение ренты может быть произведено полностью для компенсации этого падения и всех дополнительных расходов, которые присущи богатой стране с высокими налогами. Но на бедных землях фонд арендной платы часто оказывается совершенно недостаточным для этой цели. В этой стране много земли такого качества, что расходы на ее обработку, вместе с расходами на подати для бедных, десятину и налоги, не позволят фермеру выплачивать более пятой или шестой части стоимости всего продукта в виде арендной платы. Если бы мы предположили, что цены на зерно упадут с 75долларов до 50долларов за квартал вся такая рента была бы поглощена, даже если бы цена всего продукта фермы не падала пропорционально цене зерна и с некоторой поправкой на падение цен на рабочую силу. От регулярной обработки такой земли под зерно, конечно, отказались бы, и любое пастбище, каким бы скудным оно ни было, было бы более выгодным как для землевладельца, так и для фермера”.^[502] Суть брошюры может быть изложена вкратце. Автор отказался согласиться с Адамом Смитом в отождествлении кукурузы с пищей и приписывании ей в этом качестве неизменной ценности, которая делала любое повышение цен бесполезным для поощрения обработки почвы. Он считал, что вполне возможно поощрять обработку почвы с помощью законов о зерне; но была ли это хорошая политика? Прежде чем он смог ответить на этот вопрос, он почувствовал себя обязанным рассмотреть несколько других.^[503] Будет ли Великобритания выращивать собственную кукурузу в условиях свободной торговли?— если нет, должно ли правительство вмешаться, чтобы обеспечить это? — если да, будут ли законы, препятствующие импорту, лучшим видом вмешательства? Ответ на первый заключается в том, что в других странах почвы более плодородны, чем в Великобритании; Польша может поставлять кукурузу в Данциг для Англии по 32шиллинга за четверть,^[504] и, если бы в Европе существовала свободная торговля, богатые земли, которые не являются английскими, присылали бы ее в изобилии, чтобы удовлетворить нужды своих соседей. Если бы Законы о кукурузе не заставили нас выращивать нашу собственную кукурузу, то и свободной торговли не было бы. Отвечая на второй вопрос, без сомнения, разумно экономить, покупая на самом дешевом рынке и продавая на самом дорогом; и, если бы мы не заботились ни о чем, кроме наибольшего “богатства, населения и власти”, правило было бы неизменным; импорт продовольствия из-за рубежа в любом случае является благом для страны, и, если в этом вопросе есть зло, то не в них самих, а в неурожайный сезон, который делает их необходимыми; более того, свободная торговля зерном обеспечивает более стабильные и более дешевые поставки зерна.^[505] Но, с другой стороны, зависимость от других наций в том, что касается первой жизненной необходимости, является источником политической незащищенности для нации, находящейся в такой зависимости; и, хотя зависимость взаимна, совпадение коммерческих интересов редко мешает нациям вступать в войну друг с другом; “в последнее время мы видели наиболее поразительные примеры, во всех кругах, когда правительства

действовали скорее из страсти, чем из интереса”.^[506] И можно было бы возразить, что, если мы откажемся от сельского хозяйства в пользу мануфактуры, мы изменим характер нашего народа; обрабатывающая промышленность способствует умственной деятельности, расширению комфорта, росту среднего класса и росту вместе с ним политической умеренности; но она в большей степени, чем сельское хозяйство, подвержена колебаниям моды, которые приводят к хронической нужде и недовольству, а также к ухудшению условий жизни. представители артизанской жизни “даже в лучшем своем состоянии неблагоприятны для здоровья и добродетели”.^[507] Добродетель и счастье, в конце концов, являются целью; богатство, население и власть - всего лишь средства. Сам Мальтус верит в нечто вроде золотой середины, баланса двух отраслей, который, возможно, могло бы сохранить законодательство.^[508] С той же стороны есть еще один, менее правдоподобный аргумент. Предполагая, что заработная плата меняется в зависимости от цены на кукурузу, высокая денежная заработная плата и, следовательно, высокие цены на кукурузу являются преимуществом для рабочих, у которых было бы больше денег для покупки товаров из зарубежных стран, где цены на кукурузу были низкими, а товары дешевыми. Этот аргумент, хотя наш автор и склонен согласиться с ним, несовместим с его собственными взглядами на заработную плату и фактами, которые он приводит в их поддержку.^[509] Более убедительным является утверждение о том, что было бы несправедливо внезапно отменять давно установленную защиту, хотя (на это можно ответить) мы не более обязаны быть постепенными в отмене защиты, чем при заключении мира во время войны. Но реальный вопрос заключается в том, следует ли считать, что однажды защищенный объект всегда защищен, и защищен во все возрастающей степени, поскольку именно эта усиленная защита была предложена в 1814 и 1815 годах. Возможно, это правда, что если мы защищаем промышленность, мы должны защищать сельское хозяйство; но вместо того, чтобы защищать и то, и другое, почему бы не освободить и то, и другое? Однако у государственных деятелей не хватало смелости заниматься свободной торговлей в те дни, когда отдельных защищаемых статей было столько же, сколько миллионов Государственного долга, и каждая статья представляла личный интерес. Мальтус, похоже, не ожидает, что парламент хоть на минуту задумается о свободе торговли. Но сторонники новых хлебных законов, помимо использования общих мест протекционизма, исходили из изменения курса английской валюты. Когда цены на бумагу были бумажными,^[510] импортная цена по закону 1804 года могла быть вскоре достигнута, и иностранная кукуруза поступала гораздо быстрее, чем это позволяли реальные цены на нее или цены в слитках. Был также длинный ряд постоянных аргументов в пользу хлебных законов, которые делают упор на тяжелом налогообложении страны и призваны показать, что сельскохозяйственные классы несут большую часть этого бремени и, таким образом, находятся в невыгодном положении по отношению к иностранцам. От самого Мальтуса так и не удалось полностью избавиться от старой закваски протекционизма. Подобно Питту, хотя и в меньшей степени, он допустил, чтобы политика извратила его политическую экономию и утащила его обратно от “простой системы естественной свободы” в “лабиринты старой системы”.^[511] Англичане после отмены хлебных законов вряд ли захотят снова выбивать старую солому. Катехизис хлебных законов Перроне Томпсон - лучшее хранилище старых аргументов и их опровержений, изложенных с живостью, на которую ни одно другое английское экономическое издание не имеет ни малейших претензий.^[512]

Истинное мнение Мальтуса было изложено во второй брошюре о кукурузном законе на основании мнения о политике ограничения импорта иностранной кукурузы (1815). Между ними появился трактат о ренте, который представляет собой скорее экономическую книгу, чем

политический памфлет, и на него сразу обратят внимание. Теперь он заявляет, что выступает за временную пошлину на импортируемое зерно, чтобы компенсировать искусственно заниженную стоимость валюты, “чтобы избавиться от той части наших цен, которая принадлежит большому богатству, в сочетании с системой ограничений”.^[513]

Он предупреждает правительство, что они должны идти на такой шаг не для того, чтобы принести пользу конкретной отрасли, а только для того, чтобы принести пользу обществу. Мотивы те же, что постоянно исповедуются защитниками Закона о судоходстве — не частные интересы, а государственная политика. С тех пор как он написал свои наблюдения, обстоятельства изменились. Внезапный мир принес беспрецедентное по тем временам сочетание неурожая и низких цен; стоимость валюты быстро упала; и, наконец, что не менее важно, Франция, лучшая страна по производству кукурузы в Европе, начала запрещать экспорт зерна^[514] в трудные годы. Поэтому, говорит он, мы должны поддерживать высокое земледелие, которому научила нас война, поддерживая высокие цены войны. Восемьдесят шиллингов, возможно, не слишком высокая цена при ограничении запрещенного ввоза.

Кажется невероятным, что, после столь явно признавая, что “богатство состоит не в дороговизна или дешевизна обычные меры стоимости, а в количестве производят,” и экспорт не очень хороший критерий богатства как “количество продукции потребляемого дома”,^{—[515]} Мальтуса следует рекомендовать увеличение численности при помощи искусственного дороговизны. Слабым утешением для нас является то, что он был не хуже Броэма, который голосовал за Закон о кукурузе в 1815 году и за поддержку Закона о судоходстве в 1849 году, — и немногим хуже Рикардо, который допустил временное ограничение в интересах арендаторов.^[516] Лучше то, что он защищал политику, которая противоречила его частным интересам как обладателя фиксированной зарплаты и трехпроцентных доходов.^[517] Но в лучшем случае атмосфера этих двух трактатов немного гнетущая.

Трактат об арендной плате более бодрящий. Это были первые плоды более масштабной работы по политической экономии (1820); и ее содержание было изложено на лекциях профессора в Хейлибери. В нем природа и прогресс Арендной платы излагаются с ясностью и доходчивостью, хотя и без живости 1798 года. Мальтус дает нам понять, что для объяснения этого или любого другого экономического понятия мы должны как можно точнее придерживаться обычного языка, языка здравомыслящих обычных людей.^[518]

Для них рента не означает, как производная, просто производство или прибыль; и не означает, как для француза сейчас и Бейли Николя Джарви в его дни, проценты по долгу. Это означает определенную цену, уплачиваемую землевладельцу за использование его земли. Но такое определение слишком широкое. Это могут быть доходы от монополии, или проценты с капитала, или государственный налог, или законная ставка, или пошлина, или плата за оказанные услуги. Мы должны дать этому термину немного более четкое определение.

Существует определенная часть дохода землевладельца и заработка крестьянина-собственника, которая имеет происхождение и характер, отличные от остальных, и требует отдельного внимания экономиста, независимо от того, называется ли она одна рентой или нет; это избыток продукта земли, превышающий издержки производства и текущую норму прибыли. Представим их в деньгах; и предположим, что текущая прибыль составляет пять процентов. Предположим, что арендатор вкладывает 500 фунтов стерлингов в свою ферму и получает от сбора урожая и фермерской продукции не только 500 фунтов плюс 25 фунтов стерлингов, но и

600 фунтов стерлингов; дополнительные 75 фунтов стерлингов, которые, если бы он их удержал, составили бы сверхприбыль по сравнению с нормой, обычной среди фермеров и лиц подобного бизнеса, составляют стоимость его арендной платы; и землевладелец может забрать ее у него, не разоряя его. Рента - это та часть продукта, которая остается после того, как все затраты земледельца были возмещены ему вместе с текущей прибылью. В силу случайных или временных причин денежная рента с земли может быть больше или меньше этой величины; но это та точка, к которой будет стремиться фактическая рента.^[519]

Что касается этого описания, может показаться, что описание Мальтуса слишком общее; оно включало бы, например, дополнительную прибыль от любой монополии или лицензионный платеж за использование патента; а определение Рикардо "цена, уплаченная за неистребимую силу почвы" может показаться более определенным. Но Мальтус скорее слишком конкретен, чем обобщает. Он думает только о сельскохозяйственных землях, и то главным образом как о производстве пищи для человека. Если его описание природы ренты мало что добавляет к описанию Адама Смита,^[520] его отчет о ее причинах, который он сам понял первым, характерен и своеобразен.

Во-первых, по его словам, плодородная^[521] почвы дают продукт, который более чем кормит производителя. Это можно выразить более обобщенно, чем Мальтус. Если нужно платить ренту, должны быть средства для ее уплаты; а этого не может быть, если производство лишь возмещает издержки. Однако может существовать производство, выходящее за рамки простого возмещения затрат, не только в сельском хозяйстве, но и во всех отраслях. Сам принцип разделения труда и разделения профессий подразумевает, что преданность одному занятию делает людей настолько искусными в производстве, что, помимо обеспечения самих себя, у них появляется избыток средств для удовлетворения других своих потребностей и потребностей других.^[522] Этот избыточный доход, при котором условия для торговли были особенно хорошими, может быть настолько выше избыточного дохода от обычной прибыли, что владелец объектов, который обычно является землевладельцем, может получить львиную долю этого, и при этом пользователь объектов будет таким же процветающим, как и его соседи. С другой стороны, если такой дополнительный плюс не может быть заработан, такая арендная плата не может быть выплачена. Короче говоря, арендная плата, когда ее платят деловые люди, будь то в городе или в деревне, означает сверхприбыль, а земельная рента означает преимущество ситуации.

Вторая причина ренты, согласно Мальтусу, который, напомним, рассматривает причину роста ренты, а также ее фактического объема в любой данный момент времени,^[523] - особенность сельскохозяйственных земель, заключающаяся в том, что спрос увеличивается вместе с предложением; в других случаях спрос является внешним по отношению к предложению, но в данном случае^[524] предложение порождает спрос. Где есть еда, там будут и рты. При поставках продовольствия перепроизводство невозможно.^[525]

Именно здесь Эссе о ренте связано с Эссе о населении. Согласно закону народонаселения, тенденция такова, что там, где двое производят пищу, достаточную для шестерых, вскоре появятся остальные четыре; и таким образом, думает Мальтус, фермер приобретает своих клиентов, просто производя свой товар. Нечто подобное, мы могли бы добавить, произошло бы в полностью развитом кооперативном обществе, где производители продавали бы друг другу и покупали друг у друга. В некотором смысле это справедливо даже для всех производителей,

каковы они сейчас, по мере того, как их изделия приближаются к предметам первой необходимости; — если они поставляют то, без чего люди не могут жить, они идут далеко, создавая людей. Мальтус, однако, считал это гораздо более верным для сельскохозяйственного производства, чем для любого другого. Он считал еду главной необходимостью и думал вместе с Адамом Смитом, что “когда еда обеспечена, сравнительно легко найти необходимую одежду и жилье”.^[526] На фоне этого нам нужно только вспомнить, как в “Эссе о населении” было показано, что увеличение количества простой пищи только на низших стадиях существования влечет за собой увеличение населения; и поэтому тенденция предложения создавать свой собственный спрос была, по собственному признанию автора, не более чем тенденцией.^[527] Обстоятельства немного поколебали его экономические рассуждения. Замкнутость английской жизни в его дни мешала ему понять, как нация может безопасно получать половину продовольствия из-за границы; то, что Адам Смит считал слишком хорошим, чтобы быть вероятным,^[528] он считал слишком опасным, чтобы быть желательным. Хорошо это или плохо, но таково наше нынешнее положение, и результатом является, во-первых, то, что предложение продовольствия не создает свой собственный спрос в той же степени или способом, как раньше, и, во-вторых, то, что другие наши производства, даже в большей степени, чем сельскохозяйственное, являются предложением, создающим свой собственный спрос, поскольку они дают возможность покупать продукты питания, которые удовлетворяют новые потребности. Таким образом, производство, осуществляемое на поверхности земли, стало более мощной причиной роста ренты, чем производство из самой почвы. При таком повторном изложении вторая из мальтусовских причин ренты становится, возможно, немного более понятной.

Его третья причина заключается в том, что хорошей земли мало. Земли различаются по плодородию, и здесь, как в новой стране, недостаточно самых плодородных, чтобы удовлетворить все наши потребности. Когда продукция низших производителей станет абсолютно необходимой, низшие сорта будут выращиваться по цене, достаточной для возмещения затрат и получения обычной прибыли фермером. Но того, что достаточно просто сделать для него, будет гораздо больше для всех владельцев превосходящих земель, и все это гораздо больше может быть взято землевладельцем в качестве арендной платы, не ставя арендатора в какое-либо невыгодное положение по сравнению с его соседями. Как только это произойдет в стране, в ней появятся дополнительные прибыли, которые экономисты называют рентой; и рост населения, приводя к увеличению спроса на продовольствие и повышению цен на него, вызовет обработку непродуктивных земель или же более дорогую обработку старых; и опять же, поскольку необходимые новые запасы не могут постоянно поддерживаться без того или иного из этих двух ресурсов, цена, а вместе с ней и рента, при отсутствии изобретений будут оставаться постоянно более высокими. Другими словами, этой третьей причиной является “закон убывающей отдачи”.

Именно этот закон убывающей отдачи наиболее широко представлен в трактате сэра Эдварда Уэста, написанном в тот же год, что и трактат Мальтуса. Теория ренты Уэста проста: “по мере совершенствования земледелия выращивание сырых продуктов становится все более дорогостоящим, или, другими словами, отношение чистого продукта земли к валовому продукту постоянно уменьшается”.^[529] Он видит, как близко подошел к этому Адам Смит, когда сказал, что по мере развития земледелия общая сумма ренты возрастала, но доля ее в продукте уменьшалась, так что *изна пример*, половины продукта она превратилась в одну треть.^[530] Он видит, как и Мальтус еще в 1798 году,^[531] что, если бы не этот закон, население могло бы бесконечно увеличиваться на нескольких плодородных землях, вместо того чтобы

распространяться по всему земному шару (West, стр. 13), тогда как из-за этого закона изобретения в сельском хозяйстве не способны устранить “необходимость обращения к земле более низкого качества и вложения капитала с меньшим преимуществом на землю, уже обработанную” (стр. 50). Он развивает этот принцип настолько, что в широком смысле говорит, что все, что увеличивает сельскохозяйственное производство, увеличивает издержки, в то время как все, что увеличивает промышленное производство, снижает издержки (стр. 48), делая вывод, что первое должно быть направлено за границу, а второе - дома, чтобы предотвратить вытеснение английского сельского хозяйства иностранной конкуренцией. Поскольку он практически не оказал влияния на Мальтуса, его трактат нет необходимости рассматривать в деталях; достаточно сказать, что, хотя Уэст превосходит его по стилю и аранжировке, Мальтус является более всеобъемлющим. Запад понятнее и проще, потому что он включает в себя меньше.

Рассматривая три причины вместе, мы видим, что первая и последняя относятся к статике, а вторая - к динамике субъекта. Нам нужно помнить, что Мальтус имеет в виду в первую очередь стоимость, а количество продукта. Теперь, помимо вопросов стоимости, возможно, что в какой-либо стране земля дает сеятелю больше, чем он посеял; но это может быть обычный избыток, обеспеченный всеми производителями в этой стране, поскольку все земли могут быть одинаково плодородными, а производство с земли может быть самой плодородной из отраслей промышленности. В этом случае, даже если бы земля была государственной монополией и прибыль производителя могла быть изъята у него налогом, не было бы ничего, соответствующего ренте в общепринятом смысле. Но как только появились различия в плодородии, а следовательно, и в количестве, производимом при одних и тех же затратах, можно было сказать, что фермер, на стороне которого была разница, получал ренту. Именно этот избыток в сочетании с институтом частной собственности, согласно Мальтусу, делает возможными досуг, умственный прогресс и даже большое материальное процветание.^[532] Арендная плата, собственно говоря, представляет собой дополнительную прибыль, а не эквивалент, выплачиваемый за нее арендодателю; арендная плата может легко существовать без арендодателя. “Следовательно, можно считать неопровержимой истиной, что по мере того, как нация достигает сколько-нибудь значительного уровня богатства и сколько-нибудь значительной численности населения, что, конечно, не может произойти без значительного падения как прибыли на капитал, так и заработной платы за труд, разделение ренты как своего рода фиксации на землях определенного качества является законом столь же неизменным, как действие принципа всемирного тяготения. И что рента не является ни простой номинальной стоимостью, ни ценностью, без необходимости и ущерба передаваемой от одной группы людей к другой, но самой реальной и существенной частью всей стоимости национальной собственности, которая по законам природы размещается там, где она есть, на земле, кем бы она ни владела, будь то землевладелец, корона или фактический земледelec”.^[533]

Именно вторая причина приводит в действие первую и третью таким образом, чтобы создавать ренту, которую мы действительно знаем в старой стране. Плодородие, обеспечивающее получение продукта сверх себестоимости, делает возможной дополнительную прибыль; растущее население, придающее продукту ценность, делает его действительным; а градации в плодородии, при которых равномерное увеличение стоимости продукта создает далеко не одинаковую дополнительную прибыль для различных земледельцев, придают дополнительной прибыли особый постепенный характер, который характерен для ренты в экономическом смысле этого слова.

Мальтус считал, что сам включил в эту теорию ренты ту долю истины, которая была во взглядах французских экономистов и Адама Смита, когда они говорили о ренте, обусловленной свойствами почвы, а не обычной монополией. Его современники признавали, что он был первым ясным толкователем этого предмета. Но его самый выдающийся брат-экономист счел, что общее согласие вполне согласуется с явным расхождением в деталях,^[534] не удивительно в писателе, который рассматривал каждый экономический вопрос как частный случай проблемы ценности, а не богатства.

Рикардо признает, что его собственная теория ренты является просто дальнейшим развитием мальтузианской. В эссе о влиянии низкой цены на зерно на прибыль акций, показывающем нецелесообразность ограничений на импорт (1815),^[535] опубликовано в ответ на два вышеупомянутых трактата Мальтуса, он совершенно ясно дает это понять и, в отличие от своих учеников, горячо восхваляет способности своего соперника как экономиста.^[536] Он согласен с определением (Трактата о ренте), согласно которому рента - это “та часть стоимости всего продукта, которая остается владельцу после оплаты всех затрат, связанных с его выращиванием”, включая обычную норму прибыли для занятых.^[537]

Но, в то время как Мальтус рассматривает ренту как увеличивающуюся за счет всего, что уменьшает расходы в любой форме, Рикардо считает, что это может произойти только одним способом, а именно за счет увеличения затрат на получение последней части необходимых запасов. Арифметически было ясно, что если у вас было четыре статьи, составляющие общие затраты на выращивание, то независимо от того, что уменьшало какую-либо из статей *pro tanto*, уменьшалось общее количество.^[538] Соответственно, Мальтус говорил, что рента может быть увеличена за счет такого накопления капитала, которое снизит прибыль на капитал, — такого увеличения населения, которое снизит заработную плату за труд, — таких улучшений в сельском хозяйстве или такого увеличения усилий земледельца, которые уменьшат количество необходимых рабочих, — или такого повышения цен на продукцию в результате возросшего спроса, которое увеличит разницу между издержками производства и ценой продукции.^[539] Рикардо, с другой стороны, говорит, что прибыль никогда не может быть уменьшена простым накоплением капитала или конкуренцией капиталов, но только за счет прогрессивно менее плодотворного характера инвестиций, которые можно найти для капитала по мере накопления. Пока есть плодородная земля, приносящая богатую отдачу от капитала, никто не согласится на плохую отдачу. “Если бы по мере роста благосостояния и численности населения в таких странах могли добавляться новые участки плодородной земли с каждым увеличением капитала, прибыль никогда бы не падала, а рента не повышалась”.^[540] При существующем положении вещей капитал вскоре накапливается за пределами инвестиций богатых, и ему приходится брать более бедных. Рано или поздно, даже в новой колонии, наступает момент, когда плодородная земля не будет обеспечивать растущее население достаточным количеством продовольствия, разве что за счет увеличения стоимости.^[541] Теперь, если предложение абсолютно необходимо, самая дорогостоящая его часть, независимо от того, будет ли она получена за счет распространения обработки на более бедные земли или за счет более тщательной обработки более богатых, будет определять цену всего остального, ибо на одном рынке не может быть двух цен; и прибыль производителя этого продукта будет определять прибыль всех его коллег-земледельцев, ибо в одном и том же бизнесе не может быть двух норм прибыли. Более того, сельскохозяйственная прибыль будет определять ставку в других предприятиях, поскольку в полностью сформировавшемся обществе ставка в других должна иметь фиксированное отношение к ставке в этом бизнесе, так что одно не может существенно

изменяться без другого.^[542] Следовательно, более высокая стоимость последней части необходимого запаса продовольствия снизит прибыль в целом, тем самым увеличит диапазон дополнительных прибылей от более богатых почв и, таким образом, повысит арендную плату.

Разница между этими двумя людьми в том, что Мальтус называет только одну причину, Рикардо называет только одну - возросшую стоимость выращивания.^[543] Рикардо и его друзья, безусловно, привели причину в действие.^[544] Конечно, в первую очередь высокие цены приводят к дорогостоящему выращиванию, а не *наоборот*, поскольку без высоких цен продукция дорогостоящего выращивания не была бы прибыльной.

Комитет по эмиграции задал Мальтусу вопрос: “Не приведет ли среди других последствий использования почвы, которая в настоящее время обрабатывается хуже любой другой, что связано с предложением возделывать пустующие земли, к повышению арендной платы для всех землевладельцев по всей Великобритании и Ирландии?” — Он ответил: “Я думаю, что нет. Обработка бедных земель не является причиной повышения ренты; сначала происходит повышение цены продукта по сравнению с издержками производства, которое является причиной повышения ренты, а затем такое повышение вызывает обработку более бедных земель. Это доктрина, которую я первоначально изложил, и я верю, что она верна; впоследствии она была изменена другими”.^[545]

С другой стороны, что делает высокие цены постоянными, а не временными, так это тот факт, что выращивание, необходимое для полноты предложения, не может быть иным, как дорогостоящим.^[546] Следовательно, нет ничего неправильного в том, чтобы рассматривать дорогостоящую обработку как одну из причин постоянства высоких цен, а следовательно, и высокой арендной платы. Но Рикардо идет дальше и считает это единственной причиной.

На протяжении всего общественного прогресса, говорит он, прибыль регулируется трудностью или легкостью добывания пищи; и “если незначительность прибыли не препятствует накоплению, вряд ли существуют какие-либо пределы повышению ренты и падению прибыли”. Ничто не может увеличить общую норму прибыли, кроме удешевления продуктов питания;^[547] как и улучшения в сельском хозяйстве, которые, обеспечивая такое же производство с меньшими затратами труда, на время увеличивают прибыль и снижают арендную плату.^[548] Следовательно, интересы арендодателя всегда противоположны интересам любого другого класса в сообществе,^[549] поскольку это означает дорогую еду, низкую прибыль и высокую арендную плату. Тем не менее, высокая арендная плата не является причиной ни дороговизны продуктов питания, ни низкой прибыли, но в равной степени является следствием общей причины - более дорогостоящего выращивания. Влияние дорогостоящего земледелия на заработную плату может показаться, что *vi terminorum* заключается в ее повышении, поскольку заработная плата зависит от соотношения предложения рабочей силы к спросу капитала^[550] на них, и, исходя из предположения, был большой спрос. Но поскольку причиной повышения цен было в первую очередь увеличение численности населения, отсюда следует, что возросшие издержки по выращиванию наиболее дорогостоящих запасов хлеба будут вызваны не более высокой оплатой старых работников, а наймом новых. На заработную плату снова будут покупать меньше кукурузы, потому что кукуруза подорожала. “Пока цена хлеба повышается на десять процентов, заработная плата всегда будет повышаться менее чем на десять процентов, но рента всегда будет повышаться больше; положение рабочего обычно будет ухудшаться, а положение землевладельца всегда будет улучшаться”.^[551] В своем изложении доктрины

заработной платы Рикардо в 1815 году, возможно, более осторожен, чем в 1817 году, говоря, что “поскольку опыт показывает, что капитал и население попеременно берут на себя ведущую роль, а заработная плата, как следствие, либеральна или мизерна, ничто не может быть положительно установлено в отношении прибыли в том, что касается заработной платы”.^[552] Но даже в 1817 году его изложение едва ли более жесткое, чем у самого Мальтуса. Он настолько далек от признания железного закона, снижающего заработную плату до “естественной цены” или предметов первой необходимости, что считает, что рыночная ставка может постоянно превышать естественную в течение неопределенного периода, и считает саму естественность экспансионистской. Вся глава о заработной плате^[553] демонстрирует правильное понимание Эссе о населении. Тем не менее, если Рикардо в одном смысле придавал слишком большое значение принципу народонаселения по отношению к Ренте, то в другом смысле он придавал ему слишком мало значения. Он не видит, что в прогрессивной стране это противодействует тенденции улучшений в сельском хозяйстве к удешевлению продукции и, таким образом, снижению арендной платы;^[554] сельскохозяйственная рента выросла с 1846 года в основном из-за высокого уровня ведения сельского хозяйства. Он не допускает, что высокая или низкая заработная плата может влиять на ренту, потому что он рассматривает их исключительно как отношение к прибыли и получение вместе с прибылью общей суммы, от которой меняются только пропорции; но трудно поверить, что повышение заработной платы в сельском хозяйстве с 1873 года или около того могло не сыграть роли в снижении арендной платы фермеров с той даты. Поскольку, однако, обнаружится, что наш взгляд на силу или бессилие пониженной прибыли или пониженной заработной платы увеличивать ренту зависит от нашего взгляда на причины стоимости, и поскольку разногласия двух экономистов относительно отношения заработной платы к прибыли могут иметь вид технической тонкости, эти две статьи общего итога пока можно пропустить.

В отношении улучшений в сельском хозяйстве проблема казалась более очевидной, и все свидетельства, казалось, были в пользу Рикардо и против Мальтуса. В стране, зависящей в основном от самой себя в плане производства зерна, общее внедрение улучшений, по-видимому, удешевит поставки, поскольку они будут менее дорогостоящими, и, следовательно, снизит арендную плату, поскольку вынудит фермеров снижать цены. Даже мистер Милль не порвал с рикардизмом в этот момент,^[555] хотя он высказывается по этому поводу менее откровенно, чем Рикардо. Мальтус, с другой стороны, который рассматривает ренту как зависящую в значительной степени от способности сельскохозяйственного производства создавать свои собственные потребности, соответственно, рассматривает ренту как постоянно идущую в ногу с увеличением урожая зерна, вызванным улучшениями, если только улучшения не опережают рост населения. Что делает дешевизна в других случаях, так это делает товар доступным для круга покупателей, ранее исключенных из него. Каждый является покупателем сельскохозяйственной продукции, и никто не исключен; но временная дешевизна зерна создает новых покупателей, делая брак доступным для более широкого круга.

Рост ренты фактически является результатом конфликта двух экономических тенденций — тенденции экономических средств к снижению цен и тенденции растущего населения к их повышению. Если справедлив самый зрелый взгляд Мальтуса на народонаселение, то удешевление продуктов питания среди цивилизованных людей никоим образом не приводит к соответствующему увеличению их численности, и, следовательно, курс улучшения пока что вел бы к снижению цен, а следовательно, и ренты. Если бы рента зависела только от цены на зерно, экономические меры (включая не только прямые средства для обработки почвы, механические

и химические изобретения, непосредственно применяемые к ней, но и косвенные средства, свободную торговлю, железные дороги и пароходы), несомненно, снизили бы ренту за последние сто лет. Но верно и обратное,^[556] главным образом потому, что продукция фермы перестает означать пшеницу и все больше и больше означает крупный рогатый скот и молочные продукты, цена на которые за сто лет не упала, а выросла, в то время как кукуруза фактически упала. Это разнообразие производств оказалось финансовым эквивалентом того, что Мальтус (семьдесят лет назад) считал главной причиной увеличения дополнительной прибыли фермера и увеличения денежной ренты землевладельца - возросшего плодородия почвы в отношении зерна и соответствующего ему роста цен.

Торговая политика Англии стала тем, что Мальтус описывает во второй части "Эссе о народонаселении" как комбинацию сельскохозяйственной и коммерческой систем. Его взгляды на этот предмет изменились по мере того, как он стал старше. Во втором издании он говорит:^[557] "Меновая стоимость годового продукта их земли и труда у двух наций могла бы увеличиваться точно с одинаковой скоростью; однако ... в том, что применялось главным образом к сельскому хозяйству, бедные жили бы в большем достатке, а население быстро увеличивалось бы; в том, что применялось главным образом к торговле, бедные были бы сравнительно выше". но пользы от этого было мало, и, следовательно, население либо оставалось бы неизменным, либо увеличивалось бы очень медленно ". "В мировой истории нации, чье богатство было получено главным образом от мануфактур и торговли, были совершенно эфемерными существами по сравнению с теми, основой богатства которых было сельское хозяйство. Такова природа вещей, что государство, которое существует за счет доходов, получаемых от других стран, должно быть бесконечно более подвержено всем случайностям времени, чем то, которое производит свои собственные".^[558] Он считает, что Англия так богата ресурсами не из-за своей торговли, а из-за своего сельского хозяйства; не лишено опасности, что наша торговая политика отвлекла капитал от сельского хозяйства в мануфактуру и торговлю. Примерно в середине восемнадцатого века мы были строго земледельческой нацией, и мы были в безопасности, поскольку в стране, торговля и производство которой растут благодаря усовершенствованию сельского хозяйства и вместе с ним, не было обнаружено никаких зародышей упадка. Но сейчас все изменилось; и есть основания опасаться, что наше процветание временно, и мы поднялись только благодаря депрессии в других странах.^[559] Когда страны, которые сейчас поставляют нам дешевую кукурузу, будут процветать, как мы, и увеличат свое население до тех пор, пока кукуруза не станет у них дорогой, тогда мы разоримся. Бедность настолько ужасна, что нам стоит уделить особое внимание сельскому хозяйству и, чтобы быть уверенными в том, что у нас будет достаточно, иметь вообще слишком много.^[560] В противном случае "мы будем настолько обнажены перед ударами судьбы, что ничто, кроме чуда, не сможет спасти нас от удара".^[561] "Если Англия продолжит ежегодно импортировать зерно, она в конечном счете не сможет избежать того спада, который, по—видимому, является естественным и необходимым следствием чрезмерного коммерческого богатства; и растущее процветание тех стран, которые поставляют ей зерно, должно в конце концов уменьшить ее население, ее богатство и ее власть", - на самом деле, не в ближайшие двадцать или тридцать лет, а "в ближайшие двести или триста лет". ."^[562] В 1803 году у Мальтуса было много общего с автором книги "Великобритания, независимая от торговли", не говоря уже о французских экономистах. Нельзя сказать, что в последующие годы он полностью утратил склонность к сельскому хозяйству. В "Политической экономии", рассматривающей последние пять столетий английского труда и заработной платы,^[563] он пытается объяснить случаи, когда рост цен на зерно и "приток

слитков", по-видимому, ухудшали положение рабочего; и нет никаких сомнений, что он косвенно отвечал на возражения против законов о хлебе. Когда произошло обесценивание валюты, будь то из-за открытий Америки или приостановки наличных платежей, отскок от этого (говорит он) привел к падению цен гораздо сильнее, чем заработной платы, и поэтому (мы должны сделать вывод), когда цены остаются высокими, заработная плата последует за ними. Можно усомниться в том, что он взвесил все последствия такого утверждения в свете своих собственных принципов свободной торговли. Профессору Роджерсу^[564] оказали ценную помощь старые отчеты колледжа. Мальтус мало что знал, кроме Идена, Артура Янга и отчетов для Совета по сельскому хозяйству; и сомнительно, что он полностью понимал влияние обесценивания валюты Генрихом VII на рабочих или мог провести аналогию с обесцениванием валюты в свое время.^[565] Но в целом, с годами он стал менее физиократи-ческим. Он пришел к пониманию того, что если чисто сельскохозяйственная страна в некоторых случаях, как Америка, может быть наилучшей из возможных для рабочего, то в других случаях, как Польша или Ирландия, она может быть для него наихудшей из возможных. Если мы слышим, что рабочий в одной стране зарабатывает в год пятнадцать, а в другой - девять четвертей пшеницы, мы не можем быть уверены, что первое лучше, пока не узнаем ценность других товаров в стране по сравнению с пшеницей. Если бы мануфактурные изделия были очень дороги по сравнению с ними, то заработная плата рабочего, за исключением продуктов питания, выросла бы очень незначительно, за исключением случаев, подобных Америке, где количество продукции настолько велико, что оно компенсирует малую стоимость заработной платы за хлеб. В Польше стоимость кукурузы настолько низка, а капитала в стране так мало, что высокая заработная плата за кукурузу означает низкую реальную заработную плату, а население либо неподвижно, либо очень медленно увеличивается. Таким образом, процветание сельскохозяйственной страны зависит от других причин, помимо направления ее внимания на одну отрасль сельского хозяйства, и, не зная их, мы не могли бы сделать вывод или предсказать это.^[566]

Мальтус фактически достиг точки, к которой он всегда был рад подойти, - промежуточного звена между двумя крайними взглядами.^[567] Он не одобрил бы ни чисто аграрную нацию, опасность которой заключалась в нехватке капитала, ни чисто коммерческую, опасность которой заключалась в нехватке продовольствия. В чисто коммерческой сфере все зависит от превосходства в промышленности, технике и торговле, которое по природе вещей не может длиться долго. Не только внешняя, но и внутренняя конкуренция приведет к снижению прибыли и, таким образом, препятствуя сбережениям и предприимчивости, уменьшит спрос на рабочую силу и приведет население к застою. Христианский мир видел, как Венеция, Брюгге, Голландия теряли свою торговлю из-за выгод своих соседей.^[568] Говорить, что народам мира должно быть позволено развивать свою торговлю так же свободно, как провинциям единой империи, значит, по его мнению, упускать из виду реальность политических препятствий. Если бы Англия все еще была разделена на королевства Гептархии, Лондон не мог бы быть тем, что он есть. Интересы провинции и интересы независимого государства никогда не совпадают.^[569] Для того, кто считает политические разногласия неизбежными, надежды на всеобщую свободную торговлю могут быть невелики. Мальтус не способен подняться до космополитического взгляда Кобдена, и он, кажется, никогда не видит, что игнорирование политических барьеров действительно может ослабить свободную торговлю. Его идеал - государство, сочетающее сельское хозяйство и торговлю в равных пропорциях.^[570] Процветание последнего предполагает упадок феодализма и установление надежного правительства; с безопасностью приходит спонтанное расширение предпринимательства и устойчивый спрос на рабочую силу. Поскольку два великих класса

производителей обеспечивают рынок сбыта друг для друга, богатство будет постоянно расти, причем без риска внезапного сдерживания иностранным влиянием. Процветание такой страны может (как он думает) длиться практически вечно, и мы могли бы утвердительно ответить для нашей собственной страны на вопрос епископа Беркли о его собственном.^[571] “Страны, которые объединяют большие земельные ресурсы с процветающим состоянием торговли и мануфактур, и в которых коммерческая часть населения никогда существенно не превышает сельскохозяйственную, в высшей степени защищены от внезапных потрясений. Их растущее богатство, по-видимому, находится вне досягаемости всех обычных случайностей, и нет никаких оснований утверждать, что они не могли бы продолжать увеличивать свое богатство и население в течение сотен, нет, почти тысяч лет”.^[572] Фактически они продолжались бы до тех пор, пока не достигли бы крайних практических пределов численности населения, что при системе частной собственности означало бы такое состояние земли, которое “позволяло бы последним занятым рабочим обеспечивать содержание, вероятно, четырех человек”, мужчины, его жены и двоих детей. Как только рабочая сила перестает производить больше этого, работодателю перестает стоить того, чтобы назначать заработную плату и нанимать рабочую силу. Эти практические пределы далеки от пределов возможностей земли производить пищу, и правительство, которое заставило бы каждого члена общества полностью посвятить себя выращиванию продуктов питания и предметов первой необходимости, преуспело бы в приближении к этим дальним пределам, хотя и за счет всего, что мы подразумеваем под цивилизацией.^[573] Фактически, даже практический предел не приближается к равномерному снижению прибылей и численности населения. Различные причины, действующие с нерегулярной периодичностью, предотвращают это событие. Снижение общей прибыли, введение долгосрочной аренды и крупного фермерства привлекли бы больше капитала в землю; улучшения в сельском хозяйстве увеличат производство, изобретения в мануфактуре снизят стоимость удобств земледельца и увеличат его заработную плату и прибыль; открытие внешнего рынка может повысить внутренние цены; временное повышение стоимости сельскохозяйственной продукции может стимулировать вложение капитала в сельское хозяйство. Итак, Мальтус приходит к выводу, по причинам, мало чем отличающимся от выводов Клиффа Лесли,^[574] что, хотя существует тенденция к снижению прибыли, все же эта тенденция часто терпит поражение. Хотя во многих его заявлениях все еще есть доля правды, вывод, который он из них делает,^[575] о том, что мы должны с помощью разумной системы пошлин на зерно и премиальных за кукурузу поддерживать цены на продукты питания стабильными и обеспечивать большие запасы на дому, сейчас совершенно вне суда. Колебания цен при свободной торговле были очень умеренными; и предложение из того или иного квартала никогда нас не подводило. Свободная торговля больше не входит в число наших проблем.

Однако следует добавить, что нет никаких причин, по которым “практические пределы” не должны существовать при отеческом или братском социализме, а также при нынешней социальной системе. Даже если бы промышленность была инициирована и направлялась не отдельными людьми, а социалистически - правительством, единственным мотивом не обязательно было увеличение простой численности людей и, следовательно, простого общего количества пищи, необходимого для элементарной жизни. Мотивом социалистического правительства было бы обеспечение высокого уровня комфорта, а не элементарного

пропитания для всех; и поэтому ценой ограниченного числа людей общество все еще оставалось бы на расстоянии от максимально возможного производства продуктов питания. Вопрос о том, возможно ли такое ограничение численности в реконструированном обществе, обсуждается в другом месте.^[576]

ГЛАВА II. РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК.

Мера стоимости, 1823—В каком смысле труд является мерой—Трудности—Аргументы Трактата о ценности—Мера в одной и той же стране—Мера в разных странах—Мера в разные периоды в одной и той же мере—Мера применительно к изменяющейся стоимости валюты—Королевское литературное общество—Определения—Заработная плата—Минимум социальных и физических предметов первой необходимости отличается от минимума физических потребностей—Высокая заработная плата, как она стала постоянной—“Фонд заработной платы”, чье изобретение и насколько оно реально—“Новая школа политической экономии”, ее три принципа—Общее перенасыщение в каком смысле возможно.

Поскольку брошюры о ренте и Хлебе в основном посвящены Матери-Земле, трактат о мере стоимости^[577] посвящен в основном Отцовской работе. Поиск общей меры ценности, по Мальтусу, не является чисто академической проблемой. Он считает такую меру желательной, поскольку при любом исследовании богатства наций важно проводить различие между ростом цен на один товар и падением цен на другой. Первое представляет собой внутреннее изменение стоимости, которое повлияет на каждый обмен, в котором задействован объект; второе - внешнее, которое влияет только на один обмен рассматриваемого объекта на иностранный объект, который был изменен. Под ценностью, конечно, следует понимать экономическую ценность, или “способность распоряжаться другими объектами в обмен”, а не ценность в (нередком) более широком смысле полезности в удовлетворении потребностей.^[578] Экономическая ценность чего-либо, взятая по отношению к какому-либо объекту, который никогда не меняет своей ценности в силу внутренних причин, может быть названа “естественной или абсолютной ценностью” этой вещи, а объект, с которым она сравнивалась, может быть назван “мерой” абсолютной или естественной ценности, другими словами, ценности, которую вещь должна приносить, если мы хотим продолжить ее поставку. Хотя не только деньги, но и любой предмет может быть таким мерилем ценности для ограниченного места и времени, даже деньги сами по себе не являются хорошим мерилем для самых разных мест или для длительных периодов времени; и кукуруза, которая лучше в течение длительных периодов, хуже в короткие.

Труд лучше любого из них, но Труд неоднозначен. Мы можем измерять ценность чего-либо либо трудом, которого нам стоило его изготовление, что дает нам рикардовское представление о естественной ценности, либо трудом, который будет оплачен после того, как оно будет изготовлено. Адам Смит,^[579] который предпочитал труд как деньгам, так и зерну в качестве меры стоимости, колебался между этими двумя значениями терминов. Мальтус сразу же выступает против первого смысла. Труд, говорит он, в смысле стоимости не определяет полностью ценность и поэтому не может измерить ее даже для сходных мест и времен. В 1820 году Мальтус придерживался мнения, что среднее между зерном и трудом является лучшей мерой

стоимости, чем сам труд; но с 1823 года он вернулся к точке зрения Адама Смита,^[580] и считал, что количество неквалифицированного обычного поденного труда сельскохозяйственного рабочего, которое вещь может быть куплена или востребована, является хорошей мерой ее ценности даже в том случае, если в самых разных местах и в разное время.

“Сельскохозяйственный труд используется по тем очевидным причинам, что это самый распространенный вид труда, что он непосредственно производит пищу рабочего и что он самым непосредственным образом связан с градациями почвы и необходимыми колебаниями прибыли. Вместе с Адамом Смитом, мистером Рикардо и другими политэкономистами также предполагается, что в среднем другие виды труда продолжают занимать те же пропорции, что и сельскохозяйственный труд”.^[581] Физическое напряжение рабочего не меняется; это тот же труд в поте лица, та же жертва физической силы. Когда, например, на выращивание кукурузы потребуется меньше труда, чем это было бы столетием раньше, мы можем быть уверены, что это происходит из-за изменения не в рабочей силе, а в зерне; и поэтому мы должны говорить не о том, что стоимость труда повысилась, а о том, что стоимость зерна упала. Поиски Мальтусом постоянного элемента в изменчивом привели его к индивидуальному человеческому труду как экономической единице. Если китайский рабочий получает более низкую заработную плату, чем английский, то это не потому, что его труд имеет меньшую ценность, а потому, что его предметы первой необходимости имеют более высокую стоимость. Заработная плата в Соединенных Штатах выше не потому, что рабочая сила имеет более высокую стоимость, а потому, что предметы первой необходимости стоят дешевле.^[582] Конечно, когда в труд входит навык, единица измерения уже не та; но, когда мы смотрим только на неквалифицированных работников, мы находим подтверждение точки зрения Мальтуса в опыте старшего и младшего Брасси как работодателей рабочей силы, что количество за количеством “стоимость труда [затраты на него для работодателя] везде одинакова” по всему миру.^[583] Однако эта мера ни в коем случае не является внесудебной в отношении квалифицированного труда; разница в натуре может быть выражена в терминах разницы в степени. Если труд часового мастера оплачивается из расчета 10 *шиллингов* в день, а обычного сельскохозяйственного рабочего - только за 1 *шиллинг* 8д., то первое может быть указано как эквивалентное шести дням обычного труда.^[584] Мальтус имеет в виду шкалу компенсации, подобную той, которая приведена Адамом Смитом в десятой главе первой книги “Богатства народов”.^[585] Неприятности, трудности, непостоянство, ответственность, риск неудачи - вот так много недостатков, за каждый из которых рабочему должна быть выплачена компенсация в размере его заработной платы, поскольку это фактически увеличивает количество рабочих часов; и каждому более высокому классу рабочих должна быть выплачена единица заработной платы обычного рабочего с добавлением компенсаций. На практике это означает, что мужчин не будет в достаточном количестве для выполнения работы более высокого класса, если только заработная плата не будет достаточной для того, чтобы оправдать их увечья. Предполагается, что эта шкала корректировалась обычаями и “колебаниями рынка” из поколения в поколение, пока в любом конкретном районе каждая из нескольких квалифицированных профессий не заняла определенно признанное место в ряду.^[586]

Это рассуждение кажется менее убедительным, если учесть, что перевод квалификации в количество часов был бы разным в разных населенных пунктах и что общий труд, составляющий единицу измерения, варьировался бы таким же образом. Мера ценности была бы справедлива только для данного места, времени и людей. Чтобы избежать этой трудности, мы должны рассматривать разницу между общим трудом в одно время и в другом месте как измеримую

саму по себе и допускать ее; или же мы должны считать ее слишком незначительной, чтобы нарушать наши выводы, и поэтому полностью пренебречь ею. Сводить обычный труд к его теоретически простейшим понятиям - значит сводить его к чему-то, что ниже уровня нашего опыта; а сводить его к фактически простейшему в данных случаях - значит сводить его к одному в Англии, второму во Франции, третьему в Индии, четвертому в Америке. Существуют качественные различия, которые нельзя с какой-либо определенностью свести к различиям количественным; таковы различия индивидов, различия наций, различия рас. Обнаружится также, что роль, которую играет обычный труд в отличие от квалифицированного, и сельскохозяйственный труд в отличие от производственного, настолько различаются в разных странах, что для того, чтобы использовать труд в качестве меры, нам понадобятся другие меры в дополнение к нему. Короче говоря, если бы у нас было достаточно данных для применения этой меры, у нас должно быть достаточно данных, чтобы обойтись без нее.

Возможно, сила этих соображений побудила Мальтуса со временем несколько приблизиться к Рикардо, мерилом которого, насколько он имелся, был не приобретенный труд, а труд, вошедший в стоимость. Но он придерживался сути своей доктрины, изложенной в трактате; и его позиции в деталях были следующими:

На способность одного объекта управлять другим в обмен влияет либо изменение в самом объекте, либо изменение в другом. Если бы мы нашли случай, когда в самом первом объекте никогда не было изменений, то в этом первом случае мы должны были бы иметь меру естественной или абсолютной стоимости в противоположность номинальной или относительной, т.е. меру той стоимости изделия, которая удовлетворяет "условиям поставки" его и позволяет продолжать его производство без потерь для производителей. Под "условиями поставки" подразумеваются "издержки производства" Рикардо с добавлением обычной прибыли. Никакое измерение рыночных или относительных стоимостей невозможно; и чтобы иметь меру самой естественной стоимости, мы должны выдвинуть два постулата: что естественная стоимость зависит от "труда и прибыли" (*sic*), от ренты в малой степени, если вообще, и что "заработная плата" за труд также является "стоимостью" труда, — то, что оплачивается за труд, также является тем, что принесет труд. Легко применить эту меру, когда речь идет о *только* труде, ибо тогда труд, который *стоит* вещи, является достаточной мерой; при любом изменении было бы очевидно, что вещи стали дешевле, а не труд дороже. Но в современном обществе с ценностями все сложнее; труд, без сомнения, является их главным источником, но прибыль очень значительна.^[587] Естественные условия предложения, однако, могут быть выражены в терминах труда, точно так же, как если бы труд был единственным ингредиентом. Это дало бы нам показатель для *одной и той же* страны в одном и том же месте и в одно и то же время. Общее количество труда, которого стоил предмет, с добавлением обычной прибыли, выраженной в трудозатратах, было бы таким же, как то количество труда, которое можно было бы приобрести за предмет по его естественной стоимости.

В случае с *разными* странами, в то же время, трудности не совсем одинаковы. Обмен там определяется не трудом, а денежными ценами; и деньги имеют очень разную ценность в одной и другой стране. Но различия в стоимости денег в разных странах пропорциональны различным ценам на сельскохозяйственный труд — 1500 рабочих дней в 4дня. в день в Индии - 2с. в Англии, что означает 25 и 150 фунтов стерлингов соответственно; и если бы каждому из них был авансирован основной капитал стоимостью 300 дней труда, тогда прибыль, исчисляемая в днях труда, составляла бы двадцать процентов. в одном случае - десять, в другом - в результате

получился бы товар, условия поставки которого требовали бы в одном случае денежной цены в 31 фунт стерлингов, в другом - 168 фунтов стерлингов. Разница, без сомнения, обусловлена более высокой эффективностью английской промышленности и мастерством, которые позволяют Англии покупать драгоценные металлы дешевле,^[588] но стоимость получения денег не скажет нам истинной текущей стоимости денег в Англии или в Индии. Здесь нам поможет не труд, затраченный на золото, а труд, купленный за него. В каждой стране внутри себя мы измеряли бы естественную ценность денег, как и чего-либо другого, по тому, какой труд на них можно приобрести; узнавали бы разницу между стоимостью денег в одной и их стоимостью в другой по разнице между количеством труда, которое они приобретут в одном случае, и количеством, которое они приобретут в другом.^[589]

В случае с *разными периодами в одной и той же стране*, хотя у нас нет, как в случае с двумя разными странами, критерия фактического обмена, мы все же можем использовать рабочую силу в качестве меры. Мы должны учитывать более высокую прибыль предыдущего периода; и на основе (рикардианского) принципа, согласно которому прибыль и заработная плата меняются обратно пропорционально, хотя заработная плата за зерно выросла, прибыль пропорционально упала, и общая стоимость продукта, измеряемая его покупательной способностью к труду, должна быть той же самой,^[590] приобретенный труд тогда представляет производящий труд плюс тогдашняя норма прибыли. Из догмы Рикардо, по-видимому (Мальтусу), прямо следует, что стоимость труда постоянна.^[591] Принимая рабочую силу, которую они купят, за наилучший показатель стоимости драгоценных металлов, как и всего остального, мы получаем свет на один из насущных вопросов дня (1823 г.) - причины изменения стоимости денег. Причины затрагивают не труд, а деньги, и они бывают двух видов. Первую Мальтус описывает как первичную или необходимую причину, а именно изменение прибыли в зависимости от (рикардианской) теории взаимосвязи заработной платы и прибыли и (мальтузианской) теории отношения прибыли к ренте. Дорогая кукуруза из-за сложного возделывания снизила бы прибыль и изменила бы ценность денег, но только по отношению к сырью, а не по отношению к произведенным продуктам, или, по крайней мере, (исходя из действия принципа Рикардо об обратном изменении заработной платы и прибыли) не в такой же степени. Но второй, представляющий собой “вторичный и случайный” класс причин, влияет как на сырье, так и на промышленные товары, и часто этого достаточно, чтобы полностью затмить действие первичной причины,^[592] — это общая коммерческая ситуация в стране, — “плодородие и близость рудников, разная эффективность труда в разных странах, изобилие или нехватка экспортируемых товаров, и состояние спроса и предложения товаров и рабочей силы по сравнению с “драгоценными металлами”.^[593] Эффективность труда и процветающая торговля с вытекающим отсюда большим спросом на зерно и рабочую силу часто являются более мощными факторами, делающими слитки дешевыми, чем продуктивность сельского хозяйства и высокие прибыли, делающие слитки дорогими, а кукурузу дешевой. Во время войны — скажем, с 1790 по 1814 год — у нас был пример этого, а после войны — скажем, с 1814 по 1823 год — у нас был четкий пример, по его мнению, обратного.^[594]

Две подробные статьи о мере стоимости, написанные в 1825 и 1827 годах, показывают, что Мальтус стал склоняться к тому, чтобы меньше подчеркивать свои разногласия с Рикардо.^[595] Они были близкими друзьями; в их спорах не было горечи; и, по словам одного из них, “оба так стремились к истине, что рано или поздно пришли бы к согласию”.^[596] Эти статьи являются выполнением его долга не (как можно было бы предположить) как члена Королевского общества или Клуба политической экономии,^[597] а как члена Королевского литературного

общества.^[598] “Та область литературы” [*так в оригинале*], “по которой его обязанностью будет общаться с обществом не реже одного раза в год”, описывается как “политическая экономия и статистика”.^[599] В этих статьях он мало отдает должное своим литературным способностям. Их композиция сложна и лишена орнамента. Первый касается измерения Условий, необходимых для предложения товаров; и тезис состоит в том, что “естественные и необходимые условия предложения всех товаров”, которые не являются монополиями, представлены и измеряются трудом, которым они в среднем будут распоряжаться, и ничем иным. Второй касается значения, которое наиболее обычно и наиболее правильно придается термину “Стоимость товаров”; и тезис заключается в том, что, когда стоимость используется без уточняющего прилагательного или ссылки на какой-либо специальный эквивалент при возможном обмене,^[600] термин относится к “условиям поставки”. Когда мы говорим, например, что что-либо продается по цене, намного превышающей его истинную стоимость, мы имеем в виду цену, намного превышающую его себестоимость, включая под “себестоимостью” среднюю норму прибыли, которая должна достаться производителю, если он хочет жить своим ремеслом. Две статьи, взятые вместе, образуют своего рода косвенное доказательство позиции, занятой в трактате “О мере стоимости” (1823) и соответствующих частях второго издания “Политической экономии” (1836), и их можно кратко изложить следующим образом: —Труд, требующийся для предмета, обычно является мерой стоимости этого предмета;—но стоимость этого предмета — это то, что люди обычно подразумевают под его стоимостью; -следовательно, труд, требующийся для предмета, является мерой стоимости этого предмета в обычном смысле этого слова.

Вторая статья была написана одновременно с Определениями в Политической экономии и иллюстрирует изложенное там правило, предписывающее придерживаться, по возможности, значения, которое экономические термины несут в устах обычных людей.^[601] Определения, например, повторяются из второй статьи: “когда второй объект не указан, стоимость товара, естественно, зависит от причин”, которые определяют “оценку, в которой он проводится”^[602], и объект, который его измеряет”.^[602] “Естественная стоимость товара в любом месте и в любое время” - это “оценка, которой он придерживается, когда находится в своем естественном и обычном состоянии”, поскольку “определяется элементарными издержками его производства” или, другими словами, “условиями его поставки”. А мерой естественной стоимости товара в любом месте и в любое время является “количество труда, на которое он будет обменен в том месте и в то время, когда он находится в своем естественном и обычном состоянии”.^[603]

Как литературное произведение книга, написанная для широкой публики, превосходит статьи, подготовленные для литераторов. После первого эссе о населении в критических частях Определений приведены наиболее приятные примеры стиля автора. Две вышеупомянутые статьи важны главным образом потому, что показывают важность, которую Мальтус, в отличие от Рикардо, придавал вопросу о мере стоимости.^[604] Один современный писатель с радостью сказал, что вина Рикардо заключалась в том, что он слишком много обобщал, а Мальтуса - в том, что он обобщал слишком мало. Мальтус, добавил он, проницательный наблюдатель, но плохо разбирается в анализе; он “настолько занят частностями, что пренебрегает тем индуктивным процессом, который распространяет индивидуальный опыт на бесконечность вещей” и превращает знание в науку. “В представлении г-на Рикардо политическая экономия обладает регулярностью и простотой, превосходящими то, что существует в природе; как показал г-н Мальтус, это хаос оригинальных, но не связанных между собой элементов”.^[605] С другой стороны, свидетельство недавнего немецкого писателя сильно отличается. Мальтус, по его словам, напоминает Рикардо своим мрачным взглядом на человеческую жизнь и

откровенным изложением неприятных фактов. Их имена часто связаны, и, без сомнения, оба являются детьми своего времени. Но их взгляды были действительно непохожими. Рикардо воспринял определенные идеи своего времени в их самой узкой, ясной и жесткой форме и полностью применил их в интересах капитала. Мальтус гораздо менее узок. Его влияние на экономику было гораздо меньшим, чем влияние Рикардо; но его сочтут “гораздо более наводящим на размышления и менее предвзятым из них двоих”, и если у него нашлось больше противников, то это потому, что его меньше понимали и меньше читали.^[606] Оживленные диалоги^[607] Де Квинси ничего не вносят в дискуссию о ценности; но они показывают, насколько Рикардо полностью завоевал внимание литературного мира, и как мало усилий приложили противники Мальтуса, чтобы воздать ему должное. Мальтус свел проблему ко многим элементам; Рикардо - к нескольким; и последний, как, безусловно, более простой для понимания, был легко представлен как наиболее вероятный. Простота в таком случае - коварная добродетель; и кажущийся хаос, возможно, был бы гораздо ближе к истине, чем кажущийся космос, если бы в последнем был скрытый изъян, а в первом - скрытый принцип единства. Здравый или несостоятельный, такой принцип можно проследить в самых абстрактных рассуждениях Мальтуса. Мы убедимся в этом, когда сравним его взгляды с взглядами Рикардо на природу и причины самой стоимости, а также на движение цен. Мы можем распознать это даже в этих дискуссиях о мере стоимости. Измерение всех ценностей индивидуальным человеческим трудом представляет собой произведение, отражающее окончательный взгляд автора на народонаселение, где все поставлено в зависимость от индивидуальной ответственности.^[608] Главная слабость позиции, возможно, заключается в том, что под неквалифицированным трудом он всегда подразумевает сельскохозяйственный и недостаточно осознает, как в обрабатывающей Англии, возможно, стало легче измерять неквалифицированный труд по квалифицированному, чем последний по первому. С трудностями столкнулся Роберт Оуэн, когда в своей работе "Биржи труда"^[609] он не только попытался свести все ценности к общему измерению в труде, но и превратить труд в средство обмена, для которого он, безусловно, подходит хуже, чем деньги.

Труд как нечто, подлежащее вознаграждению в виде заработной платы, имеет более очевидную связь с принципами "Эссе о населении", чем труд как мера всех ценностей. В этом случае неквалифицированный сельскохозяйственный труд снова является единицей измерения. Первым “условием предложения” этой рабочей силы являются предметы первой необходимости в таких количествах, которые позволят рабочим поддерживать свою численность или увеличивать ее,^[610] в зависимости от обстоятельств. Если только первое, то цена труда не является, как говорит Рикардо, “естественной”, а на самом деле является крайне неестественной ценой, поскольку это означало бы, что страна, предоставляющая его, достигла окончательного предела своих ресурсов.^[611] Необходимые элементы, однако, не являются простым или даже фиксированным элементом. Мы, конечно, можем измерять их в зернах, если хотим; но они состоят не только из самого необходимого, жизнеобеспечения, но и из других предметов первой необходимости, крова и одежды, а также многих “удобств”, которые стали предметами первой необходимости, поскольку они необходимы для здоровой жизни, таких как мыло, обувь и свечное пламя. К счастью, стало прописной истиной, что предметы первой необходимости являются не постоянным, а расширяющимся фактором. Даже если бы конкуренция всегда приводила заработную плату к “минимуму социальных потребностей”,^[612] социальное всегда выходит за рамки животной необходимости; наши самые низменные попрошайки - это то, что лишнее; и “самые элементарные социальные потребности”, похоже, со

временем означают высокий уровень комфорта. Повышение минимума социальных потребностей - это способ повысить заработную плату реально, повсеместно и почти безвозвратно.^[613] Сам Мальтус заявляет, что “именно распространение роскоши” в этом смысле слова “среди массы людей, а не ее избыток у немногих”, кажется выгодным как для национального богатства, так и для национального счастья. Идеал национального процветания Пейли, “трудолюбивый, бережливый народ, удовлетворяющий потребности богатой роскошной нации”, горячо отстаивается им самим. Предметы роскоши немногих богатых, говорит он, мешают трудолюбию бедных, меняясь в зависимости от моды; но предметы роскоши бедных, когда они воплощены в их общем уровне жизни, являются не только лучшим средством сдерживания населения, но и самым устойчивым стимулом для торговли в целом.^[614] Он, по-видимому, предполагал, что повышение уровня жизни было достигнуто, подобно прогрессу наций в цивилизации, счастливым улучшением случайного преимущества, сохранением высокой заработной платы, однажды полученной во времена оживленной торговли обычным способом конкуренции; короче говоря, рабочим удалось однажды добиться постоянных и *де-юре* изменений *де-факто* на указанное время.^[615] “Когда в начале прошлого века наша заработная плата за выращивание пшеницы была высокой, казалось, что она использовалась не только для содержания большего числа семей, но и для улучшения условий жизни людей в их общем образе жизни”.^[616] Мальтус, сам того не зная, несомненно, был отцом теории фонда заработной платы. Теория состоит в том, что средняя заработная плата трудящихся классов в любой данный момент времени высока или низка пропорционально большому или малому объему оборотного капитала, направленного на выплату заработной платы, или, как это иногда выражают (более кратко и неточно), заработная плата зависит от “отношения населения к капиталу”. Это могло бы означать не более чем арифметический трюизм, что мы всегда можем найти среднюю заработную плату, разделив общую полученную сумму на общее число получателей; и частное было бы неизменным только в том смысле, в каком ретроспективно можно было бы сказать, что таковыми являются все остальные факты. Но обычно это понимается как означающее, что первая сумма ни в какой момент времени не могла быть больше или меньше, чем была на самом деле, будучи неизменно зафиксированной обстоятельствами,^[617] и, таким образом, “выделенная” или “определенная” на выплату заработной платы. Простейшей проверкой этой теории является применение ее к случаю отдельного капиталиста и его выплатам в виде заработной платы. Предположим, что у него капитал в 10 000 фунтов стерлингов, 5000 фунтов стерлингов основной и 5000 фунтов стерлингов оборотный; и предположим, что последнее означает только заработную плату (а не главным образом) и выплачивается ста работникам; — 50 фунтов стерлингов в год будут средней заработной платой ста человек; и, согласно теории, учитывая норму обычной прибыли и учитывая “желание накопления” в то время и в том месте, она не могла быть ни больше, ни меньше. Но, поскольку прибыль не является безусловной, как и заработная плата; капиталист, вероятно, мог бы, чтобы спасти свой бизнес, поддерживать его в трудные времена в убыток и выплачивать заработную плату за счет прибыли и за счет своих личных удовольствий.^[618] Перед ним часто стоит выбор: потратить больше на оборудование, или больше на новых игроков, или больше на дальнейшее трудоустройство старых игроков. По правде говоря, хотя заработная плата, особенно в Англии, часто в первую очередь авансируется из капитала, предполагается, что она всегда выплачивается из валовой прибыли, и в любом надежном бизнесе это действительно так. Рабочий и наниматель заранее заключают свой контракт и ожидают, что друг от друга будут соблюдать его, независимо от того, велика или мала прибыль; следовательно, заработная плата зависит непосредственно от этого контракта и косвенно от

того, что является средством выполнения контракта со стороны хозяина, а именно от цены изготовленного изделия. Цена изделия равна реальному фонду заработной платы;^[619] и, следовательно, фонд заработной платы должен быть таким же гибким, как рыночные цены, а фактическая заработная плата такой же изменчивой, как полномочия, привычки и желания двух договаривающихся сторон.

Теория фонда заработной платы была сформирована на основе фактов совершенно исключительного времени и в силу неправильного применения двух истин: доктрины Мальтуса (о населении) в ее наиболее незрелой форме и доктрины Рикардо (о стоимости) в ее наиболее абстрактной форме. Дж. Р. Маккалох, по-видимому, был первым, кто соединил их вместе, чтобы вывести жесткий закон заработной платы. “Рыночный уровень заработной платы,” говорит он, - зависит исключительно от соотношения капитала страны, или средств применения труда, к числу рабочих. Следовательно, очевидно, что есть только один способ действительно улучшить положение подавляющего большинства общества или рабочего класса, и это путем увеличения отношения капитала к численности населения, ”чего рабочие, со своей стороны, могут добиться только за счет уменьшения предложения рабочей силы.”^[620]

Даже миссис Марсе, послушная рикардianка, подошла к делу более тщательно. “Работа, которую необходимо выполнить, является непосредственной причиной спроса на рабочую силу; но какой бы большой или важной ни была работа, которую человек может пожелать выполнить, выполнение ее всегда должно быть ограничено размером его капитала, т. е. средствами, которыми он располагает для содержания или оплаты своих работников”.^[621] Она утверждает, что излагает общепринятую доктрину своего времени. Изложение Маккалоха гораздо более жесткое. Когда он говорит о “фондах, выделяемых на выплату заработной платы”, он имеет в виду “ту часть капитала или богатства страны, которую работодатели рабочей силы намереваются или готовы вложить в покупку рабочей силы”. В одно время она “может быть больше, чем в другое”. Но, какой бы ни была ее величина, она, очевидно, образует единственный источник, из которого может быть получена какая-либо часть заработной платы. Не существует другого фонда, из которого рабочие как таковые могли бы получить хотя бы один шиллинг. И отсюда следует, что средний уровень заработной платы или доля национального капитала, предназначенная для использования рабочей силы, приходящаяся в среднем на каждого рабочего, должна полностью зависеть от ее величины по сравнению с числом тех, между кем она должна быть разделена”.^[622] Ни Маккалох, ни Джеймс Милль, ни Джон Милль в своих ранних работах, ни, по-видимому, кто-либо из толкователей теории, не имели привычки описывать фонд как “безоговорочно” предназначенный для выплаты заработной платы, хотя Джон Милль, переформулируя позицию после того, как он отказался от нее, дает нам это понять.^[623] Однако во всех рассуждениях школы предполагается нечто вроде безусловного определения. Частое употребление Адамом Смитом слов “средства, выделенные” или “средства, определенные” для той или иной цели, легко могло быть неправильно понято. Конечно, на его страницах они не означают жесткого принуждения. Он говорит, что спрос тех, кто живет за счет заработной платы, может увеличиваться только пропорционально увеличению “фондов”, которые “предназначены” для выплаты заработной платы, причем этими фондами являются (добавляет он) либо избыточный доход праздного человека с деньгами, который “естественно” использует любую добавку к ним для увеличения штата домашней прислуги, либо увеличенный капитал капиталиста, который столь же “естественно” использует их для найма большего количества рабочих.^[624] Слово “суждено” для него настолько далеко от намека на какую-либо железную необходимость, что оно означает просто “предназначено”; и это

намерение можно сорвать или изменить. Он говорит о “фондах, предназначенных для потребления” производственного класса,^[625] и о “фонде существования” горожан,^[626] имея в виду просто их пищу; он даже говорится о средствах, предназначенных для ремонта больших дорог во Франции.^[627] Даже сильный отрывок из книги I. Глава. viii., “спрос на тех, кто живет за счет заработной платы, неизбежно возрастает с увеличением доходов и запасов в каждой стране и, возможно, не может увеличиваться без этого”, значительно отстает от доктрины жесткого фонда заработной платы. Адам Смит никогда не утверждал, что фонд заработной платы неэластичен и что заработная плата не могла в какой-либо момент времени быть больше или меньше, чем она была на самом деле. Эта доктрина редко восходит к Мальтусу; и нельзя доказать, что Мальтус придерживался этой доктрины. Прямо ссылаясь на цитируемый последним отрывок из “Богатства народов”, он говорит, что “будет обнаружено, что средства на содержание рабочей силы не обязательно увеличиваются с увеличением богатства и очень редко увеличиваются пропорционально ему, и что состояние низших классов общества не зависит исключительно от увеличения средств на содержание рабочей силы или способности содержать большее число работников” (Эссе, 7-е изд., III. xiii. 368). Состояние рабочего класса, по его мнению, частично зависело от скорости, с которой “средства на содержание рабочей силы”,^[628] или, как он выразился вначале, “ресурсы страны”^[629] и спрос на рабочую силу растет, отчасти из-за “привычек народа”. К числу их привычек нам следовало бы отнести их образование и способность объединяться между собой, а следовательно, и силу в борьбе с хозяевами за получение или повышение рыночной заработной платы. От Рикардо он отличался по вопросу заработной платы так же сильно, как и по вопросу стоимости. Рикардо рассматривал себестоимость как естественную стоимость предмета, а простое существование - как естественную заработную плату за труд. Мальтус не мог сделать ни того, ни другого.

Проблемы между двумя экономистами нигде не изложены так хорошо и спокойно, как в статье, написанной Мальтусом (через несколько месяцев после смерти Рикардо) в *Quarterly Review*,^[630] где он рассматривает трактат Маккалоха по политической экономии.^[631] В этой статье Мальтус заявляет, что рассматривает политическую экономию Рикардо, Джеймса Милля и большинства авторов экономической энциклопедии как новое и неправильное отклонение. Говорят, что автор считал ее одной из лучших экономических статей, которые он когда-либо написал;^[632] и, среди прочих достоинств, она обладает совершенной вежливостью и уважением к критикуемым лицам. Их система, по его словам,^[633] удивительно похожа на систему французских экономистов. Они “в равной степени были людьми самого бесспорного гения, высочайшей чести и порядочности, а также самых простых, скромных и дружелюбных манер. Их системы в равной степени отличались своим несоответствием общепринятым представлениям, очевидной близостью их рассуждений и математической точностью их расчетов и выводов, основанных на предполагаемых данных. Эти качества систем и их основателей, вместе с желанием, столь часто испытываемым читателями с умеренными способностями мыслить, понять то, что компетентные судьи считают трудным, увеличили число их преданных последователей до такой степени, что во Франции в него вошли почти все способные люди, склонные заниматься подобными предметами, а в Англии их очень большая часть.

“Специфической ошибкой французских экономистов было то, что они придерживались столь ограниченного взгляда на богатство и его источники, что не включали результаты обрабатывающей и товарной промышленности.

“Специфическая ошибка новой школы в Англии заключается в том, что она придерживается столь ограниченного взгляда на *ценность* что не включает результаты спроса и предложения, а также относительного изобилия и конкуренции капитала.

“Факты и опыт в течение нескольких лет постепенно обратили экономистов Франции от ошибочной и неприменимой теории Кенэ к более справедливой и практичной теории Адама Смита; и поскольку мы полностью убеждены, что ошибка, столь же фундаментальная и важная, присутствует в системе новой школы в Англии, как и в системе французских экономистов, мы не можем не надеяться, что сходные причины со временем приведут и в нашей собственной стране к сходным результатам в исправлении ошибки и установлении истины”.

Новая школа придерживается, согласно Мальтусу, трех основных принципов. Первое состоит в том, что ценность определяет количество труда, затраченного на изготовление вещи, второе — что спрос и предложение, как правило, не влияют на стоимость, и третье — что плодородие почвы, а не конкуренция, регулирует норму прибыли. Новая школа считает, что прибыль так мало влияет на цену товара, что ею можно вообще пренебречь при расчете причин возникновения стоимости. Но (говорит Мальтус) ценность каменной стены была бы почти полностью обусловлена трудом, а ценность бочонка старого вина, хранившегося двадцать или тридцать лет, была бы в значительной степени обусловлена прибылью. На каменную стену стоимостью 50 фунтов стерлингов “было бы затрачено гораздо больше труда”, чем на старое вино стоимостью 50 фунтов стерлингов. Недостаточно ответить, что прибыль - это просто накопленная заработная плата. С таким же успехом можно сказать, что пять - это другое название четырех. Сам Рикардо ввел множество оговорок в свое собственное утверждение о том, что ценность обусловлена трудом. Принцип (по его признанию) был изменен использованием машин и неравномерной долговечностью капитала.^[634]

Мальтус признает истинность догмы Рикардо о том, что прибыль и заработная плата могут увеличиваться только за счет друг друга, и он даже по-новому применяет этот принцип Рикардо к фактам коммерческой депрессии, царившей после заключения мира.^[635] Повсеместно допускалось, что спрос на рабочую силу снизился и заработная плата сильно упала, но также допускалось и гораздо большее падение прибыли; так что заработная плата, хотя и была ниже по валовой сумме, имела более высокую долю в прибыли, чем раньше. Причина заключалась в том, что, хотя конкуренция рабочих была велика, конкуренция капиталистов с капиталистами была еще больше. Результатом стало всеобщее падение цен; заработная плата, хотя и была относительно большей, была абсолютно меньшей по величине, а спрос на рабочую силу был бы больше, если бы цены выросли и капиталист получил большую отдачу от своего капитала. Мальтус не пошел бы дальше этого, и доктрину Рикардо необходимо применить иным образом, чтобы получить доктрину фонда заработной платы. Это применялось примерно следующим образом: —Конкуренция снижает цены до уровня издержек производства; это означает, что в любой данный момент общая сумма прибыли и заработной платы не может быть больше, чем они есть на самом деле, и конкуренция сводит и то, и другое к минимуму; хозяева не могли назначать более высокую заработную плату, не сокращая свою прибыль, рабочие не могли получать меньшую заработную плату, не умирая с голоду или не будучи вынужденными искать другую работу. Мальтус не применяет таким образом свои доктрины. Для него то, что определяет общую сумму заработной платы и прибыли, - это не издержки производства, а спрос на произведенную вещь; не труд, затраченный на вещь, а труд, который другие готовы за нее отдать; и причиной ценности являются не затраты, а спрос, действующий вместе с

предложением. Рикардо, который предпочитает ограничивать свои теории естественной стоимостью, допускает, что состояние спроса и предложения повышает рыночную стоимость выше или понижает ее ниже себестоимости; и он не видит, насколько серьезно его собственные квалификации^[636] подрывают истинность его теории стоимости, даже когда стоимость “естественна”.^[637] С другой стороны, верно, что предложение в любой данный момент времени - это предложение, которое не будет поддерживаться до тех пор, пока не будет возмещена себестоимость. Себестоимость, безусловно, была бы минимальной, ниже которой цены не могли бы оставаться постоянно. Но для Рикардо издержки труда являются как формальной, так и материальной причиной стоимости; для Мальтуса это только материал, и только часть его, просто *sine quâ non*, в то время как эффективным является спрос, а конечным - потребление изделия его последним покупателем или потребителем.

Третий ведущий принцип новой школы, говорит Мальтус, заключается в том, что норма прибыли в стране зависит от плодородия тамошней почвы, а не от конкуренции капитала с капиталом за занятость, как думал Адам Смит. В противовес им Мальтус утверждает, что нет необходимой (хотя и часто встречающейся) связи между производительностью промышленности и нормой прибыли, а тем более между последней и производительностью какой-либо отдельной отрасли, такой как сельское хозяйство. Прибыль зависит от доли всего продукта, которая “идет на возмещение авансов капиталиста”; но эта доля может оставаться неизменной, когда производительность промышленности очень различна. В предыдущие восемь или девять лет, скажем, с 1815 по 1824 год, производство, безусловно, не было затратным. Кукуруза была дешевой, и потери фермеров привели к прекращению высокоразвитого земледелия, и особенно принудительного возделывания в трудные годы. Следовательно, производство производилось за счет гораздо меньших затрат труда. Но прибыль, вместо того чтобы вырасти, оказалась намного ниже. Изобилие продукции и конкуренция производителей вызвали падение стоимости продукции, так что рабочий мог получать большую долю того, что он производил, хотя его труд и не стал более производительным. Рикардо недостаточно учитывает влияние цен как на заработную плату, так и на прибыль.

На самом деле имел место перепроизводство и общее перенасыщение. Гиперссылка на книгу Джеймса Милля "Элементы политической экономики" содержит тщательную демонстрацию того, что всеобщее перенасыщение невозможно. Это было подчеркнуто спорный отрывок, и на страницах Джона Милля он выглядит анахронизмом. Все зависело от значения слова “общий”. Если бы это означало универсальность, то дело было бы невозможным. Невероятно, чтобы у всех без исключения было что продать и не было желания покупать. Предложение чего-либо на продажу само по себе должно подразумевать желание купить на это что-то еще, либо напрямую, либо с помощью денег. Даже очень близкий подход к универсальности нелегко понять; и это означало бы просто, что плохая организация мировых рынков помешала покупателям и продавцам связаться друг с другом и не позволила товарам попасть туда, где они нужны, в то время, когда они нужны; это означало бы, что не болезнь, а ее масштаб и степень превзошли все ожидания.^[639]

ГЛАВА III.

ОБЩЕЕ ПЕРЕНАСЫЩЕНИЕ.

Война Франции и английская торговля—Английская валюта—Комитет по ценным бумагам—Ограничение не единственная причина высоких цен—Рикардо о валюте—Туке о ценах—Скажем, о перенасыщении —Английская торговля с 1824 года—Высокая и низкая заработная плата—Некоторые ошибки Мальтуса.

Дискуссия об общем перенасыщении была просто фазой дискуссий о стоимости; и значимость таких дискуссий в политической экономии шестидесятилетней давности была в значительной степени обусловлена специфическим воздействием двадцатилетней войны с Францией на торговлю и цены. Теории экономистов становились наиболее абстрактными именно в то время, когда самые справедливые обобщения подвергались наиболее суровым испытаниям в ненормальных условиях. Даже если бы Промышленной революции, о которой возвестило богатство народов, был предоставлен свободный ход, новые условия производства подняли бы новые экономические вопросы; и они не могли не затронуть, в некоторой степени, тему стоимости, которую Адам Смит никоим образом не исчерпал. Но свободного хода не было. Война была объявлена Англии Францией в 1793 году. В том же году Питт был вынужден предложить английским купцам ссуду из государственных денег, чтобы справиться с финансовым кризисом. Затем последовали, при долгом господстве тори, высокие налоги, репрессивные законы и нечто, более близкое к классовой войне, чем что-либо известное в Англии до или после.

Результаты первых десяти лет войны во Франции (с 1793 по 1802 год), судя по всему, были скорее хорошими, чем плохими. Сама Британия, в отличие от других воюющих стран, всегда была нетронутой, и труд британских промышленников мог продолжаться, как будто на Континенте не происходило ничего необычного. Наше господство на море, не говоря уже о завоевании новых стран, дало нам торговлю, которую другие потеряли, и возместило аннулирование французского торгового договора и потерю голландской торговли. В 1806 году ситуация стала менее приятной. Берлинский и Миланский декреты, исключаящие нас почти из каждой страны Европы, ответные распоряжения Совета и последующее отчуждение Америки нанесли реальный ущерб английской торговле. Сами вызванные ими ожидания возможного дефицита определенных товаров привели к росту цен; а при реальном дефиците способствовали острому нарушению торговли, которое продолжалось около пяти лет на Континенте и еще три года в Америке (1807-12, 1807-15). Для нас были открыты новые рынки в Южной Америке; и сдерживаемая коммерческая предприимчивость наших соотечественников развернулась в этом направлении с диким пренебрежением к нуждам потребителей в этом квартале.^[640] То же самое произошло, с большим основанием, в 1814 и 1815 годах. Когда мир был восстановлен, считалось, что весь Континент, должно быть, жаждет получить наши товары после столь долгого отсутствия; и мы щедро рассылали их повсюду, не дожидаясь заказов. К несчастью, остальная Европа была истощена войной, которая сократила их производство; и те продукты, которые они могли предложить нам в обмен на наши изделия, мы редко брали без уплаты налогов. Ту самую еду, которую мы больше всего хотели от них получить, мы тщательно берегли до последнего момента.^[641] Ничего более непохожего на “простую систему естественной свободы” придумать было невозможно; и результатом, безусловно, казалось перепроизводство с нашей стороны; — во всяком случае, это было царство низких цен и глубокой коммерческой депрессии. Это было еще не все. С 1797 года у нас была бумажная

валюта неопределенной ценности. В том году Банк Англии, эмиссионный департамент которого тогда еще не был отделен от его банковского департамента, предоставил правительству авансы, в обмен на которые он был освобожден от немедленных обязательств выплачивать золото держателям своих банкнот. Пока эмиссии были умеренными, банкноты сохраняли свою стоимость; но это было время, когда экономичные заменители валюты, чеки, векселя и банкноты графств, уменьшали долю банкнот Банка в общем объеме торговых операций; и способность Банка рассчитывать общественные потребности без естественного предохранительного клапана конвертируемости становилась все более и более подверженной ошибкам; вскоре в обращении появились излишки бумаги, что привело к обесценению всей валюты. В этих обстоятельствах дискуссии о валюте приобрели интерес, которого они никогда не могли бы иметь абстрактно; и они привели к мерам, имеющим наиболее практическую и постоянную полезность. Трактат Рикардо "Высокая цена золотых слитков как доказательство обесценивания банкнот" (1809) подготовил почву для Комитета по ценным бумагам Палаты общин (1810), а через них и для нашего собственного Закона о банковской хартии (1844). Мальтус играл более спокойную роль. Его главными работами на тему валюты были две журнальные статьи, одна в "Эдинбург Ревью" за февраль 1811 года,^[642] и другая в "Ежеквартальном обзоре" за апрель 1823 года.

Первая книга посвящена обесцениванию бумажных денег и представляет собой обзор брошюр ведущих защитников и противников принципов, изложенных в отчете Комитета по ценным бумагам. Комитет расследовал три вопроса: высокую цену золотых слитков, состояние валюты и состояние иностранных обменных пунктов. Что касается первого, они обнаружили, что унция стандартного золота была конвертирована на Монетном дворе в 3 17 *фунтов стерлингов* 10½ *д.* (следовательно, эта сумма была монетной ценой золотых слитков), указанная унция не могла быть куплена Монетным двором в 1806-8 годах менее чем за 4 фунта стерлингов в банкнотах или в 1809 году менее чем за 4 10 *фунтов стерлингов*. Рыночная цена золотых слитков поднялась до такой степени, что она превысила цену на монетном дворе. Что касается второго, то они обнаружили, что гинеи вышли из обращения и были практически заменены мелкими банкнотами от 1 до 5 фунтов стерлингов. Наконец, что касается третьего, то они обнаружили, что с конца 1808 года обмены становились все более и более неблагоприятными для Англии, пока в 1809-10 годах они не составили с Гамбургом девять, с Амстердамом семь, с Парижем более четырнадцати процентов. ниже номинала. После допроса свидетелей и рассмотрения их показаний Комитет постановил, "что в настоящее время в бумажном обращении этой страны наблюдается избыток, самым недвусмысленным признаком которого является очень высокая цена на слитки и рядом с этим низкое состояние континентальных бирж; что это превышение следует приписать отсутствию достаточной проверки и контроля за выпуском бумаг со стороны Банка Англии, и первоначально приостановке наличных платежей, которая устранила естественный и подлинный контроль". Последствия были очень серьезными, особенно для заработной платы простых сельских рабочих (Отчет, стр. 73); и Комитет рекомендует как можно скорее вернуться к принципу денежных выплат, независимо от того, находится ли страна в состоянии мира или войны, хотя осторожность требует, чтобы это происходило постепенно, в течение двух лет. Это произошло не через два года, а более чем через десять, а именно 1 мая 1821 года,^[643] Парламент не соглашался с изменениями до 1819 года.^[644] Предприятие Коббетта (поджариваться на решетке, когда Банк расплачивается золотом) казалось совершенно безопасным.

И Мальтус, и Рикардо согласились с отчетом Комитета по ценным бумагам. Рикардо действительно в некотором смысле является его отцом. Мальтус (в ред. Обзор) решительно высказывается о плохой политике и несправедливости продолжения приостановки, и он не щадит Банк Англии и его пагубную монополию,^[645] или “практичных людей” с их узкими взглядами.^[646] Тем не менее, он придирается к Рикардо здесь, как и везде, за то, что его утверждения слишком абсолютны. Вина Мальтуса в обратном направлении; он слишком много говорит о себе.^[647] Он считает, что Рикардо зашел слишком далеко, приписывая все биржевые движения избыточной или дефектной валюте; чисто коммерческое превышение импорта над экспортом могло бы, по его мнению, вызвать те же последствия, и даже при высокой цене слитков именно коммерческие трудности положили начало продолжающемуся обесцениванию валюты. Рикардо, который отвечает в длинном приложении,^[648] по существу, отвечает, что в любом случае деньги идут оттуда, где они дешевле, туда, где они дороже, и, следовательно, из того места, где валюта потеряла ценность, туда, где она ее приобрела. Но это вряд ли соответствует утверждению Мальтуса, что действительной причиной, хотя и влияющей на валюту, не во всех случаях является сама валюта, и в случае неравномерного торгового баланса, каким бы временным он ни был, причиной вывоза денег является скорее избыток товаров в зарубежной стране, чем недостаток там денег; — было бы иначе, если бы первая причина заключалась в самой валюте. Остальная часть статьи содержит мало нового для читателей “Политической экономии”, а ссылка на возможное перепроизводство ценна главным образом как признак авторства и как свидетельство того, что взгляды автора становились устойчивыми. Личное знакомство Мальтуса с Рикардо датируется, вероятно, появлением этой статьи,^[649] и они продолжали обсуждать и переписываться в совершенной дружбе до смерти Рикардо в сентябре 1823 года.^[650]

Его дружба с эдинбургскими рецензентами оставалась нерушимой; и когда он писал в Quarterly Review, изменился сам Рецензент, а не автор. Что касается финансов, то Ежеквартальный обзор был спасен от необоснованности влиянием Каннинга,^[651] и статья о ценах Тука не нуждается в политике.

Не может быть никаких сомнений в том, что Томас Тук^[652] был прав, считая разницу между ценой на монетном дворе и рыночной ценой золотых слитков полной мерой влияния этого снижения на цены, остальная часть увеличения обусловлена большим спросом при небольшом предложении, которое, как правило, сильно преувеличено и в худших формах носит чисто локальный характер. Он отметил, что на самом деле не было никакого совпадения между сокращением или расширением выпуска Банком своих облигаций и падением или повышением цен на внешнем рынке. Цены росли, например, в 1795 и 1796 годах, когда обращение Банка не было расширено, а сократилось в связи с коммерческим кризисом; а в 1798 году, когда эмиссия Банка стала крупнее, цены фактически упали до уровня 1793 года. Более того, когда одни цены росли, другие падали. Когда в 1799 и 1800 годах выросли цены на провизию, цены на колониальные товары упали. Основной причиной (утверждает Тук) был не выпуск большого количества банкнот, а дефицит и избыток, особенно обилие хорошего урожая и скудость плохого. Заработная плата точно так же колебалась скорее в зависимости от урожая, чем от валюты, но не столько от того и другого, сколько от изменений в торговле в целом; было бы неверно утверждать, что высокие или низкие цены порождали высокую или низкую заработную плату, но то, что производило одно, порождало другое. Всплеск спекуляций, последовавший за заключением Мира, привел к краху и то, и другое вместе; наблюдался переизбыток не только товаров, но и рабочих рук; и были выброшенные из армии люди, которые увеличивали число

безработных. Восстания луддитов против машин, как отнимающих работу урук, получили заметное начало в 1812 году во время войны; в 1816 году, через год после заключения мира, они начались снова с еще большим насилием. Дискуссии Сэя и Мальтуса о перепроизводстве и рассуждения Рикардо (1817) и Джеймса Милля (1821) о заработной плате и фонде заработной платы являются такими же подлинными комментариями к этим событиям, как Письмо Коббетта к луддитам^[653] или влияние объемов Тука на цены.

Мальтус ловко использовал работы Тука для поддержки своих собственных экономических позиций. В обзоре в the Quarterly за апрель 1823 г.^[654] (стр. 214 *далее*) он пытается показать, что выводы г—на Тука относительно высоких и низких цен за последние тридцать лет подтверждают следующие общие утверждения: -Во-первых, что ценности и, следовательно, цены зависят от предложения по сравнению со спросом и зависят только от труда, необходимого для производить товары (*т. е.* посредством того, что Рикардо считает главной причиной стоимости), поскольку этот труд является основным условием их предложения; во-вторых, на спрос и предложение в основном влияют сезоны года, а из других причин война может ограничить предложение, но вряд ли может вызвать спрос; в-третьих, когда спрос превышает предложение, торговля оживляется, когда предложение превышает спрос, торговля становится скучной; и что, наконец, продолжительный дефицит или продолжительный избыток такого рода влечет за собой падение или повышение стоимости драгоценных металлов. металлы.^[655] Мальтус, однако, идет дальше, чем соглашался с Комитетом по ценным бумагам. Хотя по вопросу о слитках противоборствующие стороны, Босанке и Рикардо, казались ему сторонниками предвзятой теории,^[656] сам отчет был “более свободен от этой ошибки предвзятости, чем любая работа, появившаяся по этому вопросу”;^[657] и он согласился с этим, что в конце периода ограничений произошел большой рост цен и заработной платы, чем можно было объяснить плохими сезонами, спросом на людей и разницей между бумагой и золотом. Он достаточно старомоден, чтобы думать, что даже при наличии конвертируемости возможны переизбыток валюты, обесценивание и спекуляции на бумажной основе. Его рассуждения по этому поводу вряд ли можно назвать здравыми. Это зависит от неправильного применения аксиомы, согласно которой в случае товаров первой необходимости очень небольшой дефицит в предложении вызовет очень большое повышение цен, — *например*, что пшеница может подорожать со 100 до 200 процентов. когда дефицит урожая составляет не более 15 или 30.^[658] Следовательно, прибыли английских фермеров в период с 1793 по 1815 год должны были быть огромными; и Мальтус, хотя и ставил сельское хозяйство выше мануфактуры, учитывал эти высокие выгоды отдельных лиц, оценивая интересы сельского хозяйства в противовес интересам общества.^[659] Но в связи с валютой он на самом деле говорит так, как если бы эти доходы были общественным преимуществом; он не видит, что они были простой передачей общественного богатства, а не дополнением к нему. Фермер, говорит он, очевидно, “способен привести в движение гораздо большее количество промышленности, чем раньше”, по крайней мере, до тех пор, пока не повысится заработная плата. “Конкретные фонды, предназначенные для содержания рабочей силы, хотя и уменьшаются в количестве, благодаря этому счастливому дару природы повышается их эффективность”; рабочие получают больше работы, и происходит “взрыв процветания производящих классов”.^[660]

Это близкий подход к худшей ошибке, чем Фонд заработной платы. Архаичное рассуждение тем более неудачно, потому что рассуждающий продолжает использовать его в благих целях. Жан Батист Сэй^[661] учил, что любой увеличенный или уменьшенный спрос зависит от увеличенного или уменьшенного предложения, и аргументировал этим, вместе с Джеймсом Миллем и

Рикардо, невозможность общего или, скорее, вселенского избытка. Товары^[662] поскольку товары всегда предназначены для обмена, половина из них обеспечит рынок для другой половины; и, таким образом, поскольку производство (которое дает средства покупки) является единственным источником спроса (поскольку спрос эффективен), избыток предложения одного товара просто доказывает дефицит предложения другого и неправильно называется перепроизводством. Действительно, в то время как потребление забирает товар с рынка, производство вносит его на него и тем самым увеличивает, *pro tanto*, спрос за счет увеличения средств покупки. Аккуратная демонстрация Джеймсом Миллем этой доктрины^[663] была бы вполне убедительной, если бы мы, во-первых, определили спрос и предложение так, чтобы они включали друг друга, и, во-вторых, предположили, что общее означает универсальное. Ответ самого Мальтуса состоит в том, что товары не всегда обмениваются на товары, но часто, возможно, наиболее часто, на рабочую силу. Сэй возражает, что он, со своей стороны, использовал термин (“продукты”), который включает как товары, так и услуги, и что последние всегда являются реальным объектом обмена.^[664] Мальтус высказывает лучшую точку зрения, когда обвиняет своих оппонентов в том, что они относятся к товарам так, как если бы они были математическими символами, а не объектами потребления человека, что объясняется всем их характером человеческих потребностей.^[665] Но его доводы можно было сделать убедительными даже с позиций его оппонентов. Разделение труда, как все признают, ограничено масштабом рынка;^[666] допускаем, что наиболее удовлетворительным средством от ограничения является расширение рынка, а не уменьшение разделения труда — тем не менее, *учитывая* ограниченность рынка, расширение разделения труда вызовет перепроизводство. Мальтус утверждал лишь, что это может произойти как в очень многих случаях, так и в единичных; Сэй был настолько близок, насколько осмеливался, к утверждению, что этого вообще не может произойти.

Вопрос о рынке, опять же, - это не просто вопрос численности, но и потребностей. Ковровая фабрика, например, среди людей, предпочитающих голые полы, не имела бы рынка сбыта, независимо от численности и даже богатства людей. Сэй не отдает полной справедливости Мальтусу в этой связи. Он считает, что автор Эссе о населении не может последовательно верить в возможность большого изобилия продуктов при постоянном количестве экономных потребителей. Но Мальтус допускал, что в одном случае, в случае с едой, перепроизводства быть не может,^[667] потребность в этом случае постоянна, тогда как, достаточно любопытно, Рикардо считает, что еда - это единственный объект, которого может быть избыток. “Если бы каждый человек отказался от употребления предметов роскоши и был сосредоточен только на накоплении, то могло бы быть произведено такое количество предметов первой необходимости, на которые не могло бы быть никакого немедленного потребления. Товаров в столь ограниченном количестве, несомненно, могло бы быть всеобщее избыток, и, следовательно, не могло бы быть ни спроса на дополнительное количество таких товаров, ни прибыли от применения большего количества капитала. Если бы люди перестали потреблять, они бы перестали производить. Это признание не ставит под сомнение общий принцип, ”ибо нет никакой вероятности такого непредвиденного обстоятельства, как оно предполагает; — есть предел желанию еды, но нет предела желанию других хороших вещей.”^[668] Ненасытность человеческих желаний здесь предполагается Рикардо как всегда развитая, а не как то, чем она является, возможно, в трех четвертях мира, неразвитой возможностью. Пока мы не убедимся, что эта возможность стала реальной, мы не можем считать само собой разумеющимся, что все, что мы производим, будет востребовано. Мальтус не проникся сочувствием или даже полным

пониманием духа современной торговли. Но он видит, что крупная мануфактура с ее дополнением к спекулятивной торговле должна преуспеть или потерпеть неудачу именно в зависимости от того, правильно она судила или неправильно оценивала свои рынки, поскольку она больше не ждет заказов, подобно староанглийскому мелкому производству, — она предвосхищает их, добивается и уговаривает. Он верит, что пробуждение ненасытных желаний человека, как правило, обезопасит нас как от перенаселения, так и от перепроизводства, создав высокий уровень жизни. Вкус к роскоши, каковы бы ни были его положительные преимущества с образовательной или художественной точки зрения, дает, по крайней мере, эту экономическую выгоду.^[669]

Мальтус получает аналогичный результат, применяя к заработной плате свою любимую идею золотой середины. “Фонды, предназначенные для выплаты заработной платы”, говорит он, могут быть увеличены либо за счет высоких цен, либо за счет большого производства по низким ценам, — увеличение стоимости без увеличения количества, или увеличение количества без увеличения стоимости. Последний путь более безопасен, но он лежит на пути к “перенасыщению”. Наиболее желательным планом является объединение этих двух. “Где-то есть счастливая середина, когда при реальных ресурсах страны как увеличение богатства, так и спрос на рабочую силу могут быть максимальными. Стремление к удобствам не только имеет тенденцию создавать более устойчивый спрос на рабочую силу, чем стремление к личным услугам, но и, удешевляя мануфактуры и продукты внешней торговли, включая многие предметы первой необходимости для трудящихся классов, фактически расширяет пределы реального спроса на рабочую силу и делает ее более эффективной на более длительное время”.^[670] Если бы кто-нибудь возразил против этого словами Милля, что спрос на товары не является спросом на рабочую силу, а просто придает труду новое направление, Мальтус, вероятно, ответил бы, что новое направление чрезвычайно важно, потому что торговля, начатая в нем, может быть торговлей товарами, более широко используемыми, и, следовательно, может продолжаться дольше и устойчивее, чем старая торговля.

Мы видим, что в своих взглядах на этот предмет, излагаемых достаточно утомительно и излишне пространно, Мальтус постоянно думал об отношениях производства и распределения к потреблению, а также друг к другу, поскольку положение людей всегда было для него важнее, чем состояние соответствующих предметов. Но он никогда не поддавался своим чувствам настолько, чтобы принять реакционные идеи Сисмонди о воздействии машин на рабочих.^[671] Он вообще никогда не писал такого сильного описания пороков разделения труда, как у Адама Смита.^[672] Он идет немного дальше Рикардо, который говорит в хорошо известном отрывке: “Та же причина, которая может увеличить чистый доход страны, может в то же время привести к избыточности населения и ухудшить положение рабочего”, поскольку весь прирост, возможно, будет направлен на основной, а не на оборотный капитал, на машины и здания вместо заработной платы.^[673] Признание Рикардо, что он был неправ, не признав этого раньше, заставляет нас задаться вопросом (как люди уже тогда делали в Германии по поводу аналогичных признаний своих философов), являются ли его демонстрации более точными, чем обычные рассуждения. Его братья-экономисты никогда не претендовали на непогрешимость. Адам Смит отказался от своей защиты законов о ростовщичестве.^[674] Мальтус внес поправки в свои первые взгляды на численность населения, не говоря уже о мере ценности.^[675] Завод отказался от Фонда заработной платы. Только второстепенные экономисты с гордостью остались в конце там, где они были в начале. Джеймс Милль отказался последовать примеру Рикардо, допустив, что продуктов питания может быть перепроизведено, а Маккалох отказался

согласиться с ним в приведенном выше признании, что увеличение богатства может идти за счет основного капитала, а не заработной платы.^[676] Ортодоксальная экономика стала наиболее абстрактной, когда после смерти Рикардо в 1823 году ее доктрины перешли в руки Малых Пророков.

За последние десять лет своей жизни Мальтус не внес серьезных изменений в свои экономические взгляды и не приблизился к рикардианцам. Это были годы, когда экономисты и политические реформаторы еще не научились работать вместе так гармонично, как после его смерти. Изменения в торговой политике Хаскиссона подготовили почву в высших кругах для свободной торговли. Скользящая шкала пошлин на зерно, введенная в 1826 году, указывала в целом в том же направлении. Но агитация низших классов за политическую свободу, ставшая прочной благодаря заметному прогрессу в народном образовании,^[677] и удерживаемая в рамках закона влиянием Коббетта,^[678] продолжался в некотором роде отдельно; и следует помнить, как чартизм стоял в стороне от Лиги против Закона о кукурузе. Человек может быть передовым экономистом, социальным реформатором и реакционером в политике. В 1824 году, когда профсоюзы были впервые разрешены законом, а фабричные акты были еще слишком несовершенны, чтобы дать слабым справедливый шанс против сильных, “естественного положения вещей”, свободного развития индивидуальных и национальных способностей, не существовало; и Мальтус, который остро скучал по ним, был бы немало удивлен, услышав, что его доктрины были, как и доктрины Рикардо, подтверждением вещей такими, какие они есть. Не только печально известный факт его оппозиции Рикардо, но и его взгляды на коммерческую политику противоречат этому представлению.^[679] В Мирное время существовало много заблуждений относительно заработной платы. Новый закон о хлебе 1815 года положил начало агрессивной политике сельскохозяйственных интересов, которые откровенно пытались с помощью правовых форм превратить случайный дефицит в постоянный и удержать цены на уровне 80 *шиллингов* за квартал. Немало фальшивых друзей рабочего советовали ему подчиниться закону и сделать свой хлеб дороже, ибо тогда, говорили они, его заработная плата станет высокой. С другой стороны, многие промышленники заявляли, что в интересах страны - низкая заработная плата и, соответственно, дешевая еда и большое население. Мальтус не был ни с тем, ни с другим. Его частичное одобрение нового закона о хлебе, без сомнения, основывалось на ошибочных основаниях; но он не придерживался столь ошибочных взглядов на заработную плату. Его мнение, хотя и не было достаточно очевидным из его общих взглядов на народонаселение, было недвусмысленно изложено во всех его трудах. Например, он говорит: “Если страна может стать богатой, только успешно участвуя в гонке за низкой заработной платой, я был бы склонен сразу сказать: ”Пропади пропадом такое богатство!”^[680] ”Наиболее желательно, чтобы трудящимся классам хорошо платили по гораздо более важной причине, чем любая, которая может иметь отношение к богатству, а именно, к счастью большей части общества.”^[681] На вопрос: “С национальной точки зрения, даже если бы было признано, что низкий уровень заработной платы был преимуществом для капиталиста, считаете ли вы уместным, чтобы рабочая сила постоянно находилась в состоянии, граничащем с бедствием, чтобы избежать ущерба, который может нанести национальному богатству снижение нормы прибыли?” он ответил: “Я бы сказал, никоим образом не уместным ; Я считаю, что трудящиеся классы составляют наибольшую часть нации, и поэтому их общее состояние является наиболее важным из всех”.^[682]

Однако он считает, что переход от низкой заработной платы к высокой, вполне возможно, может настолько снизить прибыль, что торговля станет невыгодной. Возможно, нам придется

пожертвовать частью нашего коммерческого процветания. Он не может подняться до концепции общества, в котором вся совокупность рабочих как потребителей была бы достаточным рынком сбыта для той же совокупности, что и производители. Он не может избавиться от идеи, что группа непроемительных потребителей является социальной необходимостью, призванной стимулировать производство путем развития потребностей, которые должны удовлетворять производители. Кажется простым ответить, что эти непроемительные потребители могут оплачивать продукцию производителей только с помощью других продуктов, где бы они ни были получены, и, по-видимому, нет причин, по которым их производители не должны их приобретать.^[683] Если бы рабочие сами имели потребности и удовлетворяли их своим собственным трудом, все результаты, которых желает Мальтус, были бы получены без завистливых классовых различий и с явным улучшением положения рабочих. Его цели, по крайней мере, были благими. Необходимый досуг был бы обеспечен, если бы рабочие часы были сокращены, как он того желал. “Я всегда думал и чувствовал, что многие представители трудового класса в этой стране слишком усердно работают ради своего здоровья, счастья и интеллектуального совершенствования”.^[684] Следовательно, общее богатство, если потребуется, должно быть принесено в жертву общему счастью. Фабричные акты, которые не позволили бы детям работать слишком рано или слишком долго^[685] он полностью одобряет; хотя такие фабричные акты, которые мешали бы труду взрослых, он считает несправедливостью по отношению к самим работникам и безнадёжным вмешательством в “принципы конкуренции, один из наиболее общих принципов, по которым ведется бизнес общества”.^[686] Спасение трудящихся классов должно исходить от них самих, от их собственного “одновременного решения работать меньше часов в день”. Но профсоюзы, какими мы их теперь знаем, тогда еще не возникли; и он говорит о будущем улучшении положения рабочего класса в области знаний, комфорта и самоограничения,^[687] с большими колебаниями.

Мы видели, что экономическая теория Мальтуса, будь то в отношении землевладельцев, работодателей или рабочих, ни в коем случае не идентична экономической теории Рикардо и его школы, которая была господствующей и ортодоксальной доктриной в первой половине девятнадцатого века.

Было бы нелицеприятно и неправдиво приписывать разницу логике чувств; но верно, что острая чувствительность Мальтуса к злу бедности постоянно держала перед ним большие классы фактов, о которых Рикардо, казалось, был готов забыть, и путь, который он избрал, хотя и давным-давно затемненный и забытый, уводил его в некоторых важных моментах в сторону от *laissez faire* к доктринам наших дней, в соответствии с которыми обществу, действующему через свое правительство, разрешено инициировать, а не просто регулировать деятельность в области промышленности и богатства.

Возвращаясь к теме эссе, мы обнаружим, что отношение общества к его обездоленным беднякам для Мальтуса, как и для Рикардо, является не вопросом налогообложения и финансов, а проблемой морали и политики, которая может быть решена только путем четкого представления об отношении гражданина к государству.

ГЛАВА IV. НИЩИЙ.

Оформление эссе—Могущественный праздник природы—Трактат о высоких ценах на провизию—Я не могу, следовательно, не должен—Осуждение законов о бедных—Армия Фридриха Великого—Смягчение негативных последствий закона о бедных—Шаг к отмене—Новый закон о бедных.

В предыдущем кратком обзоре экономических доктрин Мальтуса, глав о торговой политике и хлебных законах,^[688] в третьей книге "Эссе о народонаселении" уже была замечена. Поскольку предполагалось, что Первая и Вторая книги эссе будут посвящены состоянию народонаселения в прошлом и настоящем, предполагается, что Третья будет посвящена "различным системам мер, которые были предложены или преобладали в обществе" для устранения зла, проистекающего из принципа народонаселения, в то время как Четвертая относится к будущим перспективам общества и возможности устранения рассматриваемого зла. Такое разделение предмета не могло быть выдержано очень строго. "Предложенные системы", без сомнения, в большинстве случаев были просто теориями и могли рассматриваться сами по себе; но "преобладавшие системы" включали такие законы, как законы о хлебе и Законы о бедных, которые непосредственно влияли на нынешние привычки и богатство людей, и их вполне можно было бы рассмотреть во второй книге. Четвертая книга вполне логично могла бы быть частью третьей, поскольку она просто добавляет к "предложенным системам" предложение самого Мальтуса. Сама по себе аранжировка не настолько совершенна и не настолько уважаема ее автором, чтобы мы могли испытывать какие-либо угрызения совести за то, что пренебрегли ею. Самые ранние главы третьей книги (i и ii) по существу представляют собой опровержение Годвина, Уоллеса и Кондорсе в том виде, в каком оно появилось в 1798 году, с припиской (гл. iii) об Оуэне и Спенсе, которую лучше всего рассмотреть в другом месте.^[689] С точки зрения стиля они, вероятно, лучшие в книге.

После главы (iv) об эмиграции^[690] следуют три главы о законах о бедных, которые следует рассматривать вместе с главой viii. о четвертой книге, в которой рассматриваются планы их отмены. Из всех применений доктрин Мальтуса их применение к пауперизму, вероятно, в то время представляло наибольший общественный интерес. Даже первое эссе имело явное отношение к Законопроекту Питта о бедных; следующее произведение автора было посвящено вопросу помощи приходам; и эти три главы в более позднем эссе о населении повлияли на общественное мнение и законодательство в отношении обездоленных бедняков почти так же сильно, как "Богатство наций" повлияло на коммерческую политику. Мальтус является отцом не только нового закона о бедных, но и всех наших современных обществ по организации благотворительности.

Тему лучше всего представить словами знаменитой притчи, которую Мальтус, используя однажды, впоследствии никогда не смог забыть.^[691] — "Человек, рожденный в мире, которым уже владеют, если он не может получать средства к существованию от своих родителей, к которым у него справедливые требования, и если общество не нуждается в его труде, не имеет права ни на малейшую порцию пищи, ни на и, по сути, ему нет никакого дела до того, где он находится. На великом празднике природы для него нет свободного укрытия. Она велит ему убираться и быстро выполнит свой собственный приказ, если он не вызовет сочувствия у кого-нибудь из ее гостей. Если эти гости встают и освобождают для него место, немедленно

появляются другие незваные гости, требующие такой же услуги. Сообщение о том, что всем пришедшим обеспечено пропитание, наполняет зал многочисленными просителями. Порядок и гармония застолья нарушены, изобилие, царившее прежде, сменяется скудостью; и счастье гостей разрушается зрелищем нищеты и зависимости во всех уголках зала, а также шумной назойливостью тех, кто справедливо разгневан тем, что не находит угощения, которого их учили ожидать. Гости слишком поздно осознают свою ошибку, противодействуя этим строгим приказам всем незванным гостям, отданным великой хозяйкой застолья, которая, желая, чтобы у всех ее гостей было вдоволь, и зная, что она не может обеспечить неограниченное количество гостей, гуманно отказалась впускать новых посетителей, когда ее стол уже был полон ”.^[692]

Несчастья наших соседей редко изображались столь живописно. Сама фигура была не нова. Лукреций писал:—

“Cur non, ut plenus vitæ conviva, recedis?”^[693]

и Фентон, в ^[694] знакомые строки:—

“С умеренного пиршества Природы поднялся довольный,

Возблагодарил небеса за то, что он выжил и что умер”.

Но новое приложение захватило воображение публики. Говорят, что сэр Уильям Поултни и Уиндхэм больше других были в восторге от его консервативной морали.^[695] Мальтус, возможно, получил намек на это из отрывка в "Моральной и политической философии" Пейли. Пейли критиковал оправдание частной собственности, основанное на праве каждого человека брать все, что он хочет, из того, что Бог создал для всеобщего пользования, точно так же, как когда для свободных и независимых избирателей устраивается развлечение.) в каком-нибудь графстве мы видим, как они приходят и едят и пьют каждый по своему выбору, не спрашивая согласия других гостей. Сравнение, по словам Пейли, несовершенно, поскольку на пиру у фригольдера никому не разрешается набивать карманы или что-либо выбрасывать, “особенно если, поступив таким образом, он ущипнул гостей, сидящих в нижнем конце стола”.^[696]

Даже друзья Мальтуса сочли этот отрывок слишком мрачным; и, как все заметили,^[697] она не сохранялась после 1803 года. Однако в нем содержатся по крайней мере две позиции, от которых так и не отказались: — что бедные не могут требовать помощи как права, а только как одолжения, и что помощь бедным может только возвысить одного человека, угнетая другого. Последнюю позицию можно проиллюстрировать на примере трактата, написанного в 1800 году о высоких ценах на провизию. Главная цель трактата состояла в том, чтобы показать, что цена была слишком непомерно высока, чтобы быть вызванной дефицитом, который, по общему признанию, составлял всего одну четверть. Но автор проливает свет на свои собственные общие доктрины.^[698] По существу, он утверждает, что предоставление денежной помощи означает предоставление возможности освобожденным лицам сохранить свой обычный уровень потребления за счет остальных. На это очевиден ответ: — достаточность запасов не так точно рассчитана, и их количество не настолько фиксировано, чтобы его нельзя было увеличить за счет внутренних или зарубежных запасов, — и изъятие денег у богатых в пользу бедных и увеличение общих расходов страны на предметы первой необходимости могло бы просто направить поток импорта в русло предметов первой необходимости и привести к более широкому использованию продуктов питания, отличных от хлеба. Однако в условиях того времени взгляды автора не были противоестественными. Вернувшись из Швеции в 1800 году, он

обнаружил, что в Англии, как и везде, царит дефицит, но цены намного выше, чем в других странах. Это были дни, когда главный судья Кеньон и присяжные применяли устаревшие законы против предвосхищения и повторной оценки.^[699] Мальтус не настолько мало читал своего Адама Смита, чтобы одобрить подобные действия; большая часть его брошюры была просто приложением к одному конкретному случаю принципов богатства народов (книга IV. глава v.).^[700] Он также не мог согласиться с мнением, что все это сделали бумажные деньги.^[701] Приступив к своей приходской работе в Суррее, он наблюдал за ходом событий. По его словам, там и, предположительно, в других местах произошло следующее: — В разгар дефицита бедняки пожаловались судьям на то, что их заработная плата была слишком низкой, чтобы покупать хлеб по нынешним ценам; судьи вслед за этим поинтересовались, за какую самую низкую заработную плату они могли бы его купить, а затем “очень гуманно, и я далек от того, чтобы сказать неправильно”, оказали приходу соответствующую помощь.^[702] Но, как вода из пасти Тантала, кукуруза ускользнула из рук бедных; цены выросли еще на шаг, и за ценами последовало облегчение.

Соответственно, ставки выросли во многих местах с четырех до четырнадцати шиллингов за фунт. Двойное бремя дороговизны продуктов питания и высоких цен, возможно, заставило пять или шесть миллионов представителей более богатых классов, несомненно, ощутить на себе остроту дефицита, который в противном случае пришлось бы нести, скажем, двум миллионам беднейших, которые умерли бы от этого.^[703] В данном случае Законы о бедных оказали стране неоценимую услугу. Но это было сделано путем отнятия у первых гостей, чтобы отдать назойливым незванным гостям, и не могло оправдать всеобщего восхваления Законов о бедных. Весь ход Эссе о населении шел вразрез с такими институтами; и “двухлетние размышления, - говорит автор Эссе, - убедили меня в истинности выдвинутого там принципа и в том, что он является реальной причиной продолжающейся депрессии и бедности низших классов общества, в полной неадекватности всех существующих учреждений в их пользу, чтобы облегчить их положение, и в [неизбежности] периодического возвращения таких периодов бедствия, которые мы недавно пережили”.^[704] В первом эссе он решительно высказался не только против нового законопроекта Питта о бедных, но и против любых юридических льгот, и среди прочих причин именно на том основании, что это привело к подорожанию продуктов питания сверх того уровня, до которого их мог бы поднять дефицит, если бы не вмешательство.^[705]

Вторая причина была более веской; — на языке Канта, требование, разрешенное (с небольшими оговорками^[706]) английскими законами о бедных, было требованием, которое не могло быть признано универсальным без противоречий. Если бы каждый пользовался предполагаемым правом требовать помощи, ни одно сообщество не смогло бы выполнить предполагаемую обязанность по ее предоставлению.^[707] Если бы это могло быть выполнено, считает Мальтус, обязательство оставалось бы в силе; и вместо заявления “я не могу, следовательно, я не должен”, он признался бы: “Я могу, следовательно, я должен”.^[708] В данном случае он согласен с сэром Фредериком Иденом в том, что предоставление правовой помощи невыполнимо и, следовательно, не является обязанностью, а также в том, что “в целом сумма благ, которую можно ожидать от обязательного содержания бедных, будет намного перевешивать сумму зла, которое оно неизбежно создаст”.^[709] Это облегчало страдания отдельных людей ценой распространения страданий на всех. Это создавало бедняков, которых поддерживало, поскольку побуждало мужчин вступать в брак с уверенностью в помощи прихода. Это привело к увеличению численности населения, не увеличив при этом

продовольственных запасов страны, и в значительной степени подорвало древний дух независимости. “Каким бы тяжелым это ни казалось в отдельных случаях, зависимость бедность следует считать позорной”.^[710] Высокая заработная плата, независимость и моральная сдержанность лучше, чем низкая заработная плата с приходской надбавкой и нищей семьей. “Я убежден, что если бы в этой стране никогда не существовало Законов о бедных, хотя, возможно, было бы еще несколько случаев очень серьезных бедствий, совокупная масса счастья среди простых людей была бы намного больше, чем сейчас”.^[711] В это он верил до конца.^[712]

Аллегорию этих вещей можно найти в описании армии Фридриха Великого доктором Джоном Муром. Доктор Мур видел, как человека наказали палкой за то, что он на несколько секунд опоздал с заменой шомпола; и офицеры сказали ему, что, поскольку они не могли отличить умышленные промахи от случайных, они наказали всех одинаково, и результат, по их словам, был превосходным; все мужчины были начеку, и в целом было совершено меньше грубых ошибок. Раньше в дни боевых действий у драгун было обычным делом срывать шляпы и сбрасывать их с лошадей. Наконец генерал отдал приказ наказывать каждого человека, с которым произошел какой-либо из этих несчастных случаев; с тех пор вряд ли кто-нибудь потерял шляпу или упал с лошади. Доктор Мур услышал о бедном гусаре, который упал с лошади на последнем смотре, и должен был понести за это наказание, как только сможет выписаться из больницы. Это казалось трудным, но король Пруссии думал, что он может надеяться на превосходство своей армии над другими только за счет улучшения дисциплины, воспитания офицеров честью и позором, а рядовых - физическими наказаниями; он считал, что случайные страдания невинного человека наносят армии меньший вред, чем терпимость к халатности, которая делает халатность еще большей.^[713] Что касается правовой защиты, Мальтус рекомендовал бы такую же военную суровость и попытался бы предостеречь людей от бедности, заставив их нести ответственность за ее последствия. Есть и другие моменты, в которых аллегория применима к “простой системе естественной свободы”; дисциплина промышленной конкуренции, безусловно, в некоторых отношениях столь же сурова, как дисциплина армии. С другой стороны, общество состоит не из отобранных сильных людей, но включает в себя и слабых, и предполагается, что его рядовые не должны подчиняться приказам командира, а должны “постоять за себя”. Общество при социализме может напоминать армию, но не общество при индивидуализме. Мальтус, следовательно, отверг бы аналогию. Он приходит к своим выводам не на основе предвзятой теории государства, а наблюдая за пагубными результатами распространенной предвзятой теории о том, что каждый гражданин, оказавшийся в нужде, имеет право на государственную поддержку. Он приходит к выводу, что на самом деле, когда материальная помощь предоставлялась как обязанность и заявлялась как право, воздействие на получателя было явно негативным; закон о бедных осуждается опытом.

Тем не менее, он признает, что порочности закона в значительной степени противодействовала небрежность его исполнения. Попытка обеспечить фиксированную заработную плату рабочему во всех отраслях торговли на самом деле не предпринималась в Англии, как того требовал елизаветинский закон о бедных. Мизерность фактически оказанной помощи вкупе с наглостью должностных лиц, причастных к ее предоставлению, нарушили чувство полной безопасности, которое, по мнению Мальтуса, в таком случае было бы фатальным. “Желание улучшить наше положение и страх сделать его хуже, как *по отношению к природе-посреднице* в физике, является *по отношению к республике-посреднице* в политике и постоянно противодействует беспорядкам, возникающим из-за узких человеческих институтов”. Закон о бедных исполнялся

настолько несовершенно, что он все еще оставлял некоторое место для благоразумных побуждений среди рабочих; они не могут рассчитывать на полное обеспечение своих семей, если вступают в брак опрометчиво, и некоторые из них все еще считают осторожность необходимой. Более того, из страха перед Законом о бедных богатые часто отказываются строить коттеджи, чтобы их обитатели не стали нищими.^[714] В-третьих, дети-пауперы, как и подкидыши, долго не живут.^[715]

В своем письме Сэмюэлю Уайтбриду, члену парламента, по поводу предложенного им законопроекта о внесении поправок в законы о бедных (1807) Мальтус допускает, что отмена не должна произойти, пока общественное мнение не созреет для этого; но он рекомендует законодательство в направлении отмены, чтобы подготовить умы всех классов к последним шагам и показать рабочим классам иллюзорность нынешнего блага. Законы о бедных, говорит он, характерны только для Англии, и их отсутствие в других странах, по-видимому, не приводит к тем последствиям, которые ожидаются от их отмены здесь. В ответ Мальтусу можно было бы возразить, что Законы о бедных не являются полностью специфическими для Англии, но имеют место в Дании и других странах.^[716] На втором месте, как утверждает Маккалох в письме, адресованном Мальтусу, Маквею Нейпиру,^[717] Великобритания особенно подвержена колебаниям в торговле, вызванным, например, изменениями иностранных тарифов, и поэтому существует больше случаев внезапного и неизбежного бедствия, которые нуждаются в таком положении, как Закон о бедных. В-третьих, также трудно понять, как мы можем сделать попрошайничество незаконным, если мы делаем правовую помощь недоступной,^[718] так же, как мы не можем логически сделать образование обязательным, настаивая на оплате сборов. В-четвертых, неразборчивая частная благотворительность, вероятно, более вредна, чем дискриминирующая общественная помощь. Мальтус, однако, был не против всех льгот, а только против тех, на которые претендовал как на право; и он полностью осознавал, что риски английского рабочего были больше, чем у его континентальных собратьев. Все, чего он хотел, - это дать рабочему простор для того чувства личной ответственности, из-за которого его обманывал Закон о бедных. Он прекрасно понимал, что отмена Закона о бедных не приведет ни к какой благой цели, если общественность не будет избавлена от его пагубных привычек. Поэтому он предложил внести постепенное изменение, суть которого заключалась в отказе от любого права бедняка получать содержание за государственный счет; дети имеют право на содержание со стороны своих родителей, но не со стороны общества.^[719] Пусть будет принят закон, сказал он, объявляющий, что ни один законнорожденный ребенок, рожденный от любого брака, состоявшегося через год после вступления закона в силу, и ни один незаконнорожденный, родившийся через два года после этого, никогда не будет иметь права на получение приходской помощи. "И чтобы дать более общее представление об этом законе и усилить его воздействие на умы низших классов людей, священнослужитель каждого прихода должен перед церемонией бракосочетания прочитать краткое обращение к сторонам, в котором говорится о строгой обязанности каждого мужчины содержать своих собственных детей; о неприличии и даже безнравственности вступления в брак без справедливой перспективы иметь возможность это сделать; о зле, к которому привели сами бедняки из-за попытки государственных учреждений помочь им в выполнении долга, который должен быть исключительно их обязанностью". присвоенный родителям, и появившаяся в конце концов абсолютная необходимость отказа от всех подобных институтов из-за их воздействия, полностью противоположного тому, которое было задумано. Это подействовало бы как справедливое, отчетливое и точное предупреждение, в котором никто не мог бы ошибиться, и,

не оказывая сильного давления на каких-либо конкретных людей, сразу же избавило бы подрастающее поколение от их жалкой и беспомощной зависимости от правительства и богатых”.^[720] Как их раздражение против высших классов, так и их беспомощность в разработке мер во время нужды проистекают из “убогий системы чрезмерного управления. Когда бы бедняков однажды научили, благодаря отмене Законов о бедных и надлежащему знанию их реального положения, больше полагаться на самих себя, мы могли бы быть уверены, что у них было бы достаточно ресурсов, и что зло, которое было абсолютно непоправимым, они переносили бы с мужеством людей и смирением христиан”.^[721] Какой бы комичной ни была картина священнослужителя, завершающего совсем не мальтузианскую брачную службу такой нравоучительной лекцией, которая здесь рекомендуется, принцип рекомендации - трезвый смысл, и она в значительной степени повлияла на благожелательность более поздних филантропов. Доктор Чалмерс применил его в своей Приходской системе, которая была бы замечательной заменой Закону о бедных, основанному на (к сожалению, неверной) гипотезе об отсутствии сект. Общество нищенства (основано в 1815 году) и Благотворительная организация (с 1869 года) построены на одном фундаменте.

Новый закон о бедных 1834 года отличался от Мальтуса тем, что не отрицал права на пособие и по-прежнему поддерживал фикцию о том, что закон Елизаветы был хорошим, а мы от него отклонились.^[722] Но это право предоставляло только неимущим,^[723] отказываясь от любых льгот в виде заработной платы просто бедным и трудоспособным; и это осуществляло принцип, согласно которому зависимые бедность (по словам Мальтуса) следует считать позорной и делать ее неприятной. “Каждый пожертвованный пенни, который стремится сделать положение бедняка более приемлемым, чем у независимого работника, является наградой за леность и порок”. “По мере того, как положение любого класса пауперов становится выше положения независимых рабочих, положение независимого класса ухудшается”.^[724] Если бы это означало, что помощь беднякам должна опережать среднюю заработную плату, всегда отставая от них на одну ступень, можно было бы утверждать, что в хорошие времена нищий получал бы слишком много комфорта, а в плохие - слишком мало еды. Но позор зависимости и дискомфорт принуждения - это те сдерживающие факторы, которые сам Мальтус имеет в виду больше всего.

Без дискуссий, поднятых в “Эссе о народонаселении”, очень сомнительно, что общественное мнение продвинулось бы в 1834 году настолько далеко, чтобы законопроект, составленный на основе таких положений, вообще мог стать законом. Отмена льгот на открытом воздухе для трудоспособных лиц была не чем иным, как революцией. Потребовалась целая жизнь, посвященная экономической доктрине, порицанию и исправлению, чтобы убедить наших общественных деятелей и, в некоторой степени, нацию в том, что путь строгости - это одновременно путь справедливости, милосердия и личных интересов. История английского закона о бедных является достаточным доказательством того, что люди не руководствуются инстинктивно своими собственными интересами. В этом был заинтересован плательщик,^[725] если он не был работодателем, то льгота должна предоставляться скупой; и она была предоставлена щедро. В интересах бедняка было быть бережливым и трезвым, а он, как правило, не был ни тем, ни другим. Надежды на реформу не было до тех пор, пока и богатые, и бедные не научились глубже осознавать свою личную ответственность за отдаленные последствия своих собственных действий, будь то неблагоразумно доброжелательные или безрассудно эгоистичные. Ясное сознание личной ответственности представляется Мальтусу душой и центром любой здоровой реформы. По крайней мере, в этом смысле он сказал бы, что добродетель - это знание.

На данный момент его мысли об обществе связаны с его мыслями о месте и долге человека в мире. Его психология и этика, хотя и в общих чертах, проливают свет на его социологию и экономику, и их необходимо рассмотреть, прежде чем мы сможем оценить его положение в социальной философии. Это проведет нас по большей части четвертой книги эссе, оставляя критические главы до тех пор, пока мы не перейдем к рассмотрению критиков как единого целого.

КНИГА III. МОРАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ.

Основные доктрины мальтузианской этики—Применение к желанию вступить в брак—Место человека на Земле—Критика философии морали—Телеология и полезность—Доброжелательность и себялюбие-Мальтус и Пейли—Величайшее счастье—Земной рай—Мальтус и Французская революция—Мальтус не политический реакционер—Не привержен *невмешательству*—Его модификации этой доктрины—Утилитаризм *плюс* Национальность—Опыт как загадки, так и интерпретации—Государство как организм—Политические идеалы до и после 1846 г. .

Моральная философия Мальтуса, как и философия Аристотеля, исходит из телеологии.

Природа ничего не создает напрасно. У каждого желания есть свое место и надлежащее удовлетворение, если мы можем их найти. Страсти - это материал, из которого создается счастье; и поэтому их следует регулировать и приводить в гармонию; их нельзя гасить или даже уменьшать в интенсивности.^[726] Существует способ такого удовлетворения желаний, что они приводят к общему балансу последствий в пользу счастья; и есть противоположный способ с противоположными эффектами. Первое, очевидно, заложено в природе, поскольку полезность - единственное руководство к поведению, которое у нас есть, помимо Священных Писаний.^[727] Мы не должны искоренять какие-либо импульсы; но мы не должны следовать ни одному из них настолько далеко, “чтобы опираться на какой-то другой закон [*sic*], который в равной степени требует нашего внимания”. Что такое золотая середина, а что слишком много или слишком мало, мы можем узнать только на собственном опыте и на опыте других людей о последствиях своих действий.^[728] Природа показывает нам неправильность поступка, вызывая из него череду болезненных последствий. Болезни, вместо того чтобы быть “неизбежным наказанием Провидения”, являются “признаками того, что мы нарушили некоторые законы природы”. Чума в Константинополе и в других городах Востока является постоянным предостережением такого рода для жителей. Конституция человека не может поддерживать такое состояние грязи и оцепенения; и поскольку грязь, убогая бедность и лень в высшей степени неблагоприятны для счастья и добродетели,^[729] кажется благосклонным, что такое состояние по законам природы должно вызывать болезни и смерть, как маяк для других, чтобы не разбиться о ту же скалу”.^[730] Как эпидемии указывают на плохую пищу, нездоровые дома или плохую канализацию, и как расстройство желудка следует за перееданием, так и страдания, которые следуют за слишком большим увеличением численности, - это просто закон природы, обрушивающийся на

нарушителя закона.^[731] В данном случае потребовался более длительный опыт, чтобы научить мужчин поведению, наиболее благоприятному для счастья, и, следовательно, правильному для них. Но даже лучшей еде, лучшей одежде и лучшему жилью не научили сразу; и принцип урока, очевидно, одинаков во всех случаях.

Следовательно, говорить, что желание вступить в брак должно быть ограничено и регламентировано, не значит относиться к нему исключительно или отрицать его естественность. Существует законное и нерегулярное удовлетворение даже голода и жажды; и нерегулярное наказывается как природой, так и, когда оно принимает, например, форму воровства, человеческими законами. Общество могло назначить такое наказание только на том основании, что наказываемое действие имело тенденцию наносить ущерб общему счастью. Поступок голодного человека, который крадет буханку, отличается от поступка голодного человека, который берет буханку сам, только по его последствиям. Если бы все крали буханки, то в конце концов у всех было бы меньше буханок.^[732] Мы должны применять тот же критерий к нерегулярному удовлетворению всех других желаний.

После желания поесть желание вступить в брак является самым сильным и общим из наших желаний. “Когда мы размышляем о постоянном и тяжелом труде большей части человечества, невозможно не проникнуться мыслью о том, что источники человеческого счастья были бы самым жестоким образом уменьшены, если бы перспектива хорошей еды, теплого дома и уютного вечернего очага не были достаточно яркими стимулами, чтобы придать интерес и бодрость трудам и лишениям дня”.^[733] Это желание придает силу характеру человека в той мере, в какой животный элемент в нем скрыт с глаз долой, и в той мере, в какой его удовлетворение достигается усилием и, возможно, ожиданием. Чтобы поступить так, как Иаков поступил с Рахилью, мужчина должен обладать определенной силой характера. Большинство из нас, по мнению Мальтуса, всем, что имеет определенный план в нашей жизни, обязаны существованию такого центрального объекта привязанности.^[734] Сам Мальтус, как выяснится, женился только накануне того, как стал профессором Ост-Индского колледжа, почти через год после написания этих отрывков. Даже в 1798 году он писал: “Пожалуй, едва ли найдется человек, однажды испытавший подлинные прелести добродетельной любви, какими бы великими ни были его интеллектуальные удовольствия, который не оглядывался бы на тот период как на солнечное пятно во всей своей жизни, где любит нежиться его воображение, которое он вспоминает и созерцает с самыми нежными сожалениями и которое он больше всего хотел бы пережить снова”.^[735] Такой отрывок, хотя он и исчез вместе с другими цветами языка в более поздних изданиях эссе, показывает нам, что Мальтус, хотя и был мудрее, не был холоднее своих собратьев и черпал свои факты из опыта, а также наблюдений за соответствующими вопросами.^[736]

Если мы предположим намерение Творца наполнить землю, мы можем увидеть причину силы этого желания вступить в брак в космическом государстве. Если бы плодородие плодородных почв было так же велико, как способность населения увеличиваться, у людей не было бы стимула обрабатывать более бедные почвы или часто посещать менее привлекательные участки земной поверхности; человеческая трудолюбие и изобретательность нуждались бы в первом стимуле.^[737] Как бы то ни было, неравенство двух сил приводит к чрезмерному распространению мира; люди избегают перенаселенности из страха перед порождаемым этим злом. Обязанности человека меняются в зависимости от его ситуации; и поскольку они не единообразны, а бесконечно разнообразны, все его силы остаются в игре. Этот язык может

заставить нас усомниться в том, является ли конечной причиной развитие человека или просто пополнение запасов земли. Если допустить первое эссе в качестве доказательства, то становится ясно, что человек (со всей справедливостью) считается главной целью на земле, хотя предполагается, что его собственная главная цель там не реализуется.^[738]

Естественная теология Мальтуса и Пейли является основой их этики. Такова была английская этика прошлого века, не только до Канта, но и до Бентама. Есть признаки того, что Мальтус в своих взглядах на метафизику и “моральные чувства”,^[739] там, где он мог, предпочитал черпать скорее из Такера, чем из Пейли. Абрахам Такер^[740] (“Поиск Эдварда”, который начал “Свет природы” в 1756 году и закончил его, слепой, в 1774 году) прожил почти пятьдесят лет^[741] в замке Бетчворт близ Доркинга. Вполне возможно, что в наши дни, когда ближайшие соседи знали друг друга лучше, чем им хотелось бы сейчас, Дэниел Мальтус, хотя и был моложе, мог знать Такера. Они оба были выпускниками Оксфорда, мелкими собственниками, эксцентричными литераторами и любителями пофилософствовать. Несомненно, что Мальтус в раннем возрасте изучал Свет Природы и перенял многое из ее учения, будь то через своего отца дома или через Пейли в колледже. Прежде чем он появился на публике как автор, у него сформировались некоторые устойчивые философские убеждения, которые (какова бы ни была их ценность), по крайней мере, оставляли его разум свободным для другой работы и поддерживали его в мире с самим собой в отношении философских проблем.

Существенное совпадение его взглядов с доктринами моральной и политической философии, без сомнения, помогло Мальтусу проникнуться общим предубеждением против “Голубки Пейли”,^[742] защитник вещей такими, какие они есть, и проповедник довольства голодающих рабочих. Когда Пейли открыто обратится к “Эссе о населении”, общественность, без сомнения, поверит, что их подозрения подтвердились. Но Мальтус и Пейли соглашались не как ученик и мастер, а в лучшем случае как ученики одного и того же мастера. Мальтус пытается выработать для себя собственную философию.^[743]

Это открыто для многих критических замечаний. В своей этике он, по-видимому, не провел четкого анализа или классификации страстей. Он считает само собой разумеющимся, что Страсти находятся на одной стороне, а Разум - на другой, и между ними нет среднего термина, кроме Замысла Божьего, который разрабатывается страстями людей как внешней природой, и который (нам остается сделать вывод) каким-то образом сродни человеческому разуму, поскольку человеческий разум может это обнаружить. Например, говорят, что импульс благожелательности, как и все наши естественные страсти, “общий” (под которым он, по-видимому, подразумевает расплывчатый), “и в некоторой степени неразборчивый и слепой”; и, подобно импульсам любви, гнева, честолюбия, желанию есть и пить или любой другой из наших “естественных склонностей”, он должен регулироваться опытом и часто подвергаться проверке на полезность, иначе он не достигнет своей собственной цели.^[744] Другими словами, Мальтус рассматривает все человеческие импульсы так, как если бы они были аппетитами, согласованными друг с другом, первичными и неразрешимыми. Все желания одинаково естественны и абстрактно считаются одинаково добродетельными,^[745] хотя и не одинаково сильны, и поэтому на первый взгляд не одинаково подходят для выполнения замысла их Создателя.

Следовательно, Разум Человека должен помогать Разуму его Создателя в осуществлении телеологии его страстей, а также телеологии самой природы.^[746] “Очевидным объектом” (или

очевидной конечной причиной), например, желания вступить в брак, является продолжение рода и забота о слабых, а не просто счастье двух наиболее заинтересованных лиц.^[747] Возьмем другой пример: целью импульса доброжелательности является увеличение суммы человеческого счастья путем объединения человеческой расы.^[748] Любовь к себе становится более сильным мотивом, чем благожелательность, ради мудрой и вполне достижимой цели. Определение цели, однако, представляет трудность. Признавая, что мы должны исполнять волю Божью, как нам ее обнаружить?

В ответ на этот вопрос нам говорят, что намерение Творца обеспечить благо Своим созданиям очевидно частично из Священных Писаний, а частично из опыта; и именно это намерение, проявленное таким образом, мы обязаны продвигать. То, что со стороны Бога является телеологией, со стороны человека - полезностью; полезность - это господствующий принцип морали. Не будучи страстью, она сама по себе не может привести к действию; но она регулирует страсть, и притом настолько мощно, что все наши важнейшие законы и обычаи, такие как институт собственности и институт брака, являются просто ее замаскированными формами.^[749] Как животные, мы следуем велениям природы, что означало бы беспрепятственную страсть; но как разумные существа мы несем самые строгие обязательства заботиться о последствиях наших действий, и, если они причиняют зло нам самим или другим, мы можем справедливо заключить, что такой способ потворства этим страстям "не подходит для нашего состояния или согласуется с волей Бога". Следовательно, ясно, что наш долг - сдерживать потворство нашим страстям в тех конкретных направлениях, чтобы, таким образом тщательно исследуя их последствия и часто подвергая их проверке на полезность, мы могли постепенно приобрести привычку удовлетворять их только таким способом, который, будучи не связан со злом, явно "увеличит сумму человеческого счастья и выполнит очевидную цель Создателя".^[750] Все моральные кодексы, устанавливающие подчинение страстей разуму, на самом деле (считает Мальтус) были построены на этом фундаменте, независимо от того, осознавали это их пропагандисты или нет. "Это единственный критерий, с помощью которого мы можем узнать независимо от открытой воли Бога, следует или не следует потакать страсти, и поэтому это самый надежный критерий современных правил, который можно извлечь из света природы". Другими словами, наши теологические постулаты побуждают нас контролировать свои страсти, чтобы обеспечить не просто наше собственное индивидуальное счастье, но и "величайшую сумму человеческого счастья". И тенденция действия способствовать или уменьшать всеобщее счастье является нашим единственным критерием его нравственности.^[751]

Из этого прямо следует, что, поскольку свободное и неразборчивое проявление милосердия ведет к обратному всеобщему счастью, мы должны практиковать различающую благотворительность, которая благословляет того, кто дает, и того, кто берет. Между ними существует то, что Бастиа назвал бы гармонией.^[752]

В данном случае, действительно, природа усиливает полезность, делая страсть себялюбия более сильной в людях, чем страсть доброжелательности. Каждый человек стремится в первую очередь к своему собственному счастью, как к своей главной цели, и лучше всего, чтобы он так и поступал. Лучше всего, чтобы каждый человек в первую очередь сам добивался своего спасения и имел чувство собственной ответственности. Не только благотворительность, но и нравственное преобразование должно начинаться дома. Благожелательность в отрыве от мудрости еще более пагубна, чем простая любовь к себе, которую следует отождествлять не с "отвратительным пороком эгоизма", а просто с личными амбициями, с личностью, для которой

это личное, включая, как правило, детей и родителей, и фактически целый мир, помимо отдельного атома или “отдельного я”.^[753] Если бы желание отдавать другим было таким же горячим, как желание отдавать самим себе, человеческая раса не справилась бы с задачей обеспечения всех своих возможных членов. Но поскольку невозможно обеспечить всех, у всех есть тенденция в первую очередь обеспечивать себя; и, хотя мы считаем, что эгоистический элемент в этом чувстве должен уменьшаться в человеке по мере того, как он становится богаче и меньше стесняется своих собственных потребностей, мы должны признать, что его существование было обусловлено мудрым обеспечением всеобщего счастья.^[754] Мальтус в то же время не отрицает, что благожелательность всегда является более слабым мотивом и нуждается в постоянном усилении доктриной, обличением и исправлением. Всегда следует считать “великим моральным долгом” оказывать помощь нашим ближним, попавшим в беду.^[755]

С такими этическими взглядами Мальтусу было легко встретить возражение о том, что всеобщее принятие моральных ограничений, рекомендованных в его Эссе о народонаселении, слишком сильно уменьшит численность людей. Он (или его представитель) отвечает^[756], что с таким же успехом мы могли бы опасаться учить доброжелательности, чтобы не сделать людей слишком небрежными к их частным интересам. “В таком случае существует средняя точка совершенства, к которой наш долг постоянно стремиться; и то обстоятельство, что эта точка со всех сторон окружена опасностями, соответствует только аналогии со всем этическим опытом”. Существует такая же опасность сделать людей слишком щедрыми или слишком сострадательными, как и “обезлюдить мир, сделав их в слишком большой степени созданиями разума и дав благоразумию слишком большую власть над естественными страстями и привязанностями”. Преобладающая ошибка в игре жизни заключается не в том, что мы упускаем призы из-за чрезмерной робости, а в том, что мы упускаем истинное состояние шансов в наших нетерпеливых и оптимистичных ожиданиях их получения.^[757] Из всех возражений, которые когда-либо выдвигались моралисту, предлагавшему вооружить людей против страстей, которые повсюду влекут их к несчастью, самое лестное, но, несомненно, и самое химеричное, заключается в том, что его доводы настолько сильны, что, если бы ему позволили рассеять их, страсть была бы полностью уничтожена, а деятельность и удовольствия человека - сведены на нет. уничтожен вместе со своими пороками”.^[758]

В своем взгляде на страсти и моральные чувства Мальтус явно является человеком восемнадцатого века и в целом более близок к Пейли, чем к любому моралисту после Такера. Есть точки расхождения. Ввиду своей космологии он не мог полностью одобрить определение добродетели Пейли: “творить добро человечеству, повинаясь воле Бога и ради вечного счастья”.^[759] Он, возможно, видел, как из этого следовало, что у одинокого человека не было обязанностей, что язычник не имел силы поступать правильно, что моральный императив был гипотетическим и что он не имел силы для любого, кто отказывался от своего будущего блаженства. По крайней мере, он довольствуется согласием с тем, что “воля Божья - это очевидное всеобщее счастье, как мы обнаруживаем как из Священного Писания, так и из света природы”.^[760] и “при условии, что мы это обнаружим, не имеет значения, какими средствами”; — в мире есть явные признаки замысла, показывающие, что его Создатель желал счастья Своим созданиям; и то, что Он пожелал, чтобы они получили.

Другими словами, этическая система обоих - это утилитаризм, который узок и личностен по своим мотивам (личное счастье индивида в другом мире), но широк и католичен по своей цели (общее счастье людей в настоящем мире). Это как если бы Бог побудил нас сейчас

способствовать счастью других людей, сказав нам, что Он, в свою очередь, постепенно будет способствовать нашему собственному счастью. Есть признаки того, что Мальтус придерживался более широких взглядов и думал скорее о развитии человеческих способностей^[761], чем о простом удовлетворении желаний, как в этом мире, так и в следующем; но он нигде явно не порывает с Пейли, и его разделение страстей на себялюбие (или благоразумие) и благожелательность заимствовано прямо у этого теолога.^[762]

Благодаря расплывчатости своей фразеологии, когда они говорили об общей сумме счастья, старые утилитаристы избежали некоторых трудностей, с которыми сталкиваются их преемники. Помимо сложности определения счастья и суммы счастья,^[763] существует трудность в определении точной степени общности. Тенденция утилитаризма в руках Бентама заключалась в стремлении к равенству и отмене привилегий; каждый считался как один, и никто не считался более чем одним. Но как у него, так и у старших членов церкви могут возникнуть сомнения в том, что доктрина не приносила пользы большинству за счет меньшинства.

Мы находим, что Мальтус размышляет,^[764] что, если бы Законов о бедных никогда не существовало, “могло бы быть еще несколько случаев очень серьезного бедствия”, но “совокупная масса счастья среди простых людей была бы намного больше, чем сейчас”. Другими словами, то, чего он хотел, было “наибольшим количеством счастья” в целом, что бы ни означало это “количество” счастья. Мальтус, вероятно, отказался бы использовать формулу Бентама “величайшее счастье наибольшего числа”; он счел бы первый пункт, счастье, несоизмеримо более важным, чем второй.^[765] Он отказался от чего-либо подобного из рук Пейли. “Я не могу согласиться с архидьяконом Пейли, который говорит, что количество счастья в любой стране лучше всего измеряется количеством ее жителей. Увеличение численности населения является самым верным признаком счастья и процветания государства, но реальная численность населения может быть только знак счастья, которое является прошлым”.^[766] Мальтус не стал бы, например, хотели бы видеть в горах Шотландии привез к своим древним состоянием, в котором они были больше, чем сейчас живут по-хамски комфорт, но и больше подвержены нестабильным нужды.^[767]

С другой стороны, несомненно (вопреки распространенному предубеждению), что Мальтус желал больших чисел, а также большого счастья, и действительно, вполне естественно, что его теологические взгляды привели к тому, что он предпочел небольшое счастье для каждого из многих индивидуумов большому счастью для каждого из немногих. Он “желает большого фактического населения и состояния общества, в котором крайняя бедность и зависимость сравнительно, но малоизвестны”,^[768] — два совершенно совместимых требования, которые, если их реализовать вместе, приведут к тому, что можно назвать вторичным или земным раем Мальтуса, который не стоит выше мирской критики.

Этот земной рай, даже по мнению нашего автора, является целью, о которой наиболее зримо говорится в наших планах реформ. Его представление о нем как об обществе, где моральные ограничения совершенны, заставляет заметить, что главной целью общества не может быть простое устранение зла; это должно быть установление некоторого добра, причем первое является в высшей степени существенным условием *sine quâ non* последнего. Более того, моральное ограничение - это устранение не всех, а только одного зла; и оно убивает только одну причину бедности. Полная реформация должна не только устранить все зло, но и внести позитивные изменения и преобразовать все три отрасли социальной экономики —

производство, распределение и использование богатства, — а не только одну или даже две из них в отдельности. Каждая утопическая схема должна быть проверена вопросом: реформирует ли она все три или только один или два из трех? Пренебрежение третьим может все испортить. Схема, которая затрагивает все три, однако, должна содержать в себе что-то вроде религии. С этими оговорками картина Мальтуса о наступлении хорошего времени имеет большую ценность и интерес.^[769]

В отличие от Годвина, он полагается на обычные мотивы людей, которые он рассматривает как формы просвещенной любви к себе. Любовь к себе - главная пружина социальной машины;^[770] но любовь к себе, когда "я" настолько расширено, что включает в себя другие "я", не является низким мотивом. Коммерческие амбиции, поощряемые политической свободой и не сдерживаемые Плохими законами, естественным образом ведут к процветанию.^[771] Счастье целого должно быть результатом счастья отдельных людей и начинаться в первую очередь с них. Он "видит во всех формах мысли и деятельности борьбу не на жизнь, а на смерть отдельных человеческих существ".^[772] "Никакого сотрудничества не требуется. Говорит каждый шаг. Тот, кто добросовестно выполняет свой долг, пожнет его плоды в полной мере, каким бы ни было количество других, кто потерпит неудачу. Этот долг понятен даже самым скромным способностям. Дело просто в том, что он не должен производить на свет существ, для которых он не может найти средств к существованию. Когда однажды этот предмет будет очищен от мрака, нависшего над ним из-за местных законов и частной благотворительности, каждый человек должен ощутить сильнейшую убежденность в такой обязанности. Если он не может прокормить своих детей, они должны голодать; и если он женится, несмотря на значительную вероятность того, что он не сможет прокормить своих детей, он виновен во всех бедах, которые таким образом навлекает на себя, свою жену и свое потомство. Очевидно, что в его интересах, и это будет в значительной степени способствовать его счастью, воздерживаться от женитьбы до тех пор, пока благодаря трудолюбию и экономии он не будет в состоянии содержать детей, которых он может разумно ожидать от своего брака; и, поскольку он не может в то же время удовлетворять свои страсти, не нарушая прямого повеления Бога и не подвергаясь большому риску причинить вред себе или некоторым своим ближним, соображения его собственных интересов и счастья будут диктовать ему строгую обязанность вести себя морально, пока он остается неженатым".^[773] Предположив, что страсть можно таким образом контролировать, мы должны были бы увидеть сцену, сильно отличающуюся от нынешней. "Период отложенного удовлетворения был бы пройден за счет сохранения заработка, который был выше потребностей одинокого человека". Сберегательные кассы и Дружеские общества работали бы безупречно; и "в естественном состоянии общества такие учреждения при хорошо направленной частной благотворительности, вероятно, были бы всеми средствами, необходимыми для достижения наилучших практически осуществимых результатов".^[774] Численность населения постоянно находилась бы в пределах продовольственных запасов, хотя и постоянно следовала бы за их увеличением; реальная величина заработной платы была бы повышена самым постоянным из возможных способов; "всякая крайняя нищета была бы устранена из общества или, по крайней мере, была бы ограничена очень немногими людьми, попавшими в беду, против которой никакое благоразумие или предвидение не могли бы обеспечить".^[775] Бедным необходимо донести до сознания, что "они сами являются причиной своей бедности".^[776] Хотя Мальтус настаивает против Годвина, что виноваты не институты и законы, а мы сами, он по-прежнему разделяет с Годвином желание уменьшить количество

институтов; и в качестве первой реформы он отменил бы по крайней мере один неприятный закон.

Отношение Мальтуса к Французской революции и ее английским сторонникам действительно нельзя выразить одним предложением. Было сказано, что его нельзя справедливо назвать реакционером;^[777] и, по правде говоря, помимо того, что он критикует Годвина и Кондорсе, на него в некоторой степени влияют те же идеи, которые повлияли на них. Эссе о народонаселении повсюду окрашено молчаливыми или открытыми ссылками на Права человека - лозунг, позаимствованный Американской Республикой у Франции и вновь восстановленный в ходе Революции. Книга Пейна "О правах человека", написанная в ответ на размышления Берка о Французской революции, была широко прочитана до того, как она была подавлена английским правительством; и Годвин и Макинтош^[778] не заставили замолчать. Сам Мальтус, как виги, не умаляет прав человека, когда они означают политическую свободу и равенство, но только тогда, когда они включают право на поддержку ближнего, как утверждали аббат Рейналь и некоторые другие авторы Революции.^[779] Поскольку то же самое утверждение практически было сделано английским законом о бедных, на стороне которого были почтенные консервативные предрассудки, несогласие нашего автора с ним не было доказательством того, что его политика была реакционной. Его экономическое прошлое и политические взгляды связывали его с Французской революцией. В своем круге идей и привычных категориях он не мог далеко отойти от французских экономистов, которые помогли подготовить путь якобинцам. Сам Адам Смит испытал на себе их влияние. Хотя он критиковал благородного дикаря и естественное состояние,^[780] сам он по-прежнему отдавал предпочтение сельскому хозяйству, а не мануфактуре; и он сам говорил о "естественной" цене, "естественном" росте благосостояния, "естественном" уровне заработной платы и "естественной свободе". Для него, как и для французских писателей, Природа^[781] означала то, что выросло бы само по себе, если бы люди не вмешивались, — трудность в том, что вмешательство, кажется, тоже растет само по себе, и невозможно отделить необходимую защиту от вредного вмешательства. Мальтус сохраняет фразеологизм с еще более близким подходом к персонификации. Природа указывает нам на определенные линии поведения.^[782] Если мы нарушим законы Природы, она накажет нас. На великом празднике Природы нет места лишнему новичку. Законы о бедных противоречат Природе; они вмешиваются в действия человека в тех случаях, когда они могли бы самопроизвольно исправиться из обычных побуждений личного интереса; если бы люди знали, что они не могут рассчитывать на помощь прихода, они, вероятно, помогли бы себе сами. Много или мало стоит аргумент, его сила не становится больше из-за этой цифры; и его использование показывает, что Мальтус не поднялся выше метафизических суеверий своего времени. Но иногда против него выдвигают обвинение в том, что он не просто не дорос до своего возраста, но и явно отставал от него; и это, безусловно, ложь.

В политике он был таким же реакционером, как и его оппонент, который, если "в принципе республиканец, на практике был вигом".^[783] Он последовал за Фоксом, а не за Берком, и не потерял ни головы, ни самообладания из-за Революции. "Мальтус окажется сторонником мира", - писал Саути в 1808 году.^[784] Он был верным другом католической эмансипации. Он видел глупость приписывать вместе с Годвином и Пейном все зло правительству, а вместе с Коббеттом все зло налогообложению и фондам;^[785] но он солидарен со всеми ними в неприязни к постоянным армиям и больше встревожен чрезмерными мерами правительства против мятежа, чем самим предполагаемым мятежом. Одна из самых замечательных глав второго издания эссе^[786] посвящена "влиянию знания основной причины бедности на гражданскую

свободу”. Его главный аргумент состоит в том, что там, где много страданий и нужды, будет много недовольства и подстрекательства к мятежу, а там, где много двух последних, будет много принуждения и деспотизма. Знание главной причины бедности путем устранения страданий не оставило бы правительству, по крайней мере, никаких оправданий для тирании. “Давление бедствий на низшие классы людей вместе с привычкой приписывать это бедствие своим правителям представляется мне скалой защиты, замком, духом-хранителем деспотизма. Это дает тирану возможность сослаться на фатальную и неопровержимую необходимость. Это причина, по которой каждое свободное правительство постоянно стремится к разрушению и что назначенные им стражи с каждым днем становятся все менее ревнивыми к посягательствам власти ”.^[787] Французскому народу сказали, что он несчастлив из-за своих правителей; они свергли своих правителей и, обнаружив, что их страдания не устранены, принесли в жертву новых правителей; и этот процесс продолжался бы бесконечно, если бы деспотизм не был признан предпочтительным анархии. В Англии “правительство последних двадцати лет”^[788] не проявило большой любви к миру или свободе”, и сельские джентльмены очевидно сдались правительству при условии защиты от толпы.^[789] Еще несколько дефицитов, подобных 1800 году, могли бы вызвать такие конвульсии и привести к такой жестокости репрессий, что британская конституция закончилась бы так, как предсказывал Юм,^[790] в “абсолютной монархии, самой легкой смерти, истинной *эвтаназии* британской конституции”. “Склонности толп создавать тиранию” можно противодействовать только подрывной деятельностью, но не тиранов, а толп. В результате получился бы худощавый и жилистый народ, слабый для нападения, но сильный для обороны; дома была бы свобода, а за границей - мир.^[791]

Конечно, “знание основной причины бедности” не рассматривается Мальтусом как единственный урок, который стоит усвоить. Он разделяет растущий энтузиазм всех друзей народа в отношении народного образования,^[792] и считает аргументы тори против обучения беднейших классов “не только нелиберальными, но и в высшей степени слабыми, если не сказать по-настоящему лицемерными”.^[793] “Проинструктированный и хорошо информированный народ с гораздо меньшей вероятностью будет сбит с толку подстрекательскими писаниями и гораздо лучше сможет распознать ложные заявления заинтересованных и амбициозных демагогов, чем невежественный народ”.^[794] Эти слова были написаны в 1803 году, за четыре года до того, как Уайтбрид внес свое предложение о школах и сберегательных кассах, и за тринадцать лет до Комитета Броэма по образованию.^[795] Мальтус фактически был в политике продвинутым вигом, опережавшим свою партию в идеях социальных реформ. Это видно из следующего отрывка, который является лишь одним из многих, демонстрирующих его широкий взгляд на предмет. Он говорит, что в большинстве стран среди бедных, по-видимому, существует что-то вроде “стандарта убожества, точки, ниже которой они не будут продолжать вступать в брак”. “Этот стандарт различен в разных странах и формируется различными совпадающими обстоятельствами почвы, климата, правительства, уровня знаний, цивилизации и т.д.”. Он повышается благодаря свободе, безопасности собственности, распространению знаний и вкусу к удобствам жизни. Она понижается из-за деспотизма и невежества. “В попытке улучшить положение трудящихся классов общества нашей целью должно быть повышение этого стандарта как можно выше путем культивирования духа независимости, достойной гордости и вкуса к чистоте и комфорту. На эффекте хорошего правительства в повышении благоразумных привычек и личной респектабельности низших классов общества уже настаивали; но, конечно, этот эффект всегда будет неполным без хорошей системы образования, и действительно, можно сказать, что ни одно правительство не

может приблизиться к совершенству, если не обеспечивает обучение людей. Преимущества, получаемые от образования, относятся к числу тех, которыми можно пользоваться без ограничения количества; и, поскольку предоставление этих преимуществ находится во власти правительств, несомненно, это их обязанность”.^[796]

Историческое чутье нашего автора спасло его от рикардianских презумпций в пользу *невмешательства*. Однако писатели заходят слишком далеко, заявляя, что неограниченная конкуренция противоречит духу его творчества, и утверждая, что он недооценивал влияние институтов только для того, чтобы спасти институты своей страны от поспешных реформ.^[797] Он знал, что общество выросло не на экономических принципах; вместо того, чтобы начинать с невымешательства и постепенно расширять вмешательство там, где это было признано необходимым, оно начинало с вмешательства повсюду и постепенно ослабляло вмешательство там, где это было признано возможным и сочтено желательным. Мы начали со статуса и отеческого правления и продвинулись к контракту и *невмешательству*; но мы так и не достигли их, потому что, какими являются нынешние люди, мы не можем продолжать без ущерба для общего блага. Но Мальтусу казалось, что опыт показал необходимость естественной свободы так же ясно, как и опасности; история, например, ясно доказала, что материальную помощь бедным, от которой никогда не отказывалось правительство, лучше всего было бы предоставить частным лицам. Крайняя точка зрения состояла бы в том, что это был долг не каждого человека в целом, а каждого в частности, ответственность, от которой никто не мог отказаться. Но, хотя Мальтус часто говорит так, как будто бремя должно лежать в первую очередь на родственниках и личных друзьях человека, он не разделяет антипатии Адама Смита к ассоциациям и, вероятно, признал бы разделение труда столь же необходимым в благотворительности, как и в промышленности. Тем не менее, даже будучи управляемой организацией людей, специально приспособленных к этой работе по природе и выбору, распределение материальной помощи никогда не казалось ему тем случаем, когда общество может помочь бедным, не нанося в какой-то степени ущерба их независимости и силе характера. В вопросе благотворительности он явно на стороне естественной свободы и индивидуализма.

Но в других направлениях он сделал признания, которые серьезно изменяют неограниченную конкуренцию естественной свободы. Прежде всего, он признает, что борьба за существование, когда это борьба за жизнь, не ведет к прогрессу;^[798] и поэтому он признает, во—вторых, что государство должно позитивно вмешиваться в “систему естественной свободы” для просвещения граждан,^[799] и для оказания медицинской помощи бедным,^[800] для содействия эмиграции,^[801] и даже предоставлять прямую денежную помощь мужчинам, в семье которых более шести детей,^[802] а также негативно ограничивать внешнюю торговлю, когда она наносит больше вреда обществу, чем пользы торговцы,^[803] и ограничить торговлю на дому, когда речь идет о детском труде.^[804]

Критик мог бы спросить, по какому принципу он оправдывает эти признания; или мог бы намекнуть, что он делает их вовсе не сознательно, а в духе судьи, который применяет закон, который, как он знает, плохой, но предпочитает постоянно делать исключения, а не предлагать новый закон; — в противном случае могло бы какое-либо правило выдержать проверку таким количеством исключений?

Можно было бы возразить, что Мальтус нигде не пишет трактата по политической философии, и его взгляды должны быть выведены из разрозненных намеков, но из этого не следует, что он не был, сознательно или бессознательно, одержим руководящим принципом. Несколько его признаний имеют определенную логическую связь. Более сомнительно, что их связующий принцип покажется адекватным современному читателю, вопросы политической философии которого были сформулированы для него Контом и новейшими социалистами.

Первое из допущений является более значительным, поскольку Мальтус, делая его, отказывается одобрять средства, которые тогда фактически были приняты (Законом о бедных) для повышения уровня самых слабых граждан и, таким образом, подготовки их к борьбе. Если отсутствие положения было злом, то существующее положение вряд ли было меньшим. Для общества было плохо оказывать помощь хлебом с маслом, потому что это был подарок взрослым мужчинам и женщинам, не совсем слабым, но вполне готовым к праздности. С другой стороны, дар образования, по его мнению, дается тем, кто действительно не способен помочь себе сам и действительно не осознает своих сил.^[805] Это делает слабых сильными и имеет тенденцию устранять лень, а не создавать ее.^[806] Таким же образом фабричные акты помогают слабым, а не ленивым, в то время как (редкое) вмешательство в свободную торговлю, предоставление медицинской помощи, специальная помощь в случае многодетных семей и помощь ирландским крестьянам - все это специальные средства правовой защиты в случаях, когда от пострадавших нельзя было ожидать, что они предвидят бедствие и примут меры против него, и поэтому они страдали от обстоятельств, а не от бездействия. от лени. Мальтус постоянно придерживается мнения, что безопасность - большее благословение, чем само богатство, а незащищенность - худшее зло, чем бедность. Таким образом, обстоятельства, вызывающие неуверенность, были, по его мнению, наиболее тревожными; они сводили на нет индивидуальные усилия.

Его критики могли бы ответить: “Во всех случаях, упомянутых вами как оправдывающие вмешательство, совершенно осознанный личный интерес предотвратил бы несчастный случай; и облегчение любого рода в конечном итоге было бы равносильно облегчению на хлеб с маслом, поскольку, насколько это возможно, оно позволяет оставить больше либо человеку, либо его родителям на хлеб с маслом, и, таким образом, это облегчение способствует лени”. Однако он мог бы возразить, что (даже если мы допускаем практическую возможность такого совершенного просветления) прямое облегчение гораздо больше вызывает к лени, чем косвенное,^[807] и благо косвенного часто может, а добро прямого очень редко, перевесить зло. Он бы добавил, что даже против прямой льготы на хлеб с маслом он выступал не по какой-либо теории, а на основании ее известной склонности ко злу, — и, если бы природа людей и вещей позволяла выполнять обещания Закона о бедных, он бы высказался за это. Он был привержен свободной торговле как таковой только потому, что и только постольку, поскольку опыт говорил в ее пользу. Его единственной аксиомой в политической философии было то, что цель политики - величайшее счастье огромной массы людей; и его единственным правилом для достижения этой цели было наблюдение за тем, что, исходя из опыта, действительно обеспечивало ее.

С другой стороны, из его собственных работ становится ясно, что язык опыта во многом обязан своим значением своему интерпретатору; и мы спрашиваем: “Каковы были его принципы интерпретации?”

Ответ заключается в том, что, несмотря на сходство между утилитаризмом в морали и индивидуализмом в политике, он пытался сохранить первое без второго. Он понимал моральную доброту как тенденцию действий обеспечивать баланс удовольствий и страданий; но его полезность при рассмотрении оказалась, как мы видели, гораздо ближе к понятию саморазвития, чем просто сумма удовольствий независимо от их качества. В этот момент сильное влияние, которое семейная жизнь оказала на его воображение, подняло его над представлением о том, что главной целью может быть индивидуальное счастье изолированных единиц, и показало ему, что настоящей единицей является группа. Государство для Мальтуса, как и для Аристотеля, - это совокупность семей, хотя оно очень ясно признает, что, помимо связи домохозяина с домохозяйном посредством общего подчинения законам, существуют общие узы национальности, общность чувств, партнерство прошлых традиций, нынешних привилегий и будущих надежд.^[808] Опыт показывает, что привязанность к своей стране и соотечественникам часто приводит людей к тому, что они идут вразрез со своими мирскими интересами.^[809]

Нация - это маленький мирок внутри большого мира, и по аналогии с большим миром, это сцена, где трудности порождают таланты и раскрывают характер.^[810] С этой точки зрения недалеко от истины пародировать хорошо известное описание современного иудаизма и описывать политическую философию Мальтуса как утилитаризм *плюс* национальность. Индивидуализм Мальтуса ограничен особыми институтами и особыми интересами английской нации.^[811] В его интеллектуальной истории сильный акцент на государстве предшествовал акценту на личности; и даже по его зрелому взгляду, государство ограничено в своем вмешательстве в жизнь граждан только своими способностями делать им добро. Но он согласен с Адамом Смитом и другими экономистами в том, что его возможности приносить им добро намного уже, чем при старой концепции государства как разновидности семьи. Обязанности государства перед гражданами более узкие, чем обязанности отца перед своими детьми, потому что то, что отец может и должен сделать для своих детей, государство не может сделать для своих граждан с равной безопасностью для их независимости. Остается, однако, верным, что отношения государства к гражданину не являются коммерческими отношениями одной договаривающейся стороны с другой; это отношения, предшествующие коммерческим, и придают всем договорам какую бы юридическую силу они ни имели.

Если бы самого Мальтуса попросили согласовать его отход от общего принципа естественной свободы с его общей приверженностью к нему, он дал бы примерно такой ответ, как следующий: "С самого начала, когда я писал в 1798 году, мне казалось, что действия правительства не могут иметь ни столь одинаково плохого эффекта, как предполагал Годвин, ни столь одинаково хорошего, как подразумевал законопроект Питта. Если бы, как желает Годвин, не было правительства, а только сдержанное *попустительство*, бесхитростной человеческой натуры было бы вполне достаточно, чтобы вернуть нищету и грех.^[812] Но наказание за *невмешательство*, по моему мнению, не могло бы состояться без правительства, поскольку предоставление людям образования, которое должно наказывать, является одной из наиболее надлежащих функций правительства, которая не может быть должным образом выполнена отдельными лицами. Даже когда это будет сделано, образование не будет выполнять свою работу в совершенстве, если оно не будет включать в себя конкретные доктрины, донести которые до общественного сознания выпало мне больше, чем кому-либо другому. С таким образованием появится надежда на лучшее. Вещи такими, какие они есть, и борьба за существование, как она ведется сейчас среди беспомощных классов, могут радовать меня так же мало, как Годвина. Это борьба, которая не ведет ни к какому прогрессу. Но, в отличие от

Годвина, я не считаю, что правительство обязательно создает бедствие; и я, безусловно, рассматриваю его как необходимый механизм для устранения бедствия с помощью образования в конечном итоге и смягчения его последствий с помощью ограничений в настоящее время. Хотя бы как двигатель образования, отеческое правление должно быть постоянным фактором общества. Там, где общественная потребность хорошо удовлетворяется индивидуальными действиями, я должен оставить это в руках отдельных людей; но не иначе. Я возражал против Закона о бедных не на том широком основании, что он заменил частные действия, а потому, что его собственное действие было пагубным. Я должен рассматривать каждое дело по существу и руководствоваться при вмешательстве или невмешательстве известными результатами существующей политики”.

Говоря таким образом, Мальтус, без сомнения, оправдал бы свою собственную последовательность. Но современный читатель мог бы справедливо ответить Мальтусу, что нам часто приходится судить о тенденциях так же, как и о результатах, и тогда опыт становится ненадежным ориентиром; он мог бы посоветовать, что сам Мальтус иногда судит о них обоих, руководствуясь полу-признанным дополнительным принципом баланса классов и безопасности среднего, который может быть применен способом, весьма неблагоприятным для прав населения. Он мог бы настаивать на том, что очевидный успех учреждения, возможно, был обусловлен сопутствующей причиной, которая устранила его недостатки, и мы не всегда можем судить о его достоинствах, основываясь на собственном опыте. Как опыт может помочь нам, если у нас нет ключа к его интерпретации? Без такого ключа ничто не было бы таким ложным, как факты, за исключением цифр. В человеческой политике простое выживание редко является критерием пригодности.

Если мы сравним государство с организмом и превратим наше сравнение в правило суждения, мы можем сказать, что, когда каждая часть выполняет свою функцию и вносит свой вклад в эффективность целого, политика организма в порядке; когда какая-либо часть этого не делает, требуется врач или хирург. Эта фигура, по-видимому, дает нам ключ к интерпретации социального опыта; но, к несчастью, сама фигура нуждается в интерпретаторе.^[813] Если мы интерпретируем организм как идеальное объединение членов в одном теле, это перестает быть сравнением, поскольку политическое тело не просто похоже на этот союз, — это лучший его пример. Ибо в политическом организме общая жизнь является источником всей индивидуальной энергии, и в то же время отдельные члены постоянно возвращают долг, проявляя активную симпатию и сознательный союз с государством, которому содружество, в свою очередь, обязано всей своей коллективной энергией; гражданин ничто без своего государства или государство без своих граждан. Это делается для того, чтобы сделать фигурку полезной, заставив ее поменяться местами с предварительно сконструированной вещью. До тех пор, пока одна и та же идея улавливается в обоих, их соотношение в риторике не должно нас затрагивать.

Такое представление о государстве привело бы нас за пределы признаний Мальтуса к некоторым таким требованиям, как следующее: — За каждое свое владение гражданин должен быть способен оказать некоторую услугу своим соотечественникам, и от него должны ожидать, что он будет хранить свою собственность в доверительном управлении для общего блага, чтобы в политическом органе не было бесполезных членов. В той мере, в какой частное владение предполагает монополию, его использование должно быть строго ограничено в общественных интересах, что в крайних случаях привело бы к передаче его, с минимальными трениями,

насколько это возможно, от частного владельца государству. Законы об образовании, санитарные законы и производственные акты должны строго и повсеместно соблюдаться не ради родителей, опекунов и работодателей или даже вообще ради самих пострадавших, а ради общества, чтобы в борьбе за существование каждый участник начинал честно как эффективный гражданин, полностью владеющий своими силами ума и тела. В остальном безопасность и порядок должны быть лозунгом государства, при этом должен быть предоставлен свободный курс коммерческому и промышленному предпринимательству, научным исследованиям и спекулятивным дискуссиям, чтобы прогресс мог быть достигнут самым надежным из всех способов, путем морального и интеллектуального развития отдельных граждан, которое вскоре выразится в их институтах. С этими постулатами, наполовину исходящими от старых экономистов, наполовину от новых реформаторов, которые находятся на пути к реализации, и с перспективой промышленного сотрудничества, нам не нужно отчаиваться в отношении будущего человека на нашей части земли.

При таком подходе Мальтус, безусловно, не может дать нам совершенной политической философии и, кажется, продвинулся немногим дальше своего учителя Адама Смита, который учил, что государство выгодно только для обороны, правосудия и для таких общественных работ, которые не могут быть так хорошо выполнены отдельными людьми. При всем своем уважении к нации Мальтус слишком часто смотрит на социальные проблемы с точки зрения отдельного человека. Он много говорит, например, о благотворном влиянии на отдельного человека идеала домашнего очага и идеалов личного процветания в мире, основанных на безопасности собственности и свободе действий. Он мало говорит о долге гражданина перед обществом и о том, чем он обязан ему за свою безопасность и свободу. Гражданин на его портрете, кажется, не имеет ничего, кроме обязанностей перед своей семьей, и ничего, кроме претензий к государству. Гражданин теряется в домохозяине. Он доволен тем, что его оставили в покое, и не признает позитивно и активно свою идентичность с законодательной властью и свою обязанность отвечать услугой на услугу. Более поздняя политическая философия выдвинула бы встречные требования сообщества к гражданину. Это потребовало бы, например, чтобы он не оставлял свои земли без присмотра и не сохранял свою дичь, если любое из этих действий противоречит общественному благу. Следует иметь в виду, что обладатели крупных состояний больше обязаны обществу за их защиту, чем обладатели небольших, и должны нести более тяжелое бремя налогов. Это не позволило бы людям поступать со своими собственными по своей воле.^[814]

Что касается низших классов, которые вряд ли можно назвать гражданами, поскольку они в безнадежной слабости борются просто за кусок хлеба, Мальтус, кажется, никогда не понимает, что его собственное признание их бессилия подняться должно оправдывать гораздо больше, чем простое введение обязательного образования для их детей или даже институтов механиков для них самих. Это оправдало бы принятие таких мер, которые сделали бы их окружение способным обеспечить и сохранить для них более высокий уровень жизни. Это санкционировало бы меры “местного выбора”, направленные на то, чтобы уберечь их от заражения опасными моральными заболеваниями; и это наложило бы на владельцев домов обязательство сделать их пригодными для жилья и здоровыми. Это дало бы городским и сельским арендаторам гарантированное владение по закону там, где ненадежное владение обычаем вынуждало их тратить рабочую силу на свои владения.

У экономистов старшего поколения была справедливая идея о том, что безопасность владения является первым условием промышленного прогресса; но они не понимали, что сам этот принцип оправдывает очень большие ограничения на использование собственности и что ограничения будут увеличиваться по мере того, как собственность приобретет характер монополии; они не понимали, что в интересах общества может оказаться столь же необходимым запретить использование оленьих лесов, как снести антисанитарные жилища или провести вакцинацию.

Причина заключалась в том, что долгое время реформаторам в Англии было достаточно сложной задачей обеспечить негативную свободу существования, не говоря уже о свободе торговли, прессы и местного самоуправления, с отменой привилегий. Попытка Кобдена преобразовать политику в экономику была своевременной и плодотворной для своего поколения; и манчестерская школа все еще играет определенную роль в наше время. Но особая задача политической реформы в будущем заключается в достижении позитивной свободы, “максимума власти, равной для всех членов человеческого общества, для того, чтобы они могли использовать себя наилучшим образом”.^[815] Об этой программе ни Мальтус, ни кто-либо другой из писателей его времени не имели четкого представления. Сам он не претендовал на прозорливость провидца, и горизонт его противников никогда не был шире его собственного.

Пришло время вернуться к Эссе и противостоять его оппонентам. Теперь мы обладаем достаточными знаниями об экономике и философии Мальтуса, чтобы быть в состоянии посочувствовать ему в условиях неправильного понимания или, по крайней мере, понять, какой вид имело бы возражение в его представлении. Не то чтобы у нас было полное представление об этом человеке или хотя бы представление обо всем его ментальном оснащении, которое превосходит этот краткий обзор; но мы видим достаточно, чтобы судить о цели Эссе по его достоинствам, без предвзятого отношения, благоприятного или неблагоприятного, к жизни и характеру автора.

КНИГА IV. КРИТИКИ.

Три вопроса критикам—Парр и мысли о Парре—Философия кафедры—Благословение Годвина в 1801 году—Проклятие в 1820 году—Теология—Повеление Ною—Соотношение населения — “Неустойчивое”—С. Т. Кольридж среди экономистов—Джеймс Грэм—Классификация критиков Эмпсона—Вейланд и Артур Янг—“Не можем, следовательно, не должны”—План Спенса и Оуэна—Прогресс и бедность—Капитал—Герберт Спенсер—Классификация критиков—Этика домашнего очага и мира Цель и средства Мальтуса.

Перед критиками Мальтуса стояли три вопроса: вытекают ли выводы Мальтуса из его посылок? Делает ли он их сам? Верны ли они на самом деле? Ответы лучше всего даст краткий обзор

основных критиков, с которыми Мальтус спорил при жизни, и тех, кто наиболее ожесточенно спорил с его последователями после его смерти.

В определенном смысле Эссе о народонаселении начинается и заканчивается Годвином, поскольку оно начинается и заканчивается вопросом о способности человека к совершенствованию. Отношения Мальтуса и Годвина - это как бы сказка, на которой основана пьеса.

"Политическая справедливость" Годвина была написана в 1793 году, его "Исследователь" - в 1797 году, а эссе Мальтуса - в 1798 году. Другие поддерживали игру. В Пасхальный вторник 1800 года доктор Сэмюэл Парр произнес юбилейную проповедь в Больнице Христа перед Лондонской корпорацией. Он выбрал текст из Послания к Галатам, vi. 10: "Итак, пока у нас есть возможность, будем творить добро всем людям, особенно тем, которые принадлежат к семейству веры". Как и проповеди Батлера в часовне "Роллс-Ройс", дискурс на самом деле был трактатом по философии морали. Он начался с противопоставления эгоистичной и доброжелательной систем этики, в которых обе они были признаны ошибочными. Если один причинил меньше вреда, то другой принес меньше пользы, чем можно было ожидать, поскольку это было связано с новой доктриной всеобщей филантропии. Новая доктрина ложна, потому что местное соседство всех людей невозможно, *vi terminorum*, и расширение чувств, которые обычно преобладают между местными соседями, только сделало бы эти чувства тонкими и размытыми.^[816] Обязанности человека не могут быть превышены его силами; у него нет сил и, следовательно, нет обязанности творить добро всем людям.^[817] Любовь ко вселенной, в самом широком смысле слова любовь, может принадлежать только всемогущему Существу, на Котором лежит забота о вселенной. Мы, будучи людьми, должны только следить за тем, чтобы наша благожелательность соответствовала Его качеству, распространяясь, как и Его, на неблагодарных и злых. Но универсальный филантроп преувеличивает и балует эту одну конкретную форму долга благотворительности в ущерб остальным и забывает о близких ему обязанностях по отношению к родственникам, друзьям и соседям; он пренебрегает обычными жизненными обязанностями в пользу необычного и причудливого. Очень отличается "спокойное желание всеобщего счастья", которое привлекает тех, кто рядом, еще ближе и заставляет нас ценить благотворительные учреждения, такие как Приют Христа, которые находятся у наших дверей, и помогать им.

У слушателей проповеди не могло быть сомнений, против кого она была направлена; и сноски к опубликованной версии содержали большие цитаты из Эссе о населении и прямые похвалы его автору, что делало косвенное порицание Годвина в проповеди еще более язвительным.

Философствование с кафедры не было редкостью в те времена; со времен Батлера им занимался доктор Эзра Стайлс^[818] в 1761 году; а доктор Ричард Прайс использовал кафедру диссидента, чтобы высказать свои восторженные взгляды на будущее совершенствование человечества (1787) и любовь к нашей стране (1789).^[819] Берк осудил его за это в своих Размышлениях;^[820] но, если Парр мог сделать то же самое с другой стороны несколько лет спустя, это невозможно. была бы какая-нибудь великая необычность. Проповедь Парра была темой первой статьи Сиднея Смита в "Эдинбург Ревью" (октябрь 1802 г.); но ее экономический интерес обусловлен ее влиянием на Годвина. Незадолго до этого Годвин подвергся нападкам со стороны сэра Джеймса Макинтоша, бывшего друга и политического союзника, в его Речи о законе природы и нациях, произнесенной в Линкольнс Инн Холле в 1799 году; но порицания

доктора Парра были более суровыми. Возможно, Парра оттолкнуло оскорбительное описание в Enquirer^[821] духовенства, характеризующегося “постоянной неподвижностью понимания, неэффективным обучением, искусственными манерами, инфантильными предрассудками и высокомерной непогрешимостью”. Поскольку все остальные профессии подвергались столь же жестокому обращению, порицание не стоило принимать близко к сердцу. Письмо Мальтуса Годвину, написанное после публикации “Инкуайрер”, полно учтивости. В то время, да и в течение нескольких лет после этого, между двумя писателями не было ничего, кроме доброй воли. Когда Годвин в 1801 году оформил свои письма к трем критикам в книгу,^[822] под заголовком “Мысли о проповеди доктора Парра”, с замечаниями о Макинтоше и авторе Эссе о населении”, он был озлоблен только против двух первых. Он был удивлен “властным презрением” Макинтоша и “ядовитостью” доктора Парра. Если он и изменил какие-то свои взгляды, то не из уважения к их критике. Об Эссе о населении “и духе, в котором оно написано”, он “может говорить только с неподдельным уважением”, утверждая лишь, что оно направлено против его выводов, а не посылок.^[823] Парр приветствовал это как полную демонстрацию того, что схема равенства Годвина не сработает, и многие лучшие люди почувствовали, что им закрыли рот, и умоляли Годвина говорить за них. Годвин соглашается с этими Мыслями. Если он был искренен, говоря: “Признаюсь, я не мог видеть, чтобы эссе имело какое-либо практическое отношение к моим собственным надеждам” (стр. 55), он, должно быть, находился в состоянии, которое Исследователь приписывает священнику: “Он живет среди очевидности и нечувствителен к ней. Он ежедневно размышляет над противоречиями и находит их последовательными. Он выслушивает аргументы, которые произвели бы впечатление убедительности на каждого беспристрастного слушателя, и поражается их тщетности. Он никогда не осмеливается довериться одному непредвзятому размышлению. Он начинает с нетерпения и ужаса от его возможного результата”. Мальтус, с другой стороны, хотя и в орденах, вел себя совсем не так, как священник из “Инкуайрер”, ибо, по словам самого Годвина, “он не стремился возбудить ненависть или презрение ко мне и моим догматам; он обсуждал вопросы между нами так, как будто они никогда не становились темой для политических партий и интриг фракций; он спорил так, как будто у него не было другой цели, кроме исследования доказательств и установления истины” (стр. 55 и далее). Более того, он “высказал столь же неоспоримые дополнение к теории политической экономии, как у любого писателя за прошедшее столетие. Я полагаю, что грандиозные положения и контуры его работы будут сочтены не менее убедительными и определенными, чем они новы. Что касается меня, то я не могу отказать себе в некоторой гордости, поскольку своими трудами я дал повод и послужил стимулом для создания столь ценного трактата” (стр. 56). Разумеется, дальше уступок дело идти не могло. Годвин даже допускает арифметические и геометрические соотношения.^[824] Вся его критика написана на чеках, которые (следует помнить) были только чеками первого эссе “порок, страдание и страх перед ними”. Должны ли правительства впредь предотвращать зло, связанное с чрезмерным ростом населения, поощряя этих неприглядных контрагентов? и обречены ли на провал все планы по улучшению участи человека? Нет, “автор эссе” имеет слишком слабое представление о ресурсах человеческого разума; утверждение, что когда схема будет реализована, она, вероятно, ненадолго, не является убедительным аргументом против нее.^[825] Он не придает достаточного значения тому факту, что в Англии, например, “благоразумие и гордость” препятствуют ранним бракам, а из поздних получаются семьи меньшего размера. В состоянии всеобщего улучшения этих чувств было бы не меньше, а больше, и аналогичный эффект последовал бы в большей степени.^[826]

То, что в этом рассуждении была сила, видно из того, как Мальтус воспринял его, когда изложил ему в письме через несколько месяцев после публикации эссе. Он ответил, что “благоразумие”, о котором идет речь, если бы оно существовало в новом обществе Годвина, означало бы внимание к главному шансу; это означало бы, что один человек укрепляет свое положение и получает для себя больше, чем минимум необходимого; если вы предотвратите это, что станет с вашей свободой? если вы этого не сделаете, что станет с вашим равенством и богатством? Во-вторых, результатом осмотристельности было бы то, что население было бы не максимально возможным, но значительно в пределах продовольствия; и все же вы возражаете против нынешнего общества, утверждающего, что его устройство препятствует “максимально возможному увеличению населения”. Во всех наших политических теориях, если мы хотим проследить за конкретными институтами зло, которое на самом деле связано с ними, мы должны вычесть зло, которое, как известно, связано с другими причинами. “Само признание необходимости осмотристельности для предотвращения страданий перегруженного населения снимает вину с государственных институтов за поведение отдельных лиц. И несомненно, что почти при наихудшей форме правления, когда существовала сколько-нибудь сносная свобода конкуренции, раса рабочих, не вступая в брак и, следовательно, уменьшая свою численность, могла бы немедленно улучшить свое положение, а при самой лучшей форме правления, вступая в брак и значительно увеличивая свою численность, они немедленно ухудшили бы свое положение ”.^[827]

Это, без сомнения, было аргументом против Годвина, но это было также и аргументом против самого Мальтуса. Эссе в его первом варианте не уделяло достаточного внимания “благоразумию”; и введение моральной сдержанности во втором издании дружья Годвина вполне могли приписать самому Годвину, несмотря на подробный ответ на Мысли в главе, опущенной впоследствии.^[828] Впоследствии Годвин сказал ему, что он не имел права вводить новый элемент в свое решение проблемы и притворяться, что это было то же самое решение, что и раньше;^[829] если он изменил свои посылки, он должен изменить и свой вывод. На что Мальтус мог бы ответить, что, хотя его вывод и изменен, он сохраняет свою ценность как аргумент против Годвина. Сначала тенденция увеличения численности населения вплоть до получения пищи описывалась как препятствие, фатальное для прогресса; теперь это действительно препятствие, с которым необходимо столкнуться и преодолеть, но оно фатально не для прогресса, а только для равенства. Сам Годвин поначалу считал это совершенно воображаемым препятствием, которым реформаторы могли бы пока пренебречь; и само его учение о благоразумии равносильно признанию того, что его взгляд на него изменился.

Сам Годвин не осознавал своей смены позиции; будучи седьмым из тринадцати детей, он, возможно, считал этот вопрос личным; и на какие бы уступки он ни пошел в 1801 году, он отказался от них в 1820 году. В том же году вместе с Дэвидом Бутом, терпеливым автором английского аналитического словаря, чтобы привести в порядок его статистику и подтвердить свои расчеты, он опубликовал подробный ответ на Эссе о населении. Политики, политэкономисты, большая часть прессы и общественность приняли мальтузианские доктрины, хотя обращение общественности было не более глубоким, чем приверженностью к Свободной торговле, и государственные деятели, за редким исключением, не жалели наживать на “одиозности” доктрин всякий раз, когда их “признанная истина” не отвечала их требованиям. И все же казалось правдой, что время встало на сторону Мальтуса, а Годвин выпал из поля зрения. Утверждение Сидни Смита,^[830] “Мальтус взял на себя труд опровергнуть его, и мы больше не слышим о мистере Годвине”, не очень далеко от истины. Мальтус пережил свое

опровержение, а Годвин - свою репутацию. Питт, Пейли и Коплстон были на стороне Мальтуса; он одержал верх над Халламом среди историков, Джеймсом Миллем-старшим и Рикардо среди экономистов, Броэмом, Макинтошем и даже Уайтбридом среди политиков. Саути, Хэзлитт и Коббетт не имели достаточного веса. Хэзлитт в своем ответе на Эссе о народонаселении (в письмах, некоторые из которых опубликованы в Pol. Коббетта. Register, 1807) признает популярность, хотя и предсказывает ее упадок.^[831] Кажется очевидным, что по крайней мере в образованных кругах точка зрения Мальтуса еще в 1820 году была тем же, чем она была в 1829 году, "популярной точкой зрения",^[832] что вполне совместимо, как давно убедился Дарвин, с большой непопулярностью в определенных кругах. Нельзя привести лучшего доказательства этой популярности, чем невольное свидетельство самого Годвина в его новой книге.^[833] В конце 1819 года Броэм упомянул в Палате общин принцип Мальтуса как "один из самых здравых принципов политической экономии" и сказал, что печально наблюдать, как пресса критикует его и оскорбляет его защитников.^[834] Однако мнения прессы разделились. "Эдинбург Ревью" с самого начала была на стороне Мальтуса. "Ежеквартальный журнал" начался с сильной враждебности (декабрь 1812 г., стр. 320 *след.*); со временем смягчил свой тон (декабрь 1813 г., стр. 157 *след.*, и октябрь 1814 г., стр. 154-5); высказывался с колебаниями и неуверенностью (октябрь 1816 г., стр. 50 *след.*); и, наконец, полностью сдался (июль 1817 г., стр. 369 *след.*), признав, что "гораздо легче не верить мистеру Мальтусу, чем опровергать его" (стр. 396), после чего использовал свою доктрину для поддержки вещей такими, какие они есть, сожалея только о том, что сам Мальтус не сделал бы того же чуть более решительно (стр. 402-3). Наконец, как мы видели, Мальтус, после того как внес свой вклад в "Эдинбург", стал одним из авторов "Ежеквартального журнала". Изменение общественного мнения, проиллюстрированное обращением the Quarterly, придало еще больше горечи нападкам врагов, которые остались необращенными. Но это не дало им новых аргументов.

В Исследовании Годвина о населении (если мы пренебрегаем простыми эпиграммами, такими как "человек более уверен в том, что у него есть предки, чем в том, что у него будет потомство"), есть по существу четыре аргумента: Мальтус изменил свою позицию; мир не населен; соотношение не такое, как он представляет; и опыт против него. Мы уже обсуждали первый вариант. Использование второго подразумевает неправильное понимание мальтузианской позиции, поскольку она игнорирует различие между фактическими и возможными запасами пищи и не допускает, чтобы человек был "ограничен" четырьмя стенами, если он к ним не прикаснется.^[835] Годвин не улучшает аргументацию, сравнивая ее с возражением, выдвинутым против христианства — "мир еще не обращен в христианство"; еще меньше апеллируя к самому христианству и насмехаясь над текстами Мальтуса: "Возрастайте и размножайтесь", "Счастлив человек, у которого их полный колчан", "поставленный немного ниже ангелов", "сорок сыновей и тридцать внуков"., который ехал верхом на шестидесяти десяти осленках", "В последнидни некоторые отступят от веры, запрещая вступать в брак".^[836] Мальтус подвергся нападкам в 1807 году со стороны пуритан или сторонников Шабаша, озаглавленного "Призыв к пробуждению, или порочная тенденция и опасность спекулятивной философии", примером чего являются Исследование мистером [сэром Джоном] Лесли природы тепла и эссе мистера Мальтуса о населении, а также та спекулятивная система общего права, которая в настоящее время управляется в этих королевствах".^[837] Основная часть этой книги была даже более примечательной, чем ее название, поскольку она доказала, что Мальтус виновен не только в неортодоксальности, но и в атеизме. "Любому, кто внимательно прочитает Эссе о народонаселении, очевидно, что его автор не верит в существование Бога, но подменяет Его

иногда принципом Народонаселения, иногда принципом Необходимости”. Сэдлер много лет спустя заявил в том же духе, что “оскорбления, которые теория Мальтуса наносит Богу, и травмы, которые она намеревается нанести человеку, не будут перенесены ни тем, ни другим”.^[838]

Раз и навсегда позвольте пастору Мальтусу объяснить свою последовательность с религиозным учебником его Церкви. До предписания, данного людям расти и размножаться, предшествуют, говорит Мальтус, все моральные и физические законы, без которых они не могут расти и размножаться. Предположим, что повеление состояло в том, чтобы увеличивать и размножать не людей, а овощи; это могло бы означать не “Сеять семена в воздухе, над морем, на каменистой почве”, а “Использовать все средства, необходимые в соответствии с ранее существовавшими законами, для обеспечения наилучшего роста овощей”. Этот человек лучше всего подчинился бы приказу, который должен был подготовить почву и обеспечить ее полив и обработку там, где раньше этого не хватало. Поэтому лучше всего будет повиноваться повелению умножать Людей тот, кто готовит пищу для людей там, где ее раньше не было, а не тот, кто безрассудно приводит их в мир без какого-либо такого обеспечения. “Я верю, что по замыслу Создателя земля должна быть пополнена, но, конечно, здоровым, добродетельным и счастливым населением, а не нездоровым, порочным и несчастным. И, если, пытаясь подчиниться повелению расти и размножаться, мы связываем его только с существами последнего описания и соответственно страдаем, мы имеем право подвергать сомнению не справедливость повеления, а наш иррациональный способ его выполнения”.^[839] Он мог бы добавить, что давать любую другую интерпретацию отрывка из Книги Бытия - значит забывать обстоятельства, при которых были произнесены эти слова. Всемирный потоп только что смел всех жителей земли, за исключением одной семьи, особенно из-за нечестия; и, если нечестивое пополнение было бы нежелательно, несчастный или бедный человек был бы в лучшем случае лишь на одну ступень меньше. Рассматривая вопрос таким образом чисто извне, мы не можем найти в трудах пастора Мальтуса ничего несовместимого с его церковной ортодоксальностью; и мы с трудом можем поверить, что свободомыслящий Годвин был очень серьезен в своем возмущении.

Сам Мальтус отвечает на это как на обвинение, обычно выдвигаемое против него другими, без какой-либо ссылки на Годвина в частности. По большей части он игнорирует книгу Годвина о населении, считая ее простой риторикой и хамством.^[840] Однако Годвин посвятил написанию этого более двух лет тяжелого труда;^[841] и его биограф считает это последней работой своих лучших дней. В дополнение к Буту он нанял в помощь своего сына Уильяма и своего друга Генри Бланча Россера. Все его мысли были заняты расчетами Бута и его собственными выводами из них. Сам он “не мог заниматься подсчетами в течение часа без того, чтобы его не стошнило до крайности”.^[842] Если Бут отставал от него, он был несчастен. Он встал рано утром, чтобы записать идею, и после этого проболев остаток дня. Однако он доволен результатом своих трудов. Он думает, что его глава о геометрических соотношениях порадует его друзей и удивит врагов. В любом случае его утешает то, что “истина” восторжествует, и, будь то благодаря ему или кому-либо другому, “система Мальтуса никогда больше не сможет подняться, и мир будет избавлен от этой проклятой апологии порока, нищеты, жестокосердия и угнетения”,^[843] и мир увидит, что “нет необходимости в каких-либо средствах правовой защиты” от цифр. численность человечества никогда не увеличивалась и никогда не сможет увеличиваться способами, описанными Мальтусом.^[844] Несколько его младших друзей^[845] считали его успешным; и книга была упомянута в Палате общин как убедительное опровержение Мальтуса,

особенно в отношении к соотношениям.^[846] Но факт остается фактом не только в том, что бедняга Годвин этим не зарабатывал на хлеб с маслом,^[847] но и в том, что он не обратил никого, чье мнение в подобном вопросе имело хоть какой-то вес. Макинтош, хотя и снова обрел мир со своим старым другом, когда он пишет ему в сентябре 1821 года,^[848] не может похвалить его работу; даже считает ее тон нетерпимым; и скажет только, что не видит в мальтузианских доктринах ничего несовместимого с совершенствованием. В то же время он прилагает все усилия, чтобы отрицать авторство заметки в "Эдинбург Ревью" за июль 1821 года, которой не хватало вежливости по отношению к Годвину, хотя в ней и не воспроизводилась грубость самой ранней рецензии на него.^[849] Неубедительность книги, даже с точки зрения противников Мальтуса, вытекает из потока новых опровержений, который не прекращался.

Даже вопрос о соотношениях не был решен. Годвин считал их обсуждение наиболее важной частью своей книги. Это дает нам его третий существенный аргумент против Мальтуса. Годвин поднимает,^[850] то, что, по-видимому, было распространенным обвинением, что эссеист написал объем в кварто, чтобы доказать, что население увеличивается в геометрическом, а продовольствие - в арифметическом соотношении. Эссеист ответил еще в 1806 году,^[851] что первое утверждение было доказано, как только факты об Америке были аутентифицированы, а второе было самоочевидным; его книга предназначалась не столько для доказательства соотношений, сколько для отслеживания их последствий. Его авторитетами, как он впоследствии сказал Годвину,^[852] были доктор Прайс, Стайлз, Бенджамин Франклин, Эйлер и сэр Уильям Петти, дополненные в отношении цифр Шортом и Зюсмильхом и переписями населения Соединенных Штатов и Англии, а в отношении принципов - Адамом Смитом и Юмом. Мы уже видели^[853] как далеко должно было зайти сравнение геометрических и арифметических соотношений. Годвин думает, что он раскрывает это, утверждая, что прирост населения никогда не может быть точно геометрическим^[854] (что признал бы Мальтус), — что Америка была исключением^[855] (вопреки максиме о том, что исключение проверяет правило), — что для предположения удвоения численности населения в Соединенных Штатах, мы должны предположить, что в отношении рождаемости то же самое происходит и в Старом Свете (другими словами, факт совпадает с тенденцией), — что нормальный прирост наблюдается не в Америке, а в Швеции,^[856] в этом случае (Мальтус ответил бы) нормальным увеличением должно быть такое, которое происходит в условиях очень жестких ограничений. На обвинение в повреждении позаимствованного чайника у старой ирландки было три ответа: — Он был треснут, когда я его получила; он был целым, когда я его вернула; у меня его никогда не было. Таким образом, взгляды Годвина на американские колонии колебались между тремя противоречивыми положениями: значительное увеличение численности является естественным (или спонтанным), но количество продуктов питания еще больше;^[857] значительное увеличение не является естественным, а связано с иммиграцией;^[858] значительного увеличения вообще не было.^[859] Читателю представлены три альтернативных аргумента, и это не имеет большого значения, благодаря которым он убежден, если только в конце концов его убедят поверить вместе с Годвином, что население вообще не требует проверок,^[860] и является неустойчивым принципом.^[861] В истории, по словам Годвина, все происходит урывками; и у таких нерегулярных последствий не может быть единой причины. Можно было бы ответить, что в том же смысле гравитация непостоянна, поскольку мы, по-видимому, преодолеваем ее, поднимаясь по лестнице так же, как и спускаясь, используя сифон так же, как кувшин для воды, или высушивая каплю чернил промокательной бумагой вместо того, чтобы дать ей впитаться в бумагу. Однако в этих случаях соответствие никогда не

приписывается отсутствию причины, а наличию большего количества причин, чем одна. Верить, как, по-видимому, верит Годвин, в оккультные законы, которые меняются в зависимости от обстоятельств, - значит не верить ни в какие законы вообще. Единственным постоянством была бы постоянная вероятность чудес.^[862] Вольнодумцы еще не отождествляли себя с партией порядка в физике; и, возможно, Годвин просто продвинул свою нелюбовь к закону еще на один шаг дальше. Применяв его к политике (1793) и стилю (1797), он теперь применил его к природе (1820). Он намеренно вывел целую армию фактов за пределы науки. К счастью для него самого, он больше не выступал в роли экономиста, а предоставил Буту отвечать "Эдинбург ревьюер".^[863]

Если экономическая критика была слаба у политического философа Годвина, то еще слабее она была у поэта-философствующего Кольриджа. Основные критические замечания Кольриджа^[864] содержатся в комментариях на полях рукописи, написанных ручкой и карандашом на его экземпляре второго (кварто) издания Эссе (1803), ныне находящегося в Британском музее. Когда Мальтус пишет (в Предисловии, стр. vi), что если бы он ограничился общими взглядами, его главный принцип был бы настолько неопровержимым, что он мог бы укрепиться в неприступной крепости, вмешивается Кольридж: "Если под основным принципом автор подразумевает оба *Fact*^[865], то есть, что необузданное население должно бесконечно обгонять еду) и вывод из того факта, что, *т. е.* что человеческая раса, *следовательно*, не может бесконечно совершенствоваться, взрывное устройство разрушило бы неприступную Крепость. Если иметь в виду только Факт, то утверждение вполне обоснованное: в первом случае испарение, во втором - пар". (И на стр. vii:) "Будет ли у нас теперь кварто, которое научит нас, что великие страдания и великий порок проистекают из бедности, и что бедность должна быть в ее худшей форме везде, где ртов больше, чем хлебов, и Голов больше, чем Мозгов?"

Это можно принять просто за аргумент Хэзлитта, который "не видел, что нужно было доказывать"; принцип Мальтуса — трюизм. Даже комментируя утверждение о Соотношениях (на стр. 8), после некоторого осуждения "многословия и бессмысленного повторения" эссе, Кольридж продолжает соглашаться с ним. Он переформулировал бы целое так, чтобы заменить "пропорцию, которую никто в здравом уме не счел бы иначе, как аксиомой, а именно: предположим, что человеческая раса насчитывает тысячу миллионов человек. Разделите квадратные акры пищевой площади на 500 000 000, то есть столько-то на каждую супружескую пару. Оценивайте эту сумму как угодно высоко и, если хотите, даже в тысячу или даже в десять тысяч акров на каждую семью. Предположим, что численность населения не контролируется, и возьмем средний прирост от двух семей к пяти (что иррационально мало, если предположить, что человеческая раса здорова, и каждый мужчина женится в двадцать один год на восемнадцатой женщине), и через двенадцать поколений прирост составит 48 828 125. Теперь, что касается какого-либо мыслимого увеличения производства или повышения продуктивности тысячи или десяти тысяч акров, смешно даже думать о производстве вообще, поскольку очевидно, что либо уже в этом двенадцатом поколении, либо *наверняка* еще через несколько поколений (я оставляю точное утверждение школьникам, поскольку не владею арифметикой Кокера и забыл количество квадратных футов в акре), количество земли не обеспечило бы постоянного места потомкам первых аграрных собственников. Лучше всего подсчитать сумму сразу. Найдите количество квадратных акров на земном шаре (суши) и разделите полученное число на 500 000. Я сам был бесполезно многословен и в схватке с этим человеком заразился его склонностью к словоблудию". Далее он говорит, что если бы каждый мужчина женился и завел семью, и каждый из его детей поступил бы так же, их потомству вскоре понадобилось бы свободное место, и, если бы все проверки были сняты, это, конечно, произошло бы намного

быстрее. “Любой школьник, изучивший арифметику вплоть до сложных процентов, может удивить свою младшую сестру как самим фактом, так и точным количеством лет, за которые это произойдет. С другой стороны, пусть продуктивность земли превысит надежды самого дальновидного земледельца, все равно продукция займет место. Если нынешний урожай репы занимает пятую часть площади поля репы, прирост никогда не может быть более чем в пять раз, и, если вы предположите, что на одно посажено два, прирост все равно не превысит десяти; так что, предположим, что небольшой островок площадью в один акр и его продукция занимает пятую часть его абсолютной площади и достаточна для содержания двух мужчин и двух женщин, четыре поколения превзойдут его возможную способность обеспечивать их пищей; и мы можем смело утверждать, что такая самоочевидная истина, как эта, никогда не упускалась из виду или даже подтекст противоречил друг другу. Какие доказательства привел мистер Мальтус? Какое доказательство он может привести, что какой-либо писатель или теоретик упустил из виду этот факт, который не был бы применим (да будет сказано с почтением) к Самому Всемогущему, когда Он произносил ужасный приказ ”Возрастай и размножайся“?”

Из некоторых фраз, оброненных в ходе этих комментариев, мы должны заключить, что они были подготовкой к официальному обзору книги самим Кольриджем. Поэтому крайне странно обнаружить, что все комментарии напечатаны почти слово в слово и буква в букву в обзоре^[866], который до сих пор все (включая Саути) считали принадлежащим Саути. Это относится и к последующим заметкам MS. notes, которые, к счастью, более краткие. Кольридж упрекает Мальтуса (стр. 11) в использовании слов “добродетель” и “порок” без их определения, очевидно, упуская из виду сноску у него под носом (стр. 11 и далее), в которой говорится: “Общим следствием порока является страдание, и это следствие является точной причиной, по которой действие называется порочным”.^[867] Кольридж говорит в отношении списка нарушений, приведенного в предпоследнем абзаце страницы (11): “Кто сомневается в том, что это и все перечисленное являются пороками нынешнего состояния общества? Таким же было Безбрачие в патриархальные века. Порок и Добродетель существуют в согласии привычек человека с его разумом и совестью, и у них может быть только одно моральное руководство, Полезность или Добродетель^[868] и Счастье разумных существ. Мы упоминаем об этом не из жалкого представления о том, что любое состояние общества сделает эти действия возможными для совершения с совестью и добродетелью, а для того, чтобы разоблачить крайнюю неосторожность этих спекуляций”. Затем, после нескольких замечаний о новых мальтузианцах (как их теперь называли бы), он продолжает: “Все, что следует за триста пятьдесят пятой страницей^[869] может быть занимательным набором цитат из книг о путешествиях и т.д., Но, несомненно, очень дерзким в философском труде. Боже мой, триста сорок страниц — с какой целью! У философского труда не может быть другой законной цели, кроме доказательства и иллюстрации, и триста пятьдесят страниц для доказательства аксиомы! чтобы проиллюстрировать очевидную истину! Это ни много ни мало, как букмекерство!” Однако он думает, что то, что Мальтус написал о Кондорсе, применимо и к нему самому; — хотя его парадокс очень абсурден, его необходимо опровергнуть, иначе он будет думать, что терпимость его современников объясняется их умственной неполноценностью и его собственным возвышенным интеллектом.^[870] Остальные примечания на полях носят в основном междометный характер,^[871] многие из них не очень изящны. Сам Мальтус никогда не впадает в грубость, но его оппоненты редко избегают ее, и Кольридж (или Саути) не исключение из правил.^[872] Если бы не интерес, проявляемый даже к глупым словам великого человека, не стоило бы возрождать его *сценарий некролога* по вопросу, находящемуся вне его компетенции.

Необходимо сказать несколько слов о Грэхеме и Вейланде, которые составляют главную тему длинного второго приложения к более поздним изданиям эссе. Обвинения Грэхема были таковы, что всей своей силой были обязаны всеобщему незнанию реальных трудов самого Мальтуса.^[873] Г-н Мальтус рассматривает голод как благоприятное природное средство от недостатка пищи; г-н Мальтус считает, что природа учит людей изобретать (стр. 100) болезни, чтобы предотвратить перенаселение; г-н Мальтус, рассматривающий порок и нищету в целом как благотворные средства от перенаселения, считает, что их следует скорее поощрять, чем делать что-либо иное (стр. . 100). Мальтус, со своей стороны, сожалея о том факте, что это последнее обвинение было актуально “в разных кругах в течение четырнадцати лет” (или со времени его эссе кварты 1803 года), думает, что он вполне может пропустить его мимо ушей. “Порок и Нищета, и только они, - вот зло, бороться с которым было моей главной целью. Я недвусмысленно предложил моральные ограничения в качестве их рационального и надлежащего средства правовой защиты”, что является достаточным доказательством того, что он рассматривал их как болезнь.^[874] Сам Грэхем не отрицает тенденцию к увеличению веса помимо еды (стр. 102), но считает эмиграцию достаточным средством (стр. 104).

Эмпсон,^[875] шутливо классифицируя противников Мальтуса, говорит, что есть некоторые, кто не поймет “из чистой глупости, как мистер Грэхем”, или из sentimentalного ужаса, как Саути,^[876] Кольридж и Бишоп Хантингфорд;^[877] или потому, что, подобно Сэдлеру,^[878] и Годвин, последовавшие за Прайсом и Мюре,^[879] они воображают, что закон народонаселения меняется в зависимости от обстоятельств; или потому, что они изобретают свои собственные законы, как Андерсон, Оуэн и Пулетт Скруп;^[880] или потому, что, как Вейланд,^[881] они отрицают предпосылки Мальтуса, а также вывод. Вейланд, как и Грэхем, удостоен чести получить специальное опровержение от Мальтуса. Он допускает, что Мальтус в своем эссе поднял свой предмет с уровня отрывочной академической дискуссии до уровня научного исследования, и его книга является точкой, с которой должно начинаться каждое последующее исследование. Он допускает, что его приказ ясен, а рассуждения справедливы, и что он позволяет оппоненту сразу обсудить вопрос по существу. Принимая во внимание его предпосылки, говорит Вейланд, мы не можем отрицать его вывод; но ложна та его предпосылка, которая предполагает, что наивысший известный темп роста в определенном состоянии общества является естественным или спонтанным для всех;^[882] мы не можем считать рост Чанга или ребенка Хейла естественным стандартом роста для всех. На это Мальтус отвечает, что, если бы мы наблюдали в какой-либо стране, что все люди невысокого роста носят гири на голове, а люди высокого роста - нет, мы должны были бы заключить, что гири имеют какое-то отношение к росту, — и поэтому, когда мы обнаруживаем, что прирост населения происходит быстро или медленно пропорционально тому, сильно или мало давление определенных сдерживающих факторов на прирост, мы не можем не поверить, что темпы роста были бы самыми быстрыми, если бы вообще не было сдерживающих факторов. Сказать вместе с Вейландом, в терминах его первого кардинального предложения,^[883] что “население имеет естественную тенденцию оставаться в пределах возможностей почвы, обеспечивающих ему пропитание на каждой ступени, через которую проходит общество”, - это сказать, “что у каждого человека есть естественная тенденция оставаться в тюрьме, если он обязательно ограничен в ней четырьмя прочными стенами”. С таким же успехом можно было бы заключить, что сосна в многолюдных норвежских лесах не имеет тенденции иметь боковые ветви, потому что на самом деле для нее нет места.^[884]

Вейланд считает, что без каких-либо моральных ограничений население будет ограничивать себя в еде по мере того, как оно достигнет высокого уровня морали, религии и политической

свободы.^[885] Мальтус, напротив, сказал бы, что без моральных ограничений даже мораль, религия и политическая свобода не спасут народ от нищеты;^[886] и, для со своей стороны, целью, которая всегда занимала его внимание при написании книги, было “улучшить положение и приумножить счастье низших классов общества”.^[887]

Один аргумент^[888] имеет некоторый вес. При богатой почве, развитом земледелии и изобилии продовольствия основная масса населения страны могла бы благодаря естественному разделению труда быть занята в производстве, а их нездоровый образ жизни в городах мог бы настолько сдерживать население, что оно могло бы быть далеко от соответствия уровню продовольствия. Мальтус отвечает, что этот случай редок, поскольку население наших городов быстро увеличивается, — но, как бы то ни было, он допустил это во втором предложении своего второго предложения: “Население неизменно увеличивается там, где увеличиваются средства к существованию, *если этому не препятствуют некоторые очень мощные и очевидные препятствия*”.^[889]

Есть еще два критика, которым Мальтус отвечает довольно подробно: один - провидец Оуэн, подпадающий под классификацию Эмпсона, другой - практичный человек Артур Янг, которого не так-то просто классифицировать. “Я имею в виду, - говорит последний, - иметь дело только с фактами, радуясь, когда могу обнаружить их чистыми и незапятнанными предрассудками”.^[890] Поскольку это было его практикой, а также профессией, можно легко поверить, что в его объемистых записях о пятидесятилетних путешествиях и экспериментах^[891] он сплел достаточно веревки, чтобы повеситься. Следует добавить, что, подобно Годвину, он претендует на привилегию быть непоследовательным. Ничто не могло быть более ясным, чем осознание им во время своих Путешествий по Франции пагубности перенаселения.^[892] Еще в 1800 году в своем “Вопросе о дефиците”, который был четко сформулирован и рассмотрены средства правовой защиты, он рекомендовал в качестве средства правовой защиты обеспечить каждого сельского рабочего, у которого трое детей, коровой и половиной акра картофельной пашни.^[893] Другими словами, он снизил бы английский уровень жизни до общепринятого ирландского - молока и картофеля. Мальтус отвечает, приводя причины, по которым люди должны “жить дорого”, и напоминая Артуру Янгу о его собственных комментариях к работе Национальной ассамблеи. Признавая свой долг оказывать помощь, но желая избежать английского закона о бедных, Национальное собрание выделяет пятьдесят миллионов франков в год на поддержку бедных. Если бы это действительно было обязанностью, писал Артур Янг (в своих “Путешествиях”), необходимость могла бы побудить их увеличить помощь до ста, двухсот или трехсот миллионов и так далее, “в том же плачевном темпе, который имел место в Англии”.^[894] Мальтусу вряд ли нужно было возвращаться к Путешествиям, поскольку сам Янг признавался в своих более поздних работах, что его план неприменим к крупным городам, и хотя он все еще придерживался права, он признавал, что его вера должна быть без дел; другими словами, он утверждал, что имеет право быть непоследовательным. Но он продолжал подвергать сомнению аксиому Мальтуса о том, что того, чего не может быть, быть не должно; и он думает, что, если мужчина женится, не имея средств для содержания семьи, он может справедливо обвинять общество в том, что оно не предоставляет ему средств. Он также утверждает, что Мальтус для успеха своего плана предполагает совершенное целомудрие у незамужних. Мальтус на самом деле исходил только из того, что зло, которое в среднем в цивилизованной стране сопутствует разумному сдерживанию, меньше, чем зло преждевременной смертности и других невзгод, связанных с противоположным курсом; он заявляет, что он не против, а за схемы, улучшающие положение бедных даже в ограниченных масштабах; и он только просит, чтобы каждая такая

схема проверялась не ее первым успехом, поскольку вряд ли какая-либо схема такого рода поначалу оказывается неудачной, а ее воздействием на новое поколение.^[895]

Этот тест может быть применен к схемам, подобным Оуэновской, и более поздним, построенным на той же модели. Мальтус, возможно, слишком безапелляционно обращается с ними. Говоря о системе Оуэна об общности труда и благ и о плане Спенса о местных партнерствах на земле^[896] (“единственное средство от бедствий и угнетения народа”, чтобы земля стала “народной фермой”), он отвечает, что есть два “решающих аргумента против систем равенства”: во—первых, неспособность государства обеспечить равенство. равенство обеспечивает достаточные мотивы для приложения усилий при отсутствии стимула необходимости, и, во-вторых, тенденция населения увеличиваться быстрее, чем средства к существованию. В ответ следует сказать, что мог бы существовать социализм без коммунизма; мог бы даже существовать коммунизм без абсолютного равенства, такого, которое ставило бы праздных и трудолюбивых на одну доску; могло бы иметь место сближение социальных крайностей, сближающих бедных и богатых и дающих первым не более слабые, а более сильные мотивы для усилий; наконец, вовсе не немыслимо, что по крайней мере половина этого результата могла бы быть достигнута, как того желал Годвин, действиями самих богатых, что означает также, что Мальтус желал, ибо это произошло бы от более сильного воздействия. сильное чувство личного долга. Нельзя отрицать, что Мальтус, используя рассматриваемый аргумент, по-видимому, забывает о своем собственном признании, что побуждение необходимости не действует должным образом ни на низшие, ни на высшие классы.^[897] Более того, он допускает, что были случаи, *например*, среди моравских общин, где промышленность и сообщество товаров существовали бок о бок. “Можно сказать, что, допуская, что стимул неравенства условий был необходим для того, чтобы поднять человека от лени и апатии дикаря к активности и интеллекту цивилизованной жизни, из этого не следует, что продолжение того же стимула должно быть необходимым после того, как эта активность и энергия ума однажды были достигнуты”.^[898]

Второй из его аргументов против Оуэна, конечно, является более убедительным и характерным. Как мы видели, включение моральных ограничений в число проверок населения не лишает его смысла. Против него выдвигались аргументы, что его собственный идеал общества, в котором повсеместно преобладают моральные ограничения, включал бы именно то, что необходимо для того, чтобы сделать такие системы, как Годвин и Оуэн, постоянно возможными.^[899] В замечании о том, что по мере того, как в мире преобладает нравственная сдержанность, Мальтус приближается к Годвину, чувствуется некая убедительность. Но Мальтус считает, что равенство и общность уничтожили бы мотив для моральных ограничений. Страсти все еще присутствовали бы, и ни один человек не оказался бы в положении, когда казалось бы, что есть какая-либо необходимость их сдерживать; сдерживание было бы в интересах всего общества, но не самого индивида, поскольку последствия должен был нести не он сам, а все общество. Несомненно, благо всего общества должно быть достаточной причиной; но сейчас это было бы так для очень немногих людей; и, если бы тогда этого не было у всех людей, результатом было бы увеличение численности населения с результатами, описанными Мальтусом. Оуэн осознает это и предлагает искусственные ограничения, позволяющие мужчинам удовлетворять желание без обычных последствий и без каких-либо усилий воли. Мальтус, с другой стороны, переложил бы всю ответственность и бремя на индивида, что, по его мнению, невозможно сделать, не предоставив индивиду его частную собственность.^[900] У Мальтуса нельзя найти дальнейшего оправдания вещей такими, какие они есть; и, будучи столь далекими от реакционности, его

принципы (со всеми их оговорками) были, вероятно, самым передовым индивидуализмом, который когда-либо проповедовался в наши дни. Они приняты с учетом фактов, которые в наши дни вновь ярко предстали перед общественным сознанием писателями, которые для нашего поколения являются тем же, чем были Годвин, Спенс и Оуэн для их поколения.

Мальтус, похоже, верит вместе с Дугалдом Стюартом, что утопические схемы подобны мелодиям шарманки, повторяющимся с печальными интервалами из века в век с ужасающей повторяемостью.^[901] Но, если само общество не пойдет по кругу, утопии будут похожи друг на друга не больше и не меньше, чем общественные состояния, которые они заменят. Поэтому наших собственных социалистов вряд ли можно отвергнуть одним росчерком пера, который ставит их в один ряд с людьми, столь странно непохожими на них и друг на друга, как Платон, Болл, Мор, сторонники Пятой монархии, Левеллеры, Годвин, Спенс и Оуэн. Мальтус, на самом деле, не отвергает их таким образом. Помимо того, что он выдвигает свой собственный аргумент, он анализирует попытку Оуэна разобраться с этим.^[902]

Со времен Мальтуса каждая полная реформа так или иначе сталкивалась с вопросом, который он рассматривал; но он мало что оставлял другим для решения. Из двух наиболее выдающихся схем переустройства общества наших дней одна, предложенная мистером Генри Джорджем, предполагает бессознательное обращение к старому оружию Годвина, Сэдлера и других противников Мальтуса; в "Прогрессе и бедности" нет ни одного аргумента, которого нельзя было бы найти у этих авторов. Гипотеза о "фиксированном количестве человеческой жизни на земле" (изд. 1881, стр. 97) вряд ли является аргументом. Это можно сравнить с тем, что утверждает Сент-Дж. Майварт^[903], что является основой дарвинизма. "Каждому индивидууму приходится вести очень суровую борьбу за существование из-за тенденции к геометрическому увеличению всех видов животных и растений, в то время как общая популяция животных и растений (за исключением человека и его посредничества) остается почти неизменной". Причина, по которой мистер Майварт исключает человека, по-видимому, совпадает с причиной, по которой мистер Джордж включил его. Более прямые аргументы последнего против Мальтуса следующие: —во—первых, трудности в будущем (стр. 85); —во—вторых, Мальтус перекладывает ответственность с человека на Творца (стр. 87); —в-третьих, Мальтус оправдывает *статус-кво* и парирует требование реформ (стр. 88); —в-четвертых, Мальтус приписывает чрезмерный рост численности общей тенденции человеческой природы, в то время как на самом деле это связано с плохим состоянием наших институтов в старых странах, таких как Индия и Ирландия (стр. 101-114), или очень малая численность населения в Нью-Йорке (стр. 92); —в-пятых, Мальтус не проводит различия между тенденцией к увеличению и фактическим увеличением, и поэтому опровергается тем фактом, что мир еще не заселен (стр. 94). В-шестых, мы сказали, если бы был такой закон, как Мальтуса, он бы раньше и более широко признается (п. 98); —в том, что семьи часто вымерли (стр. 99), и это еще уверены, что у нас есть предки, чем то, что мы есть потомки;^[904] —отрасли, которые лучше бы держать больше населения (п. 107); —Мальтус говорит, что порок и страдание необходимо (п. 109); —Мальтус неслыханно, что овощей и животных, увеличивается быстрее, чем население (стр. 115), —или, что рост человека заключается в повышении его пищевой (п. 116), ибо разделение труда делает человека производить больше, чем он потребляет (стр. 126), так и наиболее густонаселенных стран всегда наиболее богатых (стр. 128); —Мальтус забывает, что мир велик (стр. 119), —и что тенденция к увеличению проверяется развития интеллекта,^[905] —и на повышение уровня комфорта (с. 121, 123); —он забывает о том, что "власть от населения, чтобы произвести необходимое для жизни не измеряется необходимым для жизни" он на самом деле производит, но на своих полномочий

для получения материальных благ и в любых формах (п. 127);—Мальтус не увидим, что двадцать человек, где природа прижимистых (Эл. г. на голой скале?) будет производить более чем в двадцать раз больше, чем может произвести один человек там, где природа изобильна (стр. 134); — и мальтузианская теория “приписывает нужду уменьшению производительной силы” (стр. 134); —наконец, Мальтус не знает “реального закона народонаселения”, который заключается в том, что “тенденция к увеличению, вместо того чтобы быть всегда равномерной, сильна там, где большее население обеспечивало бы больший комфорт, и где постоянству расы угрожает смертность, вызванная неблагоприятными условиями, но ослабевает по мере того, как становится возможным более высокое развитие личности и постоянство человеческого рода”. гонка обеспечена” (стр. 123). Что правильно в этом взгляде на реальный закон народонаселения, является общим для мистера Джорджа и мистера Герберта Спенсера;^[906] то, что неправильно, является общим для него и Годвина.^[907]

Взгляд Карла Маркса,^[908] пророка интернационала и современного экономического социализма, построен на гораздо более прочном фундаменте. Это следствие его взгляда на капитал. Общий закон накопления капитала в наши дни крупных мануфактур и машин предполагает не только постепенное увеличение количества капитала, что является всем, что рассматривал Адам Смит, но и качественное изменение соотношения между основным капиталом, таким как машины, и оборотным, который выплачивается в виде заработной платы. Используя слова автора, прогресс накопления влечет за собой относительное уменьшение переменной составляющей капитала и относительное увеличение его постоянной составляющей. Новое оборудование постоянно вытесняет рабочую силу без какой-либо реальной компенсации при возросшем спросе, либо сразу, либо в долгосрочной перспективе. Постоянный элемент увеличивается за счет переменного; и это может привести только к прогрессивному производству населения, которое по отношению к капиталу является избытком, перенаселением; причина, которая увеличивает чистый доход страны, в то же время делает население избыточным и ухудшает положение рабочего.^[909] Капиталисты не только не сожалеют о существовании этого избыточного класса, но и зависят от него,^[910] как от резерва своей армии. Они верят, что дешевая рабочая сила спасет их от депрессии, которая в наши дни (хотя никогда раньше) возникает с неизменной регулярностью после оживленной торговли и кризиса. Если бы у них не было постоянно свободных рабочих рук, они не сразу смогли бы воспользоваться счастливым моментом оживления спроса на их товары. “Мальтус со своими узкими взглядами понимает избыточное население как абсолютно избыточное само по себе, а не только по отношению к капиталу; но даже он признает, что перенаселение является необходимостью современной промышленности”.^[911] В доказательство этих утверждений он цитирует слова Мальтуса (Pol. Econ., изд. 1836, стр. 215,^[912] 319, 320): “Благоразумные привычки в отношении брака, распространенные в значительной степени среди трудящихся классов страны, зависящей в основном от производства и торговли, могут нанести ей вред”.... “Исходя из природы населения, увеличение числа рабочих не может быть привлечено на рынок вследствие определенного спроса до истечения шестнадцати или восемнадцати лет; и превращение дохода в капитал путем сбережений может происходить гораздо быстрее; страна всегда подвержена увеличению количества фондов для содержания рабочей силы быстрее, чем увеличению населения”.

На эти обвинения ответ заключается, во-первых, в том, что Мальтус всегда признавал, что перенаселение относительно, относительно реальной пищи;^[913] во-вторых, что он не признавал перенаселение необходимым; оно имело место на самом деле, но он верил, что, если рабочие

будут поступать так, как он от них хочет, оно исчезнет;^[914] — и, в-третьих, первое предложение, цитируемое Марксом из “Политической экономии”, объясняется вторым, которое он не цитирует: “В стране с плодородной землей такие привычки были бы величайшим из всех мыслимых благ”. Мальтус сравнивает коммерческие страны с сельскохозяйственными, не высказываясь по общему вопросу заработной платы; и другие отрывки из его трудов^[915] показывают, что он рассматривал высокую заработную плату, являющуюся результатом благоразумных привычек, как общественное благо, более чем компенсирующее потерю прибыли капиталистами. Даже сам Маркс неохотно допускает, что Мальтус был более гуманным, чем Рикардо, в отношении желательных для рабочих часов.^[916] В-четвертых, во второй половине цитаты (начинающейся со слов “Из-за природы населения”) сначала указывается очевидный факт, на который мог бы указать ребенок, а затем спорное утверждение, которое предсказывает не перенаселение, а обратное ему.

Маркс стремится продемонстрировать безнадежность положения рабочего; и он слишком проникновенен, чтобы не понимать, что его демонстрация была бы серьезно ослаблена, если бы он признал истинность мальтузианской доктрины и малую возможность принятия рабочими благоразумных привычек. В этом истинная причина его ожесточенных нападок на Эссе. Он говорит об этом:^[917] “Когда я говорю, что работа Идена о бедных была единственным важным произведением ученика Адама Смита в восемнадцатом веке, мне, возможно, вспоминается эссе Мальтуса. Но эта книга в ее первоначальном виде (а более поздние издания не содержали ничего, кроме добавления и адаптации заимствованных материалов) - не что иное, как плагиат сэра Джеймса Стюарта, Таунсенда, Франклина, Уоллеса, полный школьнической поверхностности и канцелярской декламации, и не содержащий ни одного оригинального предложения. Кстати, хотя Мальтус был священнослужителем Англиканской церкви, он дал монашескую клятву безбрачия[!], поскольку это одно из условий получения стипендии в протестантском университете Кембриджа. ‘Socios collegiorum maritos esse non permittimus, sed statim postquam quis uxorem duxerit, socius collegii desinat esse’ (Reports of Cambridge University Commission, p. 172). Этим обстоятельством Мальтус выгодно отличается от других протестантских священнослужителей, которые отвергли католическое правило безбрачия....^[918] За исключением Ортеса^[919] Венецианский монах, оригинальный и умный писатель, большинство писателей по населению - протестантские священнослужители”, - продолжает он. , к тем временам, когда все политические экономисты были философами. Маркс принимает^[920] распространенное мнение о том, что Мальтус, будучи священнослужителем, был рабом торизма и правящих классов и, следовательно, готов принять принцип, который приписывал перенаселение вечным законам природы, а не историческим законам (также естественным) капиталистического производства. Маркс не видит, что “вечные законы”, о которых идет речь, не ведут к перенаселению, за исключением случаев, когда пренебрегают заповедями Мальтуса; и никогда не показывает, как, помимо этих заповедей, можно предотвратить перенаселение в самом обновленном обществе, которое национализировало не только землю, но и все орудия производства. Изменятся ли привычки людей настолько в результате этого удара национализации, что не будет ощущаться отсутствие обычных коммерческих мотивов?^[921] Разве тысячелетие социалистов, как и тысячелетие христиан, не предполагало бы самого масштабного религиозного обращения для его первого появления, не говоря уже о его продолжении? Производительная кооперация, зависящая от спонтанных действий рабочих по ее созданию и от их интеллекта и осмотристельности в отношении ее успеха, более уверенно национализировала бы капитал; и это не сделало бы невозможным постулат социализма,

согласно которому бесстрастное бескорыстие, которое в наши дни проявляет не один из ста тысяч, сразу же станет неизменным ежедневным правилом для всех без исключения. Но сотрудничество, если оно пренебрегает Мальтусом, обнаружит, что его работа не только выполнена, но и отменена.

Можно подумать, что действуют причины, которые устранят перенаселение среди рабочих классов даже при нынешней системе разделения капитала и труда. Это доктрина “более тонкого ума”, основанная на поразительных биологических аналогиях, согласно которой общее развитие интеллекта в расе ослабит страсть к браку и заменит необходимость в каких—либо ограничениях в нем;^[922] — использование энергий концентрации или “индивидуации” развивает эти энергии за счет энергии распространения или “генезиса”; — использование энергии концентрации или “индивидуализации” развивает эти энергии за счет энергии распространения или “генезиса”. индивид становится сильным сам по себе, за счет своей способности создавать новых индивидуумов. Совершенно независимо от того неприятного факта, что этот принцип больше всего ослабил бы давление в тех классах, где в настоящее время в этом меньше всего нуждаются, и меньше всего там, где это наиболее необходимо, Мальтус, вероятно, указал бы, во-первых, что до тех пор, пока аппетит не будет полностью подавлен, никакая физиологическая сдержка не сможет заменить некоторый контроль воли над страстью, — и, во-вторых, что интеллектуальное развитие с большей вероятностью сдержит население, заставляя людей осознанно относиться к своим обязанностям и укрепляя их способность сдерживать, чем ослабляя страсть, которую нужно сдерживать. Из всех людей тот, кто излагает эту теорию, менее всего склонен учить людей тому, что они могут стать цивилизованными благодаря прогрессу своей расы, не утруждая себя индивидуальной цивилизацией. Но его теория допускает неправильное применение; и, если те, кто применяет ее неправильно, скажут, что мы должны говорить правду, не опасаясь последствий, мы должны ответить, что в этом случае последствия являются частью правды. С другой стороны, теоретикам вроде У. Р. Грега, которые предполагают неизвестные физиологические законы, которые могут действовать как спонтанная проверка, Мальтус ответил бы, как Кондорсе:^[923]

“О чем мы можем рассуждать, кроме как исходя из того, что мы знаем?”

Этот краткий обзор типичных критиков и комментаторов может быть дополнен классификацией первых, которая, помимо прочих преимуществ, позволит взглянуть с высоты птичьего полета на основные обсуждаемые моменты. Эмпсон классифицировал противников Мальтуса по их мотивам,^[924] процедура, вряд ли справедливая ни по отношению к ним, ни к самому эссе. Это несправедливо по отношению к ним, потому что, как правило, критики апеллируют к аргументам, и их следует судить по тому, что они приводят, а не по их доброй или недоброй воле, мудрости или безрассудству при их приведении; и несправедливо по отношению к эссе, потому что немногие книги так многим обязаны своим рецензентам.

Позиции критиков можно классифицировать следующим образом:—

I. Некоторые говорят, что доктрина эссе - это прописная истина.^[925]

II. Другие признают, что на это нет ответа, но сохраняют философскую веру в будущее открытие какого-нибудь противоположного принципа.^[926]

III. Другие придираются к деталям доктрины либо (а) в отношении коэффициентов прироста, утверждая, что доказана не тенденция к геометрическому увеличению населения, а нечто гораздо менее быстрое, даже (некоторые говорят) уменьшающееся соотношение,^[927] — и что доказано не простое арифметическое увеличение продовольствия, а нечто гораздо более быстрое,^[928] — или (b) в отношении проверок населения, утверждающих, что никаких проверок не требуется,^[929] — порок и нищета иногда увеличивают численность населения вместо проверки это,^[930] — что включение моральных ограничений сводит на нет первоначальную доктрину,^[931] — что моральные ограничения иногда сопряжены с таким большим злом, как чрезмерное количество, как со стороны личная практика этого и проповедь этого другим,^[932] — что важные проверки были опущены, главной из которых является неправильное управление,^[933] плохие законы,^[934] high feeding,^[935] intellectual development,⁹³⁶ Герберт Спенсер. См. Выше, стр. 393. У. Р. Грег, "Загадки". Выше, стр. 394.

и имена Оуэна.^[937]

Кроме того, существует *априорная* критика, которая является либо (I.) церковной,^[938] утверждающей, что Мальтус противоречит Библии или какому-либо другому авторитету, — (II.) теологической,^[939] что он отрицает Провидение, - или (III.) доктринер,^[940] что он отрицает естественные права и предустановленную гармонию моральных и экономических законов, а также инстинкт равенства, — или (IV.) этический и популярный,^[941] что он противоречит моральному чувству и естественной доброжелательности людей и космополитической морали. Эти аргументы уже рассматривались. Четвертый из них в своей последней части имеет видимость истины, потому что Мальтус, безусловно, выступал не столько за космополитизм, сколько за семейные и гражданские добродетели. Он хочет заложить прочный фундамент и оставить строительство другим. Космополитическая мораль редко может быть основой. В Империи христианство, возможно, возвысило людей, а стоицизм - философов, до более широкой морали без обучения более узким, так что новообращенные становились лучшими членами своих собственных маленьких общин, становясь членами содружества святых и гражданами большого мира. Но Мальтусу кажется, что в современном мире многие условия устойчивого морального прогресса лучше всего обеспечиваются, если домашние и гражданские добродетели предшествуют космополитическим. Мы должны издавать законы не для мира героев, а для людей, какими мы их знаем; и комфортная семейная жизнь (βίος τέλειος) должна быть обычным путем к добру в обществе обычных людей. Если бы бедность не была злом, грубость не была бы пороком. Но крайняя бедность^[942] является реальным препятствием на пути к добру. В очевидных исключениях, таких как в добровольной бедности святого Франциска, отсутствует величайшее зло, ибо там нет борьбы за чистую жизнь. Прекратить эту борьбу и помочь людям обрести утешение - значит в какой-то степени помочь людям обрести добро; и это была цель, ради которой трудился Мальтус. Самый верный и надежный способ достичь этого, как он считал, заключался в том, чтобы внушить каждому человеку сильное чувство его ответственности за свои поступки и его власти над собственной судьбой. Чтобы реформировать нацию, мы должны реформировать ее членов, которые, если поначалу они добры, несмотря на свои институты, в конце концов приведут свои институты в соответствие с образцом своей собственной добродетели. Считать людей созданиями общества и возлагать на общество ответственность за их характер было, по его мнению, ошибкой в отношении

естественного порядка вещей. Общество может ощущать свою ответственность только в отдельных своих членах; и ни один его член не может освободить свою собственную душу чистотой коллективной или репрезентативной совести.

Таким образом, доктрина Мальтуса - это сильный призыв к личной ответственности. Он хотел сделать людей сильными волей, подчинить их животные желания их представлению о личном благе и личной доброте, которые, как он верил, никогда не смогут не перерасти в общее благо и благодать для всех. Вера во всемогущество внешних обстоятельств и бессилие человеческой воли изменить их или человеческий характер может вывести Мальтуса за рамки сочувствия. Но проникнуться умом Мальтуса и понять его работу могут все, кто знает тяжесть борьбы между плотью и духом и все же верит в силу идей, способных изменить жизнь людей, и верит не только в строгость законов природы, но и в способность человека покорить природу, повинуюсь ей.

КНИГА V. БИОГРАФИЯ.

Происхождение—Раннее образование—Грейвс и Уэйкфилд—Курс в Кембридже—Переписка с отцом—Перемены в учебе—*Кризис* и кураторство—Влияние эссе на его автора—Ранний и поздний стили—Жизнь с 1799 по 1834 год—*Неблагодарная Родина?*—Ост—Индский колледж—Лекции профессора-Ик Жаке.

Те немногие факты, которые известны из жизни Мальтуса, подводят нас к нему ближе, чем мы можем найти в его трудах, и показывают нам, насколько хорошо в целом его прошлое и окружение подходили для его работы. Нашими главными источниками являются биографическое предисловие епископа Оттера ко второму изданию "Политической экономии" нашего автора, опубликованному посмертно в 1836 году, и заметка профессора Эмпсона об этой книге в "Эдинбург Ревью" за январь 1837 года.^[943] Оттер был товарищем Мальтуса по колледжу и другом на всю жизнь; Эмпсон был его коллегой по Хейлибери. Информация, которую они нам предоставляют, хотя и скудная, заслуживает доверия; и, к счастью, ее можно дополнить намеками из других источников.

Его отец, Дэниел Мальтус, родился в 1730 году и поступил в Королевский колледж в Оксфорде в 1747 году,^[944] год, когда Адам Смит вернулся домой из Баллиола в Шотландию. Он остался без ученой степени не из-за Статей, поскольку подписал их при поступлении в вуз,^[945] или из-за бедности доктора Джонсона, поскольку он был джентльменом-простолюдином, но, вероятно, из-за презрения к самому отличию.^[946] Его ум был активным и открытым, и, похоже, у него завязались дружеские отношения с литераторами, которые впоследствии сослужили хорошую службу его сыну. Ему нравилось оставаться в Оксфорде на каникулах, усердно заниматься своими делами по-своему и не видеться ни с кем, кроме избранных друзей. Позже он писал своему сыну: "Раньше я считал Оксфорд не менее приятным и, конечно, не менее полезным из-за того, что часть его общества была отдана ему; я полагаю, вы скажете то же самое о Кембридже".^[947] По окончании университета он женился и уехал жить в Суррей, в тихий

загородный дом по дороге из Доркинга в Гилфорд, все еще известный под своим старым названием "Лежбище". О его старшем сыне, который взял фамилию своего деда Сайденхэм,^[948] мы мало что знаем, за исключением того, что в свое время он женился, и у него родились двое сыновей, Сайденхэм и Чарльз, и дочь Мэри. Мэри умерла незамужней в 1881 году на восемьдесят втором году жизни, Чарльз - в 1821 году на пятнадцатом, их отец - в 1821 году на шестьдесят восьмом. Сиденхэм, племянник нашего автора, умерший в 1869 году, был владельцем Далтон-Хилла, Олбери, где до недавнего времени все еще жили члены его семьи; его сын, лейтенант-полковник. Сиденхэм Мальтус, к.Б.н., из 94-го полка, несколько лет назад отличился на зулусской войне.

Второй сын Дэниела, Томас Роберт, более известный как Роберт, родился в Rookery 14 февраля 1766 года, в тот год, когда Руссо приехал в Англию. Его мать, по-видимому, умерла раньше своего мужа; она не упоминается в наших скудных биографиях.^[949] Его отец, увлеченный учением эмиля и ни в коей мере не предубежденный своим оксфордским опытом в пользу обычного традиционного обучения английской молодежи, похоже, не отправлял своих сыновей ни в какую государственную школу и, по всей вероятности, воспитывал их дома под собственным присмотром в течение первых восьми или девяти лет их жизни. Таким образом, мы можем думать о Роберте как о том, что он провел свое детство без лишений, хотя и без роскоши, в доме английского сельского джентльмена среднего достатка, который был предан книгам и ботанике, философствованию у камина и на склонах холмов,^[950] и благоустройству своего дома и участка, — человек, полный жизни и оригинальности, одаренный крепким здоровьем, участвовавший в прогулках и играх своих мальчиков.^[951] В своей тихой маленькой долине Даниэлю Мальтусу было легко представить себе Тысячелетний Зал будущего, уготованный для всех остальных, по типу его собственного Лежбища, с перерывами не хуже, чем у грачей, которые каждую ночь каркают на холме над ним. Из описания его сына^[952] и его собственных писем мы заключаем, что он был одним из лучших представителей рода Просвещенных последователей Природы. Он лично знал Руссо и стал его душеприказчиком;^[953] но они были схожи по взглядам, чем по характеру; Даниэль Мальтус обладал более глубоким почтением и большей склонностью применять теорию на практике.^[954] Соседи считали его дружелюбным и умным человеком, который был украшением своего прихода, но явно эксцентричным, поскольку у него было мало друзей и он больше всего любил компанию своих детей.^[955] Он превосходил своих коллег во французской и немецкой литературе, иначе ему вряд ли приписали бы перевод Поля и Виржини, Эссе Д'Эрменонвиля о пейзаже и "Горестей Вертера". У нас есть авторитет Роберта, утверждающего, что, хотя он не делал переводов, он написал много произведений, которые были очень успешными, но всегда анонимными.^[956] Обладая большим талантом своего сына, он не обладал способностью, как его сын, к постоянным интеллектуальным усилиям.

Он рано понял, что мальчик подает надежды, и дал ему образование, которое главный биограф Роберта называет нерегулярным и бессистемным, но в нем был метод. Он верил, что сыновья всегда остаются такими же, какими были их отцы в их возрасте, с теми же недостатками и добродетелями; и люди, чье влияние было бы наилучшим для него самого, были бы, по его мнению, лучшими учителями для Роберта. В то же время он, как и "Эмиль", верил, что своего *роданевмешательство* было лучшей политикой в воспитании детей; им следует предоставить расти и использовать свои собственные глаза, руки и голову для себя. Соответственно, в возрасте девяти или десяти лет, скажем, в 1776 году, Роберта передали мистеру Ричарду Грейвсу, настоятелю Клевертона, недалеко от Бата, для обучения немногому, кроме латыни и

хорошего поведения, вместе с несколькими другими мальчиками, большинство из которых были старше его. Грейвс, который был старше Дэниела на несколько лет, был близок с поэтом Шенстоуном в Пембрук-колледже в Оксфорде, “обществе, которое на протяжении полувека” (по частичному свидетельству Джонсона) “занимало видное место в области английской поэзии и изящной литературы”. Из его романа “Духовный Дон кихот, или Летние прогулки мистера Джеффри Уайлдгуса”,^[957] нам не следует считать его лучшим наставником для простодушной молодежи. Книга представляет собой грубую и оскорбительную сатиру на Уитфилда и Уэсли;^[958] и показывает, что Грейвс как священнослужитель больше похож на Лоуренса Стерна, чем на доктора Примроуз. Однако “дон Роберто”, как наставник прозвал своего ученика, больше любил веселье и драки, чем свои книги, и в зрелом десятилетнем возрасте вряд ли беспокоился о вселенной или о церковной последовательности. От Грейвса он передал^[959] в руки гораздо лучшего человека, Гилберта Уэйкфилда, священника, который восстал против Статей, стал диссидентом и стал классическим магистром академии в Уоррингтоне, основанной в 1779 году “для проведения курса гуманитарного образования для сыновей диссидентов, и особенно для несогласных министров”.^[960] Около трети мальчиков в Академии Уоррингтона были сыновьями членов Англиканской церкви, которые, подобно Дэниелу Мальтусу, придерживались либеральных взглядов и хотели, чтобы их сыновья были такими же. Уэйкфилд придерживался определенных взглядов на образование, и они во многом совпадали с взглядами Дэниела и Эмиля. “Величайшая услуга обучения,” сказал он, “для любого юноши состоит в том, чтобы научить его использовать свои собственные силы, вести его к вершине знания посредством того постепенного процесса, в ходе которого он видит и обеспечивает свой собственный путь и радуется сознанию своих собственных способностей и собственного мастерства. Можно ожидать, что только щенки и ученые будут сформированы любым другим процессом”.^[961] Лучшая услуга репетитора - указывать ученику на лучших авторов и давать ему советы (не лекции), когда он этого хочет. По мнению Уэйкфилда, в этом было не только мудрость, но и самоотречение, поскольку по крайней мере в одном случае ученик продемонстрировал свое мастерство, отступив от мнения своего наставника.

Уэйкфилд, сам последователь Иисуса,^[962] обеспечил Мальтусу поступление в этот колледж и руководил его учебой, пока он не поступил туда в качестве пенсионера (или обычного простолюдина) 17 декабря 1784 года, начав жить в 1785 году.^[963] Роберт высоко ценил его. Он описал его двадцать лет спустя^[964] как человека “строжайшей и непреклоннейшей честности”, который отказался не только от перспектив повышения, но даже от возможностей быть полезным, вместо того, чтобы отрицать правду и оскорблять свою совесть, — человека горячего и невоздержанного в публичных спорах,^[965] но скромный и добродушный в обществе, никогда не выдвигает своих мнений, пока их не оспорят, и не пытается обратить в свою веру, но призывает других к независимому изучению фактов, — наконец, гений, стесненный собственной образованностью и хорошей памятью, никогда не тратящий время и усилия на то, чтобы отдать должное самому себе в своих трудах. Хотя Уэйкфилд был противником “тридцати девяти статей”, он твердо верил в христианство и атаковал “Век разума” Пейна в грубом стиле, который сильно контрастирует с трезвыми замечаниями Мальтуса о правах человека Пейна.

Таким образом, до 1785 года его отец и Уэйкфилд принимали наибольшее участие в образовании Мальтуса; и их влияние проявлялось в том самом факте, что мнения Мальтуса не были ими закреплены. Его мнение должно было формироваться им самим; и, так и не узнав о стремлении школьника к призовым местам,^[966] он находил время в колледже не только для того, что могло дать ему лучшую степень, но и для каждого исследования, которое его интересовало,

особенно для истории, поэзии и современных языков, как в последние годы для итальянской литературы. Френд, автор политического трактата "Мир и союз", который принес ему честь судебного преследования,^[967] был его преподавателем в колледже и высоко отзывался о нем.^[968] О его математических способностях многое говорит тот факт, что, несмотря на свою обширную начитанность, он занял девятое место среди исследователей своего 1788 года. Если бы он ограничивал себя, как предполагал его отец, проторенной дорожкой, он мог бы, подобно Пейли, достичь высокого положения в обществе.^[969] После поездки он предложил учиться в Кембридже и дома по своему собственному плану. Его отец, основываясь на ложной аналогии с его собственным опытом, предостерегал его от абстрактного изучения научных и математических принципов в отрыве от их приложений; он не должен "делать причудливые стежки на куске тряпки"; он должен стать практическим геодезистом, механиком и навигатором. Сын ответил, что после поездки будет достаточно времени для подачи заявок, а за три года осталось совсем мало времени для изучения принципов. Но после этого: "если вы позволите мне следовать моим собственным планам чтения в течение следующих двух лет (я говорю, подчиняясь вашему суждению), я обещаю вам по истечении этого срока стать достойным натурфилософом и не только знать несколько принципов, но и уметь применять эти принципы в различных полезных задачах".^[970] На самом деле, он был далек от склонности своего отца к абстрактным рассуждениям, скорее (как он сам говорит) "был замечен в колледже за разговоры о том, что действительно существует в природе или может быть использовано на практике".^[971]

Хотя сын лучше всех справился с этим личным противоречием, ему было бы лучше ответить на письма отца в том духе, в котором они были написаны; по крайней мере, в одном случае его отец жалуется, что Роберт "загнал его обратно в себя". Но это было редкостью. Его отец описывает его как замечательного компаньона, отзывчивого и щедрого, с которым всем было легко и с ним забавлялись.^[972] Дома он был любимцем. Когда семья перебиралась с Лежбища в Доркинге в коттедж^[973] в Олбери в 1787 году ему сказали: "Ты должен найти дорогу к нам по кирпичам и черепице и встретиться с пятью в постели и некоторыми из нас под живой изгородью, но все говорят, что освободят место для Роберта". Именно горячее сердце Роберта побудило его посвятить эти годы досуга после поездки исследованиям, которые сильно отличались от тех, которые он планировал вначале. Социальные проблемы боролись за его внимание с научными.

В 1797 году он получил степень магистра. В том же году он получил стипендию в своем колледже; написал, но, по совету отца, не напечатал "Кризис";^[974] и принял пост викария недалеко от Олбери. Если Кризис больше ничего не сделал, он показал, как внимание человека сосредоточивалось на предметах, которые занимали его в течение жизни, и как его характер менялся от веселого к серьезному. Читателю более позднего Эссе или "Политической экономии" трудно представить, что автор мог когда-либо быть очень веселым сердцем или легким на ощупь; и еще большая дистанция существует между драчливым доном Роберто, который никогда долго не обходился без синяка под глазом, и серьезным и нежным хозяином мисс Мартино в Ост-Индском колледже. Разница в стиле между его ранними работами и более поздними была вызвана реальной переменой в характере, вызванной сосредоточенностью его мыслей на проблеме бедности. Успех первого эссе о народонаселении^[975] закрепил за ним работу всей его жизни. Он должен был ясно показать миру одну забытую истину; и он полностью посвятил себя ей, продвигая свои запросы не только путем изучения авторитетных источников и фактов дома,^[976] но и по своей собственной^[977] и^[978] путешествия, а также беседы и переписка со всеми, кто мог что-либо дать ему на конференции.^[979] Он пожертвовал этому, к счастью или к

несчастьем, своей юношеской жизнерадостностью и свежестью стиля, хотя в размышлениях его мнения переходили от пессимизма к умеренному оптимизму, и он никогда не был слишком стар душой, чтобы забыть о недостатках.

В его зрелых произведениях композиция менее ошибочна, чем дикция, которая, безусловно, слишком джонсонианская. Композиция немного лаконична и часто расплывчата, но смысл каждого предложения всегда ясен, а при экономном написании это первое из достоинств. В произведении воображения мы можем желать, чтобы в каждое предложение было вложено наибольшее количество величайших идей; но научный трактат чаще всего посвящен единственной истине в ее полном развитии; и постоянное повторение одних и тех же фраз в различных связях неизбежно, пропорционально тщательности обсуждения. Большое разнообразие языка либо подразумевало бы у автора, либо вызвало бы у читателя некоторую путаницу в мыслях. Поэтому неудивительно, что Мальтус говорит по существу одно и то же почти одними и теми же словами, независимо от того, излагает ли он свои взгляды на народонаселение непосредственно в книге по этому предмету, или помещает их в экономическом контексте в книге по политической экономии, или случайно затрагивает их в брошюре о хлебном законе или ежеквартальной статье, или отвечает на вопросы о них перед Комитетом Палаты Общин. Его изобилие метафор в первом эссе^[980] просто привело к непониманию; и он сознательно отказался от прекрасного письма ради высокого мышления, нынешней популярности ради постоянной полезности.^[981]

Первое эссе стало поворотным моментом в его литературной жизни. За исключением брошюр о колледже Хейлибери, все его более поздние работы носят экономический характер. Его личная история, не богатая событиями, была, как и времена скучных летописей, предположительно счастливой. Прекрасный его портрет работы Линнелла,^[982] сделанный в его преклонном возрасте, производит приятное впечатление не только мягкости и твердости, но и безмятежного удовлетворения, без каких-либо следов физических страданий или физических дефектов, хотя несомненно, что последнее у него было.^[983] Лично он был высок и “элегантно сложен”.^[984] 1799 год - год его первого континентального путешествия.^[985] В январе 1800 года его отец умер в возрасте семидесяти лет. В том же году появился трактат о высоких ценах на провизию. В 1802 году Мальтус снова был на Континенте.^[986] В июне 1803 года он опубликовал второе (или кварто) эссе, которое, судя по отрывку из "Путешествий" Эдварда Кларка, давно ожидалось его друзьями. “Мне жаль, ” пишет ему Кларк из Константинополя 16 марта 1802 года, “ что вы признаетесь в нарушении своего долга, не написав книгу. Но вы работали в прессе, потому что я слышал во Дворце, что вы опубликовали новое издание своего "Населения", и, более того, еще в прошлом году меня там заверили, что вы написали работу о нехватке зерна. Как это согласуется с вашим заявлением? Возможно, это брошюра и, следовательно, строго не ”книга”. ”^[987]

Не исключено, что Кларк услышал этот слух от лорда Эджина, а лорд Эджин - от самого Питта, поскольку Питт посетил Кембридж накануне отпуска после заключения Амьенского мира. 16 декабря 1801 года он присутствовал на торжественном обеде в зале Тринити-колледжа.^[988] Визит описан Оттером:^[989] “Случилось так, что мистер Питт в это время находился в университете с чем-то вроде ознакомительного визита.... За ужином в Хесус Лодж в компании нескольких молодых путешественников, особенно мистера Мальтуса и др., его побудили раскрепоститься в очень непринужденной беседе о сэре Сиднее Смите, резне в Яффо, паше Акко, Кларке, Карлайле,^[990] и т.д.” Хотя разговор шел в основном о поэзии и внешней политике,

его легко можно было понять. увлекся экономикой; и личная встреча, возможно, помогла Мальтусу добиться назначения на должность профессора истории и политической экономии в колледже Хейлибери. С Питтом или без него, назначение было назначено в 1805 году; и ввиду этого Мальтус смог заключить 13 марта 1804 года свой брак с Харриет Экерсолл (дочерью Джона Экерсолла из Клэвертон-Хауса, Сент-Кэтрин, недалеко от Бата), с которой он, вероятно, был помолвлен несколько лет.^[991] В 1806 году он опубликовал третье издание эссе (в двух томах), в 1807 году - четвертое издание, а также письмо Сэмюэлю Уайтбриду по поводу его законопроекта о внесении поправок в законы о бедных. Если это правда, что он навещал Оуэна в Нью-Ланарке, то это должно было произойти в течение следующих семи лет.^[992] В то время его пером не было подписано ничего, кроме письма лорду Гренвиллу в защиту Ост-Индского колледжа;^[993] но в 1814 и 1815 годах он написал Замечания о хлебных законах, обоснованиях мнения о политике ограничения импорта, а также о характере и динамике арендной платы. В 1807 году он был с Хорнером в Уэльсе, впечатлив Хорнера, когда они вместе ехали из Раглана в Абергавенни, своей идеей о том, что люди должны “жить дорого”;^[994] а в 1817 году он посетил Керри и Уэстмит. В том же 1817 году он опубликовал пятое издание своего эссе. 1818 год запомнится ему как год, когда Макинтош присоединился к нему в Хейлибери в качестве профессора общей политики и права вместо мистера Кристиана. В 1819 году Мальтус становится членом Королевского общества, хотя эта честь не соблазнила его вернуться к физическим наукам.^[995] В 1820 году появилось первое издание "Политической экономии". В 1821 году Томас Тук, автор книги "Высокие и низкие цены", основал клуб политической экономии "Джеймс Милль разработал правила". Мальтус, Гроте и Рикардо были среди его членов; и говорят, что выжившие хорошо помнят “сокрушительную критику” Джеймсом Миллем речей Мальтуса.^[996]

1823 год - это год публикации трактата о мере стоимости и Ежеквартальной статьи о Туке; 1824 год - статьи о населении в Приложении к Британской энциклопедии и статьи о новой политической экономии в Quarterly Review.^[997] В 1825 году он потерял дочь и отправился за своим здоровьем и здоровьем своей жены на Континент. В том же году он опубликовал свою первую статью в Королевском литературном обществе, членом которого он стал два года назад; и в том же году Эмпсон занял место Макинтоша в Хейлибери. В 1826 году вышло шестое издание этого эссе, последнее, опубликованное при его жизни. В 1827 году мы застаем его перед Эмиграционным комитетом, и из-под его пера выходят "Определения политической экономии", а вторая статья была передана Королевскому литературному обществу. В 1829 году между ним и У. Нассау-старшим были переданы письма, которые последний приложил к своим лекциям о народонаселении. В 1830 году он написал "Краткий обзор", который не потребовал никаких новых усилий. Действительно, все его время, по-видимому, было потрачено на пересмотр своей Политической экономии в свете его публичных и частных бесед с Рикардо, хотя сам он не дождался того, чтобы напечатать новое издание. Незадолго до своей смерти он сказал кому-то, кто упрекнул его в промедлении: “Мое мнение открыто для общественности. Если я должен что-то изменить, я могу сделать немногим больше, чем изменить язык, и я не знаю, следует ли мне изменять его к лучшему” (Эмпсон, *l. c.* стр. 472). Он был одним из первых членов Статистического общества, основанного в марте 1834 года, и его первый ежегодный отчет содержит высокую оценку ему и его работе; но он не дождался того, чтобы принимать активное участие в его работе. Он скоропостижно скончался от болезни сердца в понедельник, 29 декабря 1834 года, во время визита к мистеру Экерсоллу в собор Святой Екатерины, где проводил Рождество со своей женой и семьей. Он похоронен в церкви аббатства в Бате, в

северном приделе нефа. Из его троих детей двое пережили его, из которых одна, дочь, все еще жива.^[998]

Брозэм в письме Маквею Нейпиру (31 января 1837 г.) отрицает правдивость утверждения Эмпсона о том, что лорды Лэнсдаун и Холланд пытались добиться привилегии для Мальтуса, но потерпели неудачу; напротив, он сам, по его словам, предлагал Мальтусу средства к существованию, но Мальтус отказался от этого в пользу своего сына Генри,^[999] "кто получил это, и я полагаю, что теперь оно у него есть". Генри, однако, не становился викарием Эффингема (недалеко от Лезерхеда в Суррее) до 1835 года, через год после смерти своего отца, или Доннингтона (недалеко от Чичестера в Сассексе) до 1837 года, когда Браэм писал. Второе назначение могло быть вызвано упреками Эмпсона или влиянием Оттера. Генри умер в августе 1882 года в возрасте семидесяти шести лет. Поскольку в двух приходах он держал одновременно до четырех викариев, совокупное жалованье этих двоих, составляющее 672 фунта стерлингов, кажется небольшим доходом.^[1000] Его отец сам сказал Галлуа, французскому публицисту, в 1820 году, что все его работы до тех пор не приносили ему больше 1000 фунтов стерлингов. Галлуа, повторяя это поэту Муру, лукаво заметил, что в Англии поэзия, по-видимому, оплачивается лучше, чем полезное обучение.^[1001] Нет никаких оснований полагать, что Мальтус разбогател благодаря второму эссе,^[1002] или действительно благодаря чему-либо еще. Он выбрал неправильный путь, чтобы разбогатеть. Он, без сомнения, мог бы получить церковное преимущество, если бы стремился к нему, как Пейли. В конце своих дней, даже если бы он этого желал, он был слишком мягким сторонником, чтобы быть *персоной грата* у власти у виггов; он согласился с реформой 1832 года, но без энтузиазма,^[1003] проявляя более живой интерес к социальным, чем к политическим изменениям. Но мир, в конце концов, обошелся с ним по-доброму. После 1805 года мирского комфорта у него было достаточно; и он был полностью удовлетворен, поскольку у него были на то причины, своей участью в Ост-Индском колледже. Это дало ему почти тридцать лет досуга, который Годвин справедливо считал истинным богатством жизни.

У этого положения были свои заботы, поскольку колледж был образовательным экспериментом. Генерал-губернатор Уэлсли^[1004] предложил основать колледж в Форт-Уильяме, Калькутта, для общего образования государственных служащих Компании, а также их специального обучения восточным языкам. Он указал, что их функции, судебные, административные, дипломатические, теперь совершенно не походили на их имена писателя, фактора и торговца, и они нуждались в чем-то более высоком, чем коммерческая подготовка, которая была всем, что тогда от них требовалось. Директора Ост-Индской компании выполнили его пожелания настолько, что разрешили колледжу Форт-Уильям проводить углубленную подготовку по языкам; но они считали, что общее образование должно быть дано до того, как кадеты покинут Англию, и в конце 1805 года они приняли план создания с этой целью колледжа в Хейлибери, недалеко от Хартфорда. По их назначению, вместо того чтобы сразу отправиться в Индию, будущие государственные служащие Индии должны были провести два или три года в Хейлибери и получить *первое* общее образование на уровне Оксфорда и Кембриджа, а *второе* специальное образование, чтобы подготовить их к исполнению обязанностей в своей провинции.^[1005] Профессор "Истории и политической экономии" и профессор "Общей политики и законов Англии" считались дающими как общие, так и специальные виды подготовки. "Поскольку изучение права и политической экономии, - так гласит схема, - должно составлять существенную часть общей системы образования, потребуется, чтобы в лекциях по этим предметам особое внимание уделялось объяснению политических и коммерческих отношений,

существующих между Индией и Великобританией”.^[1006] От двух профессоров требовалось прочитать “(1) курс лекций по всеобщей истории и по истории и статистике современных народов Европы, (2) курс лекций по политической экономии, (3) курс лекций по общему устройству, законам Англии и принципам британской конституции”.^[1007] Другими предметами были классика, восточные языки, математика и естественная философия. Курс обучения в колледже длился, как правило, два года, каждый год состоял из двух семестров продолжительностью около пяти месяцев каждый (февраль - июнь, август). по декабрь); и были периодические экзамены, списки почетных гостей и призы. Возраст учеников варьировался от пятнадцати до двадцати двух лет, и каждый год к ним присоединялось около сорока человек. Мальтус редко посещал занятия старше двенадцати-четырнадцати лет, и все это на последнем курсе.^[1008]

Общая дисциплина в классах и наблюдение или отсутствие наблюдения за учениками в их отдельных комнатах были скорее по образцу нереформированного Оксфордского колледжа, чем государственной школы.^[1009] Чувство личной ответственности и привычки к самоуправлению должны были занять место страха школьника перед наказанием. К несчастью, прежде чем усвоить новые мотивы, мальчики слишком часто злоупотребляли отсутствием старых.^[1010]

Около половины профессоров были посвящены в духовные сани и несли службу в часовне колледжа. Если бы Мальтус занял свою очередь вместе с остальными, нам не нужно полагать, что его канцелярский биограф преувеличивал его должность. Его проповеди всегда были бы серьезными; возможно, они часто были бы слишком длинными. Его лекции по будням, если только он не придавал им больше сходства с первым эссе с его прекрасным написанием, чем с более поздними книгами с их простыми, неприкрашенными аргументами, не могли быть очень увлекательными для незрелых юношей, тем более что у лектора был небольшой дефект в речи.^[1011] Восемь лет преподавания убедили его, что политическая экономия не была, как он когда-то думал, слишком сложной для мальчиков шестнадцати-семнадцати лет; “они могли не только понять ее, - сказал он, - но они даже не считали ее скучной”.^[1012] Мы можем надеяться, что это было так; но, принимая во внимание весь случай, вполне вероятно, что труды нашего автора, в классе и вне его, были далеки от легких, и что приятность жизни была приобретена с большой долей дискомфорта.

Физическое окружение соответствовало всем желаниям. “Мы здесь такие сельские и тихие, что не может быть большего контраста [с Лондоном]. Этот дом находится в окружении высоких кустарников и молодых деревьев, с небольшим участком ровной лужайки, спускающейся к светлому пруду, в который макают свои волосы старые плакучие ивы, и рядами молодых грушевых деревьев, любующихся своими цветущими листочками. Действительно, никогда еще не было такого изобилия затеняющих, высоко висящих цветов, как вокруг нас; и почти все, как оказалось, такого чистого, серебристого, снежного, свадебного оттенка; и мы живем, подобно милой Гертруде Кэмпбелла, ‘как будто под галактикой нависающих сладостей с белыми цветами’. Здесь есть молодые конские каштаны с цветами в пол-ярда длиной, свежая белая сирень в пышных гроздьях, высокие калины, раскидистые груши и вишни, низкие заросли цветущего терна и скопления сочно выглядящих отдельных колючек, сплошь покрытых своими душистыми майскими цветами, наполовину раскрытых, как филигрань из слоновой кости, и наполовину сомкнутых, как индийский жемчуг, и все такое свежее и росистое после вчерашнего молочного ливня; и звенят соловьи, дрозды и жаворонки, пронзительно кричащие

высоко, над головой, среди ослепительно медленного неба. плывущие облака. Не говоря уже о том, что я знаю и чувствую столько, сколько можете знать вы с вашими Троссаками, Лох-Ломондсом и Инверарисом; но очень милый и весенний, и успокаивающий, и достаточно подходящий, чтобы стереть все воспоминания о жарком, кишашем, бурлящем и шумном Лондоне из всех добрых умов ”. ^[1013]

Не менее приятным является представление о повседневной жизни Хейлибери, данное мисс Мартино, которая видела ее в 1833 году. Мальтус считал ее одним из своих лучших толкователей; “в то время как его друзья причинили ему всевозможный вред, защищая его опрометчиво, мои рассказы представили его взгляды именно так, как он мог бы пожелать”; и он приложил все усилия, чтобы разыскать ее в Лондоне и привезти в колледж. ^[1014] “Это был восхитительный визит, и ухоженное графство Хертс стало долгожданным изменением по сравнению с мостовой Лондона в августе.... Моя комната была большой и просторной, с эркером и очаровательным видом”. ^[1015] Она нашла письменный стол, книги и все необходимое для своей работы. Ее артисты догадались из ее книг, что она, должно быть, как и сам Мальтус, ^[1016] любит верховую езду; и она обнаружила, что ее костюм для верховой езды и хлыст готовы. Главным развлечением, по-видимому, была прогулка верхом по зеленым дорожкам вокруг Эмвелла, Уэра и Хартфорда группами по пять-шесть человек. Сдержанные шутки и внешнее почтение, а иногда и бунты молодых людей, стрельба из лука юных леди, любопытная вежливость профессора персидского языка [Ибрагима], прекрасная образованность и рвение к учености директора ^[1017] Le Bas и несколько старомодные любезности летних вечерних вечеринок - все это осталось в прошлом, за исключением приятных картин в интерьере галерея тех, кто знал это место, и я благодарен за то, что был одним из них”.

Когда она снова посетила Хейлибери, Мальтуса уже не было; профессор Джонс сидел в своем кресле, а Эмпсон в своем доме, вероятно, одном из самых удобных в здании, которое, хотя и было меньше, было гораздо живописнее нынешней школы. ^[1018]

“Случайные бунты молодежи” были характерной чертой колледжа с самого начала. Сидни Смит пишет лорду Холланду в июне 1810 года, когда шли разговоры о назначении Макинтоша профессором в Хейлибери: “Сезон лапидирования профессоров уже близок; пусть Макинтош помалкивает в Холланд-Хаусе, пока все не закончится”; ^[1019] и Уишоу в январе 1818 года, когда было назначено: “Его положение в Хартфорде было определено”. ему это очень подойдет, за исключением ссадин и ушибов. Он должен предусмотреть “камешковые деньги”, как это технически называется, или ежегодную пенсию на случай, если он станет инвалидом из-за забрасывания студентов. Кстати, не было бы целесообразно, чтобы профессора научились пользоваться пращей (*balearia habena*)? Это дало бы им большое преимущество перед студентами”. ^[1020] Лапидации были, вероятно, не хуже аналогичных сцен в наших английских и шотландских университетах, которые еще не подорвали авторитет этих учреждений. Но противники колледжа жаловались не только на неподчинение студентов. Лорд Гренвилл выступил против этого (в апреле 1813 г.) на том основании, что это отделяло будущих государственных служащих от обычной жизни англичан и мешало им проникнуться “английскими манерами, английскими привязанностями, английскими принципами и, не стыжусь сказать, английскими предрассудками”. ^[1021] Мальтус, который отправился в Лондон, чтобы послушать речь Гренвилла в Палате лордов, стал защитником колледжа и без труда отразил это нападение. Защита профессоров, изложенная им в 1817 году, ^[1022] заключалась в том, что план колледжа был хорош в теории и доказал свою эффективность на практике.

Неподчинение было вызвано зависимостью профессорско-преподавательского состава от директоров Компании, которые (до тех пор) отказывали преподавателям в их лучшем средстве поддержания дисциплины - праве исключения.

У студентов было так же мало шансов, как у кадетов армии или флота, стать неангличанами; и у них было гораздо меньше шансов сформировать касту в Хейлибери, чем если бы их отправили в индийский колледж. Подробности этого угасшего спора не должны нас задерживать. Достаточно сказать, что Мальтус выполнил свою роль с большой энергией и чем-то от своей ранней живости. Следует признать, что в лучшем случае колледж представлял собой компромисс, и неизбежных трудностей ситуации было вполне достаточно, чтобы испытать характер преподавателей. Кадетам первого курса могло быть пятнадцать, а могло и восемнадцать, и у старших мальчиков не было врожденного аристократизма, который сдерживал бы младших. Те, кто был помоложе, физически и умственно больше походили на школьников, чем на старшекурсников, и пока еще не годились для квази-независимой жизни последних. Многие вообще не желали ехать в Индию, и именно их родители или опекуны по-настоящему боялись изгнания неисправимых. Но было бы лучше, если бы непригодных отбраковывали в Англии, где они могли найти другие вакансии, чем в Индии, где они не могли найти ни одной; и было бы лучше, если бы их обучение продолжалось там, где климат, расходы и моральные, социальные и интеллектуальные преимущества соответствовали их возрасту и уровню подготовки. “Требуется немного других изменений” в системе, какой она была тогда, “кроме того, что назначение должно рассматриваться по духу и истине, а не на словах, как приз, за который нужно бороться, а не как собственность, которой уже владеют”,^[1023] которая может быть утеряна. Если бы Директора назначали каждую пятую часть ежегодно сверх того числа, которое в конце концов должно было выйти, и четыре пятых были бы ритмом работы всего коллектива, назначения тогда действительно были бы призами, за которые можно было бы побороться, а эффект был бы восхитительным. Тогда каждое назначение в колледж имело бы меньшую ценность; но их было бы больше, и покровительство вряд ли пострадало бы. Директор тогда, действительно, не смог бы послать неквалифицированного сына. Но уместно ли ему это делать? Это справедливый вопрос для рассмотрения законодательным органом и британской общественностью”.^[1024] По крайней мере, в этих вопросах Мальтус не был реакционером.

Несмотря на Джозефа Хьюма и других его врагов, колледж прожил свои полвека и не исчезает со страниц India Register вплоть до смерти Компании в 1858 году. Его монополия была утрачена незадолго до этого. Закон 1827 года теоретически предусматривал экзамен и назначение государственных служащих Индии, которые не учились в Хартфордском колледже. В 1833 году было принято решение об ограниченной конкуренции, которое рекомендовал Мальтус.^[1025] В 1855 году наступил конец. Компания была “освобождена от обязанности содержать колледж”; господство открытой конкуренции, о чем свидетельствует отчет Маколея (ноябрь 1854 г.), установило новый порядок вещей; и колледж продолжался только до тех пор, пока те, кто присоединился к нему на момент перемен, не смогли закончить свой курс.^[1026] Есть ряд старых чиновников, таких как сэр Уильям Мьюир, которые до сих пор с любовью вспоминают об этом;^[1027] но, кроме как в их памяти, этого больше не существует.

Работе Мальтуса уделялось меньше внимания в Ост-Индском колледже, чем в его трудах. Но его связь с колледжем была, пожалуй, самым важным из внешних фактов его жизни; и это помогло сохранить запись сцен и происшествий, которые раскрывают его характер более ясно, чем все прилагательные панегиристов. Оттер, Эмпсон, мисс Мартино, Сидни Смит,^[1028] и Хорнер,^[1029]

могут послужить панегириком; и хвалебная речь Макинтошу примечательна: “ Я немного знал Адама Смита, хорошо знал Рикардо, близко знал Мальтуса. Разве это не то, что сказать в защиту науки, что ее три великих мастера были примерно тремя лучшими людьми, которых я когда-либо знал?”^[1030]

Его эпитафия в аббатстве Бат, вероятно, написанная пером Оттера, приведена на следующей странице.

СВЯЩЕННАЯ ПАМЯТЬ

из

Преподобный Томас Роберт Мальтус,
ДАВНО ИЗВЕСТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ МИРУ
СВОИМИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ О СОЦИАЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ,
ОСОБЕННО ЕГО “ЭССЕ О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ”.
ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ И ИСТИННЕЙШИХ ФИЛОСОФОВ
ЛЮБОГО ВОЗРАСТА И СТРАНЫ,
ВОСПИТАННЫЙ ВРОЖДЕННЫМ ДОСТОИНСТВОМ РАЗУМА
ВЫШЕ ИСКАЖЕНИЙ НЕВЕЖЕСТВЕННЫХ ЛЮДЕЙ
И ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ВЕЛИКИМИ,
ОН ПРОЖИЛ БЕЗМЯТЕЖНУЮ И СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ,
ПОСВЯЩАЕТСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ И ОБЩЕНИЮ
ИСТИНЫ,
ПОДКРЕПЛЕННЫЙ СПОКОЙНОЙ, НО ТВЕРДОЙ УБЕЖДЕННОСТЬЮ В ТОМ, ЧТО
ПОЛЕЗНОСТЬ ЕГО ТРУДОВ,
ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ ОДОБРЕНИЕМ МУДРЫХ И ДОБРЫХ.
ЕГО ТРУДЫ СТАНУТ ВЕЧНЫМ ПАМЯТНИКОМ
О СТЕПЕНИ И ПРАВИЛЬНОСТИ ЕГО ПОНИМАНИЯ.
БЕЗУПРЕЧНАЯ ЧЕСТНОСТЬ ЕГО ПРИНЦИПОВ,
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРЯМОТА ЕГО НАТУРЫ,

ЕГО МЯГКИЙ НРАВ, ВЕЖЛИВЫЕ МАНЕРЫ,
И НЕЖНОСТЬ СЕРДЦА,
ЕГО ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ И БЛАГОЧЕСТИЕ,
ЭТО ЕЩЕ БОЛЕЕ ДОРОГИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЕГО СЕМЬЕ
И ДРУЗЬЯ.

Родился 14 февраля 1766 года. Умер 29 декабря 1834 года.

R. Clay & Sons, Бред-Стрим-Хилл, Лондон, Восточная Европа

1. Немцы говорят о 'смитианизме'.
2. Автобиограф., том i, стр. 71.
3. Старший, Две лекции по народонаселению, 1829, Приложение, стр. 56, 57.
4. Старший, *l. c.*, стр. 56.
5. Переписка Маквея Нейпира, стр. 187. Ср. Pol. Экономика., 2-е изд., стр. xxxv, liv.
6. "Как ты думаешь, - спросил я, - сколько у тебя наконец будет детей?" "Мне все равно, сколько, - сказал мужчина. - Бог никогда не посылает рты без мяса". "Вы когда-нибудь слышали, - спросил я, " о некоем священнике Мальтусе? он хочет, чтобы парламент принял закон, запрещающий бедным людям вступать в брак молодыми и заводить такое количество детей". "О, скотина!" - воскликнула жена, в то время как муж рассмеялся, думая, что я шучу.— Совет Коббета молодым мужчинам, Письмо 3, стр. 83. Ссылки на Коббетта в Эссе, вероятно, есть, 7-е изд., стр. 310 и 318, ср. стр. 313; но его имя не упоминается.
7. А именно, в Ежемесячном журнале за январь 1800 года. Но смотрите ниже, книгу V.
8. Мысли о проповеди Парра, стр. 2, и Пол. Правосудие, предисловие к п. х.
9. Предисловие к первому изданию Эссе, 1798.
10. Лейден, 1767, переведен под названием "Философский обзор сотворения животных", Лондон, 1768. Особенно см. гл. vii. и х.
11. Здравый смысл, стр. 1, цитируется в Pol. Правосудие, Вк. II. глава i. стр. 124 (3-е изд.).
12. Pol. Правосудие, Б.К. VIII. глава vi. стр. 484. С другой стороны, Франклин в своем Письме о роскоши, праздности и трудолюбии (1784) оценивал необходимый труд более умеренно - в четыре часа. Сэр Тос. Мор предложил девять. Оуэн вернулся к "получасу". "Новый моральный мир", 1836, стр. х, xi.

13. Эссе, 1-е изд., стр. 161-2, сноска.
14. Записи о сотворении мира, том i, стр. 54, примечание.
15. Жизнь Кигана Пола, том i, стр. 80. Ср. любопытный отрывок в “Эдинбург Ревью” о “Населении Годвина”: “Поскольку книга была дорогой и вряд ли попадет в руки трудящихся классов, у нас и в мыслях не было обращать на нее внимания”, июль 1821 г., стр. 363.
16. Инкуайрер (1797), Предисловие, стр. 7.
17. Часть II., Эссе II.
18. Часть II., Очерки I. и III.
19. Политическая справедливость, Книга VIII. Глава ix. стр. 515-19 (3-е изд.).
20. Ср. Rich. Джонс, Пол. Экономика. (1859), стр. 596.
21. Цитируется по книге “Политическое правосудие”, Книга VIII. Глава viii. стр. 503, 520, об авторитете прайса.
22. л. с., Книга VIII. глава ix. стр. 528.
23. Эссе, 1-е изд., стр. 14.
24. 1-е изд., стр. 20, 173 и с., 7-е изд., книга III. Глава ii.
25. 1-е изд., стр. 128; ср. стр. 210.
26. Там же. стр. 211.
27. Там же. стр. 215.
28. Там же. стр. 215.
29. 1-е изд., стр. 17; ср. стр. 47-8.
30. Даже Конт, который упрекает экономистов в том, что трудности устраняются сами собой в “долгосрочной перспективе”, считает, что эта конкретная трудность возникнет только там. (Поз. Филол., ii. 128 (тр.); ср. стр. 54.)
31. 1-е изд., стр. 15, 16.
32. Там же. стр. 19, 62-66.
33. Pol. Просто., VIII. iii 466.
34. Эссе, 1-е изд., стр. 175-6, 193; 7-е изд., стр. 272, 277. Ср. Гиббон, ч. Л., цитируется в Эссе, 2-е изд., стр. 94; 7-е изд., стр. 65: “Мера численности населения регулируется средствами к существованию”.
35. Pol. Just., Книга VIII. глава ix. стр. 520 н. (3-е изд.).
36. Эссе, 1-е изд., с. 240-1.

37. Благодаря Кольриджу. Смотрите "Жизнь Годвина", i. 357.
38. Там же. i. 25.
39. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain (3rd ed., 1797), pp. 384 seq.
40. Политическая справедливость, VIII. ix. 520 н.
41. Эссе, 1-е изд., стр. 227.
42. Эскиз, стр. 362 *далее*.
43. Эссе, 1-е изд., с. 146, 150.
44. Там же. стр. 154; Кондорсе, Эскиз, стр. 364-373.
45. Классическим местом у Мальтуса является Эссе, Приложение, (1817 г.), стр. 512; ср. III. iii. 286, IV. xiii. 474. Страницы взяты из 7-го издания (Ривз и Тернер), перепечатки 6-го.
46. Мальтус иногда использует это слово в более раннем смысле, а Адам Смит редко - в более позднем.
47. Леки, История. Восемнадцатого века, том II. стр. 638.
48. Ср. Годвин, преф. в Пол. Просто.
49. Хансард, Парл. История., том. xxxiii, стр. 703 *след.*, 12 февраля 1796 г.; ср. том. xxxii. стр. 687 *далее*. "Парламентский акт Спинхемленда" на самом деле был актом магистратов Беркшира (1795 г.), но ему широко подражали, и он, безусловно, подготовил почву для законопроекта Питта.
50. Ср. Эссе, 7-е изд., I. vii. стр. 65; 1-е изд., стр. 94, 95 и др.
51. Годвин, Пол. Just., VIII. viii. 508 (3-е изд.).
52. Предисловие к эссе, 2-е изд.
53. Подразумевается. См. Ниже, книга I. Глава vii. стр. 175.
54. Моральные и политические очерки, Том I., Очерк XI., О населенности древних народов (изд. 1768), написан в 1752 году.
55. Так что даже сэр Джеймс Стюарт, том I. Политика. Экономика., ч. iii. стр. 22 (изд. 1805), мог бы помочь ему. Стюарт писал в 1767 году.
56. Эссе, книга II. глава vi.; 7-е изд., стр. 184.
57. Пряжка включала бы Вольтера. См. Гражданское право. в Европе, ii. 304 н.
58. Богатство наций, I. viii. 36, 2 (ред. Маккалоха). Говорят, что эти отрывки подсказали Мальтусу идею его эссе. Статья о населении в Edin. Рецензия, август 1810 г., возможно, написанная самим Мальтусом, подтверждает эту точку зрения.
59. Сравните эссе, Приложение (к 3-му изд., 1807), 7-е изд., стр. 507.

60. Записи о сотворении мира, 1816 год.

61. 1-е изд., стр. 395.

62. Там же. стр. 353. Это и многое другое, вероятно, было предложено Такером, "Свет природы", Теология, глава хіх. (особенно § 20). Ср. Ниже, книга III.

63. Эссе, 1-е изд., стр. 381.

64. Там же. стр. 371.

65. Ср. Эссе, 2-е изд., стр. 65; более поздние издания, I. vi. (начало), где он говорит, что лень - естественное состояние человека, и его активность обусловлена в первую очередь "сильным побуждением необходимости", хотя впоследствии она может поддерживаться привычкой, духом предприимчивости и жаждой славы.

66. 1-е изд., стр. 360-366. О восполнении пробела, образовавшегося в результате Великой чумы 1348 года, см. проф. Роджерс, "Шесть столетий труда и заработной платы" (1884), стр. 226.

67. 1-е изд., стр. 391.

68. 1-е изд., стр. 394-6; ср. стр. 241-6. Сравните эпилог мистера Генри Джорджа к книге "Прогресс и бедность". Уместно вспомнить, что этот отрывок из Мальтуса был написан за два года до "Естественной теологии" Пейли, хотя и через четыре года после его "Доказательств христианства", и еще через много лет после "Моральной и политической философии".

69. R. of Cr., том ii. 103.

70. Эссе, 1-е изд., стр. 387.

71. Смотрите ниже, Книгу I. ч. v.

72. Там же. примечание на стр. 356.

73. л. с. Он готов привести аналогичное оправдание в трактате о мере стоимости, стр. 61. Там, где нет воли, нет и пути.

74. Часть II. раздел ii. стр. 204-6.

75. Маккалох (Дж. Р.), редактор Коммерческого словаря и, вероятно, автор оригинала Macrowdy Карлайла. Никто не мог испытывать должного почтения к Отцам политической экономии, которые постоянно ссылались на величайшего из них без его отличительного названия.

76. Введение в W. of N., p. lii. Итак, автор книги "Прогресс и бедность" говорит нам, что "доктрина Мальтуса изначально не включала и не обязательно включает идею прогресса" (Bk. II. ch. i. p. 89, изд. 1881).

77. Бейджхот (Экономика. Исследования, стр. 136 далее), У. Р. Грег ("Загадки жизни") и Хелд ("Социальная жизнь Англии") могут быть оправданы, но они не являются авторами учебников.

78. Богатство народов, Введение, стр. ii.

79. См., например, трактат о мере стоимости, стр. 23, и ср. Pol. Ec. (2-е изд.), стр. 234.

80. Мысли Годвина о проповеди Парра, 1801, стр. 54; ср. "Население Годвина" (1820), Вк. i. 27.
81. "Жизнь Годвина" Кигана Пола, том i. 321.
82. Хансард, *sub dato*, стр. 1429.
83. Эмпсон в "Эдинбург Ревью", январь 1837 г., стр. 483; ср. "Эссе о населении", 7-е изд., стр. 473 н. Авторство Эмпсона в этой статье явствует из переписки Маквея Нейпира, стр. 187. Смотрите ниже, книгу V.
84. Сочинения, том. viii. с. 440.
85. Мысли по поводу проповеди Парра, стр. 56.
86. Эссе, 1-е изд., стр. 17, 47, 48; "Происхождение видов", гл. iii, стр. 50. Лайелл даже отрицает оригинальность Дарвина и Уоллеса ("Древность человека", ч. xxi, стр. 456).
87. Ср. А. Р. Уоллес, "Вклад в теорию естественного отбора" и дискуссии, поднятые в связи с этим, 1868. Смотрите также "Очерки философской критики" (1883), Очерк VIII "Борьба за существование", в котором далее описываются некоторые из смешанных мотивов.
88. Приложение к 5-му изд., 1817; 7-е изд., стр. 526. Ср. Бэкон (Эссе XXXVIII.), "склонять природу, как волшебную палочку, к противоположной крайности, чтобы исправить ее". Адам Смит использовал сравнение с согнутой палкой, чтобы описать реакцию французских экономистов на теоретиков меркантилизма ("Богатство наций", IV. ix. 300).
89. Эссе, 1-е изд., стр. 367. Ср. Лекции Сеньора о населении, стр. 79 и стр. 75, где он сравнивает такой прогресс с подвигами улитки, которая каждый день взбиралась по стене на четыре фута и падала обратно на три.
90. Эссе, 1-е изд., стр. 10.
91. Ср. Св. Матф. xix. 12.
92. Ср. примечания к стр. vii копии С. Т. Кольриджа 2-го изд. из Эссе, на брит. языке. Музей (из библиотеки его душеприказчика, доктора Джозефа Х. Грина).
93. Смотрите биографическое предисловие Оттера к книге Мальтуса "Пол. Ес." (1836), стр. xxxvi, и "Жизнь Кларка" Оттера (1825), i. 437 и с.
94. См. ниже, Книга II. глава iv.
95. 2-е изд., книга IV. глава xii.; 7-е изд., стр. 477.
96. 2-е изд., I. ii. 10, 11; ср. xiv. 180; 7-е изд., стр. 8 примечание, 262 и с.
97. 2-е изд., стр. 11.
98. 7-е изд., стр. 351; итак, I. ix. 82, "моральная невозможность" увеличения в случае, когда еды много, но плохое распределение делает ее недостижимой. Невозможность обусловлена не физическим законом, а человеческими институтами (*нравами*).
99. Мальтус, Эссе, 1-е изд., стр. 387.

100. В неопубликованной рукописи, цитируемой в "Его жизни", i. 76. Его опубликованные труды не содержат ничего столь сильного.
101. Смотрите ниже, Книгу III.
102. Эссе, 7-е изд., Б. IV. главы vi. и ix.
103. "Богатство наций", Б. В., глава i, Пункт iii. Статья 2.
104. Эссе, книга IV. глава ix. 7-го изд., особенно стр. 439.
105. Ср. Эссе Эвена, 1-е изд., стр. 33, 34 и 324. Но смотрите позже, Б. II. главы ii. и iii.
106. 7-е изд., Приложение., стр. 495. Ср. Автобиографию мисс Мартино, том i, стр. 211; ср. стр. 209, 210.
107. Жизнь, том i. глава ix. стр. 233.
108. Бесславно, из-за суровой главы, которую он написал в "Политическом правосудии" "О пенсиях и жалованье" (глава ix. из Вк. VI.).
109. Ср. Эссе, 7-е изд., II. xiii. стр. 259.
110. Эссе, 2-е изд., стр. 2.
111. 2-е изд., стр. 3.
112. Эссе, 2-е изд., стр. 3.
113. 1-е изд.; см. стр. 16 выше. "Пища" в таких предложениях включает в себя все внешние условия, необходимые для жизни.
114. 2-е изд., стр. 4; 7-е изд., стр. 3.
115. л. с. Наблюдения Франклина относительно увеличения численности человечества, 1751.
116. Диссертация о законах о бедных, написанная доброжелателем человечества (1786), стр. 42-45, 53. Он цитирует "Путешествия Дампира", том i, часть ii, стр. 88.
117. Справедливо будет сказать, что Уллоа, Б. II. глава iv., говорит о "двух или трех козах".
118. 2-е изд., стр. 4; ср. 7-е изд., стр. 3.
119. Кэри (Н. С.), безусловно, привел веские доводы в пользу обратного. См. Principle of Social Science, том i. глава iv. (1858).
120. Письмо сеньору, Приложение к Лекциям сеньора о народонаселении, стр. 60-72.
121. Эссе, 2-е изд., стр. 5.
122. Возможно, он был предупрежден от этого "οὐ γεωμετρικαὶς ἀλλ' ἐρωτικάς καὶ ἀνάγκαις" (Платон" Республика, ст. 458). Но Бэкон применил ту же самую цифру еще шире: "Обычай развивается в арифметической, природа - в геометрической прогрессии" (Progression of L., VI. iii. 259).
123. Ср. То, что сказано о космологии Мальтуса выше, стр. 34 далее.

124. Или, принимая во внимание исключение мистера Кэри, мы должны сказать, возможно, не первый урожай, а самый ранний, при котором фермер отдал должное известным ресурсам лучшей земли.
125. Политическая арифметика —Эссе об умножении человечества, 1682, стр. 7, 13 *далее.*, особенно стр. 21 (изд. 1755).
126. Сэр Джеймс Кэрд, "Земельный интерес", 4-е изд., 1880, стр. 177.
127. Но смотрите ниже, Bk. II. ch. i.
128. 2-е изд., I. i., стр. 8; 7-е изд., стр. 6.
129. Эссе, IV. iii., 7-е изд., стр. 407.
130. Энцикл. Брит., ст. Население. Ср. Эссе, 7-е изд., стр. 236 н.
131. Швеция была фаворитом статистиков, потому что только Швеция в то время предоставляла достоверную статистику. Отчет о населении Америки до 1880 года и его вероятном будущем см. В Выступлении г-на Гиффена о полезности общей статистики (Stat. Soc., декабрь 1882 г.).
132. 1804-24, или просто с первой переписи 1801 года по третью 1821 год. Прирост был таким, что население Англии удвоилось бы по меньшей мере за пятьдесят один год (Эссе, II. ix., 7-е изд., стр. 217).
133. Энцикл. Брит., I. c.
134. Очерк, III. xiv., 7-е изд., стр. 387.
135. Кэрд, Земельный интерес, стр. 18, 46.
136. Энцикл. Брит., I. c.
137. Помимо, как ему следовало бы сказать, осмотнительности в браке, которая позволила бы каждому мужчине получать гораздо больше, чем просто прожиточный минимум. Но смотри ниже, Bk. II. глава ii.
138. См. ниже, Bk. II. глава iii.
139. По "закону" убывающей доходности. Смотри ниже, Bk. II. ch. i.
140. Г-н Гиффен в процитированном выше Обращении говорит так, как будто Мальтус рассматривал положительные проверки как "естественные проверки" (стр. 531). Это, однако, противоречит его четкому утверждению в Эссе, 7-е изд., Приложение. стр. 480.
141. Вероятно, в этом смысл фразы автора: "измените *пропорциональную сумму* чеков в зависимости от численности населения или степень, в которой они влияют на фактические цифры" (Энциклопедия, I. c., стр. 415).
142. Смотрите его письмо от той даты в "Переписке Маквея Нейпира", стр. 29.
143. Она была опубликована только в 1824 году. Несомненно, она была написана после публикации результатов переписи населения 1821 года.

144. Предисловие ко 2-му изд., стр. iv, v; 7-е изд., стр. vi.
145. стр. 52.
146. Эссе, 2-е изд., стр. 11 н.; 7-е изд., стр. 9 н.
147. 2-е изд., Предисловие к стр. vii.
148. 2-е изд., Вк. I. ч. ii. стр. 10.
149. Дополняет 3-е изд.
150. 3-е изд., стр. 21; 7-е изд., стр. 9.
151. 3-е изд. l. c.
152. 2-е изд., стр. 13; 7-е изд., стр. 10. Его собственная книга помогла сделать это менее правдивым.
153. 2-е изд., стр. 14, 15. С этим описанием “цикла” сравните точку зрения Маркса, приведенную ниже в книге IV.
154. Мисс Мартино, Автореф., том i, стр. 210.
155. Ответ Мальтусу, стр. 20. Ср. Ниже, книга IV.
156. Предисловие ко 2-му изд., стр. vi.
157. 2-е изд., Предисловие к vi. Верно даже тогда и многое другое впоследствии.
158. Годвин, О населении, I. iv. 31, 32.
159. 2-е изд., стр. 31; 7-е изд., стр. 23.
160. Démocratie en Amérique, Pt. II. ch. x. p. 278. Автор полностью согласен с Мальтусом.
161. 2-е изд., стр. 39; 7-е изд., стр. 28.
162. 2-е изд., стр. 25; 7-е изд., стр. 18.
163. Там же. стр. 43; 7-е изд., стр. 31.
164. Там же. стр. 39; 7-е изд., стр. 28.
165. 2-е изд., стр. 44; 7-е изд., стр. 32.
166. Мальтус в издании Edin. Rev., июль 1803 г., стр. 345.
167. Эссе, 2-е изд., стр. 25; 7-е изд., стр. 18.
168. Там же. стр. 29; 7-е изд., стр. 21.
169. 2-е изд., стр. 37, 45; 7-е изд., стр. 27, 32.

170. Хотя, как и Кольридж (ср. примечание в другом месте), он упоминает бренди.
171. 2-е изд., стр. 43, 92; 7-е изд., стр. 31, 64. Ср. I. vi., 2-е изд., стр. 82 н.; 7-е изд., стр. 57 н.
172. См. выше, стр. 35, 36.
173. *Например*. 2-е изд., II. ii. 199; 7-е изд., стр. 135.
174. Сравните наводящие на размышления замечания Роджерса, "Шесть столетий", стр. 270, 271. Он считает, что движение, подобное лоллардизму, не могло преуспеть во времена крайней депрессии.
175. Эссе, Книга I. ч. v.
176. *Например*, каннибализм и поздние браки.
177. 2-е изд., стр. 46; 7-е изд., стр. 33. Ср. стр. 290 и 339.
178. В "Очерках", том i., Очерк XI., "Многочисленность древних народов", стр. 444 (изд. 1768).
179. Ср. Платон, Республика, ii.
180. 2-е изд., стр. 57; 7-е изд., стр. 41.
181. Бем и Вагнер (Bevölk. d. Erde, 1882) оценивают его в 16 300.
182. 2-е изд., стр. 57 н.; 7-е изд., стр. 40 н.
183. Отчет адмирала Д'Хорси Адмиралтейству, 1878г.
184. См. выше, стр. 17, 18.
185. Бем и Вагнер говорят, девяносто три.
186. Эссе, Книга I. глава vi.
187. См. выше, стр. 83.
188. 2-е изд., стр. 68 н.; 3-е изд., стр. 115 н. Впоследствии он изменил "полностью" на "часто полностью", 7-е изд., стр. 47 н.
189. Богатство народов, Книга IV. глава vii. Часть iii. стр. 286 (ред. Макк.).
190. 2-е изд., стр. 66; 7-е изд., стр. 46.
191. Его собственное слово: 2-е изд., с. 67; 7-е изд., с. 47.
192. Быт. xiii. 1-9. Эссе, 2-е изд., стр. 65; 7-е изд., стр. 45.
193. См. , *например*, Маккензи Уоллес: Россия, том ii. стр. 48, 90 и с.
194. Эссе, 2-е изд., с. 72; 7-е изд., с. 50, 51.
195. Гиббон, гл. ix, стр. 175.

196. Тацит, Зародыш. 14.
197. 2-е изд., стр. 74, 77; 7-е изд., стр. 52, 53.
198. Глава ix. 176: “действительно, *невозможность* предположения”.
199. Grandeur et Décadence des Romains, ch. xvi. p. 138, ed. 1876.
200. Эссе, 2-е изд., стр. 76; 7-е изд., стр. 53.
201. Там же. Вк. I. глава vii.
202. 2-е изд., стр. 99; 7-е изд., стр. 68.
203. 7-е изд., стр. 82.
204. 2-е изд., стр. 92; 7-е изд., стр. 63.
205. 2-е изд., стр. 94; 7-е изд., стр. 65.
206. Там же. стр. 104; 7-е изд., стр. 72.
207. Кольридж (MS. notes) напоминает нашему автору, что Магомет разрешал приносить в жертву *песок* вместо воды.
208. Ср. Выше, стр. 96, и далее.
209. 2-е изд., III. xi. 474-5; 7-е изд., III. xiv. 381.
210. Особенно книга I. ch. x., глава о Турции.
211. Эссе, Б.К. I. ч. xii, "Китай и Япония".
212. 2-е изд., стр. 162; 7-е изд., стр. 112.
213. Там же. стр. 175; 7-е изд., стр. 120.
214. См. Эссе, Вк. I. главы. xiii., xiv.
215. Спарта - главный греческий пример.
216. 2-е изд., стр. 172; 7-е изд., стр. 118.
217. 2-е изд., стр. 150; ср. стр. 164, 172-3. 7-е изд., стр. 104; ср. стр. 113, 118.
218. См. выше, стр. 99.
219. 1-е изд., стр. 119; 7-е изд., Приложение, стр. 515.
220. Эссе, 7-е изд., стр. 122.
221. 2-е изд., стр. 254; 7-е изд., стр. 246. Ср. 2-е изд., стр. 172, 175 и 67; 7-е изд., стр. 118, 120 и 47. Ср. Нуме, Рор. из Анс. N., стр. 487, и особенно 504.
222. 7-е изд., стр. 163, 387, 394; 2-е изд., стр. 113, 287, 292. Ср. 1-е изд., стр. 118-19, 123 н.

223. 2-е изд., стр. 178; 7-е изд., стр. 122.

224. 7-е изд., стр. 380, сверху.

225. 2-е изд., стр. 175; 7-е изд., стр. 120.

226. 2-е изд., стр. 175; 7-е изд., стр. 120.

227. 2-е изд., стр. 180; 7-е изд., стр. 124. "Следовательно, мы можем с уверенностью полагаться только на эти причины, независимо от [2—го изд. сказано "помимо"] фактических перечислений".

228. Доктор Уоллес, диссертация, стр. 55, показал, что население Аттики в дни ее расцвета составляло 608 человек на квадратную милю; в Англии в девятнадцатом веке было всего 445 человек, а в перенаселенной Бельгии - 487.

229. Эссе, 1-е изд., стр. 54; 7-е изд., стр. 120, 122; ср. стр. 262, 434. Ср. "Богатство наций", IV. vii. 254, 255.

230. Эссе, 2-е изд., стр. 598; 7-е изд., стр. 476.

231. л. с. ср. 2-е изд., стр. 175, 178; 7-е изд., стр. 120, 122.

232. Очерк народонаселения, 2-е изд., с. 180; 7-е изд., с. 124.

233. Например. II. iii. 152, 1; IV. ix. 304, 2 (изд. МакК.).

234. Например. 7-е изд., стр. 307, 434, 473-4.

235. Тэн, "Англетер", стр. 176, 232-3.

236. Там же. стр. 233.

237. Богатство наций, III. iv. 183, 2 и с.

238. Бэкон, Ноябрьская организация, I. xlv.

239. Смотри ниже, Вк. IV.

240. Кроме свиньи, добавляет Гиббон, Децл. и Ф., гл. ix, стр. 171 н.

241. См. выше, стр. 48.

242. Фраза на стр. 216 2-го изд. (стр. 148 7-го) "предыдущим летом 1788 года", вероятно, является пропуском. Мы нигде не слышим о каком-либо визите так рано. Смотрите ниже, Вк. V.

243. См. выше, стр. 49. Ср. 2-е изд., стр. 281; 7-е изд., стр. 173 и др.

244. О других его передвижениях и других подробностях его жизни см. Б.К. В. (Биография).

245. 2-е и 7-е изд., Вк. II. ch. i.

246. Эссе, 2-е изд., с. 189; 7-е изд., с. 129.

247. Невероятные цифры русских. Смотрите позже, стр. 133.

248. 2-е изд., стр. 184; 7-е изд., стр. 126.
249. 2-е изд., стр. 188, 189; 7-е изд., стр. 128, 129. Ср. главу Торнтона (II) о “Социальных последствиях крестьянской собственности”, Reas. Проп. (изд. 1874), стр. 55.
250. В 6-м изд., 1826. См. 7-е изд., стр. 144.
251. Английская синяя книга законов об иностранных бедных, 1875, стр. 109.
252. Ежегодник государственного деятеля, 1880, стр. 439.
253. Эссе, 7-е изд., стр. 112.
254. *Например*, ссылка на Эссе, 7-е изд., стр. 130.
255. Эссе, 7-е изд., стр. 139; ср. стр. 151, 152.
256. *Там же*. стр. 152.
257. Эссе, Вк. II. глава ii.
258. *Там же*. Вк. II. глава iii.
259. 2-е изд., стр. 213-14; 7-е изд., стр. 146, 147.
260. 2-е изд., стр. 214-15; 7-е изд., стр. 147, сноска.
261. *Там же*. стр. 218; 7-е изд., стр. 150. Ср. выше, стр. 30.
262. 2-е изд., стр. 219; 7-е изд., стр. 151. Сравните цену, Наблюдения, примечание на стр. 280; и особенно Хьюма, Рор. из Апс. N., стр. 445 (ред. 1768).
263. Эссе, там же.
264. Эссе, 2-е изд., с. 220; 7-е изд., с. 151.
265. *Там же*. стр. 221; 7-е изд., стр. 152.
266. Эссе, 2-е изд., с. 216-17; 7-е изд., с. 149.
267. *Там же*. 7-е изд., Вк. II. chs. iv. - x., изменено в 3-м изд.
268. Шесть столетий труда и заработной платы, стр. 118, 119.
269. Эссе, 2-е изд., II. v., стр. 245; 7-е изд., II. iv., стр. 159. Ср. 2-е изд., стр. 320; 7-е изд., стр. 206.
270. *Там же*. 2-е изд., с. 347; 7-е изд., с. 260.
271. *Там же*. 2-е изд., с. 348; 7-е изд., с. 260.
272. См. выше, стр. 18.
273. Итак, по существу, Кэрнс в своей работе “Восстановление фонда заработной платы”. Руководящие принципы, стр. 196 и далее. Клифф Лесли *переходим*.
274. Эссе, 2-е изд., стр. 240; 7-е изд., стр. 155.

275. Там же. с. 247; 7-е изд., с. 160.

276. “Partout où il se trouve une place où deux personnes peuvent vivre commodément, il se fait un mariage.”—Esprit des Lois, Bk. XXIII. ch. x. (not XXII., as in 7th ed.).

277. Эссе, 2-е изд., с. 247; 7-е изд., с. 160.

278. Там же. 2-е изд., с. 221; 7-е изд., с. 152.

279. Эссе, 2-е изд., с. 248-9; 7-е изд., с. 161-2.

280. Там же.

281. 2-е изд., стр. 246; 7-е изд., стр. 159. Курсив выделен автором.

282. Там же. с. 247; 7-е изд., с. 160.

283. Там же.

284. 2-е изд., стр. 205; 7-е изд., стр. 139.

285. Эссе, 2-е изд., стр. 387 след.; 7-е изд., стр. 287 след.

286. Там же.

287. Эссе, 2-е изд., с. 391; 7-е изд., с. 289-90.

288. Там же.

289. Эссе, 2-е изд., с. 393; 7-е изд., с. 291.

290. 2-е изд., стр. 395; 7-е изд., стр. 292.

291. Там же.

292. Назначен в марте 1826 года, в последние тринадцать месяцев правления лорда Ливерпуля. Мальтус предстал перед ними 5 мая 1827 года. Смотрите Третий отчет Эмиграционного комитета, стр. 9, 10, и его доказательства, стр. 311 далее.

293. 1-й отчет, 1826 г. (май); 2-й, 1827 г. (апрель). Свободное использование технических терминов неудивительно, поскольку политическая экономия в то время была популярным предметом изучения. Примеры см. в 1-м отчете, стр. 46, 57; 2-м отчете, стр. 63, 102; 3-м отчете, стр. 261, 308.

294. 2-й отчет.

295. 3-й отчет, 1827 г. (июнь).

296. стр. 9.

297. Ср. Ниже, глава vii. (об Ирландии), особенно стр. 197 и 199.

298. 3-й отчет, стр. 315, вопрос 3257.

299. Эмиграционный комитет рекомендовал, чтобы государственная помощь предоставлялась только при условии местной инициативы и местного вклада.
300. См., например, вопрос 3370.
301. 7-е изд., стр. 292.
302. W. of N., I. viii. 36 (Прим. ред. Макк.). “Другой” - это не оговорка; автор осознает свой цинизм.
303. Очерк, III. iv. 293, заключительный абзац которого был добавлен в 1817 году.
304. Эссе, 7-е изд., Bk. II. ч. v.
305. 2-е изд., стр. 275-6; 7-е изд., стр. 169.
306. Или “Лейзин”, как это произносит Мальтус.
307. Эссе, 2-е изд., стр. 271; 7-е изд., стр. 166.
308. Средний возраст - шестьдесят один год.
309. 2-е изд., стр. 274; 7-е изд., стр. 168.
310. 2-е изд., стр. 280; 7-е изд., стр. 173, вверху. Это замечание отдает парадоксом.
311. Там же. стр. 280, сноска; 7-е изд., стр. 173.
312. Там же. стр. 281; 7-е изд., стр. 173.
313. См. выше, стр. 127.
314. Сравните выше, в разделе “колебания”, стр. 147, и ниже, Bk. II. chs. ii. и iii.
315. Эссе, 7-е изд., Bk. II. chs. vi., vii.
316. 2-е изд., стр. 285; 7-е изд., стр. 175.
317. 2-е изд., стр. 296; ср. 7-е изд., стр. 182 н. “Действительно, принимая расчеты сэра Ф. д'Ивернуа относительно фактических человеческих потерь во время Революции, я никогда не думал, что они подтверждаются фактами, но читатель поймет, что я принял их скорее ради иллюстрации, чем из предположения, что они строго верны”.
318. 7-е изд., стр. 188.
319. 7-е изд., стр. 176; ср. стр. 175.
320. 7-е изд., стр. 177, 181 н.
321. Там же., стр. 178 и далее.
322. Не вне подозрений. См. 7-е изд., стр. 176 и далее.
323. Военное преимущество растущего населения указывается также в статье Ньюенхэма “Ирландия”, Edin. Rev., июль 1808 г., стр. 350.

324. Ср. Джосайя Такер, "О торговле", стр. 17 (3-е изд., 1753).
325. Эссе, 2-е изд., стр. 297; 7-е изд., стр. 185, в котором опущено одно предложение. Ср. 2-е изд., стр. 290-1; 7-е изд., стр. 179, 180.
326. 2-е изд., стр. 291; 7-е изд., стр. 179, 180. Ср. часто цитируемые отрывки о мрачной скале и саде, написанные (следует отметить) до, а не после революции, в "Путешествиях Артура Янга по Франции" (Бери Сент-Эдмундс, 1792), стр. 36, 37, 42; ср. стр. 341.
327. Например, 5-е, 1817; 7-е изд., гл. vii.
328. 7-е изд., стр. 188.
329. Артур Янг, Путешествия по Франции, стр. 410, 437.
330. Эссе, 7-е изд., стр. 189.
331. Ср. Fyffe, мод. Европа, i. 124.
332. Эссе, 7-е изд., стр. 189.
333. Характерный утилитарный штрих. 2-е изд., стр. 295, вверху; 7-е изд., стр. 183.
334. Там же.
335. 2-е изд., стр. 294; 7-е изд., стр. 183.
336. Эссе, 7-е изд., стр. 320 (III. vii.).
337. Levasseur, France avec ses Colonies (1875), p. 842. Согласно Андерсону, Хроника. Отд., том. III. p. xliii, одни говорили - двадцать, другие - семнадцать. Но м—р Китчин цитирует Вобана, чтобы показать, что между началом войны за наследство и ее окончанием (1702, 1713) произошло сокращение населения с пятнадцати до тринадцати миллионов. -История Франции, т. iii. стр. 342. Ср. "Жизнь Локка" Фокса Борна, i. стр. 350; "Королевская ночь" Вобана, стр. 162-3.
338. Джосайя Такер, "Эссе о торговле" (3-е изд., 1753), стр. 14. В его заявлениях может быть риторическое преувеличение. "Подчинение простых людей является невыразимым преимуществом для французов в области торговли. Благодаря этому производители [рабочие] всегда остаются трудолюбивыми. Они не осмеливаются впадать в разврат; к пьянству они не склонны. Они [практически по закону о военной службе] обязаны вступать в супружеское положение, посредством чего они заставляют большие семьи работать и снижают цену на это; и, следовательно, работая дешевле, позволяют торговцу продавать дешевле".
339. Богатство наций, IV. iii. стр. 220-1.
340. См. выше, стр. 155. Левассер дает двадцать пять; Артур Янг, который считает, что Франция перенаселена пятью или шестью миллионами, дает двадцать шесть (Путешествия по Франции, стр. 468-9; ср. стр. 474). Прайс довел его до тридцати.
341. Основания для заключения и т.п., стр. 12. См. Ниже, Вк. II. ch. i.
342. Census as given in Annuaire de l'Économie Politique (1882), p. 899.

343. Политическая экономия (1820), стр. 433 *след.* Клифф Лесли (Мор. и пол. Essays, 1879, стр. 424) приписывает несколько рождений тому самому Закону наследования, которого боялся Мальтус.

344. По крайней мере, в сельских районах. Об отношении роскоши к торговле и т. Д. См. Ниже, Вк. II. глава iii. стр. 268.

345. Например, М. Левассер в книге "Франция за колонии" (1875), стр. 853.

346. Приложение к "Богатству наций", примечание iv. стр. 465.

347. Левассер, *л. с.* стр. 845, 846 футов

348. Таймс, январь 1883 года.

349. 45-й отчет Генерального секретаря Англии за 1882 год, стр. cii, cvii.

350. Levasseur, La France, *l. с.*

351 раз, например, *l. с.*

352. Эссе, 7-е изд., IV. xiii. с. 474; 2-е изд., IV. xi. с. 594.

353. 2-е изд., II. ix.; 7-е изд., II. viii, ix.

354. 1-е изд., стр. 63, 64.

355. 1-е изд., стр. 65-6; ср. 2-е изд., стр. 300, и 7-е изд., стр. 193.

356. Смотрите ниже, Вк. II. глава iv. и с.

357. Приведенные тогда цифры составляли пять миллионов.—Фруд, История. из Англии, i. 3.

358. См. Hansard, Parl. Hist., xiv. 1317.

359. Это не осталось незамеченным и в 1801 году. Итак, Артур Янг говорит так, как будто сельскохозяйственные интересы нередко рассматривали Совет по сельскому хозяйству как новый инструмент налогообложения. (Отчет о Суффолке, стр. 16.)

360. Отвечает преподобный Александр Вебстер.

361. Parl. Hist., том xv. стр. 69, цитируется Махоном, Hist. из Англии, sub dato, гл. xxxi, стр. 39. Ср. Тревельян, "Ранняя жизнь Фокса", гл. i, стр. 14.

362. Доктор Адам Андерсон, отдел хронологических выводов коммерции, Введение, стр. xliii.; впервые напечатано в 1762 году.

363. Особенно см. Оценку (7-е изд., 1758), том I. Часть II. раздел. viii. стр. 186 *далее.*

364. Хроника. Отд., там же.

365. Т.е. на обсуждение, описанное доктором Андерсоном. Ср. Мальтус, Эссе, 7-е изд., стр. 164. Пессимистическая статья Мюре была напечатана в 1766 году.
366. В своей Политической арифметике, 1774г.
367. Оценка сравнительной силы Британии за время нынешнего и четырех предыдущих царствований, Джордж Чалмерс, F.R.S., S.A., 1-е изд., 1782.
368. Естественные и политические наблюдения, 1696. Апуд Давенант и Чалмерс.
369. Первобытное происхождение человечества.
370. Политический обзор Великобритании, 1774 год.
371. Ср. Чалмерс, Оценка, стр. 4, Предисловие к sxxxviii., и исследование Джоном Хаулеттом эссе доктора Прайса (Мейдстон), 1781.
372. Ср. Маколей, История, гл. iii. 137.
373. Наблюдения, дополнение, стр. 366. Ср. Мальтус, Эссе, Приложение. стр. 519. Артур Янг, Франция, стр. 409. Вся эта тема будет рассмотрена позже в связи с Шотландией.
374. См. "Наблюдения о контрабанде", 1779г.
375. Но посмотрите на *предостережение* в 44-м отчете Генерального регистратора (за 1881 год), стр. vi.: Цена пшеницы и количество браков не всегда меняются обратно пропорционально.
376. Точно так же отчеты Совета по сельскому хозяйству в конце века полны (не совсем бескорыстных) восхвалений ограждений как поощрения численности населения.
377. Леки, Восемнадцатый век, i. 261, 479 *далее* Ограничения на продажу были успешно приняты Пелхэмом в 1751 году, в то время, когда вопрос о депопуляции выходил на первый план.
378. Небезопасная презумпция. См. Ниже, Вк. II. глава ii. и с.
379. Например, прививка.
380. Эссе, 2-е изд., стр. 317; 7-е изд., стр. 198, по сравнению с 7-м изд., стр. 189 и др., выше, стр. 115-16.
381. Эссе, 7-е изд., стр. 198 примечание; впервые напечатано в 3-м изд. (1806), стр. 461 н.
382. 2-е изд., стр. 302 н.; 7-е изд., стр. 194 н.
383. Это утверждается в Предварительном отчете к последней переписи населения Англии (1881). Против этой идеи смотрите обзоры The Annual Register о работе Идена о бедных (1797) и о его оценке численности англичан (1800). Журнал "Реджистер" включил Берка и Годвина в число своих авторов и вряд ли мог считаться с общественным мнением.
384. Смотрите обзор книги Артура Янга "Вопрос о дефиците, ясно изложенный", 1800 г., в App. Зарегистрируйтесь, под датой.

385. Председатель комитета по государственным финансам в 1797 году, спикер Палаты общин в 1802 году, лорд Колчестер в 1817 году.
386. 2-е изд., стр. 318; 7-е изд., стр. 204. Ср. 2-е изд., стр. 317; 7-е изд., стр. 192, 203, 206, 219 и др.
387. 2-е изд., стр. 311; 7-е изд., стр. 201, 202, сноска. Сравните 44-й представитель генералитета (Англия), п. в.
388. Как , *например*, в 1800-1 по сравнению с 1802-3; 7-е изд., стр. 214.
389. 2-е изд., стр. 319; 7-е изд., стр. 205. Ср. отрывки, процитированные на последней странице.
390. Ср. Эссе, 2-е изд., стр. 308-9; 7-е изд., стр. 198-9.
391. 2-е изд., стр. 312-13; 7-е изд., стр. 201. 2-е изд. есть ссылка на "поздние дефициты", отсутствующие в более поздних редакциях. Следует помнить, что тогда регистрировались крещения и погребения, а не рождения и смерти.
392. См. выше, стр. 176. Ср., с другой стороны, концессию, 2-е изд., стр. 317; 7-е изд., стр. 203, середина.
393. Эссе, 2-е изд., с. 319; 7-е изд., с. 205-6.
394. 7-е изд., стр. 188.
395. Сам Рикман допускал их ущербность. См. Эссе, 2-е изд., стр. 304; 7-е изд., стр. 196. Ср. выше, стр. 179.
396. 2-е изд., стр. 302; 7-е изд., стр. 194. Согласно отчету Генерального секретаря за 1882 год, в том году этот показатель составлял 1 к 64½.
397. 2-е изд., стр. 303; 7-е изд., стр. 195.
398. 7-е изд., с. 205.
399. 2-е изд., стр. 213-14; 7-е изд., стр. 202.
400. 45-й отчет Генерального регистратора (Англия), (1882 г.), стр. ci.
401. 7-е изд., стр. 210.
402. 2-е изд., стр. 302; 7-е изд., стр. 194 н.
403. Числа, рассчитанные "естественным приростом", *т.е.* рождений и смертей — 26 138 248; фактически подсчитанные числа — 25 968 286. —Предварительный отчет, стр. iii.
404. '31-'41, вкл. 14.52; '71-'81, вкл. 14.34.
405. Или три с четвертью миллиона человек только в Англии и Уэльсе.
406. 7-е изд., II. ix. стр. 215 (впервые написано в 5-м изд., 1817).
407. Очерк, 7-е изд., стр. 258; ср. Предыдущее. Отчет. Перепись населения 1881 г., стр. ix.

408. Описание Шотландии в Эссе, Вк. II. ch. x., взято из Статистического отчета сэра Джона Синклера за 1791-99 годы. Синклер исполнял обязанности президента Совета по сельскому хозяйству на южной стороне Твида. См. Ниже, Вк. II. ch. i. стр. 218.
409. В Шотландии их было очень мало. Об этом лишь однажды упоминает Адам Смит. Маккалох говорит “никогда”, но он упустил из виду “Богатство наций”, IV. vii. 251-2.
410. Последнее из последних введений. См. Отчеты для Совета по сельскому хозяйству: Центральное нагорье (1794), стр. 21.
411. 2-е изд., стр. 384; 7-е изд., стр. 229.
412. Не феодальный, а дофеодальный, или аллодиальный. См. “Богатство наций”, III. iv. 183, 1.
413. Богатство народов, там же.
414. Селкерк, Хайлендс, 1805, стр. 25.
415. Смотрите “Легенду о Монтрозе” и др.
416. Адам Смит, *l. c.*; ср. I. viii 36, 1 (часто цитируемое описание “полуголодных женщин горцев” с их двадцатью детьми в отличие от “избалованной прекрасной леди”, у которой их мало или вообще нет.)
417. Отчеты в Совет по сельскому хозяйству: Центральное нагорье, 1794, стр. 52.
418. Богатство наций, III. iv. 184, 1 (написано в 1774 году), отрывок, который показывает, что расчистки и последовавший за ними крик о депопуляции следует ожидать уже в середине века. Иногда нам говорят, что с 45-го по конец века это был золотой век фермеров хайленда. Но готовность членов клана вступить в шотландские полки Чатема вряд ли означала бы большое удовлетворение.
419. Ср. Эссе о поп-музыке., стр. 332 (2-е изд.), 227 (7-е изд.), и Селкирк, *l. c.*, стр. 43 *далее*. *Противсм.* Отчет Комиссии Крофтеров, 1884, стр. 51.
420. Сделано при маркизе Стаффорде между 1807 и 1820 годами, когда народная ненависть достигла своего апогея, и домовладелец выступил в свою защиту в хорошо известном памфлете своего агента Джеймса Лоха.
421. Ср. Мальтус, Эссе, 7-е изд., стр. 229, вверху; ср. стр. 221, 223; 2-е изд., стр. 326-7.
422. См. Мальтус, Эссе, 7-е изд., стр. 227. Ср. Фарра в *Statistic. Журнал.*, 16 февраля 1846 г.
423. Взято в основном из статистического отчета Шотландии за 1791-99гг.
424. Лаверн, Экономика английского языка, ч. xx. стр. 310.
425. 6-е число просто добавляет количество людей по переписи 1821 года, практически без каких-либо комментариев.
426. 2-е изд. написано “варварство”.
427. 2-е изд., “депрессивный”.

428. 2-е изд. добавляет: “из-за грязи их лиц”.

429. 2-е изд., стр. 334-5; 7-е изд., стр. 229. Он ссылается на восстание 1795-98 годов, которое было прелюдией к Унии 1800 года и было свежо в его памяти.

430. Edin. Рецензия, июль 1808 г., единственная рецензия в этом журнале, присвоенная ему по прямому свидетельству.

431. 3-й отчет Эмиграционного комитета (1827 г.), очевидно, № 3225.

432. В статье о Ньюенхэме он, между прочим, высказывает парадокс, заключающийся в том, что ввиду низкого уровня питания леность людей является почти преимуществом, поскольку она предотвращает падение заработной платы до этого уровня. —Статья. стр. 341. Ср. Эссе, IV. xi. 456-7. За его взгляд на картофель в Ирландии, *там же.*, 453.

433. Ср. Рецензию на Ньюенхэм, стр. 352.

434. Ср. Роджерс, Шесть столетий труда и заработной платы (1884), стр. 484.

435. В некотором смысле это уже часто замечалось. Итак, в ответе 3401, где он, кажется, принимает фразу “моральная деградация” применительно к Ирландии.

436. Ср. Выше, стр. 95 и 195 п. Профессор Роджерс, должно быть, забыл подобные пассажи, когда писал 62-ю и 63-ю страницы своей книги “Шесть столетий труда и заработной платы” (1884), хотя на следующей странице он вносит собственное исправление (484).

437. Богатство народов, Т. iii. 430, 1, 2.

438. Сэр У.М. Петти заработал 1 100 000 долларов в 1672 году. См. Маккалох, Приложение. к “Богатству наций”, (IV.) 462.

439. См. свидетельство сэра Х. Парнелла в 3-м отчете Эмиграционному комитету, 1827, стр. 200. Он считает, что между 1792 и 1821 годами население Ирландии удвоилось.

440. Мальтус, Показания перед Эмиграционным комитетом, 1827; 3-й отчет, qu. 3430, стр. 327.

441. Исследователь (1735) 134: “Неужели, если бы вокруг этого королевства была медная стена высотой в тысячу локтей, наши уроженцы не могли бы, тем не менее, жить в чистоте и комфорте, возделывать землю и пожинать ее плоды?” “Крысы в клетке” из брошюр о Хлебном законе показывают нам другую сторону вопроса.

442. “Одним из таких последствий для поощрения любой отрасли является устойчивая неизменная политика”. - Артур Янг, Франция, стр. 388.

443. См. выше, стр. 151 и далее.

444. См. выше, стр. 191-2.

445. *l. c.* стр. 399. Ср. Леки, Восемнадцатый век., том ii. стр. 222 *след.*; Обзор Ньюенхэма, стр. 349, 350.

446. См. выше, стр. 18.

447. 7-е изд., стр. 378 футов. Ср. Полит. Экономика., 1-е изд., стр. 252, 290 и 394 *далее*
448. Эссе, III. viii. 323 (впервые в 5-м изд.). Смотри позже, стр. 268 и с.
449. Эссе, 7-е изд., стр. 452-3; 2-е изд., стр. 575-6.
450. *Там же.*, стр. 323 фута (7-й); Маккалох, Приложение к W. of N., стр. 467, 2.
451. Эссе о поп-музыке., 2-е изд., стр. 576; 7-е изд., стр. 453 футов.
452. Лавернь, стр. 423-4.
453. Даже в 1875 году Отчет Генерального регистратора показал, что в Ирландии тогда было меньше браков, чем в Англии, пропорционально численности населения, и что они были заключены позже. Ср. 18-й отчет по Ирландии (1882), стр. 18, 19.
454. Обзор Ньюенхэма, стр. 351-4.
455. Смотрите выше, Bk. I. ch. i.
456. 2-е изд., Бк. III. главы с первой по iii.; 7-е изд., Бк. III. Главы с первой по ii.
457. 7-е изд., гл. iii. (об Оуэне и др.), который заменяет ответ (2-е и 3-е изд.) на первый ответ Годвина.
458. Все, кроме статей о пауперизме. Когда речь заходит о пауперизме, тема эссе снова возвращается к теме.
459. Pol. Экономика., 1820, Введение. стр. 11. Ср. Трактат о стоимости, стр. 60 футов и выше, стр. 37.
460. Высокая цена слитков, 1809 год. См. Ниже, стр. 285.
461. Мальтус, Пол. Экономика., Введение. стр. 2, 5, 22 и др.; Эссе о попсе., Предисловие. и др.; Рикардо, Принципы политики. Экономика. и налогообложение. (1817), Предисловие.
462. Жизнь Рикардо в предисловии к сочинениям, стр. xxxi.
463. Дж. С. Милль, Политическая экономия, 1848 и 1849. Это не было полным разрывом. Новая вера и старая ставят в тупик друг друга и читателя на страницах Милля.
464. Pol. Экономика., Введение. Ср. "Дискуссии о мере ценности", Пол. Экономика., глава ii., и брошюра по этому вопросу. So Roscher, Nationalökonomie, § 1 and n.
465. Арист., Этика, i. (3).
466. "Определения в политической экономии, которым предшествует исследование правил, которыми должны руководствоваться политические экономисты при определении и использовании своих терминов, с замечаниями об отклонениях от этих правил в их трудах" (1827), стр. 5.
467. Pol. Экономика., Введение. стр. 11.
468. Определения, стр. 4.

469. Там же., стр. 5.

470. Определения, стр. 6, 7.

471. Pol. Econ. (1820), стр. 28. "И имеют меновую стоимость", - было рикардианским дополнением; и в Ежеквартальном обзоре, январь 1824, стр. 298, Мальтус слабо допускает это дополнение.

472. Pol. Экономика., Введение. стр. 11.

473. Маккалох, "Жизнь Рикардо", приставка к "Принцу экономики". и налогообложение (изд. 1876), стр. xxv.

474. Письмо, цитируемое Эмпсоном в "Эдин". Рецензия, январь 1837 г.

475. Pol. Экономика., Предисловие. стр. 12, 13 (2-е изд.). Ср. выше, стр. 57.

476. Арист., Этика, х. 1. Некоторые считали целью удовольствие, но ради блага других "нельзя так говорить".

477. См. ниже, главу iv.

478. "Прогресс нации" Портера, стр. 148 (изд. 1851). Ср. Маккалох, "Богатство наций", Заметки, стр. 525.

479. Распущен в 1817 году.

480. Между 1767 годом и своей смертью в 1820 году он написал не менее ста томов по сельскому хозяйству. Его ставка приведена в книге "Жизнь сэра Дж. Синклера" архидьякона Синклера, i. 253.

481. В конце 1801 года.

482. Сообщения в Совет по сельскому хозяйству, iv. 232-5 (1805). Ср. Ann. Reg., 1801, стр. 131.

483. Например. что участники всегда должны использовать смешанную, а не чистую пшеничную муку.

484. Ann. Reg., 1801, стр. 129.

485. Как это было сделано, например, Главным судьей Кеньоном, Королевская скамья, Рекс против Джона Расби, ноябрь 1799 г.

486. См. Дж. С. Гердлер, "Предупреждение" и др. (1800), стихотворение С. Дж. Пратта "О хлебе для бедных" (1800).

487. Гердлер, л. с. стр. 46, 48 и др.

488. Филпс, "Прогресс Великобритании", стр. 132.

489. Ср. Цифры, приведенные в "Трактате Мальтуса о ценности", стр. 69-79, и в книге профессора Роджерса "Шесть столетий труда и заработной платы", стр. 487 далее, — оба они взяты главным образом из "Эдема о бедных".

490. Богатство народов, I. viii. 44, 1.
491. Обо всем этом см. Craik, Hist. of Commerce, ii. 142-5.
492. Макферсон, то же самое, iii. 148 (1728 год), 307 (1757 год).
493. Там же., iii. 329, 331; макк., Комм. Диктант (изд. 1871), стр. 430.
494. Ср. Очерк народонаселения, стр. 352 (7-е изд.). Ср. выше, стр. 25.
495. Макферсон, iii. 438, 452.
496. Ср. Мальтус, Эссе о поп-музыке., стр. 453 (2-е изд.); Основания для выражения мнения и др., стр. 43.
497. Например. Национальная промышленность Шотландии, том ii. стр. 208-9 (1779). Маккалох цитировал другие отрывки ("Богатство наций", xlviii. п., и "Примечание о ренте", стр. 453, 1 и п.). Сэр Эдвард Уэст согласен с Мальтусом в его квалифицированном одобрении хлебных законов. См. "Цена на кукурузу" и др., стр. 139.
498. Перепечатка 3-го (?)
499. Если мы включим сюда Кризис, то это будет уже в пятый раз.
500. Она была достаточно популярна, чтобы выйти третьим изданием в 1815 году.
501. См. Обоснование мнения и т.п., стр. 2.
502. Наблюдения, стр. 20-1.
503. Там же., стр. 17.
504. Английская цена в ноябре 1884 года.
505. Наблюдения, стр. 19, 22, 23, 27.
506. Там же., стр. 28. Если гипотеза Рикардо неверна в отношении отдельных людей, то она еще менее верна в отношении правительств, как убедился Кобден.
507. Там же., стр. 30, 31.
508. Там же., стр. 32: "Многие вопросы как морали, так и политики, по-видимому, имеют природу проблем *максимального и минимального* во fluxions; в которых всегда есть точка, где определенный эффект является наибольшим, в то время как по обе стороны от этой точки он постепенно уменьшается".
509. Ср. четные наблюдения, стр. 5, 12, 13.
510. Смотрите ниже, главы ii и iii.
511. Выражение Гренвилла в письме к Питту, 1800. См. Стенхоуп, "Жизнь Питта", ii. 371.
512. За исключением, возможно, теории мистера Бейджхота. Полковник Томпсон понимал теорию народонаселения только в ее более грубой форме. В ответе 337 Катехизиса (1839) на

возражение о том, что свободная торговля приведет только к увеличению населения, он отвечает словами: “Ни один человек не имеет права препятствовать нам вести постоянную гонку с голодом, если мы можем”.

513. Основания и с., стр. 46 н.

514. Там же., стр. 3, 11, 12,

515. Там же., стр. 30, 33.

516. Рикардо, Сочинения, стр. 33[8?]5 (макк. изд.). Замечания по этой части трактата Мальтуса см. там же., стр. 382.

517. Основания и др., стр. 36 и далее. Ср. Рикардо, стр. 390.

518. См. выше, стр. 211.

519. Pol. Экономика., глава iii. раздел i., стр. 134 (1820).

520. Богатство народов, I. xi., нач.

521. Он не всегда предваряет это определение; но то, что он имел в виду именно это, ясно видно из Трактата о ренте, стр. 3 и далее: "Не каждая земля, дающая пищу, будет приносить ренту". Ср. Pol Econ. (1820), стр. 141.

522. Сравните Трактат об арендной плате, стр. 16 н.

523. Название трактата - Исследование природы и динамики арендной платы, а также принципов, с помощью которых она регулируется. Из письма Мальтуса сэру Джону Синклеру от 31 января 1815 года явствует, что в тот месяц оно проходило через прессу. Синклер, Переписка, i. 391 (1831).

524. Как, мог бы он добавить, и в образовании.

525. Pol. Экономика. (1820), стр. 142, но особенно стр. 187. Ср. Трактат о ренте, стр. 8-12.

526. Аренда, стр. 10.

527. Ср. Также ниже, стр. 294.

528. Богатство народов, IV. ii. 307, 2; ср. IV. v. 240, 2.

529. Очерк о применении капитала к земле с наблюдениями, показывающими нецелесообразность каких-либо серьезных ограничений на ввоз зерна и что щедрость 1688 года не снизила его цены. Автор: сотрудник Университетского колледжа Оксфорда. (Лондон, 1815.) Страница 2.

530. W. of N., II. iii. 148, 1.

531. Эссе, 1-е изд., стр. 363.

532. Трактат о ренте, стр. 16; Эссе о попсе. (7-е изд.), стр. 327. Ср. Выше.
533. Аренда, стр. 20; ср. стр. 18, 57. Эссе о попсе., 2-е изд., стр. 433; 7-е изд., стр. 327. “Если мы будем смотреть только на чистую денежную ренту” и т. Д.
534. Рикардо, Предисловие к Принципам политики. Экономика. и налогообложение.
535. Перепечатано Маккалохом в его издании "Политика. Экономика. и налогообложение", стр. 367-390.
536. Маккалох под ред. из Пол. Экономика. и налогообложение, стр. 374 н.
537. Там же., стр. 371.
538. Итак, проф. Роджерс приписывает высокую ренту семнадцатого и восемнадцатого веков в значительной степени низкой заработной плате; более высокая заработная плата “сначала снизила бы ренту, а затем прибыль”. — Шесть столетий, с. 482; ср. с. 480 и 492.
539. Pol. Экономика. (1820), стр. 161 (глава iii. раздел iii.).
540. Политика. Экономика. и налогообложение, стр. 373, 375, 379-80; ср. стр. 71 и 72, но особенно 68 ft. Мальтус в целом следует Адаму Смиту, l. ix.; Милль последовал за Рикардо.
541. Поскольку предполагается, что отчет является историческим, он должен быть исправлен Кэри. См. Выше, стр. 65.
542. Рикардо, l. с. стр. 372 и далее по тексту ниже. Он апеллирует к принципу компенсации Адама Смита ("Богатство наций", l. x.).
543. Роджерс ("Шесть столетий", стр. 352) заходит настолько далеко, что делает улучшения единственной причиной увеличения арендной платы, хотя этот отрывок следует читать со стр. 480, и особенно со стр. 482 и 492.
544. Например, миссис Фосетт, Пол. Экономика. для начинающих, стр. 65, 66; и даже Вест, об аренде, стр. 50.
545. 3-й отчет, 1827, стр. 321, кв. 3341. Ср. пер. Томпсон, Истинная теория ренты, стр. 8, 12, 34 и др. (1832, 9-е изд.).
546. Трактат о ценности, стр. 6.
547. Рикардо, Низкие цены на кукурузу и др., Сочинения, стр. 373, 380, 381 и др.
548. Там же., стр. 377, 379.
549. Рикардо, Сочинения, л. с. стр. 378.
550. Политика. Экономика. и налоги., там же. стр. 50далее., особенно стр. 54, 55.
551. л. с. стр. 55 футов
552. Низкая цена и др., там же., стр. 379.
553. Пол. Экономика. и налоги., гл. v.; ср. Мальтус, Пол. Экономика. (1820), стр. 230.

554. Но ср. Сочинения, стр. 377 н.

555. Pol. Экономика, IV. iii § 4. Ср. Уокер, Земля и ее рента, стр. 177-81, хотя было указано, что на стр. 178 этот автор опускает уточняющую фразу Милля (улучшения) “внезапно сделанные”.

556. Смотрите таблицу сэра Джеймса Кэрда, приложенную к "Landed Interest" (1878). Ср. Эссе Кэрна в Pol. Ес., vi. стр. 216.

557. Вк. III. гл. vii, стр. 429.

558. Эссе, 2-е изд., Б.К. III. ч. viii. с. 437.

559. Там же., I. с. глава ix. стр. 443 далее.

560. Эссе, Б.К. III. ч. ix. с. 450.

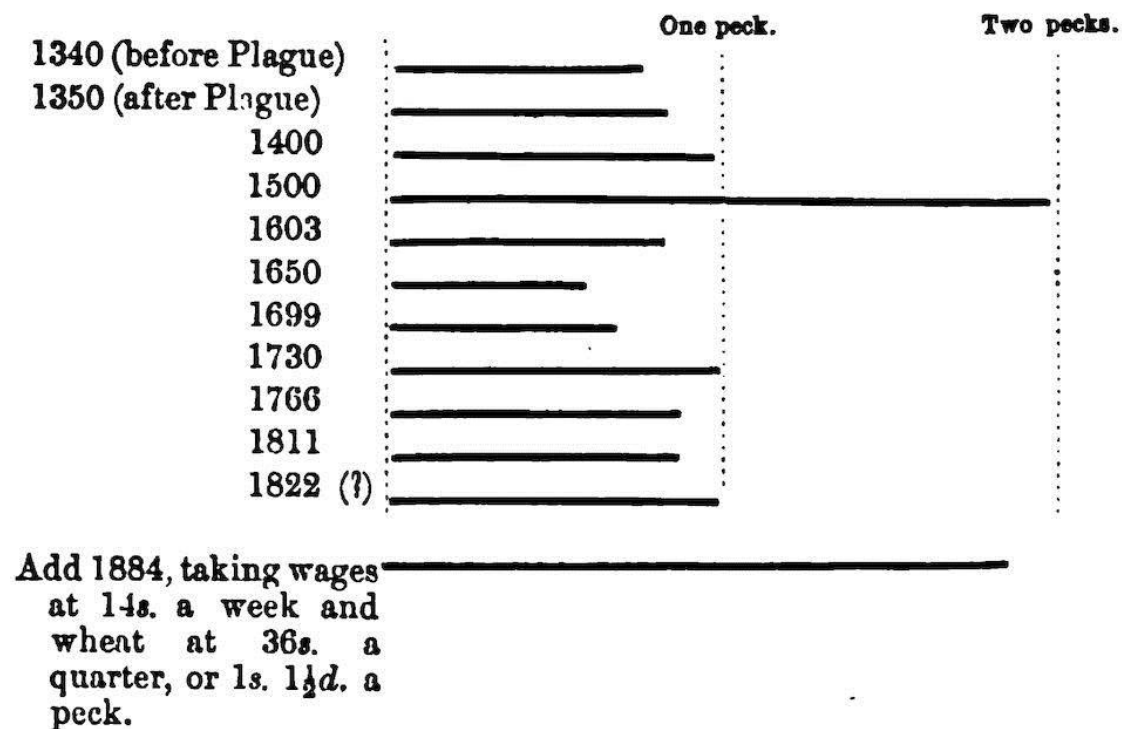
561. Там же., ч. x., стр. 465.

562. Там же., Вк. V. ch. x. стр. 468 н.

563. Пол. Экономика. (1820), стр. 227 след., (1836) стр. 240 след.

564. Шесть веков труда и заработной платы, глава xii., особенно стр. 345.

565. Факты из “обзора” Мальтуса могут быть в общих чертах представлены на следующей диаграмме, где столбиком указано количество пшеницы, заработанной за день сельскохозяйственным рабочим. Сумма за 1350 предполагает, что Закон о рабочих был успешным.

566. 7-е изд., стр. 321 далее. (Вк. III. глава viii.), впервые в 1817 году.

567. Ср. Выше, стр. 225 н. В Pol. Econ. (1820), стр. 432, он говорит: “Все великие результаты в Pol. Econ. уважение к богатству зависит от пропорций”. Добавлено 2-е изд. (стр. 376): “не только там, но и во всем спектре природы и искусства”. Поэтому он считает, что пуд пшеницы - это хорошая “средняя точка” в заработной плате. Пол. Экономика. (1820), с. 284, (1836) с. 254.
568. Эссе, 7-е изд., Бк. III. глава ix. стр. 328 *далее*. Ср. стр. 334, 338.
569. Там же., стр. 332.
570. Там же., Вк. III. глава x. стр. 334 *далее*
571. См. выше, стр. 201 и *далее*. Ср. Эссе о попсе., 7-е изд., стр. 337.
572. Эссе, л. с. стр. 338.
573. l. с. Вк. III. глава x. стр. 338-9.
574. "Двухнедельное обозрение", ноябрь 1881 г., его последнее произведение. Ср. Эссе, л. с. стр. 340-342.
575. В двух длинных главах о законах о кукурузе и щедротах, Эссе о попсе., Вк. III. глава xi. стр. 343-367. Ср. выше, стр. 226 *далее*.
576. Смотри ниже, Вк. IV.
577. Установленная и проиллюстрированная мера стоимости с ее применением к изменению стоимости английской валюты с 1790 года. (Апрель) 1823 года.
578. Итак, трактат о ценности, стр. 1. Но в определениях ценность - это “отношение одного объекта к какому-либо другому или других лиц в обмен, возникающее в результате оценки, при которой вещь удерживается” (пункты 40, 41; ср. с пунктом 5).
579. Адам Смит, "Богатство наций", I. v.
580. Мера стоимости, стр. 23. Ср. Pol. Экономика. (1820), стр. 126 *след.*; (1836), стр. 84, 93 *след.*
581. Мера стоимости, стр. 20 н. На стр. 23-4 он добавляет: “беря среднее значение заработной платы за лето и зиму”.
582. См. ниже, стр. 268. Pol. Экономика. (1820), стр. 125; (1836), стр. 102 и др.; Трактат о ценности, *passim*.
583. Труд и заработная плата, глава iii. стр. 75. Мальтус, Пол. Экономика., 2-е изд., стр. 108 *далее*
584. Ср. Маркс, Капитал, стр. 19, 21 и др.
585. МасС. изд., стр. 45 *далее*. Ср. Трактат о ценности, стр. 20 н., цитированный выше.
586. Ср. Рикардо, Пол. Экономика., Сочинения (ред. Мак.), стр. 15.
587. Показатели ценности, стр. 8-12.

588. Меры ценности, стр. 22, 65. Ср. Кэрнс, Австралийский эпизод, в Очерках в Pol. Экономика. (стр. 92 *далее*; ср. стр. 37, 61), (1873),— впервые опубликовано в журнале Фрейзера, сентябрь 1859 г.
589. Показатели ценности, стр. 23.
590. *Там же.*, стр. 27-29.
591. Показатели ценности, стр. 29 н.
592. Он мог бы просто сказать, что одно является внутренним, а другое - внешним по отношению к самым сельскохозяйственным продуктам.
593. Показатели ценности, стр. 63.
594. Показатели ценности, стр. 67 *след.* Ср. ниже, стр. 283 *след.*
595. Кто допускает, чтобы стоимость играла большую роль в ценности. Ср. Ниже, стр. 278-9. Но Рикардо, Пол. Есop., раздел vi. стр. 28, отвергает веру *в какую-либо* универсальную меру ценности.
596. Мальтус, цитируемый Эмпсоном, ред., январь 1837, стр. 499.
597. Он был Ф.Р.С. 1819 года и членом Пол. Экономический. Клуб с момента его основания в 1821 году.
598. 4 мая 1825 г.; 7 ноября 1827 г. Труды IT R. S. L., том i. часть i. стр. 171.
599. Отчет R. S. L., 1824, стр. 21.
600. Возможно, мы специально хотим узнать стоимость пальто в деньгах или его стоимость в столовых приборах или углях. Профессор за завтраком говорит о том, что “Мадера стоит от двух до шести Библий за бутылку”.
601. Определения (1827), стр. 235.
602. Т.е. *На* объект, который измеряет эту *себестоимость*.
603. *Там же.*, стр. 243.
604. См. выше, стр. 254. Долгая переписка Рикардо с Мальтусом по этому вопросу упоминается в Empson, Edin. Rev., l. c. стр. 469. Выдержки Эмпсона из нее являются наиболее ценной частью его статьи.
605. Р. Торренс, "Производство богатства", 1821, стр. iv, v.
606. Held, Sociale Geschichte Englands, p. 205.
607. Диалоги трех тамплиеров по политической экономии, 1824 (Сочинения Блэка, 1863, том iv.). Все зависит от предположения в середине диалога (стр. 196) (“доктрина мистера Рикардо такова” и т. Д.) и от ограничения дискуссии естественной ценностью (стр. 198).
608. Мера стоимости, стр. 20 н.

609. Лондон, 1832; Бирмингем, 1833. Учредительное собрание применило ту же меру, но по-другому, в 1791 году. See Roscher, National-ökon. (1879), p. 298.

610. Эти слова гласят: “дать возможность рабочим поддерживать постоянное или увеличивающееся население” (Pol. Econ., 1836, стр. 218). Неуклюжесть предложения может быть вызвана неправильным редактированием; но мы читали в другом месте о “размере заработной платы”.

611. Pol. Экономика., 1836, стр. 218, 223.

612. Посмотрите на Лассаля и Маркса.

613. Ср. Мальтус, Пол. Экономика. (1836), стр. 224, 225 и др. Очерк народонаселения, 7-е изд., III viii. 323, но особенно IV. xiii. 473. См. также Роджерс, "Шесть столетий", гл. viii, "Голод и чума", особенно стр. 233-242.

614. Мальтус, Эссе о попсе., IV. xiii. 473; ср. стр. 373 и 434.

615. Ср. особенно Эссе о поп-музыке. (2-е изд.), III. ix. 444. “Цена на рабочую силу росла, чтобы не упасть снова”.

616. Эмигрант. Комм. (1827), стр. 326, стр. 3411; ср. 3408, 3409. Ср. выше, стр. 197.

617. Главным из них является норма прибыли, которой в данный момент достаточно, чтобы побудить “предпринимателя” продолжать бизнес.

618. См. Милля о "Труде" Торнтон, Fortnightly Review, май 1869 г. Ср. Уокер о вопросе заработной платы, стр. 140 *далее*.

619. Итак, в "Ежеквартальном обзоре", январь 1824 г., стр. 315, Мальтус говорит, что прибыль зависит скорее от спроса на продукцию, чем от спроса на рабочую силу.

620. Рассуждения о политике. Экономика., Дж. Р. Маккаллох, стр. 61, 62 (1-е и 2-е изд.), 1825.

621. Беседы на Pol. Экономика., 1817 (1-е и 2-е изд.), стр. 137. Память о миссис Марсет сохранилась для современных читателей благодаря упоминанию о ней Маколея в эссе о Мильтоне.

622. Дискурс, л. с. Ср. Пол. Макк. Экономика., Пт. III. глава ii. стр. 378 (изд. 1843); Проф. Руководство Фосетта по политике. Экономика., стр. 131 (1876).

623. Джеймс Милль, Elem. (1821), стр. 25; Джон Милль, Principles, II. xi. § 1. Ср. Fort. Rev., 1869, май; Торнтон, Labour, II. i. стр. 83.

624. Богатство народов, I. viii. стр. 31, 2.

625. Там же., IV. ix. 306, 1.

626. Там же., IV. ix. 310, 2.

627. Там же., T. i. 327, 2.

628. Pol. Экономика., изд. 1836, глава iv. раздел ii. стр. 224.

629. Там же. изд. 1820, ч. iv. стр. 248.
630. Ежеквартальный обзор, январь 1824 г. См. Ниже, стр. 288.
631. Дополнение к Британской энциклопедии. Ср. выше, стр. 71.
632. Эмпсон в издании Edin. Rev., январь 1837 г., стр. 496.
633. Кварта. Откр., январь 1824 г. (№ ix.), стр. 333-4.
634. Рикардо, Пол. Экономика. и налоги., гл. i. разделы iv., v.; Сочинения, стр. 20, 25. Ср. Мальтус, Пол. Экономика., 1820, стр. 104, и весь раздел iii. стр. 72 далее.
635. Кварта. Откр., l. c. стр. 324; ср. стр. 315. Ср. выше.
636. Pol. Экономика. и налогообложение., глава i, разделы iv. и v.
637. Можно добавить, что любая данная ценность зависит как от обычаев, так и от конкуренции.
638. 1821, стр. 186, глава iv, раздел iii. "Что потребление является одновременным с производством".
639. Pol. Экономика., III. xiv. "Об избытке предложения". Ср. I. v. § 3, стр. 42.
640. Груз коньков был отправлен в Рио-Жанейро в 1808 году.
641. Целью нового Закона о хлебе 1815 года было запретить продажу всего иностранного зерна до тех пор, пока внутренняя цена не достигнет 80 *шиллингов* за четверть, или буханки 1 *шиллингов*. См. выше, стр. 221.
642. Статья по вопросу о слитках в августе того же года могла бы принадлежать ему, если бы она не принадлежала Фрэнсису Хорнеру. Ср. "Жизнь Хорнера", том i, глава vi., датируется апрелем и сентябрем 1805 года, из чего следует, что Хорнер усердно работал над этим вопросом и намеревался написать о нем, поскольку он мог бы сделать это лучше в 1811 году, исходя из своего опыта работы в Комитете по слиткам. Что касается февральской статьи, авторство частично подтверждается внутренними свидетельствами, частично - жизнеописанием Хорнера, том ii, стр. 68 (январь 1811 г.): "Я получил рукопись Мальтуса от вас [Джеффри] и с тех пор передал ее ему с такими замечаниями, которые пришли мне в голову при ее прочтении" и т. Д. Маккалох не начинал писать экономические статьи для Edin. Rev. до 1818 года. См. Примечания и запросы, 5 октября 1878 г.
643. Историю валюты в антракте смотрите во Вступлении мисс Мартино. к Истории. о мире, Вк. II. глава iii.; Hist. о мире, Вк. I. глава iii. и гл. xv.; Статья Коббетта против Золота; Банковское дело Маклеода, том ii., конец гл. ix. стр. 174-221, самый полный отчет.
644. Тогда Пил изменил свои взгляды на валюту, как позже - на католическую эмансипацию и Хлебные законы.
645. стр. 370. Он одобрительно отзывался об американской свободной торговле в банковской сфере так, что это понравилось бы Кобдену.
646. стр. 371.

647. *Например*, Хорнер жалуется на это даже в такой ясной статье, как в Ньюенхэме. См. "Жизнь Хорнера", том i, стр. 436-7 (*к югу от даты* 1808 г.).

648. Сочинения (ред. Макк.), стр. 291-296.

649. Рикардо, Сочинения (макк.), стр. xxi.

650. Ср. ниже, Вк. V.

651. Жизнь Хорнера, том ii. стр. 68 (январь 1811 г.).

652. Мысли и подробности о высоких и низких ценах за последние тридцать лет, 1793-1823. Более позднее издание 1838 года в трех томах. более ценно.

653. Политический вестник, 30 ноября 1816 г.

654. Внутренние свидетельства, *например*, стр. 237 Quarterly, по сравнению со стр. 65 Measure of Value, показали бы его авторство, и статья приписывается ему Took, Prices, изд. 1838, том i, стр. 21.

655. л. с. стр. 215-16.

656. Босанке, Практические замечания по докладу Комитета по ценным бумагам (1810); Рикардо, Высокая цена слитков как доказательство обесценивания банкнот (1809) и его ответ Босанке (1811).

657. л. с. Pol. Экономика, Введение. (1820), стр. 6 и 7 н., (1836), стр. 5 н. Ср. Тук, Прайс, часть I., стр. 6 (изд. 1823).

658. Тук, Цены, Часть III. стр. 91.

659. См. Трактат о ценности, стр. 18.

660. Ежеквартально, апрель 1823 г., стр. 230.

661. Экономика. Пол., часть III. глава ii., 2-е изд., 1842; 1-е изд., 1802.

662. Однако "Продукты" - это слово Сэя.

663. Элементы (1821), глава iv. раздел iii. стр. 186*далее*. "Что потребление является одновременным с производством". Милль учил этому еще в 1808 году в своем трактате (против Спенса) "Коммерция в защиту".

664. Lettres à M. Malthus sur différents sujets d'écon. pol., notamment sur les causes de la stagnation générale du commerce (1820), pp. 26 *seq.*

665. Политика. Экономика. (1820), стр. 355, (1836), стр. 316. Против общей позиции Сэя см. Определения, стр. 56 н.

666. Богатство народов, I. iii.

667. См. выше, стр. 232. Любопытная сноска в Essay on Pop., 3-е изд., том ii. стр. 264, предполагает, что в случае высокоразвитого земледелия может иметь место перепроизводство,

когда его стоимость заставляет фермеров взимать больше, чем может вынести общество. Но потом эта записка исчезла.

668. Рикардо, Пол. Экономика. и налогообложение, глава xxi. стр. 176 (Маккалл. ред.). Мельница (Элементы, стр. 193 футов, 194) более жесткая.

669. Эссе, 7-е изд., IV. xiii. 473.

670. Pol. Экономика. (1836), глава iv. раздел iii. стр. 239, слегка изменено по сравнению с 1-м изд., 1820, глава iv. раздел iii. стр. 266.

671. Sismondi, Nouveaux Principes de l'Écon. Пол., 1819. См. Мальтус, Пол. Экономика. (1820), стр. 420, (1836) стр. 325 н., 366 н. Ср. с другой стороны, Эссе, III. xiii. 372-3 и далее.

672. Богатство наций, Т. i. статья ii. стр. 350-353 (изд. Макк.). Ему противостоит Фергюсон, "Гражданское общество", части iv. и v. (изд. 1773).

673. 3-е изд. из Pol. Ec. и Tax. (1821), гл. xxxi. стр. 468-9, изд. Маккалл., стр. 235-6. Ср. Ниже (Критики). Это позиция Маркса.

674. Если мы верим Боурингу, "Жизнь Бентама" (изд. 1843), стр. 176.

675. "Предположим, что его мнение не изменилось за последние двенадцать месяцев". — Де Квинси, том iv. стр. 231.

676. Джеймс Милль, "Элементы", стр. 193, 194. MacCull., Pol. Ec., стр. 207. Ср. трактат Мордехая Маллиона (1826).

677. Особенно воскресными школами, согласно свидетельству Сэмюэля Бэмфорда. —Радикал, том i, стр. 7 (1844).

678. У нас есть его аналог в наши дни.

679. Смотрите ниже, Вк. III., для опровержения обвинения в том, что он был реакционером в своей политике, как и многие экономические оптимисты.

680. Пол. Экономика., 1820, с. 236.

681. l. c. стр. 472.

682. Эмигрант. Комм. (1827), стр. 317, кв. 3281.

683. Отчасти такую точку зрения предлагает сам Мальтус, Эссе, IV. xiii. стр. 473 (ср. Pol. Ec., 1820, стр. 475), отрывок, который трудно согласовать с отрывками в Quarterly и в Pol. Ec., в которых говорится о необходимости особого класса непроемчивых потребителей.

684. Pol. Экономика. (1820), глава vii. раздел ix. стр. 473. Ср. Трактат о ренте, стр. 48 н.

685. Эссе о поп-музыке., III. iii. стр. 282 (в связи с Робертом Оуэном). Ср. всю главу xiii. из книги III, где он рассуждает о "Растущем богатстве, поскольку оно влияет на положение бедных".

686. Pol. Экономика., л. с. стр. 474.
687. Там же., л. с. стр. 474-5.
688. См. выше, стр. 245 *далее.* и 252.
689. См. ниже, Вк. IV., и ср. выше, стр. 208.
690. См. выше, стр. 142.
691. Отрывок цитируется полностью, потому что недавние критики сильно его исказили; *например*, в "Прогрессе и бедности", VII. i. 304 н.
692. Эссе, 2-е изд., IV. vi. 531.
693. Lucretius, iii. 951. Сравнение Цицерона с театром, открытым для всех желающих, но предоставляющим каждому человеку собственное место, имело особое применение к собственности (De Finibus, iii. 20).
694. Эпитафия Фентону.
695. "Население Джеймса Грэхема" (1816), стр. 34. Ср. Ежеквартальное издание, декабрь 1812, стр. 327; Хэзлитт, "Дух эпохи", "Мальтус", конец.
696. Книга III. Часть I. Глава iv. (1785).
697. *Например*, Годвин, Население (1820), I. iii. 17. Уход, вероятно, был вызван Самнером. См. Оттер, "Жизнь Мальтуса в Польше" (1836), стр. iii.
698. Ср. Эссе, 2-е изд., стр. 400, 401 и нп.; 7-е изд., стр. 298 и нп. Ср. стр. 295 и 297 и нп. Ср. Также взял цитированное выше, стр. 291.
699. Ср. выше, стр. 220.
700. О щедротах и торговле зерном. Ср. Высокие цены на провизию, стр. 3.
701. l. с. стр. 23. См. Выше, стр. 289. Также Катехизис хлебного закона, 1839, стр. 244.
702. l. с. стр. 9-11. Ср. "пополнение" и "хлебные деньги", упомянутые в Отчете Комиссии по законодательству о бедных, 1834 г., стр. 27.
703. Высокая цена и др. стр. 19, 20.
704. l. с. стр. 27. Ср. выше, стр. 43.
705. 1-е изд., стр. 82, 83; 7-е изд., стр. 302-3.
706. Эссе, 7-е изд., Приложение, стр. 493.
707. Он заимствует, как он сам говорит, формулировки сэра Фредерика Идена о положении бедных (1797). См. "Очерк народонаселения", 2-е изд., стр. 417 н.; 7-е изд., стр. 308 н.
708. Письмо Уайтбриду (1807), стр. 12, 13; ср. Эссе, стр. 445 футов
709. Цитируемый очерк, III. vi. 308 н.

710. 7-е изд., III. vi. 303; 1-е изд., стр. 365.

711. III. vi. (7-е изд.), стр. 305.

712. См., например, Эмиграционный комитет, 1827, № 3369, стр. 323.

713. Взгляд доктора Джона Мура на общество и нравы во Франции, Швейцарии и Германии (7-е изд., 1789), том ii. стр. 144-157.

714. Очерк, 7-е изд., III. vi. стр. 307; Эмиграционный комитет (1827), № 3361, стр. 323.

715. l. c. стр. 307-8. Ср. выше, стр. 134.

716. Отчеты местному правительству о законах об иностранных бедных, 1875, стр. 7.

717. Переписка Маквея Нейпира, стр. 29 *далее*. Дата 30 сентября 1821 г.

718. Отчет Общества бедных, 1834; Меры по исправлению положения, стр. 227.

719. Очерк народонаселения, Приложение, стр. 492. Вероятно, именно это отрицание общественного долга побудило Кольриджа пожаловаться: “вся тенденция современной или мальтузианской политической экономии заключается в денационализации” (Table Talk, стр. 327). Ср. Тойнби, *Industr. Revol.*, стр. 24. Но, возможно, это была просто идея, что Мальтус, как и Рикардо, выступал за *невмешательство*; и в данном случае странно, что он не должен был говорить “рикардианский” вместо “мальтузианский”.

720. Эссе, 2-е изд., IV. vii. c. 538; 7-е изд., IV. viii. c. 530.

721. Эссе, 2-е изд., стр. 539.

722. Например, Отчет уполномоченных, стр. 13.

723. Отчет, стр. 227-8.

724. Отчет, стр. 228.

725. Даже если бы он был бедным налогоплательщиком, проголосовав за сумму, из которой его более богатый сосед заплатил бы большую долю.

726. Эссе, 2-е изд., стр. 490; 7-е изд., стр. 394; ср. стр. 392 сверху и 396.

727. Эссе, 7-е изд., IV. x., стр. 442-3; ср. стр. 161.

728. 7-е изд., IV. i. стр. 390. Ср. выше, стр. 37.

729. Не совсем логично, если критерием добродетельного поступка является его склонность приносить счастье.

730. *Там же.*, IV. i. стр. 390.

731. 2-е изд., стр. 489, 490, 501; 7-е изд., стр. 390, 401. Ср. Пейли, М. и П. Фил., I. vi., II. iv.; Такер, “Свет природы” (1-е изд., 1768), том ii. глава xxix., особенно § 12.

732. Эссе, 7-е изд., IV. i. 391. Кантовская проверка морального закона, поскольку она не была чисто догматической, легче всего иллюстрировалась, или, он бы сказал, пародировалась, этим утилитарным аргументом.

733. Эссе, 2-е изд., стр. 487; 7-е изд., стр. 392.

734. Там же., 2-е изд., стр. 488; 7-е изд., стр. 392-3; ср. стр. 398.

735. Там же., 1-е изд. (1798), стр. 211.

736. Отрывок из "Повести о Тайне", который не оставил следа в памяти самой мисс Мартино, но так верно изложил Мальтуса, что он нарочно зашел поблагодарить ее за это (Автобиогр., i. 253), легко идентифицируется в свете этих выдержек как гл. iii. стр. 56 издания 1833 года.

737. 2-е изд., стр. 491-2; 7-е изд., стр. 395. См. выше, стр. 36.

738. 2-е изд., стр. 494; 7-е изд., стр. 397. Ср. выше, стр. 38.

739. Фраза из Эссе, 7-е изд., стр. 401.

740. Не следует путать с его современником Джосайей Такером, деканом Глостерского университета, предшественником Адама Смита.

741. с 1727 по 1774 год, год его смерти. Бетчворт, теперь поглощенный делами Дипдина, поместья миссис Хоуп, находившегося на дальней стороне Доркинга от Олбери и Грачовника.

742. Этот ясный эпитет приписывается Георгу III.

743. Выше (стр. 39) и ниже (стр. 330) было отмечено различие. Он также отличается от Бентама, который стремился не удовлетворять страсти, а уничтожать их. См. Held, Soc. Geschichte, p. 213.

744. Эссе, 7-е изд., IV. x. 441.

745. Там же., IV. i. 391.

746. См. выше, стр. 35.

747. 7-е изд., стр. 441 футов.

748. Там же., стр. 442 сверху.

749. Эссе, III. ii. 279, объясняет таким образом распространенный предрассудок, который, по крайней мере в одном случае, более сурово наказывает за один и тот же грех женщину, чем мужчину.

750. Эссе, 7-е изд., IV. x. 442.

751. Там же., IV. ii. 401. Ср. Paley, Moral Philos., том I. Книга II. глава iv. стр. 65, там цитируется, и Tucker, L. of N. (1-е изд.), том I. ii глава xxix., особенно §§ 5-7 и 12.

752. Эссе, 7-е изд., IV. x. 443, 444 фута

753. Там же., IV. viii. 432, 433, по сравнению со стр. 492.

754. Эссе, 7-е изд., Приложение. стр. 492-3. Ср. 7-е изд., стр. 280: “Любовь к себе - главная пружина великой машины”.

755. III. vii. 311.

756. Edin. Rev., 1810 (август), статья о рассуждениях Ингрэма о населении и письмах [Хэзлитта] в ответ Мальтусу. Поскольку отношения Мальтуса к Рецензии в то время были близкими, а аргументы и стиль удивительно похожи на стиль нашего автора, существует, по крайней мере, большая вероятность того, что статью написал он, а Джеффри по своему обыкновению снабдил ее заголовком и концом, чтобы скрыть авторство. Ср. "Жизнь Джеффри Кокберна", Т. I. 301, 302, ср. 285.

757. Ср. "Богатство наций", I. x. 48, 49.

758. Изд., 1810 (август), стр. 475.

759. Пейли, Мор. и пол. Фил., I. vii. 9; ср. Мальтус, Эссе, IV. ii. 397, и др. Ср. выше, стр. 39.

760. Пейли, *там же.*, I. iv. 14.

761. См. Выше, стр. 37. Процитированные там отрывки полностью опровергают утверждение Хелда о том, что “Мальтус апеллировал к полезности, несмотря на свою веру в Библию” (Sociale Geschichte Englands, книга I. Глава ii, стр. 234).

762. Mor. и Pol. Фил., vii. 10.

763. “Любое состояние может быть названо ”счастливым", при котором количество или совокупность удовольствий превышает количество боли". —Пейли, М. и П. П., I. vi.

764. Эссе, 7-е изд., III. vi. 305.

765. См. "Метод этики" мистера Сиджвика, стр. 385 и далее.

766. Цитируется по "Кризису"Эмпсона, ред., январь 1837 г., стр. 482.

767. Отчет Комиссии крофтеров, 1884, стр. 9.

768. Эссе, IV. iii. 407.

769. Социальному реформатору было бы полезно узнать, *например*, от священнослужителей, опекунов бедных и полицейских магистратов, какая точная доля нищеты в их опыте была вызвана: (a) по вине жертвы, (b) по вине его родителей, (c) мошенничеством или притеснением других и (d) простыми случайностями в торговле.

770. 7-е изд., стр. 280.

771. III. ii. 434.

772. Сцены церковной жизни, стр. 250.

773. 7-е изд., стр. 404.

774. стр. 464, 1817. Еще в 1803 году (Эссе, 2-е изд., IV. xi 689) Мальтус рекомендовал Сберегательные банки.

775. 7-е изд., стр. 397. Ср. стр. 407 и с.

776. 7-е изд., стр. 405. Для полноты картины мы должны добавить то, что сказано выше (гл. i) о месте человека на земле, а также (Бк. III. главы ii. и iii.) об индустриальном обществе, каким оно могло бы быть.

777. См. выше, стр. 298.

778. Макинтош изменился, но так и не отрекся. Смотрите Эссе Маколея.

779. Эссе, 7-е изд., IV. vi 420-1.

780. W. of N., I. i..

781. Более строго, то, что растет само по себе, естественно; то, что заставляет его расти само по себе, - это Природа.

782. См., например, Эссе, стр. 390.

783. Жизнь Годвина, ii. 266.

784. Саути пожелал, чтобы какой-нибудь “Крестоносец” вроде Рикмана писал статьи по экономике для the Quarterly и не пускал Мальтуса (Life and Letters, vol. iii. p. 188).

785. Эссе, III. vii. 318; написано в 1817 году.

786. 2-е изд., IV. vi.; 7-е изд., IV. vi. и vii. Должно быть, когда он писал эти слова, он помнил о заключении в тюрьму своего бедного учителя Гилберта Уэйкфилда за мятежный памфлет (1799-1800). См. Ниже, Bk. V.

787. 7-е изд., стр. 417.

788. 7-е изд., стр. 426: написано в 1817 году. О тенденции французов до революции во всем полагаться на правительство см., например, "Современная Европа" Дайера, том iv, глава ii, стр. 304.

789. 7-е изд., стр. 418.

790. Очерки морали и политики, том i, стр. 49; "Британский парламент".

791. Мальтус, Эссе, 2-е изд., стр. 502; 7-е изд., стр. 402. Ср. поразительный отрывок в обзоре Ньюенхэма, изд. изд., июль 1808 г., стр. 348-9.

792. Например. 7-е изд., стр. 438-9 и 478. Ср. Выше, стр. 56. Письмо Хорнера Мальтусу в. Февраль 1812 г. (Воспоминания Хорнера, том ii, стр. 109-10) показывает, что это было активное сочувствие. Мальтус согласился выступить в качестве “распорядителя” на одной из встреч Ланкастера в Лондоне.

793. 2-е изд., стр. 556-7; оппонентов “справедливо можно заподозрить в желании поощрять их невежество в качестве предлога для тирании”.

794. 7-е изд., стр. 439; 2-е изд., стр. 555-6.

795. Мисс Мартино, История. о мире, I. vii. 117-18.

796. Эссе, 7-е изд., IV. ix. 440, 441.

797. Удерживается, Сок. Gesch., p. 215.

798. См. выше, стр. 95, 96 и далее.

799. См. выше, стр. 340.

800. Эссе, 7-е изд., IV. x. 446-7.

801. Эмигрант. Комм. (1827), номер 3310.

802. IV. xiii. 474. Картофель для таких - находка, говорит он в другом месте (Edin. Rev., июль 1808 г., стр. 344).

803. См. выше, Bk. II. ch. i.

804. См. выше, стр. 301.

805. Например, Эссе, IV. ix. 433.

806. В Германии бедные ученые из сельской местности часто, поступая в университет, зарабатывают на хлеб с маслом у состоятельных граждан; и учеба в целом оказывается настолько несовместимой с ленью, что практика не лишает их впоследствии желания самим зарабатывать себе на жизнь.

807. Покровительственная пошлина - это косвенное облегчение положения защищаемой отрасли, но, как правило, защищаемые защищены от лени своей собственной внутренней конкуренцией; и ошибка протекционизма заключается в другом, а не в поощрении лени.

808. Rénan, Qu'est ce qu'une Nation?

809. Ср. выше, стр. 225.

810. Ср. стр. 36.

811. Реакция против Руссо и Годвина может частично объяснить отсутствие космополитизма.

812. См. Выше, гл. i.

813. Кто-то сказал: "Был человек ничему не обязанным канном, он был человеком и Организмом"; и нам задолго до этого сказали, что сравнение - это либо "то же самое, что и они сами", либо "то же самое, что и все", и то и другое является логической ошибкой.

814. Эссе, Bk. IV. ch. x. стр. 445. "Каждый человек имеет право делать со своей собственностью все, что ему заблагорассудится". Но вопрос в том: —Что является его собственным?

815. Профессор Т. Х. Грин, Либеральное законодательство и свобода договора, Оксфорд, 1881г.

816. τὴν φιλίαν ἀναγκαῖον ὑάρη γίνεσθαι. Ar. Pol., II. ii.

817. См. выше, стр. 310.

818. Беседа о Христианском союзе. См. Эссе о населении, 7-е изд., стр. 254 н.; Прайс, наблюдения, стр. 206 н.
819. Из Матф. vi. 10 и Псал. cxii. 2*продолжение*.
820. См. особенно стр. 12-18 и 20 (4-е изд., 1790).
821. Часть II. Эссе. стр. 228 *далее*. Жизнь, ii. 292. Ср. ii. 64.
822. Жизнь, ii. 64.
823. Мысли, стр. 10 и коммент. Ср. стр. 43, 45. В книге "Прогресс и бедность" (стр. 93, изд. 1881) говорится, что Годвин "до самой старости пренебрегал ответом" Мальтусу.
824. Мысли, стр. 61.
825. *Там же.*, стр. 67.
826. *Там же.*, стр. 72-3.
827. Жизнь Годвина, i. 324.
828. См. Выше, стр. 208 и далее. В 5-м издании он поворачивается спиной к Годвину и обращается к Оуэну.
829. Итак, Кольридж (ср. примечание к стр. vii. из его копии эссе, сделанной кварто): "И, конечно, вы полностью опровергаете свою предыдущую брошюру и могли бы избавить себя от необходимости *составлять* настоящее кварто".
830. Edin. Rev., 1802, о беседах доктора Реннела, Сид. См., Сочинения, i. стр. 8.
831. стр. 18. Сравните ответ Де Квинси Хэзлитту в Лондонском журнале за 1823 год (т. viii. стр. 349, 459, 569, 586).
832. Старший, Лект. по поп., стр. 35.
833. Население, I. iv. стр. 27 (1820).
834. Ср. также речь 9 апреля 1816 года. Хансард, *sub dato*, стр. 1109.
835. См. Выше, стр. 75. Ср. также выше, стр. 142 *далее*, об эмиграции.
836. Годвин, Попн., I. xiii. 106. Ср. I. iv. 22, II. ii. 142, VI. vi. 585.
837. Хавик, 1807, особенно стр. 84.
838. Сэдлер, Попн., I. i. 15 (1830).
839. Приложение. к 3-му изд., 1806; 7-е изд., стр. 485; ср. стр. 395, 446 и др.
840. См. Приложение к изданию 1826 г., 7-е изд., стр. 627.
841. Жизнь, ii. 271.
842. *l. c.* стр. 259.

843. Жизнь, ii. 259, 260. Ср. То, что Годвин пишет сэру Джону Синклеру в июле 1821 г. (Переписка Синклера, i. 393).

844. *l. c.* стр. 271.

845. Морган и Россер, *например*, см. Life, ii. 272-5; ср. стр. 280.

846. Изд., июль 1821 г., стр. 364.

847. Жизнь Годвина, ii. 274

848. *Там же.*, стр. 274-5.

849. № 1, октябрь 1802 г., особенно стр. 26.

850. Численность населения, I. i.

851. Приложение к 3-му изд., стр. 520 н.; 7-е изд., стр. 491 н.

852. См. Его Письмо Годвину, датированное октябрём 1818 г. и цитируемое в Godwin's Population, Bk. II. ch. i, стр. 116-123, с комментариями.

853. См. выше, стр. 66.

854. Население, II. x. 244-7 человек.

855. *Например*, II. xi. 274, 282, но особенно I. iv. 25, а для третьего аргумента, стр. 29, 30, ср. стр. 43-50 и др. Ср. также Годвина с Синклером в переписке Синклера, i. 393.

856. Население имеет тенденцию удваиваться за несколько лет, и риска перенаселения нет, за исключением редких периодов застоя в торговле (Письмо Годвина Синклеру, Переписка Синклера, *l. c.*). Заметное исключение.

857. Население, II. xi. 251-2.

858. IV. i.

859. II. ii. 127 и ср. выше.

860. II. xi. 287, &c., &c.

861. III. iii. 327 *далее*.

862. *Coups d'état in nature*. Paul Bert, L'Enseignement Primaire, 1880, p. xxviii.

863. Эдинбургское обозрение, июль 1821 г. Ср. Письмо преподобному Т. Р. Мальтусу Дэвида Бута (1823), который абсурдно принимает Мальтуса за рецензента. Хотя внутренние свидетельства развеивают эту фантазию, они показывают, что Мальтус, как считалось, все еще писал для "Эдинбург Ревью".

864. Другие, в застольных беседах и Биографии. *Literaria*, в основном декламация.

865. В этих цитатах заглавные буквы указаны в оригинале, а курсив соответствует подчеркиванию.

866. Ежегодное обозрение Артура Эйкина, том ii. (за 1803 г.), стр. 292 *далее*. Ср. "Жизнь и переписка Саути" (изд. 1850), том ii. стр. 251, 20 января 1804 г.: "Вчера Мальтус получил, я полагаю, смертельную рану от моей руки"; ср. том vi. стр. 399 и том ii. стр. 294. Здесь нет и намека на обязательства перед Кольриджем.

867. Ср. Выше, глава iii. стр. 81 *далее*, и *далее*. III.

868. *Так*, хотя это объясняет кое-что само по себе.

869. Вероятно, он имел в виду 353-е место, но его цифры небрежны.

870. На полях стр. 364, 2-й параграф: "Прочитируй и примени к самому себе".

871. *Например*, на стр. 65 напротив строк 5, 6 "Задница!" односложное уточнение, опущенное в обзоре Саути.

872. Впервые в 1817 году, 7-е изд., стр. 509 *далее*.

873. Одного из обвинений (стр. 18: что Мальтус рекомендует те же средства, что и Кондорсе) достаточно, чтобы подчеркнуть характер книги Джеймса Грэхема "Исследование принципа народонаселения и др.". Во введении приводится полезный список авторов с обеих сторон; см. стр. 71. (Edin., 1816.) Симонин повторяет обвинения Грэхема, допуская еще больше собственных ошибок. Посмотри его биографию. de la Psychologie (1879), pp. 397–9.

874. 7-е изд., стр. 511. Ср. выше, стр. 52, и ответ на ответ Годвина, Эссе, 2-е изд., III. iii. 384.

875. Эдинбургское обозрение, январь 1837г.

876. Жизнь и переписка Саути, том iii. стр. 21-2 и стр. 188.

877. Епископ Глостерский, а затем Херефордский. Богослов. Сочинения (1832).

878. "Изобилие человеческих вещей, при прочих аналогичных обстоятельствах, изменяется обратно пропорционально их количеству". —Сэдлер, Попн., т. iii. стр. 352 (1830). Несколько едко рецензирован Маколеем в Edin. Rev., июль 1830 г. См. "Жизнь Маколей" Тревельяна, том i, стр. 126. Ср. "Ответ" Сэдлера Эдину. Откр. Его самым слабым местом было использование слова "наоборот".

879. Мальтус, Эссе, II. v. (7-е изд.), стр. 164, 166; ср. стр. 485.

880. Г. П. Скроуп, член парламента, пол. Экономика, 1833, и др. Мальтус, Эссе, III. iii. (7-е изд.), 282-6 (Оуэн), IV. xii. 457 (Оуэн), III. xiv. 380 н. (Андерсон).

881. Джон Вейланд, младший научный сотрудник, F.R.S. Принципы народонаселения и производства, на которые влияет прогресс общества, с учетом моральных и политических последствий, 1816.

882. Итак, Арнольд Тойнби, "Промышленная революция", стр. 107.

883. Глава iii. стр. 21. Он добавляет в качестве второго: “Эту тенденцию невозможно уничтожить”.
884. Эссе, Приложение, стр. 517.
885. Propos. iii и iv.
886. Эссе, л. с., стр. 521, очень сильный отрывок.
887. Приложение. стр. 526.
888. Рор. и произв., стр. 82 *далее*.
889. 7-е изд., I. ii. 12 н.; 2-е изд., стр. 16.
890. Турне по южным графствам Англии, 1767, с. 342.
891. Между 1767 и 1820 годами. Ср. Выше (Англия).
892. Путешествия по Франции, стр. 408-9 (изд. 1792) и др.
893. Эссе о поп., 7-е изд., стр. 449, 451 *далее*; *Анналы сельского хозяйства*, № 239, стр. 219*далее* (цитируется в Эссе, Приложение. стр. 496-7). Янг упрекал Мальтуса в отрицании права на помощь.
894. Путешествия по Франции, изд. 1792, стр. 438-9.
895. Приложение. к эссе, стр. 499, 500. Неверно, что “Оуэн был прав *в отличие от Мальтуса*, когда он рассматривал определенный уровень комфорта как необходимое условие нравственной жизни и думал, что возможно значительное увеличение производственных способностей человека” (Held, Soc. Gesch. Англия, стр. 351-2). Сам Мальтус сделал и то, и другое.
896. План цитируется Коббетом, Пол. Рег., 14 декабря 1816 г. Мальтус (Pol. Ec. (1820), стр. 434, 435, (1836), стр. 378) считает, что “совместное владение” правительством с землевладельцами, по схеме экономистов и по аналогии с восточным “единоличным владением”, могло бы стать слишком готовым механизмом налогообложения для военного деспотизма.
897. См. выше, стр. 87, 112 и *далее*.
898. Эссе, 7-е изд., стр. 284.
899. *Например*, от Bagehot, Econ. Stud. (1880), стр. 135 *далее*, и Саути в процитированном выше Ежегодном обзоре Эйкина.
900. III. iii. 286. Этот и остальную часть его аргумента (даже его применение к гражданской свободе) можно найти у Аристотеля, Политика, ii. 3 и 4, но особенно 5. $\delta\epsilon\iota\ \delta\epsilon\ \mu\eta\delta\epsilon\ \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\ \lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ и с.
901. Эссе о поп-музыке., 7-е изд., стр. 282.
902. См. выше, стр. 24.
903. Генезис видов, 2-е изд., 1871, с. 5.

904. Загадочный эффект от подсчета своих прадедушек и прабабушек примерно до двадцатой степени описан Блэкстоуном, процитирован Годвином (Popn.) и повторно процитирован Хэзлиттом (Spirit of the Age, 1825, стр. 273, 'Годвин'). Загадка становится меньше, если мы вспомним, что наши далекие предки, должно быть, вступали в брак в семьях друг друга или, скорее, были отпрысками одних и тех же семей. Мы не можем вернуться ни к одной паре, кроме как через "запрещенные ступени".

905. Таким образом, мы должны понимать, что Мальтус и автор согласны с *в том, что* население нуждается в проверке, и просто не договорились, *какими* должны быть проверки.

906. См. ниже, стр. 392.

907. См. Выше, стр. 370. Шестнадцать позиций, не затронутых на своих местах, будут дополнены ссылкой на следующие места в этой книге: i. к стр. 20 добавить Эссе, 2-е изд. Бк. III. глава iii. стр. 383, ii. - стр. 37, iii. к стр. 338, iv. к стр. 51, 78, v. к стр. 80, vi. к стр. 83, viii. к стр. 113, ix. к стр. 376, x. к стр. 67, xi. к стр. 231, 297, см. Эссе, 7-е изд., стр. 381, xii. к стр. 70, 75, 91, xiii. к стр. 393, xiv. к стр. 91, 270, xv. к стр. 294, xvi. к стр. 69 и xvii. к стр. 75.

908. Das Kapital, 7ter Abschn. 23. кап. с. 653 *далее* (изд. 1872); ср. 646 *далее*.

909. Язык Рикардо, гл. xxxi. стр. 236 (цитируется Марксом, стр. 656 н.). Ср. Выше, стр. 297. Ср. также Маркс, стр. 427 и далее.

910. Ср. что сказал проф. Роджерс говорит в "Шести столетиях", стр. 229, о попытке, предпринятой в пятнадцатом веке, увеличить "остаток" сельскохозяйственного труда в интересах фермеров и землевладельцев. Также выше, стр. 164 н.

911. Маркс, *там же.*, стр. 659.

912. Напечатано с ошибкой у Маркса как 254.

913. См. выше, стр. 137, 188 и др.

914. См. выше, стр. 335.

915. См. выше, стр. 299, 335 и др.

916. Das Kap., p. 549 n.

917. Das Kap., p. 641 n.

918. Пропущенный отрывок не является ни правдивым, ни приличным.

919. G. M. Ortes Reflessioni sulla popolazione (1790).

920. Das Kap., p. 549 n.

921. Ср. выше, стр. 382, и Мальтус, Эссе, 2-е изд. III. iii. 386, где он говорит, что Долг и Интерес должны работать вместе.

922. "Теория народонаселения", Вестминстерское издание, апрель 1852 г., пиратски переведена немецким профессором Траллом в 1877 г. (Eine neue Bevölkerungstheorie) и в

значительной степени поддерживается ее автором (г-ном Гербертом Спенсером) в "Принципах биологии", том II, часть vi, "Законы размножения".

923. Эссе, 7-е изд., стр. 269.

924. Выше, стр. 377.

925. *Например*, Хэзлитт, Ответ на эссе о населении, стр. 20.

926. У. Р. Грег, "Загадки жизни", 8-е изд., 1874, стр. 58*далее*. Почти такой была позиция Годвина в его первом ответе.

927. Сэдлер о населении и ответ на Edinburgh Review. Годвин, "Население", Вк. VI. глава ii. и с.

928. Кэри (Н. С.), Принцип социальных наук (1858), том i. глава xiv.; ср. выше, стр. 74 *далее* X. Джордж, Прогресс и бедность, стр. 115, 116. Сэдлер, стр. 70 и др.

929. Годвин, Сэдлер и др.

930. Сэдлер, стр. 354-5 и др. Ср. Адам Смит, W. of N., I. viii. 36. См. Выше, стр. 82, 83.

931. Годвин, см. Выше, стр. 361. Саути, Жизнь и переписка, III. 188. Бейджхот, Экономика. Исследования, стр. 133 *далее*. Ср. Джордж, II. ii. 94. Выше, стр. 362, 381.

932. Безант, Закон народонаселения, глава iii. Ср. Мальтус, стр. 407 *далее* (IV. iv.); Коббетт, "Прощаясь со своими соотечественниками" (1817), стр. 6; "Политический регистр", 4 января 1817 г., стр. 26, и с., и с. выше, стр. 329.

933. Годвин, "Население", *passim*. Джордж, II. ii. 102, 109. Выше, стр. 111, 112.

934. Годвин, *там же*.; Джордж, стр. 138, 259 и др.; Кольридж, ср. примечание к стр. 358 (Эссе, 2-е изд.), где вместо "физического строения нашей природы" он читал "в существующей системе общества". Так дословно передает Саути в книге Энн Эйкин, преподобный Л. К.

935. Даблдей, Истинный закон народонаселения (1841). Выше, стр. 65. См. Герберт Спенсер, Биология, том II. часть vi. глава xii. стр. 455, 480 и др. Физиологи полностью опровергли "Даблдей".

936. Герберт Спенсер. См. Выше, стр. 393. У. Р. Грег, "Загадки". Выше, стр. 394.

937. Новые мальтузианцы. См. Выше, стр. 24.

938. См. выше, стр. 365 *далее*. Ортодоксальность Мальтуса доказывается не несколькими ортодоксальными предложениями, которые можно почерпнуть у него (как у Бэкона), или даже обнаружением изъянов в принятой доктрине, но всей логикой эссе.

939. См. выше, стр. 365*далее*.

940. См. выше, стр. 336.

941. См. выше, стр. 328.

942. См. выше, стр. 96.

943. Авторство статьи подтверждается Письмами Маквея Нейпира *sub dato* биографией. предисловие к книге Эмпсона, стр. 472.
944. “Даниэль Мальтус, 17 лет, Сиденхэм де парочиа, Джайлс Лондини Армиджери филиус” (запись на аттестат зрелости, Пасхальный семестр 1747 года).
945. Смотрите "Мемуары Гиббона", стр. 46 (ред. Хант и Кларк), и "Жизнь Джеффри", i. 40.
946. Ср. "Богатство наций", Т. i. ст., стр. 341 и далее.
947. Биогр. предисл. к Пол. Экономика. (1836), стр. xxvi.
948. Само имя Мальтус, вероятно, Солод-хус, или Мальтхаус (ср. Шортхаус, Малтби), которое до сих пор встречается как фамилия в Англии. Фрэнсис (или, как некоторые говорят, Томас) Мальтус написал книгу "Фейерверки, фортификация и арифметика" на французском и английском языках в 1629 году.
949. За исключением, возможно, письма, цитируемого Оттером, биография. предисловие, стр. xxvii. (дата 1788 года).
950. л. с. стр. xxv.
951. l. с. стр. xxv и xxvi, которые, однако, показывают, что к пятидесяти семи годам силы немного ослабли.
952. “Он был рожден не для того, чтобы копировать работы других”. — Письмо в джентл. Журнале, февраль 1800 г. См. выше, стр. 7, и Выдру, стр. xxii.
953. Выдра, стр. xxi, xxii.
954. Поэтому он постоянно призывает Роберта “применять свои инструменты”. “Ненавижу смотреть, как девушка делает странные стежки на куске тряпки”. — Оттер, стр. xxvi.
955. Джентльмен. Журнал, январь 1800 г., стр. 86; ср. февраль 1800 г., стр. 177; Выдра, стр. xxvi.
956. Ежемесячный журнал, март 1800 г., Выдра, стр. xxii. Что и где были эти фрагменты, нам не сообщается.
957. Написано в 1772 году и переиздано в "Серии британских романистов" миссис Барбо, 1820. Грейвс жил в Клавертоне с 1750 года до своей смерти в 1804 году, на девяностолетнем году жизни. Он стал членом общества "Все души" в 1730 году и, возможно, был знаком с Дэниелом Мальтусом в Оксфорде.
958. Которых он называет и свободно цитирует. Такер, в силу своей натуры, демонстрирует такую же открытую неприязнь к ним, но с гораздо большим юмором и вкусом.
959. В 1780 году или около того.
960. Жизнь Уэйкфилда (1804), том i, стр. 214. Любопытно вспомнить, что Марат, как говорят, незадолго до этого был билетером в школе Уоррингтона.
961. Жизнь Уэйкфилда, i. стр. 344.

962. Избран в 1776 году. См. Life, i. стр. 111 футов.

963. Выдра, l. с. стр. xxvii. футов.

964. Письмо в приложении II к "Уэйкфилду", "Лайф", ii. стр. 454-463. Сравнение этого письма с Wakefield, Life, ii. стр. 334, и Otter, l. с. стр. xxiv. ft. ("по его собственному признанию"), делает почти несомненным, что письмо принадлежит Мальтусу.

965. Например, с такими очень разными людьми, как Уотсон, епископ Лландафский, и Томас Пейн.

966. Хотя в колледже он получил несколько премий за декламацию на латыни, греческом и английском языках. Мы можем надеяться, что его дефект речи не стал заметен в то время или что декламации не всегда были декламируемыми.

967. Уэйкфилд, Лайф, ii. стр. 9.

968. Выдра, l. с., стр. xxv.

969. Сам Оттер был четвертым рэнглером в 1790 году, а Э. Д. Кларк младшим оптимом в том же году.

970. Выдра, l. с., стр. xxviii.

971. l. с. стр. xxvii.

972. l. с. стр. xxviii.

973. На дороге, ведущей из Олбери в Гилфорд, прилепился к склону холма уютный домик с низкой крышей, менее амбициозный, чем the Rookery, но не лишенный приятных садовых дорожек, деревьев и кустарников.

974. См. выше, стр. 7.

975. происхождение которого было достаточно описано выше, Bk. I. ch. i.

976. Один из его источников указан в Эссе, IV. ix. 438: "В некоторых беседах с рабочими в период позднего дефицита". Ср. Трактат о высоких ценах на провизию, стр. 10 и др.

977. См. выше, стр. 48, 49 (за рубежом) и стр. 195 (в Ирландии).

978. Кларк (Э. Д.) ("Жизнь Оттера", том ii, стр. 15) ссылается на письмо Мальтуса с вопросом о больнице для подкидышей в Санкт-Петербурге (датировано мартом 1800 г.). Ср. там же., стр. 39: "Что касается Мальтуса, скажите ему, что ему не стоит писать. Он занят другими делами и уничтожает все следы своего паломничества.... Он - большая забота о туристах" [так в оригинале]. Поэтому он обращается к Макинтошу, когда последний находится в Индии в 1804 году. См. "Жизнь Макинтоша" (1836), стр. 215.

979. Например, Рикардо, старший, и доктор Тос. Чалмерс (который нанес ему мимолетный визит в октябре 1822 года: "Жизнь Ханны", том ii, стр. 358) и Фрэнсис Хорнер ("Мемуары и переписка", например, том i, стр. 406). В i. 436 своих Мемуаров Хорнер рассказывает о том, как вместе с Джоном Уишоу, адвокатом, посетил Мальтуса в Хейлибери в 1808 году, и пользуется случаем,

чтобы превознести его простую любовь к истине выше красноречия и разносторонности других, хотя это, по его словам, может выглядеть как решение в пользу тупости.

980. Например, резервуар, стр. 106; но самым экстравагантным, пожалуй, является ботанический рисунок на стр. 273, где он говорит, что “навозная жижа”, использованная для того, чтобы вызвать французскую революцию, “разорвала чашечку человечества”. Маколей использует аналогичную метафору точно такого же события в Эссе о Берли.

981. Его собственное владение метафорами позволяло ему легче обходить противника стороной. Смотрите, например, как он обращается с Великаном Вейланда, мушкетной пулей и пленками, в эссе, Приложение. стр. 514-521.

982. Гравировка Фурнье для Словаря экономической политики, арт. "Мальтус".

983. См. ниже, стр. 418 н.

984. Джентльмен. Журнал, март 1835 г., стр. 324.

985. Эссе (7-е изд.), II. iii. 148, где “зима 1788 года”, возможно, относится к 1798 году, хотя во втором и всех последующих изданиях это 1788 год; или же “предшествующий” может быть неправильным. Ср. Высокая цена Пров., стр. 2.

986. Ср. Выше, стр. 48, 127, которую следует читать вместе с этой Биографией.

987. Жизнь Кларка, том ii. стр. 183. Из сноски в самом эссе (7-е изд., стр. 194) мы знаем, что, по крайней мере, часть его была написана в 1802 году.

988. Стенхоуп, “Жизнь Питта”, iii. стр. 36; ср. стр. 53. “Наши выборы в Кембридже прошли совершенно спокойно”.

989. Жизнь Кларка, ii. 203-4 н. э.

990. Граф Карлайл, поэт. См. англ. Барды и шотландские обозреватели.

991. Выдра, л. с. стр. xxvi. Ср. Эссе, 1-е изд., стр. 210-12. Джентл. Журнал, апрель 1804 г., стр. 374. Комплимент, который Оттер делает ему (в некрологе в “Атенеуме”, 10 января 1835 г.) за то, что его слуги долго оставались с ним, был бы более естественным для его жены.

992. Мистер Саргант (“Жизнь Оуэна”, стр. 85) говорит, ссылаясь на авторитет мистера Холиока, что Мальтус посетил Нью-Ланарк в его лучшие дни. Таким образом, работа Оуэна пришлась Мальтусу по душе; он реформировал мир, начав с одного отдельного его уголка. Ср. Эссе, III. iii. 282 фута.

993. См. ниже, стр. 423.

994. Воспоминания Хорнера, i. 436-7; ср. стр. 406. Ср. Мисс Марино, История. о мире, Введение, II. i. 257.

995. Он был принят в члены Французского института, а в 1833 году стал одним из пяти иностранных сотрудников Acad. доктор наук морали и политики, член Королевской академии Берлина (Otter, l. с. стр. xli.). См. Главу. Заметьте, Граф и Гарнье, диктатор французской политики

996. Бейн, "Жизнь Джеймса Милля" (1882), стр. 199.

997. Все, что, безусловно, известно об основной массе его вкладов в Edin. Обзор заключается в том, что, как и вклады Джеймса Милля и Макинтоша, они появляются не раньше двадцатого числа этого года (в июле 1807 года). См. Бэйн, "Жизнь Джеймса Милля", стр. 75 н. э. Хорнер упоминает (Мемуары, том I., стр. 437) статью о населении Ирландии Ньюенхэмом, 1808 год, и другую (рукопись которой он видел), февраль 1811 года (Том II, стр. 68). Но смотрите выше, стр. 285, примечание.

998. Апокрифическая история его одиннадцати дочерей приведена и разоблачена Гарнье, Dict. de l'éc. Pol., art. "Мальтус".

999. Зять Оттера. "Хэла" в детстве спросили, что бы он сделал, если бы, подобно Доброму самаритянину, нашел полумертвого человека на обочине дороги; он ответил (по аналогии с мухами): "Я бы убил его на месте". Сравните ответ ребенка с замечаниями его отца по поводу той же притчи в Эссе, IV. xi. 447.

1000. Список духовенства, 1881 год.

1001. Мемуары, дневники и проч. Мура (ред. Рассел, 1853), том iii. стр. 148, дата сентябрь 1820. Сам Мур рассказывает о встрече с Мальтусом и его женой, когда он был в гостях у Макинтошей в Хейлибери в мае 1819 года. Там же., ii. 315.

1002. Volksvermehrung, стр. 9. Каутский иногда спотыкается, но он более точен, чем большинство зарубежных биографов Мальтуса. Глава. Конт (в своем "Историческом обзоре жизни и трудов М. Т. Р. Мальтуса", прочитанном акад. Морали и Польши. Sciences, 28 декабря 1836 г.) превращает Хейлибери в Эйлсбери (стр. 31).

1003. Пол. Экономика. (1836), стр. 380 н. Сидни Смит безуспешно писал Грею о нем в 1831 году ("Жизнь Сиднея Смита" Холланда, том ii, стр. 328).

1004. Ричард, брат Веллингтона. Ознакомьтесь с его Протоколом от 18 августа 1800 года, который цитирует Мальтус в своих заявлениях.

1005. Реестр и справочник Индии (Хэтчард), 1807 год, стр. xxiv. *продолжение*. "Предварительный взгляд на создание Е. Индийский колледж". Эти два раздела программы Хейлибери соответствуют по своим предметам Конкурсным и Дальнейшим экзаменам кандидатов на государственную службу Индии, проводимым в настоящее время. Мальтусу принадлежит заслуга в том, что он сделал тест по восточным языкам необходимым условием окончательного назначения (Заявления, стр. 100).

1006. Соответственно, Мальтус получил многие из своих иллюстраций из Индии, например, Pol. Es. (2-е изд.), стр. 154-5.

1007. Индийский регистр, *аккредитив* стр. xxv.

1008. Должно быть, в Пенсионном списке есть кто-то, кто еще помнит его.

1009. С самого начала здесь была школа, связанная с колледжем, хотя и не ограниченная его будущими учениками. Нынешняя школа имеет более позднее происхождение.

1010. Заявления, стр. 103 и проч. Эта идея надлежащей подготовки к гражданской карьере в Индии перекликается с идеей Мальтуса о первом необходимом условии хорошего гражданства дома и везде.

1011. Заячья губа. Мисс Мартино, которая описывает это, добавляет, что “его гласные, по крайней мере, были звучными, что бы ни случилось с согласными”. Но она понимала его и без своей слуховой трубы. Автобиогр., i. 327-8. Ср. Выше, стр. 58. Сидни Смит говорит: “Я бы почти согласился говорить так же невнятно, если бы мог думать и действовать так же мудро”. Жизнь Холланда, том ii. стр. 326. Он приписывает Талейрану аналогичный физический дефект, возможно, с такой же серьезностью. Жизнь Холланда, том ii. стр. 256-7.

1012. Письмо лорду Гренвиллу (1813), стр. 14. Ср. То, что он говорит о важности преподавания политической экономии в начальных школах, и др. Эссе, IV. ix. 438 н.

1013. Джеффри, Жизнь, том ii. стр. 339, 340. Миссис К. Иннес, 9 мая 1841 г.

1014. Автобиогр., i. 327. Описаны другие визиты Мальтуса к ней, iii. 83, i. 253. Ее взгляд на него и его работу см., в частности, в i. 200, 209, 253, 331.

1015. *ib.* I. стр. 328-9.

1016. Ср. 1-е эссе, стр. 225-6, в котором он изображен на поле охоты.

1017. Опечатка от слова “профессор”. Директором был Дж. Х. Баттен, Ф.Р.С.

1018. Где опасения, выраженные в некоторых кругах (см. Заявления, стр. 87), что это место превратится в казарму, были реализованы архитектурно.

1019. Жизнь Холланда, том ii. стр. 73.

1020. *л. с.* объем. ii с. 150.

1021. Дебаты в Палате лордов, 9 апреля 1813 г., Хансард, стр. 750, 751.

1022. ‘Заявления, касающиеся Ост-Индского колледжа, с апелляцией к фактам в опровержение обвинений, недавно выдвинутых против него в Суде собственников’ (1817). Ср. его ‘Письмо лорду Гренвиллу, вызванное некоторыми замечаниями его светлости о Е. Учреждение India Co. для обучения своих государственных служащих’ (1813). Ср. *Edin. Rev.*, декабрь 1816. В Письме к лорду Гренвиллу (1813) дело изложено несколько менее полно; но обе брошюры содержат по существу одни и те же аргументы.

1023. Собственность, которой она часто была в самом буквальном смысле, покупалась и продавалась за наличные. Смотрите Историю. о мире, Введение. II. ii. 329-30.

1024. Заявления, стр. 103 н.

1025. Кандидаты должны были выдвигаться группами по четыре человека, лучший из четырех должен был получить назначение. Ср. “Британец Милля и Уилсона”. Индия, Т. IX. Книга III. Глава ix. стр. 381.

1026. Этапы изменения можно проследить в четвертом отчете (1858 г.) уполномоченных по государственной службе, стр. XIX. *далее* и 228 *далее*. Ср. также их первый отчет (1855).

1027. Доказательства их уважения см. в письмах, цитируемых в “Синей книге” 1876 года, посвященных “Отбору и обучению кандидатов на государственную службу Индии”, *passim*, и в книге Тревельяна “Конкурс Уоллах” (1864), стр. 7, 8, 15, 16, но ср. 149.

1028. Смотрите Работы, Обзор Реннела, сноску.

1029. Воспоминания, том I., стр. 436 и др.

1030. Цитируется в Empson, Edin. Rev., январь 1837, стр. 473. В “Переписке” Синклера (1831), среди прочего любопытного материала, приводятся автографы трех великих мастеров (I. 101).

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

1. Без лишних слов исправил очевидные опечатки и отклонения в правописании.
2. Сохранено архаичное, нестандартное и неопределенное написание в печатном виде.